Циклы стихов и поэмы

Стихотворения — обо всём

от Марина Чекина

26.06.2007

АВТОЭПИТАФИЯ

Всеми позабыта, безызвестна,
В жизни ничего не совершила
Никому ничем не интересна –
Так вот и сошла она в могилу.
* * *
Затянулась эта осень,
Припозднились холода.
Из-за хмари неба просинь
Лишь проглянет иногда.
Тротуары и газоны
Заскучали по снегам,
Разгоняет беспризорный
Ветер листья по углам.
Этой прелою листвою
Каждый скверик занесён,
С неприкрытою тоскою
На людей взирает он.
Тянет голых веток руки.
Плачет струями воды.
Ливнем грусти и разлуки
Размываются следы.
И душа с тоски – на части
Разрывается… И мы,
Как обещанного счастья,
Как спасенья, ждём зимы.
* * *
Полыхает багровый огонь,
Освещает матросские лица.
Этой ночью столице не спится,
Бьёт копытами вздыбленный конь

На Сенатской. А здесь, за мостом,
Шаг патрульный считает мгновенья,
И колышутся зябкие тени
На осеннем ветру ледяном…

Переулки пустые темны,
И безмолвны старинные зданья.
Вековые столпы мирозданья
Будут напрочь к утру снесены!
* * *
Ещё от грома той шестидюймовки
Подрагивают стёкла во дворцах,

И на врага нацелены винтовки
В солдатских намозоленных руках.

Но из кольца огня, в жару тифозном,
Страна встаёт и крепнет поутру,
Листок «Декрета...» в воздухе морозном
Трепещет на октябрьском ветру.

Сквозь годы битв, навязанных врагами,
Во имя жизни всех людей Земли,
«Декрет о Мире» – светоч наш и знамя –
Мы гордо и высоко пронесли!
* * *
У варварства в любые времена –
Одно лицо и помыслы лихие...
Фашистами была превращена
В конюшню – Новгородская София.

Когда центральный купол был снесён,
А остальные чудом уцелели –
Глаза святых – свидетелей времён –
Смиренно с этих древних стен глядели.

Но люди не смирились, не сдались,
Вернув с боями край испепелённый,
Немедля восстанавливать взялись
Свой город, так жестоко разорённый.

И не во имя веры – неспроста –
Храм Божий возрождали атеисты,
А чтоб жила на свете красота,
И купола сияли в небе чистом.

Чтоб мы могли с волнением прочесть
Старинной вязью писаные строки,
И чувствовали мы, что это здесь –
Земли Российской корни и истоки.
* * *
Русская исконная земля.
Незаметно таяли столетья.
Стены Новгородского Кремля –
Словно воплощённое бессметртье.

Звонница пуста, колокола
Сняты и навеки замолчали,
И на стены древние легла
Паутинка трещин и печали.

И сливают воедино свет
Настоящий день и день вчерашний:
В небе Часозвони силуэт –
Рядом с острым шпилем телебашни.
* * *
Псковской земли родники,
Пить бы из вас – не напиться!
Первые пригоршни – в лица,
Жесткие воротники –

Влажной рукой – нараспашку!
Эх, разошёлся народ!
Кто это сунулся с чашкой?
Прямо в подставленный рот

Хлынул и чуточку зубы
Ломит студёный поток...
Рядом Изборск-городок,
Стены уложены грубо,

Но на века – мастера
Ведали дело неплохо:

Камень на камень – игра,
А на поверку – эпоха!...

Часто гремела гроза,
С кровью мешалась водица,
Горькой была, как слеза,
Но не смогла замутиться!
* * *
Под тёмною чёлкой – глаза нараспашку,
Улыбка, готовая вспыхнуть – вот-вот...
Навстречу девчонка из многотиражки
Идёт по цехам, прижимая блокнот.

Прохожим кивнёт, на ходу улыбнётся,
И дальше спешит – неотложны дела:
Сегодня ещё над отчётом придётся
Не час и не два покорпеть у стола.

Отчёт, репортаж, интервью, зарисовка
И очерк... И всё повторится стократ –
И, вроде бы, просто, и быстро, и ловко –
Но лишь на сторонний, поверхностный взгляд.

А если вблизи приглядеться придётся
К работе, что празднична часто на вид –
Увидишь: не всё, не всегда удаётся,
Порой голова от раздумий болит.

Как вызвать доверие и откровенье
И как разговор завязать деловой?...
А после – на помощь призвать вдохновенье,
Чтоб вышел рассказ – интересный, живой.

И как бы ни был этот путь многотруден:
Борьба со строкой и с собою борьба –
Но видеть за этим романтику буден –
Наверное, это и значит – судьба!
* * *
Я не строила БАМ. Но всегда
Мне близка эта гордая сила,
Что ребят из родного гнезда,
От родительских глаз уносила,

Чтоб в тайге поднимать города
И прокладывать рельсы стальные.
И пока впереди – молодые:
Вся страна, вся земля молода!

Из Прибалтики Валя и Витя –
Помнит сердце Двины берега...
«Как мы славно живём, поглядите!
А ведь прежде: леса да тайга!»

Валя тронула книжную полку
И – на мужа с лукавинкой взгляд:
«И гвоздя не забил бы он толком
Лишь каких-то три года назад.

А теперь, оглянитесь вокруг:
Стены, мебель – своими руками!»...
И тепло человеческих рук
Отогреет и землю, и камень.

И теплицы поднимутся там,
В мерзлоте – будут зреть помидоры...
Надо будет – и синие горы
Передвинут по нужным местам!...
* * *
Всё сложилось, как в калейдоскопе –
Из кусочков битого стекла...

Лекция «События в Европе»,
Ты, на миг застывший у стола,
В перерыв обеденный, в столовой –
Шницель, макароны и компот…
И автобус в сумраке лиловом,
Что битком набитый подойдёт.
Теснота, улыбка на прощанье
И опять – разлука до утра.
Вместо нежных слов – при расставаньи –
Просто: «До свиданья, мне пора…».
Тот калейдоскоп давно разбился,
Оборвался тихий разговор,
И уже почти совсем забылся
Из улыбок сложенный узор…
* * *
Акварели дворов ленинградских
Чуть размытые краски весны…
Как же трудно мне было собраться –
Досмотреть незабытые сны.
Вот прошла современную арку –
Нет скривлений – сплошные углы.
Цвет домов – силикатный, немаркий,
Да кривые деревьев стволы.
Улыбаюсь случайным прохожим,
Принимаю условья игры:
Не сужу, не ряжу, не итожу,
Проходя через эти дворы.
Вот сейчас незнакомые лица
Узнаваемы станут на миг…
Я едва приоткрою страницы
В давнем детстве прочитанных книг.
* * *
Как будто солнце озаряет дом,
Разбуженное детским криком звонким.
Приходят к нам мальчишки и девчонки,
По-своему меняя всё кругом.
И сразу мы становимся богаче –
Мы не на деньги меряем – иначе,
Своею мерой счастья и тепла.
Вот если б все так жили на планете:
В согласии, заботе и совете,
Чтоб вся земля, как в летний день цвела!
* * *
Помнишь, как в детских далёких годах
Вместе гуляли
В этих шумящих листвою дворах,
В нашем квартале?

Вот и теперь мы проходим с тобой
Той же дорогой.
Остановись и несмелой рукой –
Детство потрогай…

Не говори мне сейчас ни о чём,
Слышишь, не надо…
Пусть мы другие, – но то же плечо
Чувствую рядом.
* * *
Вокзалы, перроны, прощанья и слёзы.
А после – вагонных колёс перестук.
А в окнах – берёзы, берёзы, берёзы –
Немые свидетели долгих разлук.

Так было из века – одни уезжали,
Другие стояли на пыльных перронах,
Уехавших долго вагоны качали,
Качали вагоны, качали вагоны…

И капали слёзы на сжатые руки,
И вдаль убегала дороги стрела.
А люди стояли во власти разлуки,
Что чёрною кошкой меж ними прошла…

* * *

Смотрю в окно на улицы знакомые,
А там темно, и всё такое мутное.
И еду я, автобусом влекомая,
Вбираю впечатления минутные.

А сбоку, из открытого окошка,
В лицо мне дует ветер ленинградский.
И оттого мне холодно немножко,
Так хочется скорей в постель забраться.

И отложив дневные размышленья,
Уйти в поток фантазий и обманов,
Отбросив все сомненья и волненья,
Как старые билеты – из карманов.

И позабыв дела, что днём тревожат,
Отдаться сна спокойному теченью.
Надеясь, что когда-нибудь, быть может,
Исполнятся ночные сновиденья…

* * *

Не забуду тот холод в родилке,
Пробиравший до самых костей,
Просочившийся в каждую жилку…
Наших крошек, различных мастей:
Посветлее – моя, а чернушка –
Это – Олина. Их унесли.
Ни матраса тебе, ни подушки –
Полуголая – в центре Земли…
Ноги ломит, и скачут колени,
Донимает навязчиво дрожь.
Медсестра ковыряется в вене –
Надо думать – теперь не помрёшь:
И лекарство вольют, и набросят
Одеяла колючую шерсть…
Погрузили. Куда-то увозят –
Там дадут и попить, и поесть.
Ноги плотно прижмёшь к батарее,
Завернёшься до самых ушей,
Утешая себя, что – теплее,
Там, куда унесли малышей.
И подумаешь, щурясь от света,
И уже уставая дрожать:
Не холодной зимою, а летом
В нашем климате надо рожать!

* * *

Тополя пирамидальные
Отражаются в воде.
Словно музыка прощальная,
Разливается везде.
Детства город – невозвратного –
В неподвижность погружён…
Где дороженька обратная
В тот далёкий, чудный сон?
Вспоминается отрывками,
Словно грежу наяву:
Рядом с маленькими рыбками
В светлой речке я плыву.
На кругу своём – сутулятся
Карусельные коньки,
После дождика по улице
Пробегают ручейки…
То счастливое и давнее
Не забуду никогда –

Тополя пирамидальные,
Речки тёплая вода…
* * *
Я редко поздним вечером бываю
Вне дома, но недавно вышло так:
Я шла одна, и улица пустая
Была погружена в полночный мрак,
Местами разрежённый фонарями,
Где – инеем, где – снега белизной…
И освещалось небо над домами
Люминесцентной матовой луной.
Шаги скрипели, словно по крахмалу
Я шла, а не по снежной целине…
Довольно сильно, кстати, холодало –
Скорей домой, в тепло хотелось мне.
И там, согрета ласкою печною,
Защищена засовами дверей,
Могу я видеть прямо надо мною –
Двойник люминесцентных фонарей…
* * *
Девять раз бьют часы на Московском вокзале…
Девять раз – это девять утра.
Мы друг другу ещё ничего не сказали,
А уже расставаться пора.

Вам направо? Ну, что же – всего пожелаю!
Мне – налево… Ну, что же – пока!
Ухожу, но в последний момент ощущаю –
Задрожала в пожатьи рука…
* * *
Под ручку с лейтенантами – девчонки –
Всё – импорт: от сапожек, до шапчонки.
И взгляд – с полупрезреньем, свысока.
Их с детства обувала, одевала
И, не считая, трёшницы давала
Родительская щедрая рука.

А молодость – весёлым карнавалом,
В училище – танцульки – до отвала,
И ряд погон с блестящей буквой «К»…
Здесь многие бывают – с целью ясной,
Хотя, порой, годами и – напрасно –
Уже перестарелые слегка…

Предел мечтаний – жёны офицеров!
Спроси у них, хотя бы, для примера,
Иллюзий всех не повергая в прах:
Что знают эти маменькины дочки
О счастье – жизнь прожить на «дальних точках»,
В постылых офицерских городках?

Где жителей – раз, два, да и обчёлся,
Где, как в деревне, знают, с кем повёлся,
И как живёшь, и как себя ведёшь…
И где порой, в котле убогих взглядов,
Тем более, когда твой муж – не рядом –
И варишься, и маешься, и ждёшь…

Ещё вопрос: а ждать они умеют,
Да и понятье, в общем-то, имеют –
Что жизнь – не курсы кройки и шитья?…
И что они споют своим ребятам,
Пока ещё зелёным лейтенантам,
Подобного испробовав житья?
* * *
Два самых лучших города страны
Все наши чувства юные вместили.
За то, что нас разлуки не сломили,
Им тоже поклониться мы должны.

Начальник мой – душевный человек,
Устроил мне в Москву командировку.
Энергии немного и сноровки –
И вот уже топчу московский снег.

И вот своими тёплыми руками –
Да разве это выразишь строками! –
Касаюсь я твоих озябших щёк…

И что нам мамы-папы, папы-мамы,
Смешные их трагедии и драмы,
Когда весь мир – прекрасен и высок!
* * *
Снова детство вспоминается,
И тревожит сердце вновь.
Может, это возвращается
Моя первая любовь?
Вот опять иду дорогою,
По которой ходишь ты.
С затаённою тревогою
Берегу свои мечты.
Больше не на что надеяться –
Детство минуло давно,
Но куда из сердца денется
Твоё светлое окно
С золотою занавескою,
Что видна издалека…
И какая-то недетская
Вдруг нахлынула тоска…
Наше детство мы оставили.
И назад его не жди.
В небе облачком растаяли
Слёз не пролитых дожди…
* * *
А в море всё иначе, чем на суше,
А в море всё не так, как на земле.
Нигде так не умеют пени слушать,
И петь, как на военном корабле.

В вечерний час, когда садится солнце,
Тихонько опускаясь в глубину,
В иллюминатор – круглое оконце –
Ты видишь нашу первую весну…

Ты не грусти о том, что вдаль умчало,
О той весне, что навсегда ушла!
Ещё не поздно всё начать сначала,
Я буду ждать у влажного причала,
В том месте, где всегда тебя ждала.
* * *
Он пальцем без одной фаланги вертит
И голосит, склоняя чью-то мать.
Мол, это на войне, смотрите, черти –
Я инвалид!… И матюгом опять.

Пьянюсенький, замызганный, и рядом –
Его дружки – вполне ему под стать.
Сержант – мальчишка с изумлённым взглядом –
Не знает даже, что и отвечать…

А что тут скажешь этому «герою»?
Быть может, правда – как узнать теперь?
Ведь свято всё, что связано с войною –
Тут: хочешь – верь, а нет – поди проверь…

Взвивался в небо Алексей Маресьев,
Две деревяшки втиснув в рычаги.
И сколько жизней сложено, как песни –
Без рук, без глаз, без слуха, без ноги…

А этот – вдруг, и, правда, был на фронте,
И не по книжкам с битвами знаком…
Но только крикнуть хочется: не троньте,
Вы, нашу память – грязным языком!
* * *
Ты не спеши – верь, что он тебя ждёт.
Ты подожди, своё сердце послушай.
Ты не горюй – непременно придёт
Тот, кто поймёт твою чистую душу.

Пусть на других кто-то смотрит порой,
И стороной твои двери обходит…
Верь, что единственный и дорогой –
Где-то в пути и застрял в непогоде.

Ждать научись, и смиряться сумей –
И он отыщется – незаменимый…
Словно Ассоль – веруй сказке своей –
И появится Грэй – твой любимый!
* * *
С каждым мигом всё темнее,
Скоро вспыхнут фонари.
Наглядеться не успею
На полосочку зари…

Тает в небе отсвет алый,
И густеет синева,
И спокойно и устало
Чуть колышется Нева.

Ночь спешит на встречу с нами.
Только видно, как вдали
Осторожно под мостами
Проплывают корабли…
* * *
Жара. Парная. Духота…
Всё в лёгкой светло-серой дымке …
Повисли ветви. Ни былинка
Не шелохнётся. Немота
И лень всё тело охватила.
И только ждёшь – вот-вот гроза
Рванёт, махнёт, покажет силу,
Сорвёт с природы тормоза!
Окатит громогласным звуком,
Огнём небесным ослепит…
И первобытного испуга
Уже ничто не исцелит.
Вот-вот… Ну, а пока дождинки
Не уронили облака –
Повисли ветви. Ни былинка
Не шелохнётся, ни река…
* * *
Я придумала историю,
В давнем детстве сочинила,
Прочертила траекторию
От восхода – до могилы.
Разложила всё по полочкам,
Распланировала чётко.
Чтоб не быть по жизни сволочью,
И не гадить век короткий.
Как ни странно – та история –
Воплотилась… Но в реальности
Всё иначе, чем в теории,
Далеко от идеальности.
Я не стала этой сволочью…
И не пёрла, словно быдло.
Но горчит болотной горечью
Даже сладкое повидло.

И стучит в больной головушке –
Словно дождь по плоской крыше:
Правды нет на вольной волюшке,
Только нет её и выше…

* * *

Слушая Б.Ш.Окуджаву

Не судите слишком строго –
Ваши строки – на века
У меня же – ни итога,
Лишь листки черновика.
Нажила весьма немного,
Ноша выпала тяжка.
То струилась по отрогам,
То плавней текла река.
Ни чертей в душе, ни бога…
И земля, хоть велика –
Путь мой – только до порога,
И не выше чердака…
Жизнь – достаточно убога…
И безумно нелегка
Эта «ровная дорога –
До последнего звонка»…

* * *

Моей судьбы умчалась птица белая.
Ведёт тропинка в тёмные аллеи…
Вот многие – о сделанном жалеют –
А я всегда жалею о несделанном.
Такая уродилась я – несмелая…
К решительным поступкам неспособная.
Один неверный шаг, порою, сделаю –
Сама себя тащу на место лобное.
Сама себя казню, терзаю, мучаю –
Да так, что лютый ворог бы не справился…
И вроде, не желаю долю лучшую,
И ни к кому я не питаю зависти…
И «не жалею, не зову, не плачу» я,
Как бабушка когда-то в детстве пела нам…
А вот – не уповаю на удачу я –
И всю-то жизнь жалею о несделанном…

* * *

Писать стихи, как пишутся – похвально,
Когда сам Бог твоей рукою водит.
Но это – редкий дар. А вот реально
Позориться при всём честном народе –
И выдавать корявые творенья
За прочный сплав таланта с вдохновеньем!
Ума большого тут совсем не нужно –
И потому – полно стихов недужных,
Где сбитый ритм и рифмы горько плачут…
Не всякий может справиться с задачей,
В которой интегралы, логарифмы…
Так почему считается, что с рифмой
И ритмом просто сладить может каждый,
Кто это лишь попробовал однажды?

И выдают развесистую клюкву,
С прогорклым вкусом перезрелой брюквы.
Стихов не выпускайте из-под рук вы,
Лишь потому, что выучили буквы!

* * *

Годовой террариум друзей –
Нежно – конференцией назвали.
И поэтов всяческих мастей
Всех свели в большом старинном зале.
Ветераны, веря в молодых,
В нас уже не видя конкурентов,

Радостно встречали каждый стих,
Щедрые даря аплодисменты.
А кому под сорок было лет –
Те держались крайне напряжённо,
Понимая – каждый претендент
Может их оставит без деньжонок.
Потому – в суждениях – резки
Были, и довольно не лояльны…
Мы, попав в подобные тиски –
Осознали, как не идеально
Мир устроен: невелик Парнас –
И без нас-то там довольно тесно…
Только, право, как это – без нас?
Там, без нас – совсем не интересно!

* * *

В физкультурной раздевалке,
Среди тапочек спортивных,
Вытираю кулачишком
Слёзы, льющие из глаз.
Мне до боли в сердце жалко,
Так обидно, так противно,
Что один смешной мальчишка
Выпускной закончил класс…
И когда наступит осень,
Он не будет в нашу школу,
Как и прежде, ежедневно
На уроки прибегать…
И в глазах лучистых просинь,
И прищур его весёлый,
Голос ласковый напевный –
Буду я в толпе искать…
Безнадёжно и напрасно –
Ведь его же здесь не будет.
Он уедет так далёко,
Чтобы там пилотом стать.
Ну, и что же, и прекрасно!
Буду я мечтать о чуде.
И скитаться одиноко,
И томиться, и страдать!

* * *

Жертвам авиакатастроф…

Самой судьбою – братская могила
Им всем предуготована была…

Терзать останки – так ли нужно было –
И разделять разбитые тела?
Не проще ль и осмысленней – оставить
Всё, как случилось?… Навалить курган,
На этом месте памятник поставить,
И собираться всем – из разных стран
И городов – на горестную тризну –
Ведь на миру – и смерть порой красна?…

Я это говорю не в укоризну –
А горьким состраданием полна.

* * *

Чем дольше я живу, чем больше вижу,
Тем чаще посещает злая мысль,
Что то, что всей душою ненавижу,
Имело под собой глубокий смысл.

Не будь жестоких сталинских репрессий,
Где без невинных жертв не обошлось –
Отечество – без вражеских агрессий –
Намного б раньше в бездну сорвалось!

* * *

Скажи мне, доктор, правду, без обмана,

Всё в эпикризе честно напиши:
Как жить, когда в душе зияет рана?
Боль тела – облегчает боль души?
А может ли так быть на самом деле –
Что не болит душа – в здоровом теле?
* * *
Старобельску

Городок провинциальный,
Где транзитом – поезда.
Там в реке, в воде зеркальной,
Отражается звезда.

Если выпадет нам встреча,
Положенье таково:
Кроме звёздочки и речки –
Не узнаю ничего…
***
Прочитала стихи и заметки,
И украдкой смахнула слезу…
Ну, давно ль послезали мы с ветки
И впервые сварили козу?
Так за это короткое время –
Столько «измов» на голову нам!
Вот и чешем усталое темя:
Ну, откуда такой тарарам?
И хотя в Интернете – не в кухне
(Но значительно больше «ушей»),
Понимаем, откуда что тухнет,
И кого уже надо взашей…
И от каждой простой неполадки –
Мы привыкли конца ожидать –
Ну, да в нашей пробирной палатке –
Нам и к этому – не привыкать.
* * *
А зачем проблемами грузиться?
Ленин – в землю, царь – на пьедестал.
Фиг с ним, что от тундры до столицы –
Человек до чертиков устал.
Наплевать, что ни во что не верит.
Получил кусок — сожрал и рад.
Запер бронированные двери –
И пошел смотреть на гей-парад.
* * *
Посвящается памяти Стивена Ирвина, австралийского натуралиста и кинодокументалиста, «Охотника на крокодилов»

Любимые им с детства крокодилы –
Их так хотелось миру показать,
Извлечь из недр болотистого ила –
И на экран – чтоб глаз не оторвать.
И страсти, в самом деле, как в романе!
Ну, а расклад истории таков:
Мы, миллионы – сидя на диване.
А он, один, в двух дюймах от зубов.
Судьба не раз удары отводила
И всё-таки однажды подвела…
Пронзили, но не зубы крокодила,
А ската ядовитая игла.
* * *
Перекрёсток, крестовина, Крест,
Свято-родниковая водица –
Погляди внимательно окрест –
Это здесь нам выпало родиться.

Это здесь, за розовым холмом,
Поворот реки и три тополи,
И овраг с высоким бурьяном,
А за ним – до горизонта – поле.

А за полем – лес, но это был
Мир уже не наш, чужой, далёкий…
А река, дороги – это тыл,
Это – наши истоптали ноги.

В серой, обжигающей пыли
Что-то от следов ещё осталось –
Это наш клочок родной земли –
Сердце согревающая малость…
* * *
«И мы иногда всё холопами числим себя…»
Б.Ш.Окуджава
* * *
И наступил «великий передел»,
Что большинство из нас – вогнал в прострацию.
И каждому – достался свой удел –
Без права на возврат и репарации.

Ещё грядёт кровавая беда…
Но даже Окуджава – знал едва ли,
Что мы – уже, не то, чтоб «иногда» –
Себя навек в холопы записали.

Гроза придёт в иные времена,
Но только не в живущем поколении –
Глядящем, как в кювет летит страна –
В смиреньи, в суете, в недоумении.
* * *
Берег глыбой – над глубиною,
В парке – омутом – карусель…
Закружила тебя со мною
Та весенняя канитель.

Заводилою озорною
Я была в тот лихой апрель.
Нашей песнею позывною
Соловьиная стала трель.

От акаций пьянел весною
Отощавший зимою шмель…
Я не стала твоей женою,
Отшумела годов метель.

Но осталась навек родною,
Самой лучшей из всех земель,
Эта улица, в жизнь длиною,
Где дома увивает хмель…
* * *
Не для того, чтоб удивить людишек,
Кидаю в мир пучки четверостиший –
Я разгребаю залежи мыслишек
Под съехавшей от этой жизни «крышей».

Я знаю – мне не будет, кроме «шишек»,
Других наград за написанье виршей.
Мне б обойтись без караульных вышек,
И если в суд попасть – то только в Высший!
* * *
Нас крючит – нищетой и пытками,
Но всё равно – наступит срок –
И пусть холсты ещё не вытканы,
Но русский человек – широк…
Найдём и краски мы, и кисти те –
А вы, ребята, узко мыслите!
* * *
Сколько мне ещё осталось:
Может, четверть, может, треть…
Как ни кинь – такая малость –
Я могу и не успеть.

Надвигается усталость –
Так не хочется стареть,
Отшумела, отлеталась
Молодая круговерть.

К миру – нежность, к людям – жалость –
Только б плакать или петь.
Чем манили – оказалось:
То ли пряник, то ли плеть…

От чего я отказалась –
Не могу уразуметь.
То ль смиренье – то ли ярость
Мною будет править впредь.

Я ещё не надышалась.
И в шурфе застыла клеть…
Неба синь и солнца алость –
С глубины не рассмотреть.

А стихи – игра и шалость –
С жизнью я рифмую смерть…
Сколько мне ещё осталось?
Я могу и не успеть.

* * *

Всё стало зябким и сырым…
Давно ль дурели от жары мы?
И донимали комары…
Сегодня воздух пахнет дымом…
Горят увядшие листы –
Нет, не горят, а только тлеют…
И на душе не хорошеет
От просветлевшей чистоты.
От неба, что раскрылось вдруг,
Не заслонённое ветвями.
А старый дворник топчет в яме
Листву и мусор. Недосуг
Ему дождаться, чтоб сгорело
В огне осеннего костра
Всё то, что летом наболело.
Примочки осень-медсестра
Рукой прохладною приложит –
И полегчает – может быть…
А там – снегов унылых стыть
Уже опустится на ложе,
Как на больничную постель –
Простынкой с номером казённым…
А вечер сумраком бездонным
Качает землю-колыбель…
Давно ль дурели от жары мы?
Сегодня – руки – не согреть.
И ёжится земная твердь…
А воздух пахнет едким дымом…

* * *

История – печальная наука,
Её законы – чисто эфемерны:
Ни слова, ни события, ни звука
Проверить невозможно достоверно.

Ещё живёт на свете поколенье,
Что помнит всё, до чёрточки, до точки –
А ведь уже возникли искаженья –
И это, к сожаленью, лишь цветочки.

А уж, потом, когда никто не сможет,
Сказать ни слова в оправданье истин,
Покроются, как флёром, наглой ложью,
В том октябре попадавшие листья…

И выдумки, что выгодны кому-то
В момент растиражируются в мире,
И то, что было, в сущности: «как будто» –
Предстанет в виде «дважды два – четыре».

И никого разубедить не смогут
Ничьи слова, ничья ни в чем порука…
Летит Земля – и скатертью дорога!
История – печальная наука!

* * *

Что в активе? Что в пассиве?
Остроумна, весела –
Ты в рабочем коллективе
Анекдотчицей слыла.
И ценили, что умела –
Неспроста чего сболтнуть –
Обязательно – по делу –
Анекдотец завернуть.
Активистка, заводила –
И на радость, и на грех.
Помню: песни заводила
Раньше всех и громче всех.
Выпить, спеть и посмеяться,
И поплакать от души…
Все мы – клоуны, паяцы –
В общем, тем и хороши.
И кому какое дело –
Что за маской озорной –
Накипело, наболело!
Всё твоё – всегда с тобой.
Кто – приятен, кто – противен –
Не делила никогда.
Что в пассиве, что в активе…
То ли радость – то ль беда…

* * *

Плюнуть бы в того, кто первый
Объявил на белый свет:
Мол, нужны мужчинам стервы!
Да, неправда! Нет, нет, нет.
У кого стальные нервы –
Кто борец или атлет –
Ну, допустим – ну, наверно…
Остальным же – нет, нет, нет!
И мужчины – не бетонны –
Любят ласку и тепло…
А ведь, стервы – непреклонны,
Им бы всё – назло, назло!
Хоть порою ради позы –
Ищут стерву мужики…
А получат – больше дозы –
Враз завоют от тоски.
Вы, девчонки, не дурите,
И не верьте ерунде.
Просто – искренно любите –
Одного, всегда, везде!

* * *

Настроение – предосеннее,
Холода – ещё далеки.
Но сомнения, опасения –
Как касанье твоей руки.

Утомление, торможение –
Укорачиванье строки –
Затихает в душе брожение,
Гаснут в гавани маяки.

Не признаюсь я в поражении,
Своего я добьюсь-таки.

Несогласие, возражение –
Как на ниточке – пауки…

Всё по ветру – со дня рождения
До последней своей реки…
В промежутке от сна до бдения –
Ну, какие ж мы дураки…

Не допустим до разумения
Сердца сдавленные толчки.
Перебои, мигрень, давление
И разбившиеся очки…

Это просто – преодоление –
Неприятие злой тоски.
То ли вечности, то ль мгновения –
Неопознанные значки.

Что дарует тебе спасение
И снимает с души силки?
Настроение – предосеннее,
И снега ещё далеки.

* * *

Заскорузлые ветви простёрли большие дубы
И хранят полумрак на кладбищенских узких дорожках,
Где едва ль – на руках – пронести удаётся гробы,
И скамьи у могил робко жмутся на вычурных ножках.

Потаённый покой есть на кладбище старом, заросшем,
Что покажется парком на первый, поверхностный взгляд.
Словно сотни дерев вознеслись вместо сотен усопших,
И теперь, как они, молчаливо-печально глядят.

* * *

Как умру – не кладите в могилу,
А развейте мой прах над водою,
Я напьюсь её свежею силой –
И вернусь к вам – дождинкой живою!
А хотите – пустите по ветру –
Я пыльцой полечу золотою,
Пропитаюсь я солнечным светом,
Стану новою в небе звездою.
Над опушкой развейте лесною,
И не бойтесь – ногами ходите!
Что хотите, творите со мною –
Только в землю меня не кладите!

* * *

Как-то раз на безлюдном шоссе,
Лишь чуть-чуть не попав под колёса,
Белка прыгнула, вздрогнули все,
И с тех пор я терзаюсь вопросом.
Что такого забыла она
На другой стороне – не понятно?
Справа – слева – деревьев стена…
Что ей бегать туда и обратно?

* * *

Был очень сильный ветер, рвал листву,
Не уставал в окошки колотиться.
А я, взглянув случайно в синеву,
Увидела измученную птицу,
Что против ветра силилась лететь,
Но не смогла преодолеть ни метра.
Тогда она, чтоб не терзаться впредь,
Сменила галс – и понеслась по ветру.
И так я позавидовала ей…
Чего же мы природе не сдаёмся
На милость? С одержимостью людей
Мы вынужденно против ветра прёмся!

* * *

Вы знаете, девки, в соседнем районе

История вышла – подруга сказала,
Ну, та, что француза нашла из Бостона,
Она мне еще позвонила с вокзала…

Там швейная фабрика – рядом с роддомом,
Общага забита – девчонок – по полной.
В общаге Гоморра совместно с Содомом,
Но всё-таки больше любви разнополой.

От этой любви получаются дети,
Ходить на аборты – не в лом, если рядом…
А что ж их рожать, если замуж – не светит,
Жилья – никакого, ну, словом, засада!

И вдруг объявилась в роддоме врачиха –
Добрейшая тетка – по первому сорту.
И этим девчонкам – спокойно и тихо
Она предложила не делать аборты…

Расклад был такой, что она находила
Бездетные пары с большими деньгами,
Девчонок кормила, сплавляла в «родилу»
Сама принимала – ну, всё, как по гамме.

Ну, «бабки» делила не то, чтобы честно,
Но девок, похоже, что не обижала,
А ей просто так рисковать интересно?
Но чтоб кого кинуть – в уме не держала.

И так оно шло себе мирно и тихо.
Девчонки, чуть что — и рожали спокойно,
Бездетные пары довольны, врачиха,
И дети устроены были достойно.

Но кто его знает, как всё оно вышло –
То ль девке, какой показалось, что мало
Она получила – и в сторону дышло.
Не знаю, кому она что рассказала…

Врачиху — под суд, всю компанию – к чёрту.
А так, как кондомы не очень спасают –
Пусть снова девчонки идут на аборты
И в бак на помойке детишек бросают!
* * *
Возле улья присела девчонка –
Было ей наблюдать интересно
За движением пчёлки за пчёлкой:
Взад-вперёд, будто в улье им тесно!

Вроде б, ей догадаться не трудно,
Что закрыла собою светило
То, что в это июльское утро
Жарко грело и ярко светило…

Пчелы поняли: Солнце не светит,
Если светит, всего лишь в полсилы…
И пчела, возмущенная этим,
Так с разлёта её укусила!

А девчонка додумалась сразу,
Что укус получила – за дело.
И с тех пор уже больше ни разу
Перед ульем – вот так – не сидела.
* * *
Цветы на перроне,
Как символ разлуки…
Никто их не поднял,
Не взял в свои руки…
А поезд умчался,
В тисках расписанья,

Под музыку вальса –
Чужое прощанье…
Скажу между строк,
Что в четвёртом вагоне
Такой же цветок,
Как и те, на перроне,
Девчонка сжимала
И плакала горько.
Как всё-таки мало,
Да, в общем, – нисколько
Ребята не знают,
Созревшие рано,
Какая бывает –
Любовь без обмана,
Любовь без измены,
Любовь без подвоха.
Теперь, несомненно,
Ей горько и плохо…
Но высохнут слёзы –
Цветочек завянет,
А девичьи грёзы –
Туманом затянет.

* * *

Нынче тело женское – не храм,
А объект приценки и прицела…
А душа – совсем не нужный хлам,
До неё – кому какое дело?!

Девочки из класса – на панель
Цокают задорно каблучками,
А душа – за тридевять земель
Унеслась – она-то ведь не камень.

Вот они идут – едва дыша:
Проклято изгаженное тело,
Пропита и отнята душа –
Ну, и что? Кому какое дело?

* * *

Маршрут от столицы – к столице
Был нами не раз перемерян…
Мелькали случайные лица,
Вагонные хлопали двери…
Что лет уже минуло тридцать –
Я даже не сразу и верю.
Всего получили сторицей:
Обиды, невзгоды, потери –
Летали бескрылые птицы,
Беззубые скалились звери…
Но только ночами мне снится:
Я всё ещё – юная Пери.
Тебе, мой единственный рыцарь,
Как прима на пышной премьере,
Пытаюсь в любви объясниться
В такой экзотичной манере.

* * *

Все дворцы, фонтаны и газоны –
Были восстановлены опять.
Только Петергофского Самсона –
Так и не сумели отыскать.

Так случилось: те, кого послали,
Статую зарыли в глубь земли,
Но внезапно под обстрел попали –
И с собою тайну унесли.

Там стоит теперь двойник Самсона,
А оригинал – в земле зарыт…
Могут любоваться – миллионы,
На фонтаны, бьющие в зенит.

* * *
А у нас стряслась беда.
А у них – кругом удача!
Наши беды – ерунда:
«Лес по дереву не плачет».
Мы ленивы? – это ложь!
Просто – каждому понятно:
Лбом стены не прошибёшь,
Дай, Бог, сил прийти обратно!
Тропка, сколь ни колеси –
Никогда не будет гладкой,
Но за правду на Руси –
И погибнуть – тоже сладко.
Плохо, что душа в тоске,
Что стоим на пепелище…
Но не думай о куске:
Будет день – и будет пища.
* * *
Всё уходит туда. И не надо оваций…
Отношенья людей до того отвратительны,
Что возможность одна на земле задержаться:
Максимально приблизиться к жизни растительной.

Оставаться людьми – и рассчитывать нечего –
Кто упал – не встаёт, сапогами растоптанный.
И почти что не встретить лица человечьего,
И стоишь – средь толпы – очумело, как вкопанный…

Всё святое – забыто, распято, изгажено…
И за землю держусь, лишь одним озабочена:
Не забыла ль чего, исключительно важного,
Не оставила гнить на разбитой обочине?…

С каждым днём тяжелей улыбаться старательно
И по жизни идти, оступаясь и падая.
Нерушимый запас – до копейки истратила
Лишь природа порой согревает и радует.

Запоздалым лучом и дождинкой прозрачною,
И плакучей берёзой, к окну наклонившейся –
Мне дорога пунктиром во тьме обозначена…
И бегу, как «графиня, лицом изменившимся»…
* * *
Фонтаны плещут – высоки
В столице нашей Родины.
Ну, а вода Москвы-реки
Грязней гнилой болотины.

Живут буржуи – просто «Ах!»,
На лестницах – растения.
А у простых людей в домах –
Лишь мерзость запустения.

На модную тусовку съезд –
От денег – только хруст стоит.
А бабушка – картошку есть
С тушёною капустою…

В дерьмо такое занесло
Несчастное Отечество.
Живёт самим себе назло
Дурное человечество.
* * *
Почему всё сиро и убого,
Разве мы с тобою виноваты,
Что у нас зарплата педагога
Не такая, как у депутата?

Почему народ в великом горе,
Запряжённый в новенькую сбрую? –

Кто страну родную объегорил –
На богатство наше и жирует.

Всё, что отобрали у народа,
Живо меж собою поделили.
Ну, а нам – печали и невзгоды
На хребтину тощую взвалили.

Отняли любовь, надежду, веру –
Счастья на земле – навек лишили.
В виде позитивного примера –
Мир загробной жизни предложили.

Но когда встаёт заря кроваво –
Чешутся натруженные руки.
Что народным быть должно по праву –
Возвратим не мы – так наши внуки!

* * *

Заскорузлые ветви простёрли большие дубы
И хранят полумрак на кладбищенских узких дорожках,
Где едва ль – на руках – пронести удаётся гробы,
И скамьи у могил робко жмутся на вычурных ножках.

Потаённый покой есть на кладбище старом, заросшем,
Что покажется парком на первый, поверхностный взгляд.
Словно сотни дерев вознеслись вместо сотен усопших,
И теперь, как они, молчаливо-тревожно глядят.

* * *

Ты и я… мы с тобой… я и ты…
Это было, пожалуй, затмение.
Мы сжигать не хотели мосты,
Отрезая пути отступления.

Сознавали при этом вполне,
Что дороги назад не предвидится…
На одной очутиться волне,
Улыбнуться, смутиться, обидеться,

И мириться – опять и опять,
И словами бездумно ворочая,
Телефонные трубки терзать,
И опять убеждаться воочию,

Что другого – уже не дано,
Что, как прежде, шампанское пенится…
Хоть молчи, хоть кричи – всё равно –
Никогда ничего не изменится.

Мы сжигать не хотели мосты
Над рекой, материнско-отеческой,
И сумели достичь высоты
В проявлении чувств человеческих.

Мы добились с тобой одного –
Наши годы из жизни украдены…
А мостов – оказалось всего:
Лишь дощечка, да три перекладины…

* * *

Мы с тобой летели на «Ракете» —
В Петергоф, по Финскому заливу.
И резвились, потому, что – дети,
Потому, что юны и красивы.

Так легко – мгновенно и спонтанно –
Состоялось «светское» знакомство,
Хохоча, у каждого фонтана
Делали мы снимки – для потомства.

Целый день – в полёте и… прощанье,
В полночь, на вокзале, как ни странно,

Лёгкий поцелуй и обещанье
Светлого почтового романа…

Полушутки – полунастроенья,
Полувстречи – полурасставанья,
Строчек на листочек наслоенье
Съёживало дни и расстоянья.

Полубаловства – полупечали
Тайное, невнятное движенье
Спутало все карты. И едва ли
Было бы реальным продолженье…
* * *
Почему всё сиро и убого,
Разве мы с тобою виноваты,
Что у нас зарплата педагога
Не такая, как у депутата?

Почему народ в великом горе,
Запряжённый в новенькую сбрую? –
Кто страну родную объегорил –
На богатстве нашем и жирует.

Всё, что отобрали у народа,
Живо меж собою поделили.
Ну, а нам – печали и невзгоды
На хребтину тощую взвалили.

Отняли любовь, надежду, веру –
Счастья на земле – навек лишили.
В виде позитивного примера –
Мир загробной жизни предложили.

Но когда встаёт заря кроваво –
Чешутся натруженные руки.
Что народным быть должно по праву –
Возвратим не мы – так наши внуки!
* * *
Ну, всё у нас с тобой не по-людски:
Встречаясь, выясняем отношенья.
Расстанемся – а сердце – от тоски –
Прорвать собой готово средостенье.

Черна вода медлительной реки,
И берег твой – предметом вожделенья…
В тумане пропадают огоньки,
И годы не несут успокоенья.

Какие ж мы с тобою дураки!
Всё принимаем важные решенья,
Когда одно касание руки
Дыханье обрывает на мгновенье.

К чему нам изощрение строки –
Один твой взгляд, одно прикосновенье –
И мы уже настолько далеки
От всех реалий – в первом приближеньи.

Тела и души – призрачно легки,
И нет для них земного притяженья.
Сейчас бы всё – в момент – и на куски…
Ах, нет, твердим: плоды воображенья…

Ну, как мы можем путать пустяки
Со смыслом своего предназначенья?
К чему твердить забытые стишки
И мудрые цитировать реченья?

Ведь мы уже почти что старики –
Невольно обретается прозренье,
Что всё у нас с тобой не по-людски:

Ни встречи, ни прощанья, ни прощенья…
* * *
А моё большое пузо –
Тяжелей день ото дня.
Эта тяжесть – не обуза,
Словно шарик – точно в лузу –
Радость завтрашнего дня.

А в придачу – два арбуза.
Я стою, в звонок звоня.
И открыв ворота шлюза,
Словно баржу с ценным грузом,
Пропускаешь ты меня…
* * *
Так нелепо бывает порою –
Наболтаем какой-нибудь чуши…
Я глаза на минуту закрою –
Станут более чуткими уши.

Станут более нежными руки,
А душа – воспарит надо мною.
Я услышу рапсодии звуки,
За непрочной соседской стеною.

Так несмело звучат и тоскливо –
В ожиданьи напрасном – оваций…
То ли полдень сегодня дождливый,
То ли – попросту – лень заниматься.

Две родные души понемногу
Заполняют собою пространство.
И нельзя ни понять, ни потрогать
Наших собственных душ постоянство.

Две души в напридуманном мире,
Где легко и привычно-свободно.
А тела в коммунальной квартире –
Или где-то ещё… где угодно…

Ведь ходить не приучены строем
Наши странные вечные души.
Мы с тобой – ничего не построим,
Но зато – ничего не разрушим.…
* * *
Умчаться в недавнее прошлое,
Где живы и счастливы все,
Где столько такого хорошего:
Ромашки в хрустальной росе,

Живой муравей на завалинке,
По стенке струящийся хмель,
И старые детские валенки,
И птичья бездумная трель.

Трава на пригорке примятая,
И лес – далеко-далеко.
И чай из смородины с мятою,
Что пился светло и легко.

И счастье нам было обещано,
И прочь отводили беду.
И я не была ещё – женщиной –
Ни старшей, ни младшей в роду…
* * *
Миром правит женская рука

И снова «бабье лето», и пока
Мороз ещё за тридевять земель.
И жизни полноводная река
Ещё не посадила нас на мель.

Себя пока что держим на плаву,
И впереди ещё маячит цель.
Во имя этой цели – и живу –
Хожу, пою, пишу, стелю постель…

И не пугают холод и метель,
Что, несомненно, будут впереди.
Но в свой рожок опять подует Лель,
И сердце отогреется в груди.

И кончится зима, наверняка,
И зацветёт сиреневый апрель.
Ведь миром правит женская рука,
Качающая плавно колыбель…

* * *

Хотите счастья на земле, да и в окрестностях?
Всего того, что в юных снах вам наобещано?
Чтоб не томила ваша жизнь тоской и пресностью –
Ищите женщину, друзья, ищите женщину!

Хотите в вечность заглянуть – и не шарахнуться?
Чтобы судьба не провела по жизни трещину?
Не для того, чтобы разочек с нею трахнуться –
Ищите женщину, друзья, ищите женщину!

Хотите смысла для всего, что будет создано?
Хотите искру сохранить, в глазах горящую,
И уберечься от прозренья, слишком позднего?
Ищите женщину, друзья! Но – настоящую!

* * *

Ни прямых доказательств, ни косвенных
Суд не примет, делами шурша.
Не жених, не любовник, не родственник –
Ты мне просто – родная душа.

Никаким юридическим казусом
Объяснить – никому не суметь.
Ни с какого удобного ракурса
Ситуацию не рассмотреть.

Над рекою, у самой излучины
Замираю, почти не дыша,
Ясно чувствуя сердцем измученным:
Где-то рядом – родная душа.

На вопрос: «А такое бывает?» –
Лишь для нас однозначен ответ.
Раз в сто лет – да, вывозит кривая
Из туннеля на солнечный свет.

* * *

Набираю твой номер. Сто лет
Мы с тобой не видали друг друга.
И простое словечко: «Привет!»…
Я сказать не могу – с перепугу.

А ведь столько всего в голове,
Чем хотела с тобой поделиться…
Разузнать, как с погодой в Москве,
Как живёт-процветает столица…

Нет, конечно, совсем не о том,
Я с тобой говорить собиралась…
Что здоровы пока, что живём…
Только что-то скучается – малость…

Повидаться б, по нашим местам,
Прогуляться годков через «надцать»…
И вопрос: «Как ты там? Как ты там?
Как ты там?» – так и хочет сорваться…

Но молчу почему-то в ответ
На твоё: «Не молчите так странно!»
Словно слово простое «Привет!» –
Стало чем-то, таким иностранным…

Занимаюсь подсчётом минут –
Счёт пришлют – не учтут, что молчала…
Раз, два, три – сосчитаю… вздохну.
И опять начинаю сначала.

Мы с тобой не видались сто лет,
Не звонили – из них – половину…
Только слышу я в трубке: «Привет!
Как ты там поживаешь, Марина?»
* * *
Набираю твой номер. Сто лет
Мы с тобой не видали друг другу.
И простое словечко: «Привет!»…
Я сказать не могу – с перепугу.

А ведь столько всего в голове,
Чем хотела с тобой поделиться…
Разузнать, как с погодой в Москве,
Как живёт-процветает столица…

Нет, конечно, совсем не о том,
Я с тобой говорить собиралась…
Что здоровы пока, что живём…
Только что-то скучается – малость…

Повидаться б, по нашим местам,
Прогуляться годков через «надцать»…
И вопрос: «Как ты там? Как ты там?
Как ты там?» – так и хочет сорваться…

Но молчу почему-то в ответ
На твоё: «Не молчите так странно!»
Словно слово простое «Привет!» –
Стало чем-то, таким иностранным…

Занимаюсь подсчётом минут –
Счёт пришлют – не учтут, что молчала…
Раз, два, три – сосчитаю… вздохну.
И опять начинаю сначала.

Мы с тобой не видались сто лет,
Не звонили – еще половину…
Только слышу я в трубке: «Привет!
Как ты там поживаешь, Марина?»
* * *
Мы живём нелегко – и нелепости много
Окружает на каждом по жизни шагу,
Колея – поперёк разрезает дорогу,
Тонут ноги босые в глубоком снегу.

Те, кому всё дано – умирают внезапно,
Те, чья жизнь – и не жизнь – почему-то живут…
Едут: с юга – на север, с востока – на запад.
Высшим смыслом считают дешёвый уют.

Мы по минному полю идём без опаски –
Люди разных народов, религий и стран.
Без скелетов и монстров – не выдумать сказки.
Горькой «детской слезы» – набежал – океан.

Восемнадцатый век – вспоминаем, как чудо,
В романтический флёр украшаем его.
Но тогда – умирали от лёгкой простуды,
И лечить не умели – почти ничего…

Мы шагнули вперёд – на пути к горизонту –

Мы почти, что – за краем – а там – пустота…
И проходит по улице – линия фронта,
И проспектом легла – роковая черта.

Новый век распластался над миром, и крылья
Закрывают порою и небо от нас.
И дыханье – такого большого усилья
Стоит многим, что сил исчерпался запас.

Эта так – не иначе – и всё же, и всё же –
Мы за жизнь уцепились – до срыва ногтей.
Отвратителен мир – только нету дороже –
Мы в него отпускаем и наших детей…

Ждут любого из нас – херувимы иль бесы –
Там, откуда уже нет дороги назад…
Мне казалось, что я опасаюсь процесса –
Убедилась: пугает и сам результат.

Очень страшно представить, что всё это будет
Продолжаться по-прежнему день ото дня.
Суетиться и маяться разные люди
Будут так же, как прежде – не будет меня.
* * *
Так повелось: от века и доныне –
И смысла нет ни плакать, ни нудить –
Что женщина – любимому мужчине –
Никак – во всём – не может угодить.

Строительство, колхоз и лесосека,
Тушить ли избу, лошадь запрягать –
Но женщину, как «друга человека»,
Всегда найдётся повод поругать.

Их уличают в «бабском» воспитаньи
Своих детей – мужья – не кто-нибудь.
Забот полно: о доме, о питаньи…
Всё не успела – повод упрекнуть.

Во всём – она, конечно, виновата,
Что суп солёный, и что нож не остр.
Та – чересчур!… А та – холодновата…
А за рулём – и вовсе – жуткий монстр!

Чуть глуповата – дура и блондинка,
А быть умнее мужа – страшный грех!
Вовеки не найдётся серединка,
Которая устраивает всех.

Держать в порядке душу, ум и тело –
Порой не легче, чем «играть в войну».
Вот: даже научились «деньги делать» –
Теперь и это – ставится в вину!…
* * *
Поэты любят осень – почему-то,
Равнение на Пушкина держа.
И каждая осенняя минута
Им, как под хвост попавшая вожжа…

Опишут березняк позолочённый,
И зелень уберегшие дубы…
Порой – со скрупулёзностью учёных,
А то – как знак всевидящей судьбы.

Секущий дождь, негреющее солнце,
Шуршащую пожухлую листву.
И за ночь запотевшее оконце,
И неба – ледяную синеву.

Но есть одно – не понятое нами,
И будь сто раз хоть гений, хоть талант,

Не описать ни прозой, ни стихами
Осенний – сумасшедший – аромат.

* * *

Я искренна была с тобой – на диво –
А ныне это чувство – не в чести,
За то, что я жестока, но правдива
Всегда была – пожалуйста, прости!

За то, что мне всё время было мало
Тех наших встреч – с пяти и до шести.
За то, что я по крохе собирала
Твою любовь – пожалуйста, прости!

За то, что не сумела быть упорной,
Как грушу – не смогла тебя трясти,
И оказалась менее проворной –
Прошу тебя, пожалуйста, прости!

За то, что в кровь свои сбивала ноги,
Чтоб нам с тобою было по пути –
И всё-таки ушла с твоей дороги…
Сама ушла – пожалуйста, прости!

За то, что поняла, как всё серьезно,
Лицом прижавшись к твоему плащу.
За то, что было рано – стало поздно –
Ты мне простил. Себе я не прощу!

* * *

Было всё: и любовь, и семья,
И ребёнок, как высшее чудо…
Но однажды сказали друзья…
Уточнять, что сказали – не буду.

Я сумела в себе превозмочь
Нестерпимый порыв – к расторженью…
Я подумала: девочка, дочь…
Для чего доставлять ей мученья.

Для чего её детской душе
Наносить неизбывную рану.
Ведь живут же порой – в шалаше…
Ну, так что же – немного обмана?

Но зато – без надрыва и слёз,
Без тоскливой сиротской продлёнки.
Мне казалось, что всё – не всерьёз –
А всерьёз – лишь здоровье ребёнка…

Так что – стоит ли копья ломать,
И горшок об горшок – тоже дико.
Ведь семья – не одна лишь кровать.
Шёпот – часто – доходчивей крика.

Я сильна – и смогу пережить,
В силу духа настойчиво веря.
Можно попросту – крепко дружить –
Мы же – всё-таки люди – не звери.

И действительно: в доме покой –
Ни скандалов, ни ссор безоглядных.
Ты приходишь – надёжный такой –
Даже в щёку целуешь прохладно…

Мы с тобой говорим обо всём…
Все вопросы решаем, как нужно.
И по жизни смиренно несём,
Как проклятье, натужную дружбу.

* * *

Сегодня снегу намело,
Что даже не откроешь двери.

Вчера ведь было так тепло,
Что я глазам своим не верю.

И снег скрипит, а значит, он
Так просто, нынче, не растает…
Метёт, метёт со всех сторон,
И дремлет улица пустая,

Как в час ночной – о том и речь,
Что даже я сама, не знаю:
То ль в дом идти – залечь на печь,
То ль рыть дорожку до сарая?
* * *
Ну, никто меня не держит –
Только с места не шагнуть.
Крепко сомкнутые вежды
Не продрать, не разомкнуть.

Словно что-то не пускает,
Словно что-то не даёт.
Даже комната пустая –
Давит сердце, будто гнёт.

А вокруг – простор, как прежде,
И открыт по миру путь…
И просторные одежды
Не позволят продохнуть.

И напрасные надежды
Не витают надо мной,
Я застряла где-то между
Небосводом и землёй.

А под небом закопчённым:
Жизнь, затёртая до дыр.
Я сама свой заключённый,
Я сама – свой конвоир.
* * *
Я во власти бессовестной лени,
На диване валяюсь одна,
Наблюдая игру светотени
На стене, что напротив окна.

Это можно назвать поприличней:
Ну, апатия, скажем, иль сплин…
И порывшись в истории личной,
Откопать им немало причин.

А разумней, за шиворот живо
От дивана себя оторвать…
Но боюсь, что тогда – торопливо –
На двуспальную плюхнусь кровать.

И предамся тому же занятью,
Но уже – на соседней стене.
А иного – совсем, без изъятья –
Совершенно не хочется мне.

И в таком вот дурном настроеньи
Нахожусь я сегодня с утра.
Может быть – перепады давленья,
И принять мне таблетку пора?

Еле-еле стакан поднимает
Отягчённая ленью рука…
И не видно депрессии края,
И не будет конца у стишка…
* * *
Ты был настолько снисходителен,
Что улыбался пустякам.

Был так учтив, предупредителен
И воли не давал рукам.

Всё было в рамках и в традициях,
И так корректно – ко всему.
Что я, при всех своих амбициях –
Не придиралась ни к чему.

Букетом ласки и внимания –
Всё это в рамках и bon ton –
С невероятным пониманием
Окружена со всех сторон.

И взгляды девочек завистливых
Летели часто вслед за мной…
Под багровеющими листьями
Ты предложил мне стать женой…

И чувство горечи мучительной –
Я испила – сама – до дна…
Всё было просто восхитительно –
Да только я – не влюблена…
* * *
И двести лет, и тысячу назад
Всё так же человека волновали
Слова любви и чей-то нежный взгляд –
Мы далеко от них – ушли едва ли.

Ну, разве что, в теории сильней,
В анализе химических процессов.
Но это не спасает, ей-же-ей,
От всяческих обломов и эксцессов.

И как бы ни был в деле искушён,
В сравненьи с тем, кого любили прежде,
И пьёшь джин-тоник ты, а не крюшон –
Сомнениям и комплексам подвержен.

И как бы ни твердили, что теперь
Брак моногамный вовсе канул в Лету…
Хоть верь в такие бредни, хоть не верь –
Но ищешь, как маньяк, по белу свету

Ту самую, иль самого – того,
Что составляет нашу половинку.
А поза – при плохой игре – всего
Лишь – боль едва прикрывшая – картинка.
* * *
Судьбина не раз и не два всё пыталась,
По разным углам развести нас с тобой…
Но словно на ринге, забыв про усталость,
Мы снова сходились, чтоб ринуться в бой…

И было обоим, конечно, понятно:
Нам тесно – двоим – на тропинке одной –
И мы расходились – и тут же обратно
К тебе прибивало прибрежной волной.

И так – бесконечно, покуда мы живы:
Воюем – вдвоём, и скучаем вдали…
Столкнулись бортами – хоть миг, да счастливый…
А прочь разбежавшись – на мели легли…

Как малые дети – мы делим пространство
Великой любви и великой тоски…
Ведь наши мытарства – и есть постоянство
Во взгляде твоём и в пожатьи руки.

* * *
Боль мою, терзания, тугу –
Ты поймёшь, Святая Богородица.

Ни сказать, ни думать – не могу,
А ведь с этим как-то жить приходится…

Тянется невидимая нить,
Тоньше человеческого волоса.
Даже эхо больше не звучит –
Нет уже на крик ни сил, ни голоса.

Сны безумьем наполняет бред,
Явь туманом застилает память,
Может, дать какой-нибудь обет,
Сердце от проклятия избавить?

И никто вовек не даст совет,
Как и где поставить в этом точку –
Как включить в конце туннеля – свет –
Каждый умирает в одиночку…

* * *

Как сошлось: не дружилось, не пелось, не ладилось,
Не любилось, к тому же – всё прахом пошло.
Я реветь без приличной причины повадилась,
А смеялась, так только – кому-то назло.

Закатила однажды большую истерику,
На работе, в прекрасный предпраздничный день,
И к тебе, как к родному, последнему берегу
Я примчалась – в слезах, и лицо набекрень.

Ты меня приняла со спокойным вниманием,
Том Думбадзе дала и сказала: «Читай!»
Не терзая ненужным, излишним вниманием,
Побежала на кухню – заваривать чай.

И в широком бокале, тяжёлом, фаянсовом
Принесла мне горячий, пахучий настой,
А к нему – отливавший коричнево-глянцевым –
Мёд гречишный на блюдце с каёмкой простой.

Без каких-либо слов, без нытья-утешения –
Это, кроме тебя, никому не суметь –
Подарила ты мне еще раз искушение:
Всё испробовать снова: встряхнуться, запеть,

Подружиться, забыться, влюбиться, увериться
И в себе, и в других, и в судьбе – и опять
Видеть клейкие почки на тоненьком деревце
И смолистый их запах всей грудью вдыхать!

* * *

Потрясающе серый день,
Пелена кругом, пелена.
Это с неба упала тень –
Даже улица – не видна.

И на улице – ни души,
И зачем-то горят огни….
Напиши ты мне, напиши –
Или всё-таки – позвони!

Накрути телефонный диск,
Набери семизначный код,
Оживи электронный писк…
Я тебя не видала год…

Я тебя не видала – век…
Даже десять веков подряд.
Сумасшедший мой человек,
Разве кто-нибудь виноват,

Что на свете идут дожди,
Что зима впереди, зима.

Что с утра колотьё в груди…
Всё придумала я сама –

Эту бездну безумных дел,
Этот ворох ненужных фраз…
Ты молчал, на меня глядел
В тот последний, прощальный час.

И зима была впереди,
Настроение – на нуле,
Слово глупое: уходи…
Ключ, оставленный на столе…

Потрясающе серый день –
И вчера тоже был такой –
Это на сердце пала тень –
И её – не смахнуть рукой.
* * *
Опять сентябрь завис в календаре…
За ледяными с виду небесами,
Как пёс, осатаневший в конуре,
Я наблюдаю долгими часами.

Есть что-то в этой призрачной поре,
С редеющими жёлтыми лесами,
Что заставляет поднимать горе
Усталый взгляд. И гулкими басами

Гудит состав на утренней заре,
За ним плывём, куда, не зная сами,
По-над двора пустующим каре,
Под простыни тугими парусами.

Проходит день, забывший о жаре,
С газонами, обгаженными псами,
С детьми-цветами жизни во дворе,
Орущими дурными голосами.

В белеющей берёзовой коре,
В траве, что выцветает – полосами,
В стучащем на строительстве копре,
В глухом соседе с пышными усами,

В склонившемся над нами фонаре,
И в женщине с седыми волосами –
Осенний дух, который в октябре
Нас удивит другими чудесами…
* * *
Задвигаешь в дальний угол боль,
Заслоняешь пыльными мешками,
Открестившись – поперёк и вдоль,
Сердце превращая в серый камень.

А она сочится, как вода,
Нет ей ни преграды, ни препоны.
Вроде, всё обычно, как всегда –
Только боль, одна – неугомонна.

Только руки: ходят ходуном –
Не смешно – в чужом пиру похмелье.
Только в сердце больно – колуном
Надвое расколоты поленья…

И опять, пытаясь заглушить,
Баррикады громоздишь невольно.
Как-то в этом мире надо жить,
И терпеть, когда ужасно больно.
* * *
Воздух осени – терпок и густ –
И способствует он размышленьям…

Фейерверк человеческих чувств –
От безумной любви – до презренья…

Изучая глубины души –
Не чужой, что, известно – потёмки –
А своей, драгоценной, в тиши –
Тереблю я клочки и обломки

Мне когда-то дарёных судьбой
Благодатных и щедрых эмоций.
Что по жизни влачила с собой –
Как моряк, пачку истинных лоций.

Без которых – ни шагу ступить,
Ни поступка, ни слова, ни дела…
Погляжу – я умела любить –
И любовь – не имела предела.

Презирать – презирала, но всё ж
Не колола напрасно презреньем,
В крепких ножнах держа этот нож,
И в уме сохраняя воззренья.

Нерушимым остался запас:
Никого не желая обидеть –
Не впадала от злости в экстаз –
Не умея совсем – ненавидеть…

Выдирала я злобу, как сныть –
И обиды, и подлость – прощала.
Тех, которых нельзя извинить –
Извиняла с наивностью шалой.

Но от них – не моя в том вина,
Запирала, однако, все двери я –
И меняла я ненависть на
Колоссальное к ним недоверие.
* * *
Мы – горожане в шестом поколеньи,
Или стремимся такими казаться.
Тихий призыв из глухих поселений
Слышим – и нет уже сил отозваться.

Нет уже сил – по разбитым дорогам
Нам возвращаться к домам разорённым,
Отдали дань и боям, и тревогам –
Отдыха надо телам утомлённым.

Вот потому и сидим молчаливо
В клетках своих этажей разномастных,
Лишь временами вздыхая тоскливо,
И на пленэр выезжаем – нечасто.
* * *
На трамвайной пустой остановке
Проморожены рельсы насквозь.
Мне топтаться довольно неловко,
Я торчу, как вколоченный гвоздь.

Мы условились – знаю наверно!
Ты придёшь, не обманешь меня…
Очень холодно, скучно и скверно
На исходе февральского дня…

Понимаю, для гордости – надо
Мне самой опоздать – хоть чуть-чуть.
Я, быть может, была бы и рада –
Но тебя пропустить – не хочу…

Багровеет закат над Невою,
Нет трамваев – уже полчаса…
Вот приедет он, двери откроет –

И в твои посмотрю я глаза…

Холоднее становится, вроде,
Всё равно – я дождусь – так и знай!
Почему же никак не приходит
Тот – единственно-нужный трамвай?

Где былая минут быстротечность?
Даже сердце – затихло в груди.
Ждать я буду, хоть целую вечность –
Только ты непременно приди!

Постепенно становится звёздно,
Фонари загорелись давно…
Даже если я насмерть замёрзну –
Ты согреешь меня всё равно!

Бормочу, как слова заклинанья:
«Я дождусь!» – коченея на льду.
Я, как агнец, стою на закланье,
Но с Голгофы своей – не уйду!
* * *
Я фото неожиданно нашла –
Его – в глухих пучинах Интернета…
Как в сердце – заскорузлая игла
Вошла – больным, пугающим приветом.

И полоснуло по душе огнём,
Где всё, казалось мне, переболело
Такой жестокой памятью о нём,
Что вмиг пустым и жалким стало тело.

И эта пустота в моей груди
Пульсирует и давит, как живая…
Теперь опять – сама себя суди,
Жестоко – на распятье обрекая…
* * *
Не гадаю: сбылось – не сбылось –
Сослагательной жизнь не бывает.
Наши тропки проложены врозь,
Только струнка звучала живая.

Ты словечко для нас отыскал,
Ты сказал, что мы – души родные…
Но Костлявой беззубый оскал
Оборвал все гудки позывные.
* * *
А давай, поедем к морю,
К очень тёплому, большому,
Где гуляет на просторе
Бирюзовая волна.
Ритму заданному вторя,
Будут волны прямо к дому,
Подбегать и с ветром споря,
Обнажать участки дна.

Где прозрачные медузы,
И комки травы зелёной
Источают запах пряный
Йода, соли и ветров.
И за ломтиком арбуза
Так легко, неутомлённо,
Будем воздух пить духмяный,
Позабыв про докторов.

Тишина, покой, отрада –
Всё, чего нам не хватало:
Я и ты – простые люди…
Плеск волны и солнца свет –
Вот и всё, что в жизни надо,

Тоже, в общем-то – немало…
И пускай с тобою будет
Нам опять по двадцать лет.
* * *
Заметить не успела, как на свете
Повыросло на смену поколенье
Уверенных в себе, бритоголовых,
Не верящих в догматы пацанов.
И я за них, наверно, не в ответе,
Хоть нелегко даётся убежденье,
Что результат поползновений новых –
Реально будет радостен и нов…
* * *
Ощущает себя посредственность
Таковою, как есть – в сравнении,
Лишь на фоне того, кто из ряду
Выделяется неспроста.
Кто берёт на себя ответственность
За судьбу всего поколения,
Ничего не упустит из виду –
Он таковский – один – из ста.

А, возможно, даже, из тысячи –
Редкий, штучный, не ширпотребовский…
Как бельмо на глазу у общества
Обывателей и вельмож,
Прохиндеев, чинуш и выскочек,
Продолжателей планов дедовских…
Это их руками заточится –
Заготовленный острый нож.

Ощущенье своей ущербности –
Да, кому же оно понравится?
Вот и способы выбираются –
Выдающимся – укорот.
Каждой твари – по их потребностям –
Только дай – и толпа расправится.
А потом – будет долго каяться –
Безнадёжный «простой» народ…

Будет бить себя в груди впалые,
Пеплом головы припорашивать –
Всё кричать – это водка, мать её! –
Непутёвого подвела…
А с живого, лишая малого –
За Вселенную станут спрашивать,
Оговорами и проклятьями
Поливая из-за угла…
* * *
Из разных стран картошка прибывает –
Красавица – хоть ешь её сырой!
А русская картошечка – кривая,
Корявая, с серёдкою гнилой…

Генетики, мичуринцы, иль кто-то,
Кто выиграл давнишний этот спор –
Хоть как-то проводили бы работу –
Хоть наипримитивнейший отбор!
* * *
Мы самой читающей были страною:
Без классики — спать не ложились когда-то.
И толстых журналов могучей волною
Нас так накрывало, что вспомнить приятно.

И нынче читаем: журналы для женщин,
Где голые торсы меж глупых советов,
Плэйбои и Кулы, и прочие вещи,
На них бы на все наложила я вето!

Романы для дам, детективы для тёток —
И желтая пресса — отдельная тема.
С такою газетой — в сортир бы с разлёта —
Но здесь существует другая проблема:

Поскольку её ядовитые краски
Прикладывать к телу нельзя без опаски!
* * *
Что значит — возраст — длинный диалог
Внутри меня — уже почти закончен…
И ясно, что не надо печь пирог —
Куда быстрей купить готовый пончик,
И гладить — можно просто обойтись —
Достаточно не мять бельё при стирке.
Не надо волноваться и трястись
Над каждой появившеюся дыркой —
Чего латать — оно и так сойдёт —
Тут я слегка утрирую, конечно.
Но, правда — вечна книга «Идиот»,
А идиоты, в общем-то — не вечны…
И долгий спор меж телом и душой
Я разрешаю в пользу интеллекта,
Позавтракав готовою лапшой,
Поужинав фабричною котлеткой…
* * *
Лист клёна пятипалую ладошку
Раскинул предо мною на дорожке,
Как будто поздороваться желая.
А я иду, шагаю через лужу,
И вроде, мне совсем никто не нужен –
Я просто собираюсь ждать трамвая…

Но этот лист, оранжевый, с желтинкой,
Напомнил очень давнюю картинку:
Из жизни школы номер 508…
Я во дворе – гербарий собирала –
В кружении октябрьского бала –
Сияла солнцем золотая осень.

Листочки я укладывала в книжку,
И тихо подошёл ко мне мальчишка…
Ну, вроде, так – гуляя по дороге…
И лист кленовый, яркий и огромный,
Куда-то в бок поглядывая скромно,
Как бы случайно – уронил под ноги…
* * *
Я предупреждала,
Что с недавних пор
Опасаюсь леса –
В панику впадаю.
Будет толку мало,
Необилен сбор,
Так что – интереса
Я не проявляю
Ни к каким поездкам
По грибным местам,
И с лесной опушки –
В чащу не полезу …
Но однажды – резко
По рукам-ногам
Хвать меня подружки –
И в машине – к лесу…
Я не психопатка –
Просто – в прошлый раз
Заблудилась жутко,
И свою корзину
Потеряла в схватке,
И еды запас –

Не в моём желудке –
А увяз в трясину…
И теперь упрямо
Я стою давно
И стоять я буду –
На лесной дороге.
И ни в бок, ни прямо –
В общем, всё равно –
Уходить отсюда
Не желают ноги!
* * *
Никому не говорила, но всегда меня тревожил
На высоком синем небе тот воздушно-белый след,
Что далёкий самолётик прочертил, как подытожил…
А теперь я понимаю: это твой ко мне привет.
На земле тебя искать мне – совершенно бесполезно,
В дальнем море с белой пеной – бесполезнее вдвойне…
Потому-то ясен вывод, да и логика железна:
Я ищу тебя глазами в синей-синей вышине.
Где-то там за облаками – первых звёзд едва касаясь,
Виртуозно совершаешь ты смертельную петлю.
И сама не понимаю, в чём вина – и всё же каюсь,
От земли не отрываюсь, но по-прежнему – люблю…
* * *
Наверное, это навеяно осенью –
Отсутствие сил и упадок настроя.
И небо, как головы – с частою проседью –
Мы двое – под ним – это значит, нас трое…

А ведь на троих так легко что-то выдумать –
Пойти погулять – и наслушаться тиши…
А лучше – ведро первоклассного битума
Нагреть на костре и прорехи на крыше

Залить до поры, пока дождик не капает,
А то – потечёт – и окажется поздно.
И розы укутать еловыми лапами,
Чтоб нежные стебли зимой не помёрзли…

И окна заклеить широкими лентами –
Чтоб ветром студёным не дунуло в щели.
И вспомнив, как летом валялись под тентами –
Поёжиться зябко – в преддверьи метели…

А небо пока ещё с яркою просинью,
Пожухлой листвой маскируется улица,
Наверное, это навеяно осенью:
Душа и спина незаметно сутулятся.
* * *
Вычурность линий, изгибы ограды,
Спас-на-Крови – мозаичное диво.
Марсово Поле. И Летнего Сада
Строгость решёток и статуй игривость…
Троицкий мост и металл парапета…
Долго смотрю на бегущие воды.
Снова такое же жаркое лето –
Словно на юге – капризы природы.
У Петроградской – свои силуэты –
Справа по курсу – воздвигнуты магом:
Купол Мечети и два минарета;
Слева – стена крепостная – зигзагом.
Тысячу раз проходила, наверно,
Этим маршрутом – в минувшие годы,
Тысячу раз, но впервые так скверно –
Не утешает и прелесть погоды,
Не утешает убранство фасадов…
Тихо на город спускается вечер.
Есть Петербург, только нет Ленинграда.
В толпах народу – тебя я не встречу…

* * *
От ливня разбежались все прохожие,
Пережидая яростный поток,
А мы с тобой – вбирая воду кожею,
Сухой и не искали уголок.

Мы вымокли, на нас смотрели с ужасом,
Через ручьи из водосточных труб
Мы прыгали, и всё, казалось, кружится,
Бессвязные слова слетали с губ.

О чем ты говорил тогда – не помню,
Наверное, смешную ерунду…
Но помню взгляд, искрящийся любовью,
И поцелуй, случайный, на ходу…
* * *
Ветрено. Берёза за окном
Веточкой в стекло моё стучится.
И души встревоженная птица
Не спешит опять забыться сном.

Дождь и ветер в городе ночном,
Шелестит листва, шуршат страницы –
Чтением пытаюсь отключиться
От тяжёлых мыслей о былом…

Из угла взирает злобный гном –
Зеленью наполнены глазницы…
Я очки надену – убедиться –
На часах – три тридцать. А потом

Опустившись на подушки ком,
Я сомкну измученно ресницы.
И к утру – мне всё-таки приснится
Тот, всю ночь я думала о ком…
* * *
Мы живём уже не в коммуналках –
Большинство. И всё-таки – любое
Общество имеет под собою
Принципы и методы… И жалко:

Что для многих – радости общенья –
Для других – держа в кармане дулю –
Выходы искать для лицемерья,
А чуть что – плевать в твою кастрюлю!
* * *
Встречались мы и расставались,
И вновь пути для встреч искали,
И находили, но едва ли,
Осталось что – на дне, в бокале
Коктейля сладкого… Лишь малость:

Улыбки, шутки, разговоры –
Скорей подначки, чем укоры –
И без причины, без раздора –
И не разрыв, а просто – шалость!

Немного грусти и привычки –
И ни одной серьёзной стычки.
Все отношения – в кавычки –
Взяла бы я – да постеснялась…

А по прошествии сезона,
Опять – без явного резона –
Чуть задыхаясь без озона –
К тебе пути искать пыталась…

И если, уж, признаться честно –
С тобой мне было интересно,
И вместе не было нам тесно…

Но почему ж я не влюблялась?!...

* * *

Девушка пасла свою овечку
На цветущем сказочном лугу,
Иван-чай сиреневые свечки
На речном затеплил берегу.

Беды, ветры, холода, невзгоды
Пронеслись над берегом реки.
Чьим-то странным замыслам в угоду –
Наледью сменялись васильки.

И опять ромашки расцветали –
Было чем украсить свой досуг...
Открывались солнечные дали,
И метелью заметались вдруг.

Время – так жестоко-быстротечно...
Только в летний полдень и в пургу –
Девушка пасёт свою овечку
На пустом песчаном берегу...

* * *

Ну, характер, такой – ну, лаской
Всё хотелось – без зла и фальши...
Оказалось, что жизнь – не сказка,
Но и в ней тем страшней – чем дальше.

Всё несётся юлой – по кругу,
Будь ты ласковый или грубый:
Даже кролик, загнанный в угол –
На охотника скалит зубы.

* * *

Страну разъяв, народы разобщили...
Им по душе нечестная игра.
И обсерают жизнь, которой жили,
С Рублёвки, да ещё из-за бугра.

Идут года – но не устанут снова
Слюною брызгать – вместо искр из глаз.
Ты не вопи, как было нам хреново –
Признай, насколько пакостно сейчас.

* * *

Это те, кто попрекать посмел –
Нас – шматком колбасным за два двадцать –
Всю страну оставив не у дел,
Всех – фигнёй заставив заниматься.

В чёрную столкнули полосу
Шириною с детства и до смерти.
Сами продались за колбасу –
Да ещё – дерьмовую, поверьте!

* * *

Что там юмор и сатира!
Если сам себе не рад –
Отправляйся на СТИХИ.РУ,
Почитай-ка – наугад!

Но не надо к сердцу близко
Этот ужас принимать,
Без волнения, без риска
И без слов: «Едрёна мать!»

Расслабляйся и посмейся
Над любовною соплёй,
Что посредством «Интерфейса»
Растечётся пред тобой.

Что без рифмы и размера –
Но, уж, точно – «от души»!
И карательные меры

Им готовить не спеши.

Хохочи над каждой строчкой…
Понимая, между тем:
Это всё – ещё цветочки –
Страшно, что придёт затем!

Отряхни свою усталость.
Отвлечённо, не всерьёз…
Я сегодня – насмеялась!…
Ну, практически, до слёз…
* * *
Все мы в этой жизни – ощупью,
Напролом и наугад…
Лишь порою – твёрдой поступью –
То ли в рай, а то ли в ад…

То не в меру разболтаемся,
То ни к месту – промолчим –
Так вот нами и теряются
Те, счастливые, ключи.

Драгоценные мгновения
Для невысказанных слов…
В утаённых откровениях –
Нерождённая любовь.

Но мечта одна заветная
Глаз туманит, как слеза:
Что по жизни – разноцветная
Всё же ляжет полоса!
* * *
«Песенка короткая, как жизнь сама…»
Б.Ш.Окуджава

Мы столько всего ожидали вначале…
От каждой минуты, от каждого дня.
А жизнь так богата была на печали,
И щедро дарила тебя и меня…

То школьные годы с тобой торопили,
То время в разлуке, то будние дни…
И только впоследствии мы ощутили,
Что мчатся и так очень быстро они.

Плывём по реке меж святым и беспутным…
И то ль чертыхайся, а то ли – божись…
Мы вовсе ещё и не жили, как будто,
Ещё не вкусили, не поняли жизнь.

Мы столько всего ожидали вначале,
Когда нам сказали: вертись и кружись!
И вот мы стоим на пустынном причале
Отчалил кораблик с названием «Жизнь».
* * *
Отзовитесь, бабушки-покойницы!
Где ж вы – белоруска с украинкою?
Если беззаконье – узаконится,
Разлетится кровь моя – кровинками.

По Великой, Белой, Малой Руси –
Всей душой – единой-неделимой –
Плачу, мои добрые бабуси!
Плачу и скорблю неутолимо.
В прошлый век свои уставя взоры,
Лишь немного утешаюсь я,
Тем, что не дожили до позора
Вы и ваши русские мужья!
* * *
Нам твердят, что в мире – равновесие

Боженька для нас установил.
Только вижу: зло растет в прогрессии –
А в какой – понять не хватит сил!
А добро – куда от жизни денешься? –
Тоже – вдоль дороги с кистенём –
Собирает для прокорма денежки –
Кстати, всё обильней с каждым днём…
Ну, и в чём скажите, равновесие,
Божеский внимательный догляд?
Тем, кто не рыдает – жутко весело.
А гробы несут – за рядом ряд…
Заполняет щели все и трещины
Горе, безысходное, как смерть.
Мне – простой и терпеливой женщине –
Да и то – наскучило терпеть!
* * *
Тихий голос Окуджавы зазвучал
И достиг непостижимой глубины,
Открывая нам начала всех начал,
Где под кожей – нервы все обнажены.

Струны нервов зазвучат в один момент –
Не гитара в его ласковых руках,
А души непостижимый инструмент,
Той души, что вся уже – на облаках.

И вдыхаешь тот осенний холодок,
И прощаешь, как прощать умел лишь он,
Умирая, воскресаешь – в ритме строк,
Обретаешь, то, чего ты был лишён.

Понимаешь скоротечность наших дней
И бессмертие аккордов и стихов,
Созываешь недовымерших друзей,
Просишь их об отпущении грехов.

Понимаешь: если взялся – так живи –
И терпи «на фоне Пушкина» – вдвойне!
И старея «от беды и от любви»,
Погибай на той, единственной, войне.

Ах, как мил его заезжий музыкант,
И скрипач его, и тот флейтист в саду.
И у каждого – особенный талант,
Я им верю, я люблю, надеюсь, жду!…
* * *
Отключили в домах электричество:
Дескать, фаза куда-то ушла…
А без качества – что нам количество?
И не ладятся наши дела.
Я чаёк заедаю ватрушкою,
И чтоб божеский дар не зачах,
Приравняла себя к А.Эс.Пушкину,
И кропаю стишки при свечах.
Но особого нет вдохновения,
Чует сердце, что век-то иной…
И летят незаметно мгновения,
И сгущается мрак надо мной.
Парафин растекается беленький,
И неяркий колеблется свет…
Ни кино не посмотришь по телеку,
И не выйдешь совсем в интернет…
Мы – слепые прогресса заложники
В тупиковом движеньи вперёд.
Как учили основоположники:
Бытие по сознанию бьёт!
Зачастили подобные случаи –
В том – тенденция видится мне,
И себя я сомненьями мучаю:

Город наш – не последний в стране…
Что ж тогда происходит в Крыжополе?
А в Урюпинске жить каково?
А не скрыться ли в лес или во поле –
Уповать на себя одного?…
Взять да плюнуть на все электричества,
И лучины себе нащипать.
Будешь сам себе – Ваше Величество,
При лампаде, как Пушкин, кропать…
Но зарока писать – не давала я
До тех пор, пока свет не дадут!
Голова наклонилась усталая,
Засиделась чего-то я тут…
Загашу-ка оплывшую свечечку,
В темноте отыщу я кровать –
Больше делать-то, в общем, и нечего,
Как ложиться во мраке и спать…

* * *

Кто-то очень любит пташек –
Бескорыстно, просто так…
Я его легко и быстро –
Не смогу разубедить.
Тот же, кто словил какашек
На макушку, на пиджак –
Будь он трижды гуманистом –
Но не будет их любить!

Непонятная наука –
Психология людей…
И вовеки богатею
Не принять социализм…
Но зато поймут без звука,
Благородный и злодей:
Не людских голов затею,
А природный катаклизм.

Сыт голодному не верит –
Это ясно, но порой,
Нужно стать голодным, чтобы
Эту истину понять…
Богатеи, словно звери,
За кусок добротный свой,
Будут биться с лютой злобой,
Не желая отдавать.

Что-то резко шибануло…
Я ж о птичках начала…
А попёрло на больное –
Человеческое зло…
У виска почуешь дуло –
Не шутейные дела!
Всем желаю, кто со мною –
Чтоб вам – в жизни повезло!

* * *

А есть ли Африка на свете?
Кто объективно даст ответ?
А может, вовсе на планете
Такой земли в помине нет?

А есть ли в мире Антарктида?
Ведь я не видела её…
А вдруг она, как Атлантида –
Воображение моё?

Но мне твердят, что есть на свете
Народу уйма, кто бывал,
На Африканском континенте,
Кто Антарктиду повидал.

Но я не верю разговорам –
Ведь я не видела сама!
Тут озадачиться бы впору,
Решить, что я сошла с ума…

Но всё не так – и для примера
Я написала эту чушь!
Но ведь нельзя принять на веру
Любовь, как единенье душ.

И потому полны сомнений,
И отрицания сердца
Людей, которым, к сожаленью,
Возможно, волею Творца,

Или другим каким-то чудом,
Не суждено познать Любви…
И убеждать я их не буду!
На то она и се ля ви!
* * *
Откачнулся от причала
Твой туристский катерок.
Я стояла и молчала,
Ибо знала – вышел срок
Нашим странным отношеньям –
Между небом и землёй.
Принимаю я решенье
У Онеги штормовой.
Плавать от Петрозаводска –
И обратно – от Кижи –
Надоело, раз ты – лоцман –
Путь другой мне проложи!
Чтоб от северной Онеги –
Прямо в южный океан…
А на этом диком бреге
Скучно мне – без дальних стран!
Я сказала, я решила!
Но в положенный денёк
Вновь к причалу поспешила –
Твой встречаю катерок!
* * *
Всей дороги было – семь часов,
Ну, чуть-чуть побольше – с половиной.
И соседу я без лишних слов
Запросто представилась Мариной.
Кинув чемодан на антресоль,
Рядом с сумкой, полной мандаринов,
Руку мне пожал. И вот в чём соль:
Мне кивнув, представился: Маринов.

Лёгкий, не мешающий акцент –
Две сестры: Болгария с Россией!
Мы же с ним освоились в момент,
Даже чуть пригубили ракии.
О смешных болтали пустяках,
О салате с брынзой и о розе,
О болгарском перце и духах,
И о русском, яростном морозе…

Поезд километры отмерял,
Веселил меня сосед-болгарин,
Чувствуя, что близится вокзал.
Головы кружились, как в угаре…
Я уже не помню ничего…
Только терпкий запах мандаринов,
Только шарм акцента твоего,
Полутёзка – Веселин Маринов.
* * *
Забрели актёры к домику Булата

И пропели песню – на бумажку глядя…
Если уж, настолько ничего не свято –
Шли б своей дорогой, право, Бога ради.

Для чего фиглярство, если даже песню
Выучить не могут – значит, безразлично!
Ну, нашли бы что-то – им поинтересней:
А вот так – противно, даже неприлично!

Значит, просто: к славе хоть бочком облезлым
Малость притереться, пользуясь предлогом…
Не давили б душу, как пятой железной,
И траву не мяли у Его порога!

Здесь бывают люди с искренней любовью,
А не по заданью вызубрив куплеты.
Строки Окуджавы, писаные кровью,
Им легли на сердце и не канут в Лету.
* * *
Тёмный, влажный асфальт – в жёлтых крапинках листьев опавших,
Словно звёздное небо, как в зеркале, здесь, под тобой…
И мне жалко снующих вокруг пешеходов уставших:
В суете не увидят, что звёзды – внизу, под ногой!…

А на город туман опускается клочьями пены,
Зажигаются окна в домах, и слегка моросит –
Это новая осень вступает в права постепенно…
И товарный – на станции – долго, протяжно басит…

Незаметно прошло не по-нашему жаркое лето,
Свежий ветер в лицо – даже как-то с души отлегло.
И я радуюсь, что – по-английски – удобно одета,
И что мне в этот вечер промозглый – легко и тепло.

Зазвонил телефон под полой – электронное чудо,
И согрел эсэмэской короткой – слова о любви…
Не страшны мне теперь ни дождливый октябрь, ни простуда –
Лишь гудками меня из осеннего мрака зови!
* * *
Была страна сильна в своём единстве,
Как ни стремятся это отрицать,
И обвиняют в подлости и свинстве
Своих же деда, и отца, и мать…

Буржуям – жупел, шило в мягком месте.
Далёкий свет – для всех людей труда.
Пример геройства, доблести и чести,
И мужества, и славы – навсегда.
У многих вызывала злость и ярость,
И в человеке пробуждался зверь.
Любили, ненавидели, боялись…
Зато не презирали, как теперь.
* * *
Во все века людей – река –
От родника до океана –
От злого солнца берегла…
Водой студёной мыла раны,

Влекла – мерцанием стекла,
Порой струилась, как лиана,
Иль ровной линией текла
Неповоротливо и плавно.

Владел рекою человек –
Всего на миг – на краткий век,
А жизнь любой из наших рек,
Для нас – считай, что постоянна.
* * *
Укоренилась меж людьми
Привычка – тихо ненавидеть.

Есть люди – хлебом не корми –
Лишь дай кого-нибудь обидеть.

Охаять внешность и костюм,
Квартиру, вещи и работу,
И что ещё придёт на ум…
А если приглянулось что-то –

То здесь: хоть выноси святых! –
Обгадить рады многократно:
Будь то прическа или стих –
Им одинаково приятно!

Жалею я таких людей,
Которым – счастье – боль чужая…
Посмотришь – вроде, не злодей,
А радостей других – не знает…

* * *

Резкий ветер срывает с берёзки желтеющий лист,
Вечереет…
Контур ясного неба прозрачен и девственно чист,
Но не греет
Ослабевшее солнце, что низко стоит над землёй –
Заскучало…
Но я верю: конечно, начнётся грядущей весной
Всё сначала!
И опять развернётся на тоненьких ветках листва,
Станем старше.
Но опять в наших душах затеплятся те же слова,
Что и раньше.
И пойдём, напевая знакомый нам с детства мотив
В ритме марша.
И поверим, простые слова про себя повторив,
Что без фальши.

* * *

Я стишки пишу не по заказу,
А по мановению души:
То бичую всякую заразу,
То шепчу, как ночи хороши.

Только в этом – нет противоречья –
Наша жизнь по сути такова,
Думы о возвышенном и вечном –
И вполне банальные слова.

Боль души сменяют раны тела,
Личные проблемы – срам страны…
Горестям народным – нет предела,
И свои – не менее – больны!

Мечутся измученные люди
По планете – с ворохом проблем…
Значит так всё было, есть и будет:
Резкие скачки и смена тем.

* * *

Я в эмпиреях не витаю
И жить стараюсь без затей.
А лучшей новостью считаю
Отсутствие плохих вестей.

Пытаюсь быть сама собою,
И принимаю всё как есть.
А планов – я уже не строю,
И буду ли когда – Бог весть…

Почти духовная калека…
А все надежды и мечты
Остались на пороге века,
У той, у проклятой, черты.

* * *

Ком в горле – криком вытолкнуть хочу.
Душа – подранком окаянным мечется –
«За упокой» поставила свечу –
Тонюсенькую, желтенькую свечечку…

Потрескивает чёрный фитилёк…
Быть может, что-то к Богу долетает…
Ну, а, по сути – жалкий огонёк,
И воск по свечке ниточкой стекает.

В кладбищенской часовне – полумрак.
Подсветка – у торгующих во Храме.
На ликах чуть поблескивает лак,
И шелестят песчинки под ногами.

«За упокой» поставила свечу,
Молитовку с листочка прочитала…
Сгорела свечка, плачу и молчу…
А легче – ну, ничуточки не стало.
* * *
Мы живём на земле… Ни вверху, ни под нею
Жизни нет для людей — и напрасно — искать.
На загробную жизнь я надежд не имею —
Потому волоку непосильную кладь

Не случившихся чувств, ненаписанных строчек,
Не прошедших событий, несказанных слов,
Не прощенных друзей и не взятых отсрочек,
Нерешённых проблем, не свершённых грехов.

Не узнать наперёд, где покой – где ненастье,
Где мякина – где хлеб, где скирда – где жнивье…
Проще счастье найти, чем простое участье…
А труднее всего – назначенье своё…
* * *
Звенящая упала тишина –
И домик мой плывёт в ночном эфире…
Я только в этом домике – одна.
А кажется – одна и в целом мире.

Такого не бывает в городах –
Там ночь – фонит дурными голосами,
Далёким гулом, близкими гудками,
Разрывами петард «Бабах! Бабах!»

А здесь так тихо – люди говорят,
От тишины такой – уснуть не могут.
А я – могу – и сплю себе – подряд
Часов по десять, позабыв тревогу.

А высплюсь – и захочется опять
В те, городские запахи и звуки.
А главное: глаза твои и руки
Увидеть, и скорей тебя обнять!
* * *
«И кто-то камень положил
В его протянутую руку…»
М.Ю.Лермонтов

Она стояла на платформе:
Немолода и некрасива,
И повторяла – с комом в горле,
И так настойчиво просила…

Твердила, что слепо-глухая,
Что заблудилась с непривычки.
Собака – рядом, подвывая –
Не подпускала к электричке.

Она просила: дайте руку,

Войти мне помогите в поезд,
Не вижу ничего, ни звука
Не слышу я и беспокоюсь…

А время шло, и люди, рядом,
Сновали мимо торопливо,
Порой едва косили взглядом,
Порой – шарахались брезгливо…

Благополучная держава,
Система ценностей – в фаворе,
Законодательство и право –
И… наплевать: чужое горе…

Она уехала не скоро…
Толпа – всегда эгоистична.
А год и век, страна и город –
Выходит, вовсе безразлично!
* * *
Кто-нибудь хоть раз пересчитал,
Сколько октябрей в стихах воспето?
Сколько раз отмечен был финал:
Мол, опять сменила осень лето?

Вряд ли есть возможность – и зачем?
И к чему нам классиков примеры…
Осень – есть одна из вечных тем.
Все мы в этом деле – пионеры.

Во главе штурмующих колонн –
Грудью мы идём на амбразуры.
Каждый – фаворит и чемпион –
Создаём словесные фигуры.

А в итоге – дивный результат:
Всяк – своё подметить ухитрился.
И (отбросив явный плагиат) –
В общем-то, никто не повторился!
* * *
Пойдём – до обеда –
Побродим, по листьям шурша.
Уж, нам ли не ведать,
В чём держится наша душа.

Уж, нам ли не помнить
Тех ласковых солнечных дней.
С прохладою комнат,
С ночной круговертью огней…

Пойдём, скоро ливень
Намочит листву во дворе.
Поймаем счастливый
Момент в этой грустной поре.

Багровые клёны,
Их листья – узор по ковру.
А дуб – всё зелёный,
Но странно шуршит на ветру.

Мы первые капли
Поймали в ладони с тобой.
Берёзки озябли…
И мне захотелось домой.
* * *
Расстались без страданий и тоски?
Не корчится душа в огне и дыме?
Да, потому, что не были родными
И близкими… А были лишь – близки…

Как часто принимают за любовь –

Простое гормональное явленье,
Расходятся – без слёз и сожаленья,
Другой гормон в свою вливая кровь.

И физиологический процесс
Им заменяет чувство человечье –
Такое вот духовное увечье
Принёс – не-то прогресс, не-то регресс.

При этом – столько воплей о любви,
Что временами даже слушать стыдно…
И мне за чувство светлое – обидно:
Возьми, да по-другому назови

Свой застарелый генитальный зуд,
Описанный тобой с таким восторгом!
Ведь занята лишь примитивным торгом
Душа, забыв про творчество и труд.

* * *

Лес теряет яркость обрамленья,
Мокнет на заборе вороньё.
Осень – не природное явленье –
Осень – настроение твоё.

Дождик льёт с утра без передышки,
Листьями уже не пошуршать.
Солнышко проглянет – редкой вспышкой,
И за тучи скроется опять.

Прямо скажем, трудно в непогоду
Радоваться – серо и темно.
И ругаем осень год за годом –
Так уж на земле заведено.

А ведь это – час отдохновенья,
Отдых от жары и забытьё.
Осень – не природное явленье –
Осень – настроение твоё.

* * *

Тому не помню прецедента,
Пожалуй, это просто бедствие:
Фильм про убийство президента,
Который здравствует и действует.

При всём моём весьма сомнительном
К фигуре Буша отношении –
Считаю, было возмутительным
Принять подобное решение.

Видать, сместились все понятия
В цивилизованном сообществе.
Оно – противно восприятию,
Да, и смотреть – не очень хочется…

* * *

А по пятницам – были цветы.
Очень разные – в рамках сезона –
Анонимно… Но, в общем, резонно,
Я решила, что даришь их ты.

Почему я подумала так –
Мне самой до сих пор непонятно.
Видно, мне получать этот знак –
От тебя – было очень приятно.

Ты однажды меня пригласил
На концерт, а потом на свиданье…
Мелкий дождик вовсю моросил,
Извиняя моё опозданье.

Ну, а в пятницу – снова букет.

И опять, как всегда, анонимно.
Приняла я его, как привет –
И тебе улыбалась – взаимно.

По прошествии нескольких лет
Я тебя мимоходом спросила,
Принимая в подарок букет –
Словно движима тайною силой…

Ты не понял, о чём это я…
Да, и я не нуждалась в ответах:
Мы с тобою, конечно, семья,
Но другой мне дарил те букеты…
* * *
Досталось всё такою кровью.
И вот вернулось на круги.
И вновь с упёртостью воловьей
Сойдутся прежние враги.

И снова – позже или раньше –
Но брат у брата – кровь прольёт…
А что еще случится дальше –
Боюсь заглядывать вперёд.

А кто хоть раз глотнул свободы,
Тот не продастся сгоряча,
Или ещё чему в угоду,
Крепя себя, и лишь ворча,
Не примет пакостную моду –
Подачек с барского плеча….
* * *
Пусть это переходит в манию,
Но вам скажу я с обожанием:
Спасибо вам за понимание,
За ваше тёплое внимание,
За эрудицию и знания,
За дорогое сочетание
В себе хороших, добрых чувств.

И я скажу вам с откровением,
Что вспоминаю с сожалением
О тех томительных мгновениях,
Когда, полна изнеможения,
Осознавала, как прозрение,
Что, несмотря на все общения –
Мой мир был без Стихиры – пуст.
* * *
Мне сказали, тебя уже нет –
Даже дату назвали.
И звонить бесполезно – ответ
Я услышу едва ли.

Бесполезно домой приходить
И часами у двери
Бестолково слоняясь, бродить –
Озабоченным зверем.

То подальше чуть-чуть отойти –
То вернуться поближе:
Ни в конце, ни в начале пути –
Я тебя не увижу.

Мне и нужно-то было всего:
Хоть разок улыбнуться.
И губами лица твоего
На мгновенье коснуться…

И увидеть при этом в глазах
Теплоту пониманья.
И в момент улетучится страх,

Суета и терзанья…

И наверно, на долгие дни,
Хватит этого взгляда.
Лишь поглубже в глаза загляни –
И другого – не надо.

Мне сказали – тебя уже нет.
И в пустом переулке
Затерялся, запутался след…
Пусто, тяжко и гулко…
* * *
Одна неверно сказанная фраза –
С обидой, впопыхах и сгоряча –
И годы жизни вычеркнуты сразу:
С размаху, сходу, напрочь и сплеча!

Казалось бы, пустяшная проблема:
Забывчивость, небрежность, суета,
Нестоящая, мелочная тема –
И – жирная и чёрная черта…

И – море слёз, и прежние обиды,
Которые таились в глубине,
Не подавая никакого виду –
Вдруг вспыхнули в тебе, да и во мне.

Зачем опять – живьём – сдирать коросту
С давным-давно зажившего рубца?
Вот так – одним лишь словом – очень просто…
И кажется, что это – до конца.

И кажется, что сердце разорвалось
Уже давно и мечется в груди.
И только раздраженье, и усталость,
И крик: – Постой, послушай, погоди!

И только боль, надрыв, и слёзы, слёзы.
А верилось: покой и тишина
Давно сменили бешеные грозы,
Которыми так славится весна…

Казалось, что сменился здравым смыслом
Бездумный пыл далёких юных лет…
И вот, Бог знает кем, себя я числю,
И нет конца слезам, и мыслям – нет…
* * *
Ты и я – мы с тобою – вожатые…
Пионерское лето созрело.
Воспитатели – малость поддатые –
Пересменка – понятное дело.

Ты учил меня музыке, помнится –
Безуспешно – в отсутствие слуха.
Я с тобой в воспитательской комнате –
Сохраняла присутствие духа.

Те занятия, видимость, в сущности:
Было слушать тебя интересно,
Ты читал мне рассказы из «Юности»,
Замечательно пел свои песни.

Наша дружба, такая недавняя,
Мы пока ещё не осознали –
Обещала быть чистой и славною,
А любовью бы стала – едва ли.

И терзая рояльные клавиши,
Я тихонько – почти что молилась:
Ну, пожалуйста, ты же мне нравишься!
Не влюбляйся в меня, сделай милость!

* * *
Не мечите бисер даром – не поймут –
Это свиньи – им по барабану.
Ну, а тот, кто самомнением раздут –
Уподоблен важному барану.

Продолжая этот странный зодиак,
Вспомню про бодливую корову –
Не дал Бог рогов – и пятится, как рак,
Так и прёт на те же грабли – снова!

И не важно – особняк или барак –
Был для них пристанищем с пелёнок:
Дурака не убедить, что он – дурак,
А подонка – в том, что он – подонок.
* * *
Я росла в убеждении том,
Что живёт на земле справедливость,
Что приходит она – не потом,
И что это – не просто красивость.

Не фигура в словесной борьбе –
А конкретное чудо природы:
И что все повороты в судьбе,
Все удачи, успехи, невзгоды

Мотивирует вовсе не фарт,
Не слепой и бессовестный случай,
Не колода раскинутых карт –
Говорят нам, кто хуже, кто лучше.

А даётся нам всем по делам,
А иначе сказать – по заслугам.
И, конечно, житейский бедлам
Я встречала почти что с испугом.

Понимала – не так хороша,
Как хотелось, система раздачи.
Поначалу кипела душа,
Что не тем улыбалась удача.

Вот: копаюсь в словесной золе…
Но зато я теперь понимаю:
Справедливости нет на земле,
Ну, а выше – пока что – не знаю…
* * *
Ну, вот и всё, и осень отошла,
«Отговорила»…
Листва внизу, и всё же у ствола –
Такая сила!
Звенящая над лесом тишина.
И я под нею.
Не то, чтоб от всего отрешена,
Стою, дурею…
Такая мощь под белизной берёз,
Под берестою….
Её весенних, сладких-сладких слёз –
Да, нет, не стою!
И всё же здесь, у кряжистых корней –
И я сильнее,
И потому – в плену осенних дней –
Стоять под нею,
Мне так приятно! К свежести коры
Щекой прижаться.
И дай-то, Бог, до мартовской поры
Мне продержаться!
* * *
Как это просто нынче стало:
Пойти в один из павильонов,

И не корячившись устало,
Купить корзину шампиньонов…

Да, ладно, ладно, не корзину –
Большой мешок – в одну минуту.
Не напрягая ноги, спину…
Но как-то скучно почему-то…

А впрочем, вкус у них – что надо,
И червяки – не портят дело…
Но каждый гриб в лесу – награда!
И пусть измученное тело

Болит от дальнего похода,
Но компенсирует усталость
Великолепие природы,
Казалось бы, такая малость!…

А изобилье павильона
Лесную не заменит свежесть,
И тишину в ушах – до звона,
И мха податливую нежность.

А этот запах – до озноба!
Бог весть, чего соединенье!
И настроенье – высшей пробы –
Да, просто – супер – настроенье!
* * *
Я же обещала – и приду:
Ранним-ранним утром, по морозу,
Против ветра, вытирая слёзы…
В том, несостоявшемся, году.

Будет круглый столик, с давних пор –
Чуть шершавый, снова без скатёрки…
И портвейн, простецкий – три семёрки.
И непрозвучавший разговор…

И зажавшись в кресле, в уголке –
Словно на скамейке подсудимых,
Буду мимо глаз смотреть любимых,
И не прикоснусь к твоей руке…

И секунд медлительнейший бег
Мы растянем на часы и сутки,
И сожмём столетье – до минутки…
Я уйду в отсутствующий век.
* * *
Ну, что мне мешает собраться, пройти вдоль канала,
Сегодня, когда нет дождя и по-летнему ярко?
Ведь, право же, я так давно в тех краях не бывала,
К тому же – достойна вполне полученья подарка!

А мне в этот день не угодно подарка другого –
Как только идти по прямому маршруту – в былое.
Встречая глазами приметы того дорогого,
Что видели мы, путешествуя вместе с тобою.

Я взгляд отвожу от сегодняшних скучных реалий:
Рекламных щитов, иномарок, свистящих под ухом…
Стараюсь фиксировать взглядом родные детали,
И к плеску волны примеряюсь старательным слухом.

И всё в этот сказочный день впечатляет сильнее:
И блики осеннего солнца на храмовой смальте,
Которое светит вовсю – но нисколько не греет,
И звёздочки листьев кленовых на мокром асфальте…

Всё звонче звучат потаённые чуткие струны,
А я и не знала, и думала: живы едва ли…
А может, махнуть на Карельский, на станцию Дюны?

Ведь мы там с тобою, мне помнится, тоже бывали.

* * *

Возникает внезапно,
Сильней урагана, порыв,
Как желание пить
Среди выжженной солнцем пустыни:
Всё пройти, поэтапно,
Ошибки свои повторив,
Чтобы снова прожить,
Всё: от юности лет – и доныне.

И ни в чём не солгать.
И по тем же, глубоким следам,
Замыкая в кольцо
Тяжкий путь по житейской трясине,
Умостить свою гать.
Ничего из тех лет – не отдав,
Сохраняя лицо,
Подрываясь на собственной мине.

Я довольна судьбою,
Как может лишь тот человек,
Что живёт настоящим.
А прошлое – с будущим вместе…
И чиста пред тобою,
Как выпавший только что снег
На безмолвно парящем
Среди облаков Эвересте…

* * *

Бывают ли свиданья в новом мире?
Никто наверняка того не скажет.
В межзвёздном малорадостном эфире
Ни телефона нет, ни почты даже.

И глупо верить в выдумки индийцев,
Хотя оно, порою, и приятно,
Что мы в обличьях зверя или птицы
На землю возвращаемся обратно.

Я никогда, нигде тебя не встречу:
Ни в Риме, ни в Берлине, ни в Париже…
Но знаю: без пророка и предтечи –
Что с каждым днём к тебе я ближе, ближе…

* * *

«»Какая музыка была, какая музыка звучала!»
Она совсем не поучала, а лишь тихонечко звала» Ю.И.Визбор

Эти ходики – в самом начале
Ты на кухне на стенку повесил,
А сегодня – они застучали,
Хоть молчали, пожалуй, лет десять…

Я всё утро себя ощущаю
Самой милой – как Солнце лесное,
Мы сидим в ожидании чая –
Слышишь: чайник свистит за стеною?…

Телефон, где-то рядом, в квартире,
Вероятно, опять у Аркаши,
Где делились – картошкой в мундире,
Да и боль была общая – наша…

Мы прощались, и Санин Серёга
Обнимал нас любовно за плечи –
Понимали, что долгой дорога
Эта станет… Не знали, что вечной…

Ледокольщика Сашу – с женою –
Мы учили играть на гитаре.
И казался нам полной Луною

Яркий блик, отразившийся в таре.

Вспоминали девчонку с Чукотки,
Что таращилась вслед ледоколу,
Вспоминали «дары и находки»
Кулоярве и Кичкенекола.

Говорили смешными словами,
Что от «Л» и до мягкого знака –
И бездумно сорили деньгами,
Ни о чём не жалея, однако…

И под звуки Домбайского вальса
Вспоминали, как сходят лавины…
Не забудутся, как ни старайся,
Синебокие в море дельфины.

За окошком туманилась осень –
Только мы замечали едва ли…
Это песнями Визбор Иосич
Уводил нас в далёкие дали…
* * *
Ох, как потянуло холодком –
Сбоку из открытого окошка,
И вокзальным угольным дымком –
Пахнет по-вечернему – немножко.

Днём другие запахи вокруг:
Выхлопы, табак, а чаще, пища.
И забот и дел – порочный круг –
Вечерами всё острей и чище.

И вот этот запах – навсегда
Врезавшийся в память: из вагонов
Так тянуло в прежние года –
Запахом разлуки и гудрона.

И теперь мою волнует кровь –
И опять меня зовет куда-то…
И опять рифмуется «любовь» –
Только ехать, вроде, поздновато…
* * *
Смешенье лет, веков, явлений, дат…
И путаница старо-новых стилей.
И каждый год событьями богат,
Но всё же этот день не пропустили.

Остался он, как юной дружбы след,
Как повод заходить всегда без стука…
Как здорово сказал тогда поэт:
«Кому бы мог пожать от сердца руку!»
* * *
Оскорбление для мёртвых,
Срам навеки – для живых –
«Правовое, мол, пространство!»
Страх присяжных – в общем – ясен.
Вопли адвокатов тёртых.
Если тридцать ножевых –
Означает «хулиганство»!
Что тут скажешь? Мир «прекрасен»!…

Процветанье «гуманизма»,
Моратории на казнь –
Несомненно, восхищают!
Демократии – восторги!
Назревают катаклизмы –
Так и жди, что мордой в грязь!
И никто не замечает –
В упоеньи диких оргий!
* * *

А воздух уже не осенний –
Особенно по утрам.
И этих коротких мгновений
Чуть-чуть не хватает нам.

Пока ещё в лужицах листья,
Пока ещё чист асфальт,
А воздух настолько чистый,
Что сразу почуешь фальшь.

В словах и поступках тоже –
И нет уже сил терпеть –
Давай мы добро умножим,
А зло разделим на треть.

Давай пошуршим листвою,
Продавим с треском ледок.
Согреем жарой печною
Вселившийся холодок.

Растопим сердца. И лужи,
Растают пускай до дна.
Ведь всё-таки: ты мне нужен!
А я тебе – не нужна?

* * *

Не поверил ты опять моим слезам,
Говорят, что это – свойство москвичей.
И теперь не отворяется Сезам,
И игра не стоит свеч… или свечей?

Поселилась беспросветная беда,
В тех пределах, где всегда жила любовь…
А к тебе совсем не ходят поезда,
Несмотря на то, что город – не Тамбов…

Я решила вновь поверить в чудеса –
Захотела взять билет на самолёт…
Но у нас заледенела полоса,
И, наверно, самолёты вмёрзли в лёд.

Захотела увидать тебя во сне,
Хоть и ясно – это вовсе не всерьёз.
И проснулась – при погашенной Луне,
На подушке, всей промокнувшей от слёз.

Так замкнулся тот, весьма порочный, круг
Я ведь знаю, что слезой тебя не взять.
И осталось – мне тебя, мой милый друг,
Вечерами безнадёжно вспоминать…

* * *

«В нашем городе дождь, он идёт днём и ночью…
Слов моих ты не ждёшь – я люблю тебя молча…»
Е.А.Евтушенко

Ты перестал моим смеяться шуткам,
К моим рассказам – вовсе равнодушен,
Жаль на меня потратить полминутки,
Чтоб ерунду мою чуть-чуть послушать…

И пение моё – тебе – не очень…
Чтоб не завыть тихонечко по-волчьи
Во мраке ледяной осенней ночи –
Любить тебя я буду – только молча…

* * *

Всего два дня пути – подать рукой:
В чужой стране, что так стремится в НАТО,
Тот город с тополями над рекой,
Где бабушка моя жила когда-то.

Где речка заливала берега

Весенним оголтелым половодьем,
И где во мне – возможного врага –
Готов увидеть кое-кто – сегодня.

Где путь прошла – от первого шага –
До первого осмысленного слова.
И мне была близка и дорога –
Певучая украинская мова.

Где мы с сестрёнкой плавали в реке,
И на плаву держались, как дельфины.
А после – долго грелись на песке,
До черноты зажаривая спины.

И мне порою видятся во сне
Огромные деревья вдоль забора.
Как хорошо, что это не при мне –
Срубили их и вывезли с позором...

Где ежедневно бегали в кино
И в старый парк – качаться на качелях...
Хоть было это всё – давным-давно –
Но было ведь оно – на самом деле.

Пчелиный рой, сорвавшийся в полёт,
И пасека, и марево над лугом...
Какой же гад, подонок, идиот
Нас ухитрился разделить друг с другом?

Я до сих пор – читаю Кобзаря,
Пою про зелен клен и черемшину,
И плачу, ничего не говоря,
И вспоминаю ридну Украину...

Всего два дня пути – подать рукой...
Но где-то на совсем другой планете...
И тополя засохли над рекой,
И бабушка меня уже не встретит.
* * *
Откуда свалилась такая напасть –
Повадилась я рифмовать непрестанно...
А было бы проще – до донца стакана
Добраться, ещё раз. И просто – упасть!

Так нет же – сижу, подбираю слова,
Один за другим, компоную катрены...
Какого-то предка какие-то гены,
Видать, взбунтовались – гудит голова!

И чтоб полегчало – да, нет, тяжело,
Не лучше душе, и веселья – ни грамма...
Смотрю за окно – как турист в диораму –
И лбом утыкаюсь в слепое стекло.

Кому это надо? Кому я должна?
И с кем договор я в душе подписала?
Но в сердце застряло осиное жало.
И нет мне покоя, блаженства и сна...
* * *
Покажи мне, берёза, зелёную ветку украдкой,
Ту, что прячешь в потоке осенней сплошной желтизны.
Так и я утаила живые и тёмные прядки
Посреди победившей и взявшей своё седины.

Я листаю дневник – в потемневшей обложке тетрадку...
Удивительный факт: я всё помню и без дневника.
Эти строчки читать – мне неловко: и больно, и сладко –
Словно вывела их не моя, а чужая рука.

И как слой штукатурки сползает, кирпичную кладку
Обнажая, так снова бушует событий поток.

И срывает поступки – с судьбы, как с прорехи – заплатку,
И выводит – по факту, нерадостный, в общем, итог.

Я росла и жила, сознавая себя ленинградкой.
Петербурженкой стать я, пожалуй, за честь не почту.
Побеждала хребты, но порой оступалась на гладком,
И держась за пустяк, отдавала без боя мечту.

А теперь – ветерок достаёт и под тёплой подкладкой,
И холодные струйки ласкают мою седину.
То ли холодно мне, то ли мне по-осеннему гадко,
То ли дождь моросит, то ли просто иду я ко дну…
* * *
И правда, кажется зелёной
Берёза в свете фонаря,
Не все ещё опали клёны –
Не смотрят в лист календаря.

Не опасаясь, что внезапно
Порывы ветра налетят,
И очень может быть, что завтра
Вдруг разразится снегопад…

Не дожидаясь нужной даты,
Налипнет слёту на листву,
Уронит комья влажной ваты
На чуть пожухлую траву.

И будут меж собою люди
Переговариваться, мол:
Зима теперь суровой будет,
Ведь лист – до снега не сошёл…
* * *
По памяти пишу картины Крыма –
С натуры – не случилось, не сложилось.
И вот теперь пришло, как Божья милость,
Явилось осязаемо и зримо…

Поблескивает тусклой чешуёю
Извилистая лента серпантина,
И снова возникает предо мною
Уже полузабытая картина.

Рядами виноградники стекают
В причудливую горную долину.
А где-то там, в просветах возникает
Морская бирюзовая равнина.

И солнце над бескрайнею лазурью,
В слияньи двух великих океанов.
В таящемся в глуби дыханьи бури –
И в запахе – загадочном и пряном.

Его теплом согретое пространство
Не вытравят стремительные годы.
Нечёткое хмельное постоянство,
И вечная изменчивость природы.
* * *
Ещё не забыто плаванье,
Но, видно, мы стали старше.
И в гавани, в тихой гавани
Стоят бригантины наши.

Ещё паруса потёртые
Готовы взметнуться снова…
Пока ещё мышцы твёрдые,
И гордое зреет слово.

Ещё башмаки с набойками
По палубе могут топнуть.
И мы пока слишком бойкие,

Чтоб взять, да и враз утопнуть.

А если прижмёт негаданно
Да так, что и не отвертишься –
Не надо свечей и ладана,
Пусть Эльма огни засветятся.

Пусть ляжем костьми калёными
На дно – ничего не спросим…
А море волну зелёную
Качнёт, словно кроны сосен.
* * *
Катился поезд по российской шири.
И если честно, скорым был – не очень.
Но мы с тобой нисколько не спешили –
Мы целовались в тамбуре полночи.

Потом полдня стояли у окошка,
Дыша природой, сквозь порывы ветра –
Она охладевала понемножку,
Меняясь с каждой сотней километров.

Жара и духота Причерноморья
Сменилась белгородскою теплынью,
А запахи кавказского предгорья –
Шальной горчащей выжженной полынью.

А Подмосковье – встретило дождями,
И летнею, но всё-таки прохладой…
И было всё понятно между нами,
И лишних слов – совсем уже не надо.
* * *
» Я не знаю, как остальные,
но я чувствую жесточайшую
не по прошлому ностальгию —
ностальгию по настоящему.»
А.А.Вознесенский

Стою на берегу родной Невы,
Дышу её прохладой и простором.
И верные друзья – литые львы –
Не докучают нудным разговором.

Они всё помнят, так же, как и я,
И всё хранят в молчаньи, между нами.
Они давно – почти моя семья,
Как я, побиты ветром и волнами.

Мы с ними вспомним юные года –
Мои, конечно, ведь они – постарше.
И всё, что мы запомнили тогда,
Теперь уже навеки будет наше…

Как монотонно плещется вода,
Кроша гранит, помалу, год за годом…
И надувные шарики сюда
Роняют дети в праздники. Погода

Сегодня удивительно тиха,
И влажное дыхание залива
Чуть ощутимо. В плавный строй стиха
Вливается оно неторопливо.

А чайки – здесь – безумно хороши,
Не то, что во дворах, в бачках помойных…
И воздух – не надышишься! Дыши –
Пока душа на месте и спокойна!
* * *
Увезли сегодня в катафалке
Старика-соседа – в путь последний.

Был он – дядька добрый и не вредный,
Но не потому – ужасно жалко.

Жалко потому, что безнадёжно,
Безвозвратно – значит – беспросветно.
И на сердце – горько и тревожно:
Так вот – исчезаем незаметно…

Этажи пустеют понемногу:
Из родных, жилых и тёплых зданий
Уезжают люди – в гости к Богу –
«К Богу не бывает опозданий»…
* * *
Какой прозрачный двор –
Он виден весь насквозь.
Теперь он серым стал,
А был – такой зелёный.
И как немой укор
Летит листва берёз,
На лужи, на асфальт,
На голые балконы.
Дома стоят – мокры,
Прикрыв от ветра окна,
И ёжатся слегка,
И дождик моросит.
И клёны не пестры,
Сутулятся и мокнут.
Зима издалека
Морозами грозит.
И ветер по дворам
Комки листвы гоняет.
А дворникам за ним
Вовеки не поспеть.
Летает всякий хлам,
И вечер наступает,
И скорченные дни
Уменьшились на треть.
* * *
Давно живём во власти беспредела,
Сорвавшись с проторённого пути.
И – вроде, все в делах, да только дело
Бессмысленно – и шаром покати –
Укатится… Всё глупо, надоело…
Банчок сорвал – расслабься и кути,
А если нет – такое замути,
Чтоб напоследок – и чертей задело!
Кто виноват, и что же всем нам делать?
Еще вопрос: куда потом идти?
Ни зги не видно, сколько ни крути
Башкой, почти оторванной от тела.
* * *
Говорить о любви – прекрасно!
Понимая, что всё – взаимно.
Горячо, вдохновенно, страстно –
Словно звуки святого гимна.

И при этом, как будто чудо –
Видеть глаз напротив сиянье,
Этот свет, идущий оттуда,
Овещающий мирозданье…

Подбирать слова, как осколки,
Облекать в узор мозаичный.
Может статься, сбиваться с толку,
Без боязни – о самом личном…

Это здорово, это – просто,
Это – каждому так понятно.
Это, словно в застолье тосты:

Переброски: туда – обратно.

А когда пропадают втуне
Все слова, что рождает сердце,
Словно ветер студёный дунет –
И вовек уже не согреться!

И слова твои – безнадёжны,
Говоришь, бесполезность зная,
Даже эха ответ тревожный
Не звучит – немота сплошная.

Тонут звуки в прослойке ватной,
За тяжёлой стеной железной.
И понятно, умом понятно –
Всё напрасно и бесполезно…

А душа всё кричит от боли,
Лишь сама себя оглушая…
И слова текут поневоле –
Отупляя и сил лишая…
* * *
Вот и снова запуржило, замело –
Право слово – настоящая метель,
И вокруг так удивительно бело –
Вьётся, вьётся вековая канитель.

Всё, оттаяв, распускается весной,
Расцветает и даёт свои плоды,
Чтоб мороз сменил палящий летний зной –
Но природа в том не чувствует беды.

Но к погоде неизменный интерес
Мы на чувство проецируем своё.
Беспечален и естественен процесс –
Это мы ему эмоций придаём…
* * *

Считается, что мне не больно –
Не ощущаю, не должна…
Я состраданья недостойна –
Я лишь кирпичная стена.

Те пули, что в меня попали,
Сквозь ткани мягкие пройдя,
Во мне навеки застревали,
Торча, как шляпки от гвоздя.

А капли крови, крохи плоти –
Мои впитали кирпичи.
Я, как ступень на эшафоте,
И мой удел: всегда молчи!
* * *
Мне предложили: мысли о морали
Собрать в единый том, да чтоб – издали!
Для тех, кому охота поумнеть…
Но и в былые дни, сколь ни старалась –
Издателя найти не удавалось,
И думаю, что не удастся впредь…
Собрать стишки в мешок – вперёд и с песней!
Вот этот путь, конечно, интересней…
Ведь с песнею – всегда легка дорога –
Но вскоре останавливаюсь – ведь
Тех, кто желал бы взять да поумнеть –
Вокруг, увы, совсем не так уж много…
* * *
Всё чаще останавливает мысль,
Что, дескать, не по возрасту, ни к месту,
И реже порывает мчаться ввысь,
Уж очень припечаталась к насесту…

Всё чаще понимаешь – не судьба,
Пора прошла, и миновали сроки.
Не нажила от пахоты – горба,
Поизвлекала мудрые уроки.

И отточила, словно остриё
Удобного и лёгкого кинжала,
Логическое знание своё,
Но всё-таки потерь – не избежала.

А впрочем, можно ль обмануть судьбу,
Хоть будь во лбу семи бескрайних пядей?...
Удача, что пока я не в гробу? –
Не знаю, право, на реальность глядя...

* * *

Мы рады наши мудрые мозги
Грузить философической задачей...
А то, что в жизни – не видать ни зги –
Нам стало безразлично... не иначе...

Пытаемся до сути докопать,
Отфильтровать все плевелы от зёрен...
А тот, кто ловок, цепок и проворен —
Подсуетился – и чужое – хвать!

И нынче – хоть начальник и дурак –
Но, вроде, не дурак – ну, раз начальник...
А умный – не оправится никак
От жизненных нелепостей печальных.

И стоит ли глубины постигать,
Того, что велико и неизменно?
И мыслить категорией Вселенной,
Таща по жизни умственную кладь...

Иные нынче ценности в ходу –
А дальше – и того страшнее будет...
Предчувствую грядущую беду –
А вы её предчувствуете, люди?!

***

Лёгок пушистый снежок
Памяти нашей...
Ну, не печалься, дружок —
Время подскажет:

Новому утру вставать,
Детям – родиться...
Как же всё это назвать?
Не ошибиться...

Время такое – держись:
Многоэтажно...
Это, наверное, жизнь –
Лучше не скажешь.

***

Какой-то необычный яркий свет
Припорошил наш двор желтушной пудрой.
Наверно, физик дал бы мне ответ –
Да, где ж его найдёшь ноябрьским утром?!

И вот сижу: гадаю на бобах,
Что значит это странное явленье –
И хочется мне верить, что не крах
Всего, что есть – не светопреставленье...

А что-то где-то, там, вверху, в слоях,
Допустим, например, в ионосфере,
Где Солнышко с Луною на паях –
Нас освещают... И сама не верю

В естественность причин. Нехорошо
От этих скорбных мыслей без предела…
Пока гадала – с неба снег пошёл –
И жёлтый мир стал непорочно белым!…
* * *
Я привыкаю к людям… А они
Уходят в мир, откуда нет возврата.
И жжёт тоска, отчаянью сродни,
Как будто я в утратах виновата.

Как будто что-то упустила я,
Не доглядела, малость опоздала –
И скрылся поезд в дальние края
С какого-то безвестного вокзала.

А, кажется: чуть-чуть – и удалось
Остановить, рвануть стоп-кран, и силой,
Надеясь на «авось» или «небось»,
Их задержать над раннею могилой.

А я – в другую сторону пошла,
Другими озаботилась делами…
Для горечи моей – земля мала,
И вечность оказалась между нами.

И как теперь себя ни истязай,
Как ни кори – не изменить итога…
Уехал поезд, и ушёл трамвай –
И лишь пылится дальняя дорога…
* * *
Как будто надругательство – ввели
Нелепый День народного единства –
Сейчас, когда во всех концах земли
Уже тошнит от всяческого свинства.

Едины – были мы, пусть не всегда,
И не во всём, что делать: или-или…
Но ведь сегодня нас, как никогда –
Разъяли, разделили, разобщили…

И с кем объединяться я должна –
С подонком, что страну свою ограбил?
Ну, вот, уж – извините! Ни хрена!
Какого, извините, чёрта – ради?!
* * *
Припомни мотивчик тот старый
И в гости меня позови.
И тронь поседевшей гитары
Звенящие струны любви.

И песню напой дорогую,
Чтоб вышибло разом слезу,
Я знаю – ты помнишь такую –
Да, Юру, конечно, Лозу!

Мы сами – такие. И наши
Устои – из песенных слов.
И петь мы умеем, и даже –
Мы чувствовать можем любовь!

Ты пой – я тихонько подвою –
Чтоб с ноты тебя не сбивать.
С безумной моей головою –
Без разницы: петь иль рыдать…

Но слёзы такие – отрада,
Ну, вроде: на уши – лапшу…
Ты пой, не пугайся – так надо:
Поплачу – и легче дышу.

Ты трогай тихонечко струны –
Сегодня – не тянет на бой!
Покажется – мы ещё юны,
Смешны и наивны с тобой…

* * *

О, как же не хватает тишины,
Той самой – до отчаянного звона
В ушах, до набегающей волны,
Где нет ни звука, ни щелчка, ни стона!…

Не топает сосед по потолку,
Не лает одуревшая собака –
И всё, что совершилось на веку
Вдруг предстаёт: до чёрточки, до знака…

Всё явственно, прозрачно и светло,
Хоть и трагично, тягостно порою –
И кажется – от сердца отлегло…
Где тишина? Сижу – и матом крою

Соседских невоспитанных детей,
Дурную оголтелую собаку,
Дырчёж машин всех марок и мастей,
Сигнализаций злобную атаку,

Помоечный рычащий грузовик,
Компанию подвыпивших уродов –
Быть может, кто-то к ним уже привык –
Сидят, орут – без скидок на погоду…

А мне же – не хватает тишины –
До дури, глухоты, до помутненья –
Такой, чтоб были явственно слышны
Звучащие не в лад сердцебиенья…

* * *

В пространстве между тартаром и раем –
Живёт чудной загадочный народ,
В стране, что перманентно умирает,
Но всё никак, представьте, не умрёт…

Он водку пьёт – становится трезвее,
От водки – мрёт, не прекращает пить…
И тот ему – дороже и роднее,
Кто лучше всех сумеет обдурить.

Он говорит, себя ругая матом,
Уродует свой собственный язык.
Сам для себя – первейшим будет катом –
А что ему – он так уже привык!

Свинья его – грязна, коровы – тощи,
Он будет в грудь себя упорно бить,
Но вырубит берёзовую рощу –
Чтоб баньку раз в неделю протопить.

Во всём готов дойти до самой сути –
И – ничего не хочет понимать…
Ласкайте вы его – или бичуйте…
Да, я сама – такая, вашу мать!…

* * *

Сердца раскалённого остуда –
Петергоф с фонтанами на взлёт…
Каждый день стекает это чудо –
Самотёком – с Ропшинских высот…
Щедро, от души, не по-французски,
Хоть и взят Версаль за образец.
Мест хватает – нестерпимо узких –
Но блеснуть – тут каждый – молодец!
Мастера отсвечивать фасадом,
Поприкрыв от взглядов задний двор…

Не хочу о грустном, нет, не надо –
Это я случайно – не в укор…
Не хочу ругаться – и не буду!…
Красота – её любой поймёт:
Сердца раскалённого остуда –
Петергоф с фонтанами на взлёт…
* * *
Идёт за веком век.
Причины не пойму:
Чем проще человек –
Тем проще жить ему…

Не строит – что с того? –
Над вечностью мосты.
В журналах для него –
Каноны красоты.

В квартире у него –
Давно евроремонт.
Ну, а важней всего –
Не что-нибудь, а понт.

Среди забот и бед
Одну он цель познал:
Чтоб друг его – сосед
От зависти завял.
* * *
Муравейник на дороге,
Мне навстречу – муравей,
Он мои кусает ноги…
Кто из нас Земле нужней?

Кто из нас важней и больше –
Не всегда – так иногда?
От кого реальней польза –
Иль, хотя бы, нет вреда?

Чьё главней предназначенье:
Человека? Муравья?
Кто получит предпочтенье?
Полагаю, что не я…
* * *
Вновь стрельба и взрывы, кровь на рынке,
У прилавка, где мужик сидел…
Наша жизнь – лубочная картинка,
Под названьем «Чёрный передел».
А когда делёжка – без закона –
Бесконечным будет передел…
Грохнул выстрел, каркнула ворона…
Кто-то оказался не у дел…
* * *
Мегаполисы, суперграды –
Громоздятся и вширь, и ввысь.
И зачем это людям надо –
Что все вместе, вот так, сошлись?

Ведь не очень друг друга любят,
Это – мягко сказала я –
Ненавидят друг друга люди…
Даже если с виду – друзья,

Это вовсе ещё не значит,
Что и, правда – близки они –
Всё бывает совсем иначе
В окаянные наши дни…

Наступают порой на пятки,
Зажимают в метро бока…
То ли дело – сидишь на грядке –
А соседка – так далека…

И никто не стучит ногами
По башке – не по потолку…
В городском надоевшем гаме
На недолгом своём веку

Натерпелась порой такого,
Даже в сказке не рассказать…
А народ копошится снова –
Ничего не желая знать.

Так и грудятся все – до кучи,
Задыхаясь, вдыхают смог…
И не знают, насколько лучше
Свежий утренний ветерок.

Что гуляет в открытом поле –
Огибая жилой массив…
Говорят, что вольному – воля…
Я терплю, сколько хватит сил…
* * *
Я, конечно же, верю – случается с нами порою
То, что мы попривыкли маразмом всегда называть –
Но, как правило – каждый всегда остаётся собою –
И – с рожденья горбатый – не явит балетную стать.

Если смолоду – добрый и умный – то станешь с годами
Ты добрей и мудрее – так славное зреет вино.
Ну, а если по жизни ты рыщешь кривыми ходами –
Обязательно боком тебе обернётся оно.

Платье снову беречь – это многие могут усвоить –
А что дальше – про честь – забывают и думать о том.
На трухлявом пеньке своё зданье торопятся строить –
И дивятся потом: отчего же разрушился дом?

И у жизни учась, и у мудрости прошлых столетий –
Тот, кто думать умеет – возьмёт непременно своё.
Ну, а тот, кто без всякого смысла толчётся на свете –
Был, и будет, и есть – беспросветно тупое дубьё.

Жаль, что всё ж на земле – справедливости, в общем-то, мало,
И не очень к веселью наш мир приспособлен, увы…
Маяковский – не я, к сожалению, это сказала –
И умнейшим порой – не дано уберечь головы…

От незнанья – всегда возникают нелепые слухи,
А излишние сведенья – смотришь – и крышу снесут.
Чтоб порядок блюсти – в головах избегайте разрухи,
Всё фильтруйте старательно, чтоб не изгадить сосуд!
* * *
Ну, скорей нажимай на педали,
Зажигание, что ли, крути!
Увози меня в дальние дали –
Может, вместе собьёмся с пути!

Может, вместе заблудимся в поле,
Среди трёх облетевших осин.
И, возможно, тогда поневоле
Будешь воин – хотя и один…

На бескрайних российских просторах,
Где царит девятнадцатый век,
Мы с тобой уживёмся, и скоро
Время резко застопорит бег.

Будут долгими зимы и лета,
Будет белым и чистым снежок.
И зелёной трава… А с рассветом
На росистый и сочный лужок

Погоню я козу и корову,
И доить, может быть, научусь…
И не будет ни взгляда, ни слова,
Вызывающих скуку и грусть…

Тосковать нам придётся едва ли,
И откроется истины свет!
Увози меня в дальние дали!
Что молчишь?… Зажигания нет…
* * *
Бессонница закружит, как метелица,
Да так, что и глаза-то не глядят,
Не ходят ноги, руки не шевелятся –
И только в голове гудит набат.

А ведь казалось раньше – это здорово:
Не спишь – и можно многое успеть!
Теперь же знаешь: эта штука – с норовом –
Как будто по мозгам гуляет плеть.

Ни мысли нет, но странные видения –
Ни с чем не свяжешь, не увяжешь их –
Один лишь результат ночного бдения:
Полубезумный, вымученный стих…

Но позабудешь все свои страдания,
Когда прочтёшь, проснувшись утром, ты
И осознаешь, что твои старания –
В конце концов – не так уж и пусты!
* * *
Весною снова вырастет трава,
Но не окрепнет немощное тело.
И жить-то, в общем, начали едва –
Но как-то всё порядком надоело.

Такой Содом, что веришь не всегда,
Мы смотрим на него оторопело:
Успеем только крикнуть – это, да –
Но вряд ли нам по силам – сделать дело…

На что нам вдохновенье? Бог же с ним!
Его пора оставить мне в покое…
Заняться, что ли чем-нибудь другим…
Пойти – сготовить что-нибудь съестное…

Бывает, что под каждою строкой
Своей рукой готова подписаться.
Но не приемлю дряни никакой:
Наветов, клеветы, инсинуаций.

Наверно, надо вдариться в маразм –
И лишь тогда в стихах заблещет юмор!
А так: печаль, ирония, сарказм –
Бери на выбор… Слишком жизнь угрюма!

Вернись, постой – не надо, уходи…
И ничего, по сути, непонятно.
Довольно беспросветно впереди
И невозможно повернуть обратно.

Чего бы я хотела?… Вот – вопрос!…
Масштаб такой – что не охватишь взглядом!
В себя посмотришь – забибикал «сос»…
Вокруг посмотришь – ничего не надо!
* * *
Головой о дверь не будем биться –
С нервами справляться научились…
Нам товарным видом – не гордиться,
Но ещё вполне сойдём на силос.

Старые, морщинистые лица –

Собрались ровесницы-подруги…
Плохо держат форму ягодицы…
И в других местах – не так упруги.

Но зато мудры и прозорливы,
И поговорить – всегда готовы.
Где ещё услышать бы смогли вы
Умное и ласковое слово?

Да, с годами малость износились,
В общем, скажем прямо, не девицы.
Но не плюй в колодец, сделай милость –
Может быть, ещё и пригодится…

Мы свои урезали запросы,
Нам теперь всего – морковка слаще.
Позабыты «лишние» вопросы –
Только улыбайтесь нам почаще!
* * *
Допустим, враг твой лютый – посрамлён –
И кажется, что праздник твой – сегодня –
Ты не злорадствуй, что унижен он –
Никто не знает замыслов Господних…

И посреди цветения садов
Коснуться может жёсткое дыханье
Ненужных и нежданных холодов…
На то они – и тайны мирозданья.

И планами своими – не смеши
Всевышнего – иль кто там – на подхвате…
Пускай красоты тела и души –
Таит полумонашеское платье.

Не торопись восторгами смущать
При первом проявлении успеха –
Судьбу свою никто не может знать:
Ни места слёз, ни повода для смеха…

И не гневи напрасною тоской –
Того, кто крутит колесо Фортуны.
Бестрепетной холодною рукой
Перебирает призрачные струны,

Распоряжаясь ветром и дождём,
Провалом и успехом наделяя…
А мы – годами безнадёжно ждём:
Любви, удачи, нужного трамвая.

А так внезапно постигает крах.
Всевышнему ль, нечистому – в угоду?
И не гордись – ребёнком в ползунках
И пылкой страстью – по второму году…
* * *
Ни к чему обострять отношения,
Создавать себе лишние трудности.
Но лишает меня неподсудности –
Пресловутая жажда общения…

Говорят, что молчание – золото –
А народ, зря болтать – не обученный,
Не всегда интеллектом измученный –
Жерновами истории молотый –

Не соврёт в основных своих доводах –
И от них отрекаться – не следует –
А иначе – за каждой победою –
И для горя отыщутся поводы…

И вот так – привыкаем к молчанию,
И прощаем, где действовать стоило.

Каждый – в стойло, и мордою – в пойло:
Вот и путь: от блаженства – к отчаянью…

И лишаю себя неподсудности,
И теряю в словесных баталиях:
Силы, нервы, здоровье… и далее…
Где ж вы, редкие проблески мудрости?
* * *
Мне – рифмовать слова:
Лечить на сердце раны.
И, как это ни странно –
Я всё ещё жива…

Народная молва
Бормочет непрестанно
Про города и страны,
Моря и острова…

А видели едва –
Ближайший полустанок,
Где пиво пьют из банок –
По литру и по два…

Зелёная трава
Свежее возле крана –
Вот это – без обмана,
И жизнь всегда права!

Судьбы моей глава.
Понятна и болвану.
Словесного тумана
Сплетаю кружева…

А сказка – не нова.
И кровь из раны рваной
Звенит о край стакана –
И кругом голова…

И всё же я – трезва:
Не жду небесной манны.
Не верую в Нирвану.
Горчит моя халва…
Я всё ещё жива –
И в жизни, Богом данной –
Живу я кошкой драной,
Рифмующей слова…
* * *
Я попала в подводную яму,
И не чувствую дна под ногами.
А вверху, далеко над горами,
Гриф-стервятник летает кругами…

Вспоминаю тебя, моя мама –
То с котлетами, то с пирогами,
Деловито, без шума и гама,
Как пристало заслуженной даме…

В убежденьях упорна – до грамма –
Только не было туч между нами…
Если что – непосредственно, прямо –
Я к тебе со своими делами…

Мы по жизни – не ведали срама,
Не гнались за большими деньгами.
Упершись, не стояли упрямо
Той ослицею – между стогами.

Только жизни привычная драма
На трагедию тянет местами.
Нас кровавой судьбы пилорама

Накромсала – большими кусками…

От упёртых зарвавшихся хамов –
Не впервой получать батогами.
Я попала в подводную яму,
И не чувствую дна под ногами…
* * *
И сыро, и серо… И хочется, чтобы погода
Решилась уже на конкретное чёткое действо.
Но климат морской – океанским теченьям в угоду
Нам вместо зимы предлагает сплошное злодейство.

Вчера лишь мело, и снежок, освещая пространство,
Не хуже Луны отражал световые эффекты.
Но нашей природе, не в тему, видать – постоянство.
Сегодня струятся потоки воды вдоль проспекта.

А я вспоминаю: сибирское давнее детство:
Крепчает мороз, белизна – но тепло в полушубке…
А тут и не знаешь, во что же сегодня одеться.
И ветер промозглый настойчиво лезет под юбку.

А завтра опять заметёт, или может, и хуже:
На море воды – шандарахнет морозец с рассветом,
В сплошной гололёд превратятся замёрзшие лужи.
Заранее оторопь бьёт, только стоит подумать об этом…

И это – не месяц-другой: с ноября – до апреля…
Успеем шараханьем в минус и плюс насладиться.
То лужи кругом, то вовсю завывают метели.
Вот так – угораздило в Питере тётку родиться!
* * *
Помнишь, моя милая сестричка,
Мой товарищ детства дорогой,
Как нам было страшно с непривычки
«В город» проходить по-над рекой?

А потом, освоились, и сразу
Мы на тот сворачивали путь,
Вопреки суровому наказу:
«Над рекой? И думать позабудь!»

В старом парке паутина в елях,
Словно седина по волосам…
Мы с тобой взлетаем на качелях
Прямо к ярко-синим небесам.

На обычной детской карусели
Мы, такие взрослые уже –
С шуточками, вроде бы, присели…
И визжим на каждом вираже!

А потом глядим на чернобривцы –
В клумбе, что на самом берегу…
Господи, какие мы счастливцы –
Это лишь теперь понять могу!
* * *
Листва опала чисто – кое-где
Отдельные листочки уцелели.
И лишь в углу двора: прижались ели –
Красивей вы не видели нигде!

У Исполкомов всяких и ЦеКа –
И то, пожалуй, сразу не отыщешь…
Их, видно, Божья бросила рука,
Таких едва ль найдёшь – одну – из тыщи.

Они сейчас, как будто та сосна,
На севере томится, на вершине…
Но всё ж их – две, а та сосна – одна,

И нет друзей – ни рядом, ни в помине.

А ёлки – две, и им чуть-чуть теплей,
Одна – другую прикрывает боком,
Ветвями чуть касается ветвей –
И, вроде бы – не так, уж, одиноко.

Но голо, сиротливо во дворе,
Листва берёз темнеет под ногами…
И хоть уже ноябрь в календаре –
Ещё не пахнет зимними снегами.

Безвременье – безрадостна пора,
Ни то – ни сё, глухое межсезонье…
И ёлочки стоят в углу двора
На тёмном оплывающем газоне.

Но вот внезапно дунул ветерок –
Какой-то непривычно-леденящий.
И шестигранных искорок поток
Помчался над землёй, слегка парящей.

И стало ясно: это не игра –
Кружат, кружат снежинки надо мною…
Давным-давно уже пришла пора –
Безвременью сменить себя – зимою!

* * *

Да, каждый уверен – подпольно –
Ну, мне-то, уж, рай предрешён!
Поэтому – вольно ль – невольно –
Сегодня бездействует он.

А нынче – бездействие страшно –
Но действие – страшно вдвойне…
Мы словно в толпе рукопашной –
На тихой и жуткой войне.

Никто не получит страховки –
Надеяться глупо на то…
И страх – не зальёшь поллитровкой,
Не спрячешь в добротном пальто!

Не скроют ни прочные стены –
Ни двери железной броня…
Настигнут везде – перемены –
Его, и тебя, и меня.

В глухом ли селе, на Рублёвке –
Где б ни был твой дом и удел –
Ты словно карась на поклёвке,
Мгновенье – и ты – не у дел!

А там уж, тебя и не спросят –
Планировал ад или рай?
Коль ноги пока ещё носят,
Покуда живой – выбирай!

* * *

Ты сказал, чтоб меня озадачить,
Что шагаешь со временем в ногу…
Ах, дружок, это вовсе не значит,
Что ты верную выбрал дорогу!

Ведь история помнит примеры:
Всем кагалом – шагали «налево» –
По призыву бестрепетной веры –
То – в костёр Орлеанскую Деву!

То – огромной и пёстрой толпою
На корню истребляли индейцев –
Словно все, как один, «с перепою»:
В духе времени – в стиле «злодейство».

А сегодня – творится такое,
Что пока оценить не по силам…
Словно чьей-то коварной рукою
Целый мир направляют в могилу…

Кто-то выживет, как тараканы.
Но утратит способность к мышленью.
Если ж нет – то опять неустанно –
По пути к самоуничтоженью –

Будут топать – в едином порыве –
И кричать, что «со временем в ногу!»
Как бараны – толпой – на обрыве.
И не будет иного итога!..
* * *
Читать стихи! И петь! И плакать умилённо…
Мы разучились – в век раскрепощённый –
Пылать! И не стыдиться пылких чувств.
Забыли – поцелуй горячих уст,
На девичьей руке запечатлённый…
И не заметит отрок просвещённый,
Что мир вокруг него – уныл и пуст…

И думать, что восторг души влюблённой
Вам заменить сумеют феромоны!…
Да, лучше сразу – головою в дуст!
Нам дарит аромат – жасмина куст,
А в голове, ничем не омрачённой,
Бездушной, проще – неодушевлённой –
При мысли о любви – купюры хруст!
* * *
Ненавижу политические дрязги –
Жизнь духовная – покоя не даёт.
Но когда на нас зубами лязгать
Начинают – вся натура – восстаёт.

Мы когда-то на Прибалтику «напали»–
И без продыху – десятки лет подряд –
Всем народом навалились и пахали –
А теперь, мы «оккупанты», говорят.

Про влияние Германии – забыли,
Зачернили в бестолковых головах,
Как рыбёшку для хозяина ловили,
И ходили в деревянных башмаках.

Как приехали из лапотной России –
Инженеры, мастера, рабочий люд –
Работяги – не болтливые мессии –
А теперь им всем за это – вслед плюют.

И не чувствуют они чужую дудку –
Ведь без русских нынче каждый – молодец!…
Со стихом – покончу я через минутку…
Для Прибалтики – проблемам – не конец…
* * *
Вот здесь с тобой бродили мы тогда,
Ручьи, журча, метались под ногами.
Большие глыбы тающего льда
С шуршаньем проплывали под мостами.

Казалось, город весь пронизан был
Каким-то нестерпимо ярким светом.
Ты утолял мой к просвещенью пыл –
На все мои вопросы знал ответы.

Мы посмотрели Крепость и Мечеть,
Хоральную искали Синагогу…
До той поры знакомый лишь на треть,

Мне город открывался понемногу.

Ты был меня на десять лет взрослей,
И Лермонтова – старше на полгода.
А город – без эксцессов и затей –
Дарил нам первоклассную погоду.

Кому в угоду и кому назло –
Осталось за пределами догадок,
Что взлётов несчастливое число
Не совпадёт с количеством посадок.

Скользя из запредельной высоты,
Наперерез сорвался истребитель.
И в облаках навек остался ты…
Лишь помню имя: Виктор… Победитель…

* * *

Свою тоску – забыть вовек не можем.
Но если кто-то нам сейчас предложит:
Забудьте всё, болейте – о своём:
О деньгах, о работе, о погоде –
А всяких чувств – как не бывало, вроде!…
И далеко же мы его пошлём!

* * *

Есть стихи на злобу дня,
Как частушки да припевки:
Оглушительно звенят,
Но частенько – однодневки.
Но сейчас такой компот
Из заморских сухофруктов –
Всё совсем наоборот
Приключается, как будто.
Однодневная любовь:
Родилась – и вмиг загнулась!
Злоба дня же – злится вновь –
Знать, на годы растянулась!

* * *

Я очень не люблю ходить толпой –
И даже если цель была гуманна,
И впереди маячил водопой –
Налево убегала постоянно.

Ещё я не люблю очередей –
Пусть даже и заманчива награда,
Увидев это скопище людей –
Решала: мне оно – совсем не надо.

Совсем не потому, что мизантроп –
Мне с Человеком – нравится общенье.
На этом свете столько разных троп –
Не всем толпой валить на представленье.

Кому-то же комфортней одному,
Иль с теми, кто тебя услышать может,
Кто даст простор и сердцу, и уму –
И не захочет дать потом по роже.

Теперь совсем особенный расклад:
И руки – у толпы – не для оваций…
Так редко все идут за рядом ряд,
Чтоб вместе чем-то добрым заниматься…

В толпе людей, практически, любой –
Я ощущаю бортовую качку.
Я очень не люблю ходить толпой
И в очереди – ждать себе подачки…

* * *

Не ругайся и не смей махать рукою!
Почему-то ты не смотришь мне в глаза…
Ну, бывает настроение такое –

Объяснить его порой никак нельзя.

Мы сейчас – за рассмотреньем важной темы –
Только вдруг я потеряла интерес:
Ведь пока мы обсуждаем здесь проблемы –
В голове идёт химический процесс!

Мы с тобой – конечно, люди, это важно,
Но вопрос пора решать со всех сторон:
Мы плаксивы, раздражительны, отважны –
И на всё влияет гормональный фон!

От него, ведь, просто так – не отмахнёшься:
Биохимия – наука из наук!
Ну, когда ж ты, наконец-то улыбнёшься
И посмотришь на меня, а не вокруг?!

Вот тогда и успокоятся гормоны,
И реакция нормальнее пойдёт…
Что? Тебе осточертели эти стоны?
Вновь ты понял всё – совсем наоборот!…
* * *
Светом костров озаряется бездна небес…
Словно какой-то весёлый языческий праздник.
Это поэт – фантазёр и известный проказник –
Прямо живьём на огонь погребальный залез!

Это его почему-то сейчас повело
На осмысленье методик и средств погребенья…
Утро туманное, что ли? Довольно тепло…
Снова какой-то циклон, перепады давленья…

Что это тянет на мысли о траурном дне –
Может, вчера, недоспав, перебрал без закуски?
Что ж вы хотите, товарищи – это по-русски!
И латиняне твердили, что правда – в вине…

Вот и сидит за пустынным рабочим столом,
Буйную голову он подпирает руками…
И размышляет, как лучше бороться со злом:
Если его припечатает траурный камень,

Это, конечно, красиво. Представил: пришли
Толпы, с цветами, в слезах – благодарных потомков…
Могут прийти мародёры – и кучу обломков
Утром найдут, и скелет – весь в грязи и в пыли…

Всё-таки, видно не зря потянуло с утра
На размышленья о прочих традициях, вроде
На берегу, у священного Ганга, костра –
Прах над водой – и уходишь – навстречу природе!

Если останется память хоть в чьих-то сердцах –
Разве нужны им для памяти этой – могилы?
Лишь бы стихи прозвучали с негаснущей силой –
Плеском волны отзовётся развеянный прах…

Но от мечты о загробном покое отвлёк
С кухни донёсшийся запах, волнующий нёбо…
Это соседка сварила себе кофеёк…
Надо бы тоже – пока не добрался до гроба…
* * *
Не люблю суеты юбилейной,
Порождения всех параной…
Этих охов и взглядов елейных –
И в сторонку: плевков за спиной.

Не люблю восклицать и сюсюкать:
Дескать, с вами! Всегда! И везде!
Понимая, что с этакой сукой –
Не присела б по малой нужде.

Но бывают ещё дни рожденья
У таких симпатичных людей,
Что готова всегда! Без сомненья!
Поздравлять – безо всяких гвоздей!

И желать – от души! Не иначе!
Им здоровья – немереный срок,
И во всех начинаньях – удачи!
И – без счёта – сверкающих строк.

Даже если недавно знакома –
Понимаешь обычно – на раз:
Если ты с человеком, как дома,
Если даже сияние глаз

Ощущаешь на миг в мониторе,
Через клавиши – рук теплоту –
С ним разделишь обиду и горе,
И надежду, и даже мечту…

Он поможет загладить эксцессы –
Да, хотя бы, тебя рассмешит –
Ни с каким-то своим интересом:
Просто так – по движенью души!

Догадались – кто это таковский
И кого я поздравить спешу?
Ну, конечно же, Владик Павловский –
Для него эти строчки пишу.

И дай Бог ему: долгие годы
В окруженьи своём – и внутри,
Несмотря на капризы погоды,
Ощущать себя: на тридцать три!
* * *
Мне приснилось, что я влюбилась –
Так внезапно, с первого взгляда…
Что за шутки, скажи на милость?
Вот придумала – это ж надо!

Мне, наверное, было двадцать.
Он, пожалуй, чуть-чуть постарше…
Взгляд от взгляда – не оторваться,
И сердца громыхали наши.

Я забыла, что так бывает –
Тридцать лет уже – не мечтала…
Я во сне – была деловая:
Было времени очень мало.

Мы кого-то везли куда-то,
Не сказали почти ни слова,
Лишь мгновеньями, воровато,
Наши взгляды встречались снова…

Это было такое счастье!
Запредельно и беззаветно…
Как же горестно просыпаться
Было в сумраке предрассветном!…
* * *
Росток – по первым узнаём листкам,
Легко понять, с каким наваром будем.
Ребёнка не поймёшь ни по рукам,
Ни по глазам… Что принесёт он людям?

Но первый признак будущей беды –
В песочнице – уже заметить можно:
Берёт чужое – без большой нужды,
А чуть чего – лопаточкой по роже

Хозяину игрушки запулит,
И не моргнёт наивными глазами…
А это – явный признак, что бандит
Недавно появился между нами.

А в наше время – всё разрешено –
Не пресекут бандитские замашки:
Ни книги, ни театры, ни кино…
Совсем напротив: Нинки, Машки, Дашки –

В восторге от геройского бойца:
Ну, что вы! Это ж настоящий мачо!
Не встретишь человечьего лица –
Душа уж вовсе, ничего не значит.

Теперь, когда в порядке кошелёк –
Всё прочее – ненужные детали…
А дальше… дальше… Дайте только срок –
Вы и себя узнаете едва ли…
* * *
Взобрались мы на самую кручу –
И уже осыпается край…
Так что, кто из нас, круче иль лучше –
Бесполезно, решай — не решай.
Долбанёт – и любого достанет,
Не помогут ни деньги, ни блат –
Поменявшись своими местами:
Все подонки — отправятся в ад,
Ну, а тот, кто совсем не подонок,
И не грызся за куш или пай,
По мосточку, что узок и тонок –
Друг за другом направятся в рай.
Только – шило на мыло меняя,
Выбирая, где редька, где хрен,
Не хотим мы ни ада, ни рая –
Нашей жизни постылой взамен!
Значит надо немного подумать,
Тем, кто это умеет ещё –
Ведь сегодня – достаточно дунуть –
Всё и так-то уже горячо!
Лишней искры в костре не хватает,
Чтобы вспыхнул огонь до небес –
И планета осталась пустая:
Хочешь, ангел – бери, хочешь – бес!…
* * *
Бывают удивительные вещи:
Растение – пригодное для фона –
И куст особой грацией не блещет,
И листики – неброского фасона.

Но стоит только матовым бутонам
В прекрасный день внезапно превратиться
В цветы нежнейше-кремового тона –
Пред ним не сможешь не остановиться!

Он опьянит волшебным ароматом,
Что порождает странные желанья.
Событий, совершившихся когда-то,
Он воскресит во мне воспоминанья.

Я никогда цветов срывать не буду,
Скользя по веткам взглядом господина:
На месте наслаждаюсь этим чудом,
Что дарит аромат цветов жасмина.
* * *
Берёзка притулилась под окном,
С поникшими плакучими ветвями.
Стоит она, забывшись зимним сном,
Она – пейзаж в моей оконной раме…

Листвой под летним ветром трепеща,
Меня старалась разбудить с рассветом.
Её зеленокудрая душа –
К моей душе – с любовью и приветом –

Незримо припадала и с теплом
Касалась ниспадавшими руками.
И наш большой многоквартирный дом –
Казалось мне, парит под облаками.

Сейчас она, на фоне белизны,
Стоит, и словно думает о вечном.
И на стволе отметины видны –
Подпалины от ран её сердечных.

И тоже горько плачет, как и я,
И тоже хочет убежать куда-то…
И радуется свету фонаря,
Дождю и снегу, ветру и закату.
* * *
Ну, нет разносолов – но этим на пушку
Меня не возьмёте. Я так поступаю:
В пахучее масло макаю горбушку,
И соли щепотку поверх посыпаю.

И только попробую – память подскажет,
Как в нашей редакции, в дни перестройки,
В плохом настроеньи, в истерике даже,
Устроили как-то спонтанно попойку.

Как в пятницу вечером, после работы,
Всё то, что редактор припас на субботу
И на воскресенье – мы выпили разом,
Притом не моргнули бессовестным глазом.

А закуси было – всему коллективу:
Полхлеба ржаного и масла грамм двести.
И всё это мы покрошили красиво,
И с солью и водкой умяли все вместе.

И песни попели и повспоминали,
Рыдая, своё пионерское детство,
Как синие ночи взвевались кострами…
Всё то, что забыть не могли с малолетства.

Потом – говорили об этом неделю…
О том, как домой доползли еле-еле,
О том, что нашли, что в пути потеряли…
И задним числом, аж, до коликов ржали!

И стоит мне хлебца с растительным маслом
Хотя бы понюхать – опять через годы,
Та память приходит, она не угасла –
Не смыли не дождик, ни вешние воды!
* * *
Гладиолусы – листья-мечи,
С самурайским каким-то уклоном…
А цветки: как огонь горячи,
Холодны, словно горные склоны,

Как восход – розовеют они,
Багровеют, как дым на закате.
Озаряются летние дни
Их лиловым и жёлтым объятьем.

В полный рост предо мною стоят,
Не у всех вырастают такие:
Их ласкаю с макушки до пят,
И шепчу им слова колдовские.

Потому много раньше цветут –

У меня, чем у наших соседей,
Что немало счастливых минут
Уделила я с ними беседе.

Потому – высоки и стройны,
И цветки – небывало огромны…
– В том моих ни заслуг, ни вины, –
Улыбаюсь загадочно-скромно…
* * *
Я помню, бабуня сажала когда-то
Забавный цветочек – ночную фиалку,
Невзрачный и мелкий, и весь – бледноватый.
И днём на него – посмотреть было жалко.

Но стоило солнцу скатиться на запад,
Фиалки свои лепестки открывали
И миру дарили немыслимый запах –
Хоть раз ощутив, позабудешь едва ли!

Лишь несколько кустиков блёклых цветочков,
А двор наполняли своим ароматом!…
Те давние, дивные, чёрные ночки…
Мы молоды были – и этим богаты!
* * *
Если их увидишь на картинке –
Не придёшь в восторг от форм и линий:
Чернобривцы, мальвы да барвинки –
Главные цветы на Украине!

Вдоль дорог, на клумбах и на рынке –
Издревле, когда-то и доныне:
Чернобривцы, мальвы да барвинки –
Главные цветы на Украине!

Вот они стоят в дешёвой крынке:
Жёлтый, бледно-розовый и синий…
Чернобривцы, мальвы да барвинки –
Главные цветы на Украине!

Две сестры – Маринка и Иринка,
Пасека, ночёвка на перине…
Чернобривцы, мальвы да барвинки –
Главные цветы на Украине!

Я стою на чёрно-белом снимке…
А цветных – и не было в помине.
Чернобривцы, мальвы да барвинки –
Главные цветы на Украине!
* * *
Петербургские Белые Ночи –
Наш всемирно раскрученный бренд.
А в Архангельске – ночи короче,
И поярче немеркнущий свет.

Да и в Мурманске – тоже короче,
Там и ночи, практически, нет.
Но никто почему-то не хочет
Ни в открытую, ни тет-а-тет

Прославлять этот свет заполярный –
Видно, нравится больше тепло
И курортик какой, элитарный…
Ну, а Питеру, что ж, повезло!

Александр Сергеевич Пушкин –
Постарался когда-то для нас:
Из Москвы переехал, старушки,
И устроил нам всем вас-ист-дас.

На весь мир расписал он красоты,

Петербургскую белую ночь…
И теперь, без предела и квоты –
Поглядеть её каждый не прочь!
* * *
Как-то принято в тёплой постели
Умирать, в окруженьи родных…
Но, пожалуй, на самом-то деле –
Этот шанс – не приятней других.

Что хорошего – так загибаться,
Подыхать у судьбы на краю…
В шестьдесят, девяносто иль в двадцать –
Лучше всё же – погибнуть в бою.

За святое и правое дело –
А возможно – в бою победить!
Пуля-дура – глядишь – пролетела –
А герои останутся жить!
* * *
Это может показаться удивительным:
Только знаю я почти наверняка,
Что весьма шизофрения – заразительна,
Хоть микроб ещё не выявлен пока.

Коренные перемены в настроении –
Я сама себя порой не узнаю –
То мгновенно возникает раздражение,
То сижу себе и песенку пою.

То взрываюсь от обычной информации,
То рыдаю от придуманных страстей,
То впадаю в равнодушье и прострацию,
То полна идей, фантазий и затей.

Я живу в пространстве, сильно ограниченном,
Но летаю в отдалённые миры,
Иногда почти предельно обезличена,
Обездумлена, но только – до поры.

Часто кажется, что больше нет терпения,
Иногда – предел мечтаний – тишина.
А порою, создаётся впечатление,
Что одна я в доме – вовсе не одна.

Разговаривать привыкла с телевизором –
Собеседником – огромная страна.
Вот пойду и посоветуюсь с провизором –
Может, что-нибудь подскажет мне она.

Вероятно, засекут меня радарами,
В перекрестье попаду средь бела дня…
И появится команда с санитарами,
И надёжно зафиксируют меня. *)

Две последние строки – изменённая цитата из песни В.С.Высоцкого
* * *
Не верьте большевистской пропаганде
О плюсах пролетарской диктатуры
В России, Гондурасе и Уганде –
Коснитесь мировой литературы
Внимательным и углублённым взглядом,
(Что недоступно только идиоту),
И доводов других – уже не надо:
Капитализм – гниющее болото!
* * *
У тебя – хорошая память,
У меня – хорошая память…
Ну, давай условимся, милый:
Что забыть, что – навек оставить.

У тебя – горячее сердце,
У меня – горячее сердце.
Обними меня с новой силой,
Чтобы рядом могли согреться.

У тебя – надёжные руки,
У меня – надёжные руки.
Ты держи покрепче гитару –
Так нужны колдовские звуки.

У тебя – на сердце тревога,
У меня – на сердце тревога.
Мы с тобою ещё не стары –
Нам ещё по плечу дорога.

У тебя есть голос для песни,
У меня есть голос для песни…
Подберем слова по дороге –
Чтоб шагать и жить интересней.

У тебя на лице – улыбка,
У меня на лице – улыбка –
Чтобы обувь не тёрла ноги,
И тропа не вихляла зыбко.

Ты по жизни идёшь со мною,
Я по жизни иду с тобою –
А порою бывает туго –
Ты не ноешь, и я не ною.

Мы же пара – и это точно,
Что прошло – тоже было прочно.
Ты – мой друг, я – твоя подруга –
В дальнем плаваньи одиночном.

* * *

Вечером зимним промозглым, в коротком пальто,
Я возвращаюсь домой с заседанья ЛИТО.
Звёзды на небе, как будто хрусталики с люстры…
Из подворотни мне слышится сдержанный мат,
Только в ушах моих строчки чужие звучат…
Я догоняю автобус достаточно шустро.

Мне будет долго ещё не отвыкнуть от строк,
Только пройдёт кем-то мереный заданный срок –
И зазвучат постепенно – свои уже, строчки.
Сгрудятся, сдвинутся, лягут узором, как гладь –
Будет достаточно, взяв карандаш, записать
То, что сложилось в моей голове – на листочке.

Это потом, а пока что автобус пустой
Лихо везёт меня городом тёмным домой:
Муж уложил ребятню и готовится кура…
И представляется мне, что стихи – ерунда,
Только опять незаметно подкатит среда –
И полечу я скорей в заводской Дом Культуры…

* * *

Заводская окраина – в прошлом когда-то,
А сегодня – вполне перспективный район.
С этим местом сроднились событья и даты
Героических, ныне забытых времён.

Здесь когда-то, в начале двадцатого века,
На борьбу поднимался рабочий народ –
Не за лишний кусок – за права человека,
То есть, в общем – за то, что природа даёт.

Все выходят на свет не с двумя головами –
Если ж так – то они вам на горе даны…
Но нельзя объяснить никакими словами,
Что права у любого – с другими равны.

И пришлось добиваться чудовищной кровью –
Самых, в общем, простых и нормальных вещей.
Вынимать из ярма свою шею воловью,
Распрямлять по примеру распрямленных шей.

Равноправие – это лишь было потребно –
И народ отучили задами вилять.
Это, если понять – просто великолепно!
Только время порой возвращается вспять.

На рабочей окраине – окна не светят,
В корпусах, где горел негасимый огонь.
Где кипела работа – шатается ветер,
Разгоняя листву и пугая ворон.

Пролегла перестройка, печальная веха,
И в горниле, увы, уцелели не все.
Что-то крутится здесь с переменным успехом,
Словно дряхлая белка в плохом колесе.
* * *
Никаким цветущим ярким летом
Не найти подобной красоты:
На ветвях в преддверии рассвета
Вырастают белые цветы.

С вечера еще слегка парило,
В ночь ударил яростный мороз.
И к утру с неведомою силой
Всё вокруг снежинками обнёс.

Изморозь украсила округу:
Ветви, и стволы, и провода.
Птицы присмирели с перепугу,
Все поразлетелись, кто куда.

Опасаясь, что разрушат чудо
Грубыми касаньями крыла.
И под зимним солнышком – повсюду
Белая мимоза расцвела.

Только тронешь – покачнётся ветка…
И откроет взгляду черноту.
Этот праздник нам даётся редко –
Не спугни такую красоту!
* * *
И снова всё растаяло. И двор
Опять такой безрадостно-бесцветный.
Слежавшейся листвы сплошной ковёр –
Гнилой водой сочится незаметно.

А стоит наступить – нога уйдёт
По щиколотку в глинистую кашу.
Но это лучше, чем блестящий лёд,
Сковавший по утрам округу нашу.

А я люблю – сверкающий снежок,
Скрипящий под ногами по морозу.
Но это редкость – так устроил бог:
У нас зима – одни сплошные слёзы.

На пару дней подарит красоту –
И снова почва источает воды.
А мы всё ждём, как праздник и мечту,
Нормальную морозную погоду.
* * *
«Будет людям счастье,
Счастье на века, –
У Советской власти
Сила велика!»

«Марш коммунистических бригад»
Муз.А.Новикова, сл.В.Харитонова.

Сильные, как правило, добры
И весьма доверчивы… А сила
Силой остаётся – до поры.
А потом другие, что хитры,
Сильных сводят в раннюю могилу.

И когда угас такой силач, –
Мы разводим горестно руками…
А расклад такой, что плачь–не плачь –
Над могилой трудится скрипач.
И смертельным грузом давит камень.

На могиле вырастет трава,
Горькая полынь – трава забвенья.
И уже припомнятся едва
И дела, и мысли, и слова –
Те, что вдохновляли поколенья…

* * *

Мы с тобой заблудились в тумане,
И только рука
Согревала меня,
Не давая сорваться с дороги.
Что-то в сторону тянет и манит,
Но издалека,
Словно искра огня,
Сквозь туман мне светила под ноги.

Мы идём, а туман всё сильнее.
Слабеет рука.
И теряется след.
Оступаюсь, скольжу, спотыкаюсь…
И дорога темна, а над нею
Звезда высока.
А тропы больше нет…
Я на камень сырой опускаюсь.

А вокруг никого, как в пустыне.
Куда мне идти?
Я беспомощна здесь.
Я в волненьи, в тоске и тревоге.
Моё сердце от стужи остынет,
Я сбилась с пути.
Милый мой, где ты есть?
Я одна на безлюдной дороге.

И неважно: восток или запад,
В лесу иль в Москве –
Не поют соловьи –
И нет жизни с тобою в разлуке…
Но задул ветерок, и внезапно –
Шаги по траве
Зазвучали твои…
И коснулись любимые руки.

* * *

Ты мне пишешь – бог знает, о чём…
Я пишу тебе – те же нелепости.
В наших письмах, любовь – ни при чём.
Лишь стрельба в Петропавловской Крепости

Пробуждает от скуки и сна,
Озаряет сознанье стремительно!
Без тебя – моя повесть – пресна,
А с тобою – она удивительна.

Напиши мне – единственный раз,
Что не можешь забыть меж заботами
Голос мой и сияние глаз,

Что живёшь, как пчела между сотами,

Где спокойно и сытно зимой,
Но тоскливо и воздуха хочется,
И что помнишь, как бегал со мной
После ливня, в берёзовой рощице.

А потом – как всегда – напиши,
О бессмысленной всяческой разности…
Но услышу я звуки души,
Затаённые в буднях и праздности.
* * *
Я стройна, я изящна и гибка,
Мною лично уже решено,
Что фигурой на первую скрипку
Подхожу, несомненно, давно.

И для этой возвышенной цели
Я на подвиги шла, не страшась.
Но не вышло, видать, подсидели,
Упустила единственный шанс…

В ожидании божеской воли –
Я на скрипке творю чудеса.
До истерик, до слёз, до мозолей
Занимаюсь я по три часа

Дополнительно, то есть – сверх меры!
Я стремлюсь к путеводной звезде.
И готова, как все пионеры,
Я на всё, и всегда, и везде!

Не для славы я двигаю горы…
Слава – блеф, и признание – дым!…
Лишь бы только глаза дирижёра
Стали чуточку ближе к моим…
* * *
Мы нашей памятью богаты,
Мы нашей памятью больны.
Стоят события и даты –
В твоей судьбе, в судьбе страны.

Но каждый помнит то, что хочет,
И даже так, как хочет он.
Порою слушаешь – и мочи
Нет: слушать ложь со всех сторон.

Что выдаётся демагогом
За светоч истины во тьме…
Вот где тоска, печаль, тревога.
Живём, как будто бы во сне.

Он порожденья дикой злобы –
Глумясь, за правду выдаёт.
А те, кто с детства узколобы,
Внимают, разевая рот.

Вчерашних дней иносказанья
Читаешь в мыслях и делах.
И не придумал наказанья
Страшней – ни Будда, ни Аллах.

И ни какой другой Мессия,
Пророк, провидец, шарлатан…
Страна судьбы моей, Россия –
Несчастней очень многих стран.

И наши скорбные утраты –
В веках останутся страшны…
Мы нашей памятью богаты,
Мы нашей памятью больны.

* * *

Мне кажется, будто моих тяжелеющих век
Касается музыка сфер, неподвластная слуху…
И рядом со мной появляется тот человек,
Которому слово сказать не имела я духу…

И в этом звучании лёгких и трепетных нот
Я вмиг набираюсь и смелости, и вдохновенья.
И тысяча лет замыкается в призрачный год,
Который прожить – и настанет момент откровенья.

А струны звучат, и слова обретают покой
В своей убедительной, к сердцу идущей дороге.
И в недра души проникает строка за строкой,
Звучавшие ранее, кажется, просто – убоги.

И так невозможно отвлечься, увлечься, уйти
От музыки слов и от слов музыкальности дивной…
И хочется каждому тихо промолвить: Прости…
И только просить очищающей силы у ливня.

* * *

Когда накатит стресс – со всех сторон –
Я – так тиха, мягка и не упряма,
Хватаю машинально телефон.
Но трубку никогда не снимет мама.

Там нынче правит папина жена,
Звонить туда – давно уже – нелепо…
Но память – сохраняет имена,
И помнит цифры – преданно и слепо.

Их много в поседевшей голове –
Имён и цифр, что не имеют смысла.
Твой адрес в Туркестане и в Москве:
Отжившие свой век слова и числа.

И нет моих любимых адресов,
Хотя они и есть, на самом деле.
Где проводила тысячу часов,
А думала, что сутки пролетели…

Где обновилась мебель. И уют
Расползся по углам, украсил стены…
Но наших песен больше не поют –
Их звуки замирают постепенно.

А память, неподкупная, хранит
И лица, и события, и даты,
Уже частично вросшие в гранит,
Что составляли жизнь мою когда-то.

* * *

С Айдаром*)вы – давнишние любовники,
Красавица, прибрежная ракита.
Листочки светлым дождиком промыты,
А крону стригли Божие садовники.

Ты над водой склоняешься украдкою,
Когда туман укроет пеленою.
И он срывает поцелуи сладкие,
Лаская ветви свежею волною.

А на закате под твоею кроною,
Шатром огромным к берегу приникшей,
От взглядов утаенные под крышей,
Целуются застенчиво влюблённые.

Айдар – река на Украине.

* * *

Наш бренный мир – яичная скорлупка –
Стараниями разума людского

Настолько уязвимым стал и хрупким,
Что может быть неосторожным словом

Сметён с лица единственной планеты,
Пригодной для дыхания и песен:
Ни Стикса не останется, ни Леты,
И никому не будет интересен

Итог борьбы и противостоянья
Различных рас, религий и народов
На шарике, где сжаты расстоянья,
И до мгновений спрессовались годы.

И нам уже не дико и не странно
Представить сюрреальную картину:
Кипящие моря и океаны,
И тени на оплавленных руинах…

И было бы совсем невыносимо
Жить в ожиданьи атомной атаки…
Но есть на свете город Хиросима!
И есть на свете город Нагасаки!…

* * *

Этот праздник – для каждого свой.
Для кого-то: пустые мечтания…
Звёздный мир над его головой…
Для другого – навязчивой манией

Отдаёт эта странная блажь –
Отмечать пустячки мироздания…
Раздражает цветной антураж:
Эти ёлки, огни и желания,

Что сбываться должны. Почему?
Этот день – от других отличается –
Лишь пристрастием нашим к нему…
Кто-то мается, плачет и кается.

Кто-то выпить находит предлог –
Право, вряд ли найдёшь благороднее!
Для кого-то – этап и итог,
Это – зимняя ночь новогодняя.

Для меня – это тяжкий урок…
Я морально готовлюсь заранее,
И приходит назначенный срок –
Эта ночь торжества пиромании.

Чуть стемнеет – выходят на старт,
Потирая от радости руки,
Те, кто любит разрывы петард
И ракет громогласные звуки.

Где весёлый, певучий уют?
Во дворах – очень сильное эхо.
И когда начинают салют –
Очень многим – совсем не до смеха!

Кто придумал такое клише?
И чему они, в сущности, рады?
Тяжким грузом лежит на душе
Этот праздник ночной канонады…

* * *

Солнечный луч, алея,
Красит газон немаркий…
Пряные запахи лета
Нас увлекают вдаль.
Лиственная аллея
В старом заросшем парке
Призраки полусвета,
Видимые едва ль.

Чувствуется, скорее,
Чьё-то вокруг движенье…
Может быть, просто ветер,
Может быть, чудеса.
Свежестью тихо веет,
Манит вечерней ленью.
Слушаем, словно дети.
Странные голоса.

Шепчут о чём-то липы,
Только дубы застыли…
Фоном темнеют – деды –
На синеве небес.
Шёпотом или скрипом,
Сказки, а, может, были,
Нам в этот день поведал
Этот, почти что, лес…
* * *
Мне всегда с лихвой хватало оптимизма,
Не сгибаясь, под ударами держаться.
И не всякую приветствовать харизму
Научилась я, пожалуй, лет в пятнадцать.

Только вечного – на свете – не бывает,
Истощаются запасы понемногу.
И всё чаще настороженность тупая
Провоцирует сомненья и тревогу.

И не слишком разделяются восторги,
Что дела ещё совсем не так уж плохи.
И пугаюсь, как симптомов, диких оргий,
Что становятся явлением эпохи.

Всё длиннее декабри, короче маи –
По загадочным законам, год от года…
И количество печали – превышает
Все пределы, допустимые природой.
* * *
Сегодня слишком обнаглело зло –
Его и не проймёшь непротивлением!
Оглянешься вокруг с недоумением:
Ещё живой? Считай, что повезло!

И получив прилично по щеке,
Другую подставлять – пустые хлопоты…
Но сил уже хватает лишь для ропота…
Перо едва ли держится в руке.

Терпением известны с давних пор.
А чем ещё?… Пристрастьем к покаянию.
Но это нерентабельная мания,
Когда ты не убийца и не вор…

И если в завтра смотришь с прямотой:
То видится почти без искажения,
Когда-то предрешённое движение…
И мы уже, пожалуй, за чертой…
* * *
Ох, не одно, так другое…
Старость – плохая подруга.
Нет никакого покоя
От надоевших недугов.

Мысли-то всё о высоком –
Враз бы до неба взлетели…
Только споткнулись с наскока,
В бренном запутавшись теле.

Чувства – такие живые,

Наперекор непогодам!…
Только повисли на вые
Годы, нелёгкие годы!
* * *
Красивое платье, причёска и туфли –
Всё, вроде на месте – прилично и чинно…
Ресницы и губы… а веки – распухли…
И если быть честной – то не без причины.

Торжественный вечер в большом ресторане,
Задолго готовились и предвкушали…
Узнала вчера о жестоком обмане.
И дёргают пальцы бахромку у шали…

А музыка льётся, как вина – рекою,
И море закуски, и лица – знакомы.
Да, что ж это, право, со мною такое –
Рыдания, в горле застывшие комом!

И слёзы – на грани, готовые краску
С ресниц – расплескать по щекам ручейками…
Лицо превратилось в застывшую маску,
И давит на сердце болезненный камень.

Но так постепенно от общей картины –
Возникла идея, что страшного мало –
Подобный удар получить от мужчины –
Ещё не такое на свете бывало…

А, может, вино свой эффект возымело:
Да, главное – вовремя это узнала!
И в принципе, в общем – житейское дело,
И вовсе не стоило слёз и скандала.

Я чувствую, камень растаял на сердце,
И в горле рыданий комок рассосался!…
И только горчинкой кайенского перца –
Едва уловимый осадок остался.

Нам психоанализ – вовек не показан,
Пустым разговором – души не излечишь…
Немножко вина и веселья – и сразу:
Сияют глаза и расправились плечи!
* * *
Ах, право, царская забава:
Места для градов выбирать…
Тут, хоть налево – хоть направо –
Копали рвы, мостили гать.

Понятно – нужен выход к морю.
Зато зима – сплошное горе!
Чуть приморозит – и опять:
Всех луж – увы – не расплескать!

Вот лето Севера – красиво:
«Карикатурой южных зим» –
Предстало временам другим…
А нынче было – всем на диво!

А петербуржская зима –
Вот наше «Горе от ума».
* * *
Сердцу дороги и милы
Бедной Родины места.
Но, признаюсь, утомила
Перелесков красота…

Эта смена зим и вёсен,
Ледяные небеса…
Наших елей, наших сосен

Неприступная краса.

Эти мокрые вороны
И гниющая трава,
Облетающие кроны
И печальные слова

Наших песен, что подобны
Тяжким стонам из души…
Есть места – вполне удобны
И для жизни хороши.

Но особенно красиво
Там, где сроду не бывал.
Например, поеду в Рио –
На роскошный карнавал.

Не сейчас, а чуть попозже,
Может быть, когда-нибудь.
Мне, глядишь, Господь поможет
По пути не утонуть.

Там, под знойным небом юга,
Обнажусь до «не могу».
Позабуду снег и вьюгу
На песчаном берегу.

Холод – это Божья кара –
Очень хочется тепла!
Не скажу, каким Макаром
Океан переплыла!

Вспоминать, подобно бреду,
Буду здешние дела.
И обратно – не приеду…
Ну… Считайте – умерла!
* * *
Ты меня, пожалуйста, не смеши!
Не пугай меня вратами ада.
Мы с тобой общаемся – для души.
Ничего для тела нам не надо.

Уходи, пожалуйста, уходи!
И не стой упорно на пороге.
Всё, что мне мерещится впереди –
Это тоже, в сущности, итоги.

Улыбнись, пожалуйста, улыбнись!
Это всё нисколько не опасно.
Наша жизнь качельная – вверх и вниз…
Но при всём при том – она прекрасна!
* * *
А что ты, в общем, знаешь о любви?
О сексе – да! Итоги просвещенья
В сей области – дошли уже до всех!
До самых ограниченных умов…
Хабарик неприметно раздави
И примени свой навык возбужденья.
Не будь так грустно – это был бы смех.
А ты – фиксируй пойманный улов…

Когда другого – так и не дано,
Любовный орган – вовсе не развился –
Не тот, что между ног – а в голове…
Мне жаль тебя – но это не смертельно.
Таких людей в миру полным-полно –
И ни один ещё не удавился
От полного безлюдия – в Москве…
От тяжкого креста – идти бесцельно…

Отсутствие умения страдать –
Отличный результат всех эволюций…
Всегда найдётся – только позови –
Очередной объект совокуплений…
Такая, вероятно, благодать –
Любовь неотличима от поллюций.
Но особи, лишённые любви,
Готовы к совершенью преступлений!
* * *
Детство у японских малышей
Кажется весьма оригинальным:
Делай, что душе твоей угодно –
Но когда исполнится шесть лет,
Могут и пинками, и взашей –
Добиваться линии нормальной.
Кажется, что это благородно –
И вполне имеет свой эффект.

Только если к нашей детворе
Применять подобные методы,
То к шести годам произойдёт
Ряд необратимых результатов:
В каждом нашем грязненьком дворе,
Видимо, нечистому в угоду,
Будет править юный идиот
Бандой малолетних супостатов.

А причина, в общем-то, ясна:
Под японским методом – веками
Мудрая закладывалась база
Собранной, логичной дисциплины.
А у нас – игривая страна,
С пьяными, дурными мужиками.
Если не вложить науку сразу –
То получишь – полную скотину!
* * *
Новых чувств удивительный миг
Впечатляет, бодрит, будоражит,
Как странички волнующих книг,
Молодит и тревожит. И даже

Создаёт впечатленье, что вот –
Это то, наконец-то, впервые!…
Но у многих – всё это – пройдёт,
Словно тучки прошли грозовые.

А бывает – останется след…
Хорошо, если светлою болью
Отзовутся с течением лет
Эти детские игры с любовью…

Ты мгновения счастья лови!
Только чувства – красивы в динамике.
Ну, а трещинки старой любви,
Это – словно кракле на керамике.
* * *
«Когда придёт делёжки час, не нас калач ржаной поманит.
И рай настанет не для нас, зато Офелия всех нас помянет!»
Б.Ш.Окуджава

Слабаки! Мы урвать не сумели
При раздаче – Отчизны кусок…
Не добились единственной цели,
Что потребна была, в самом деле,
Тем, кто праздничный резал пирог.

И с концами концы – еле-еле
Только сводим, и кто нам помог,
В нашем жизненном узком уделе,

Где душа умещается в теле?
Вероятно, что всё же – не Бог.

Бог помог одному пустомеле,
Что вписался в назначенный срок.
Тем, что вовремя хапнуть успели,
И не сели на камни и мели,
И нашли для себя уголок.

Наша жизнь – не желе в карамели,
А на фабриках дымных урок,
Где хозяин, подумав неделю,
Порешит, что мы лишнее мелем –
И укажет маршрут за порог…

И пойдём, бунтари-менестрели –
По обочинам пыльных дорог.
Нашей крышею – сосны и ели,
Станут те, что пока уцелели,
Что буржуй ещё не уволок…

Мы найдём соловьиные трели,
Не загаженный чистый исток
Той реки, где в низовьях засели,
Те, что нашу «Дубину» – не пели,
И оставили нас без порток…
* * *
Как ты любишь советы давать!
Это – ешь, то – не ешь; это – делай,
То – не делай… Да, ты мне – не мать!
Я не злюсь – просто мне надоело.

Кто ты сам? Академик? Герой?
Где тобой исцелённые души?
Где вершин, покорённых тобой
Имена? Водоёмы и суши,

Получившие имя твоё?
И какими такими дарами
Увенчался твой разум? Гнильё:
Справа, слева, вверху, под ногами…

Ты – Господней Рукой педагог?
Кто тебя убедил в этой чуши?
Ты прерви свой нелепый урок,
Не себя – хоть немного послушай.

И не тех, кто берётся других
Обучать. Кто – не просит рекламы,
Разговор их спокоен и тих,
Не похожий на визг пилорамы.

А не хочешь – хоть сам помолчи!
Исцели себя сам, коли сможешь!
Воду в ступе опять не толчи,
Повторяя: о, Боже, о, Боже!…
* * *
Другим державам: лет уже по двести –
И Маяковский был, конечно, прав!
Но мы – опять на том же самом месте –
Держава – супер, среди всех держав!

Опять: неоперившийся подросток –
Прошло сто лет, а воз и ныне там…
Не то: для нас всё в мире – слишком просто –
Не то: в период творческого роста –
Нам слишком крепко дали по мозгам…
* * *
Всё не так-то просто в нашем мире:
Разных ситуаций – и не счесть.

Мало тех, кому на этом пире –
Дорога порядочность и честь.

Слишком многим стало безразлично,
Что живём в объятиях чумы:
Было б только счастье в жизни личной,
Бегство от тюрьмы и от сумы –

Значит: остальное всё отлично –
Так решают многие умы,
Для которых, то всегда этично,
Что совпало с мнением кумы…

Даллесу – в гробу бы кувыркаться,
Биться костяком о твердь земли:
А верхам – придётся постараться,
Чтоб низы – так больше не могли!
* * *
Пролетают годы, тая,
Что ни день – то невезуха…
То замёрзнет, то растает –
Прогрессирует разруха.

Отключеньем отопленья,
Перебоями со светом
И гуляньем населенья
Во дворах ночами, летом.

И петардной канонадой,
И вонючими бомжами,
Право, многих слов – не надо:
Всё вокруг, и рядом с нами.

Целый день собаки лают
На весь двор самозабвенно.
И разруха процветает,
Нарастая постепенно.

Не надеемся на милость,
Затаясь в своих квартирах:
Ведь разруха зародилась
«В головах, а не в сортирах.»
* * *
Я тебя не корю. Да, моё ль это дело!
Сколь угодно желающих будет,
Чтоб лежащего пнуть.
Я жалею тебя – всей душой, без предела.
Улыбаются – пришлые люди…
И не близок твой путь.

Ты бы мог, не спеша, проплывать по теченью.
И особых усилий не тратить.
Да и нервы беречь.
Но в смирении ты не отыщешь спасенья.
Да ещё, как всегда, так некстати –
Проявляется течь…

В месте – самом больном – ватерлинии ниже…
И опять ты отверг мою помощь!
Ты скажи: почему?
Ты поверь – я смогу, я же многое вижу.
Правь скорее к родимому дому,
Не куда-то во тьму…
* * *
Обещали нам райские кущи
Много-много столетий подряд…
У богатого – супчик, мол, гуще,
А у бедных – хорош результат.

Богатеи – подобно верблюдам

Будут тискать в игольe ушко
Телеса, ну, а бедный – на чудо
Уповал – что проскочит легко.

В парадизы, элизии, раи –
Лишь немного потерпит – и… ах!
Потому-то все бедные – знали:
Счастье будет – в грядущих мирах…

И настало грядущее это.
Пусть не рай, и не всё, как во сне.
В окружении злобных наветов
Нелегко было нашей стране.

Но была справедливость, ценили
Человека труда. А теперь…
Нас опять, дураков, поманили
Перспективой на райскую дверь…

Всколыхнулась толпа деловая,
Меж собой поделив барыши.
А народ, знай себе, уповает,
Как всегда, на бессмертье души…
* * *
Ох, какая вода ледяная!
Называется: море Чёрное …
Непрогретые после шторма
Взбаламученные слои…
Только я всё равно – ныряю –
Непослушная, непокорная.
Этот холод – почти что норма…
Только руки-ноги мои

Против нормы такой протестуют.
Им подай потеплее что-нибудь!
Но зато – дельфинам вольготно!
Вот их спинки – вокруг меня.
Я попала в их жизнь непростую:
Мы плывём, словно тучки по небу…
А мужчина – в страхе животном –
Удирает, как от огня!
* * *
Ташкент, Ленинакан, Спитак,
Камчатка, Сахалин и далее…
И сотня разных мест… Итак,
Земля, конечно, нам не враг,
Но может предложить баталии,

В которых истинный храбрец
Покажет, что такое: смелость,
Когда, казалось бы, конец –
Выходит парень-молодец:
Спасатель чётко знает дело!

И сколько тех, кого спасли,
Ещё спасут, сейчас спасают:
На высоте, вблизи, вдали –
Во всех концах большой земли…
А кто их имена узнает?

Ну, разве только те, кому
Конкретно помощь оказали –
А остальным – и ни к чему,
Ни по душе, ни по уму…
Интересуемся едва ли.

Зато мы помним: Герострат…
Он – поджигатель… Очень мило:
Сквозь строй времён, эпох и дат –
Запомнится какой-то гад,

Такой, что душу воротило!
Ведь каждый помнит – Чикатило…

* * *

На берег песчаный, покатый
Ступаю босою ногой,
И жду терпеливо, когда ты,
Догонишь и рядом со мной

Застынешь, и долго на воду
Мы будем глядеть в забытьи,
Как будто в далёкие годы,
В те годы – твои и мои…

А мимо текущие струи
Смывают следы на песке.
Давай, я тебя поцелую!
Ну, что мы застыли в тоске?

Ведь главное: мы ещё живы,
И речка течёт, и песок…
И ты – всё такой же строптивый,
И вольный, как тот ветерок,

Что вечно приносит прохладу
На солнечный берег реки…
Ну, что нам с тобой ещё надо –
Мы близко, но так далеки.

Как будто навек разделили
Меня и тебя берега,
Где жёлтых кувшинок и лилий
В воде расстилались луга.

Я их не рвала – я жалела –
Цветы умирают в руках.
Так вянет усталое тело
На дальних чужих берегах.

Но мы – на родных – это значит,
Что корни питает вода!
Всё так – и не будет иначе,
Надеюсь, уже никогда!

* * *

Сегодня препаршивая погода,
И настроенье – тоже – никуда!
Какому там Вершителю в угоду
Идут дожди в такое время года,
И грустно завывают поезда?

Пойду – курну с расстройства на балконе,
Согрею душу каплей никотина.
И хоть от никотина дохнут кони,
Глядишь: спасусь от «аглицкого сплина»…
Ведь я – не конь – и в этом вся беда…

* * *

Звякнула щеколда на калитке.
Я рванулась, зацепив плечом
Чайник, закипающий на плитке…
Увернулась – всё же – горячо…

Вылетела пулей на крылечко,
Посшибав ботинки на пути…
В доме чисто, натопила печку –
Почему б тебе и не прийти?

Даже время, в общем-то, к обеду…
До калитки – ровно пять шагов…
А в калитке – рыжий пёс соседа,
Что живёт от нас за шесть домов.

Оперся на рейки и мордаху
Меж штакетин сунул, и глядит.
А в глазах его ни капли страха,
И вполне игривый, шустрый вид.

На груди – репейника колючки –
Нахватался, бегая в лесу…
Погоди-ка, Тузик или Жучка:
Я тебе сосиску принесу!
* * *
Давно уже отчалил от причала
Кораблик ветхий в свой последний путь…
Но только наша песня зазвучала –
И взрыв, и вновь – ни охнуть, ни вздохнуть –
И всё опять, как будто бы, сначала:
Со дна души взметнувшаяся муть
Заволокла, и снова раскачала.
И – парадокс: опять явила суть…

Закрыто, нереально, безнадёжно…
И поздно – всё, навеки, навсегда:
Найти, вернуть, исправить – невозможно.
И словом, как ударом: никогда!
Всё в этот крик – безликий, односложный:
Надрыв, и безысходность, и беда.
Простор небес сквозит тоской острожной.
В одном-едином вздохе: нет и да.

Метаниями от озноба – к зною
Меня уже давно не удивишь.
И только песня – горькою волною
Опять накроет – ей не запретишь,
Звеня одной-единственной струною –
Нарушить устоявшуюся тишь.
И кажется, что ты опять со мною:
Уже не уплывёшь, не улетишь!
* * *
Мы пылинки, а ветер событий – остёр…
И у нас не большой, но разительный выбор:
Разметаться и пылью осесть на ковёр,
Спечься комом в единую прочную глыбу,
Иль, взметнувшись над миром, попасть на костёр,
И умчаться, сверкая, в Созвездие Рыбы.
* * *
Мне жаль непонимающих глупцов,
Что недостойны грусти и укора…
Досталось поколению отцов:
Войны, трудов и, в старости, позора.

Меняется расклад с теченьем лет –
Руинами идём и пепелищем.
И то ли затерялся нужный след,
А то ли мы не там и плохо ищем.

И, кажется, просвета – не видать,
А может, просто – не раздвинуть вежды.
Чуть, краем, замаячит Благодать –
Толпой реанимируем Надежду.

И верить не хотим, что этот мир,
Не только наша смутная Отчизна,
Из века перелатыванья дыр
Вступает в век глобальных катаклизмов…
* * *
Нашей мудрости – есть приложение
В ежедневном потоке сознания:
Чтоб случайно прилив раздражения
Не обрушил основ мироздания.

От угрозы – отсечь вероятности,
Оценить перспективы и следствия:
Чтобы вдруг пустячки-неприятности
Не сложились в стихийные бедствия.

Эти тонкости – каждому ведомы,
Только давят страдания адовы:
Коль, столкнувшись с подобными бедами,
Просто – нечего к делу прикладывать…
* * *
А время, как положено, идёт…
Необратим, увы, процесс старенья.
Достанутся все эти ощущенья
Дожившему – в свой срок и в свой черёд.

Ломота в теле, скованность в ногах,
И нежеланье выходить из дома –
Мне это, к сожалению, знакомо,
Хоть не в таких больших ещё годах.

У каждого – свой личный календарь:
Кому-то – год за два, кому-то – за три…
И песенки мотивчик – в стиле кантри –
Не позовёт на танцы, словно встарь.

А сердце переполнено любви –
Ещё светлей, добрей и бескорыстней,
Чем в юности. Но не хватает жизни –
Зато – избыток сахара в крови…

Костёр уже подёрнулся золой,
И роща навсегда «отговорила»…
Как старая усталая Тортилла:
Своё болотце, личный аналой.

На нём – лишь то, что ценно до сих пор,
Отсеяно от плевел и мякины:
Мои заслуги, промахи и вины –
Себе в укор, а прочим – не в укор…

Мечтанья разлетелись в пух и прах,
Но чувствую себя большой и мудрой…
Но вот беда: я просыпаюсь утром
С вечернею усталостью в ногах.
* * *
Вот такие дела –
Разобиделась, видно, зима,
До сих пор не пришла –
Ни снежинки – застывшая осень…
Во дворе – мужики –
Ну, видать, от большого ума,
Да ещё – от тоски –
Собрались, человек уже восемь…

По карманам шустрят –
А откуда возьмётся оно:
Третьи сутки подряд
«Пароходы гудят и уходят»…
Ну, сходили б в музей,
Например, или, скажем, в кино…
Нет – в компашке «друзей»
Вот уже два часа хороводят.

И найдётся, о чём
Побазарить на мокрой скамье…
И на чьё-то плечо
Уронить захмелевшую морду…
И припомнить скандал
В надоевшей до дрожи семье.
В магазин побежал

Тот, чьи ноги достаточно твёрды…

Торопись же, зима!
И снежок, заметай поскорей,
И дворы, и дома,
Превращая в застывшее чудо!
И найдут мужики
Помещение, где потеплей,
А в углах – пауки…
И маячить с рассвета – не будут…
* * *
Дальний город далекого детства…
Мне от памяти некуда деться…
Тополя на крутом берегу
В нашу речку привыкли смотреться.
Домик наш и другой, по соседству,
Утонули в пушистом снегу.

Это памятно мне и знакомо:
И река, что у самого дома,
И сыпучий прибрежный песок…
Первый блин – получается комом.
А в жару наступает истома…
И порой ненадёжен итог.

Не кричи – я уже не услышу!
А на нашу покатую крышу
Опрокинулась чаша с небес.
После ливня – всё выше и выше
Открывается небо. И дышит
Посветлевший, сияющий лес.

В доме том – посторонние люди.
Но мечтаю о сказочном чуде:
Как взойду на родное крыльцо…
Путь не короток и многотруден.
Не услышу – в сердечной остуде –
Голос бабушки, чуть с хрипотцой…

И растащат наш дом по дощечкам,
Лишь фундамент да старая печка –
Да и то – сохраняться едва ль…
Но останется светлая речка…
По ступеням крутого крылечка
Поднимается наша печаль…
* * *
Ты придёшь когда-нибудь ко мне:
Это будет – осенью, зимою…
Утром ли, вечернею порою,
Наяву иль всё-таки – во сне…
Только знаю – ты придёшь ко мне.

Я тебя не перестала ждать.
И теперь уже не перестану –
Город или дикий полустанок –
Я приму, как дар и благодать –
Никогда не перестану ждать!

Знаю, ты придёшь и, как всегда,
Сочинишь полсотни отговорок,
Разных баек – штук, примерно, сорок…
Это всё – такая ерунда!
Просто – ты такой же, как всегда.

Как всегда. И впредь – таким же будь:
Всех на свете ближе и дороже.
Всколыхни устойчивую муть –
И умчись… Иначе ты не можешь…
Что бы ни случилось – просто – будь!
* * *

Неправда! Я совсем не пессимист –
Я оптимист с раскрытыми глазами.
И вижу всё, что происходит с нами –
И хочется исчёркать этот лист!

Из книги вырвать, разорвать и сжечь –
Развеять пепел по ветру бесследно.
Вскипает кровь, перегорает желчь…
Уж лучше бы мы жили худо-бедно –

Чем так бездумно, грязно и грешно:
Без духа, без идеи, без ответа…
Замылилось немытое окно –
Да и не надо мне такого света.

Он ярок, только всполохи его –
Гнилостного, поганого оттенка,
Справляю черти – смерти торжество –
И гнусен странный отсвет вдоль простенка.

Ходить бы, что ли, в розовых очках,
И нервы не трепать в порожнем споре,
Болтать о несомненных пустяках,
Хватать, что есть, да и не ведать горя.

Но голова – устроена – не так.
И не о том пишу стихотворенье.
Я оптимист, но не скрывает лак
Под слоем блеска – мерзость запустенья.
* * *
Степень сострадания, умения
Ощутить в себе чужую боль –
Велика у тех, что, к сожалению,
Не способны оказать давление –
По души нежнейшему строению –
Скромную играют в жизни роль.

Те же, что способны к проявлению
Твёрдости и власти, и всегда
Могут удержать бразды правления –
Напрочь лишены воображения,
И для них чужие настроения,
Даже боль чужая – ерунда!
* * *
Я поступь декабря – подкоркой чувствую,
Вот: час-другой – и в городе зима.
А во дворе – темно, сижу под люстрою,
Вовсю стараюсь не сойти с ума.

Все фонари недавно с корнем выдрали,
А что взамен посадят – знает Бог…
И чёрен двор в ночи – хоть очи выколи:
Такой вот нынче у зимы пролог.

Плюс восемь на термометре облупленном,
Деревья голы, зелена трава.
И яблоки, в ларьке соседнем куплены –
Лежат и пахнут: чуточку, едва.

А надкусить – не те, признаюсь, челюсти –
Но резать – жалко… Яблоко? Ножом?
От веток на ветру не слышно шелеста –
Лишь дальний шум дороги за окном.

Доносятся раскаты канонадные –
За месяц предвещая Новый Год.
Бессовестные, злые, беспощадные –
Ночной и непонятный мне народ…

Погодная возникла деградация,
Реальность наша – из папье-маше…

Абсурдная сложилась ситуация:
Тепло в природе – стыло на душе!
* * *
На параллельной улице – колонка.
Вода нужна, и вариантов нет.
И мы, довольно милые девчонки
Тринадцати-четырнадцати лет

Ходили за водою регулярно.
А он стоял у крашеных ворот,
Свистел нам вслед и говорил, что гарны
Мы обе – и что он не разберёт

Яка найкраще... Мы же хохотали
И убегали, плюхая водой
На босы ноги. И тогда едва ли
Мы знали, что встречаемся с судьбой.

И меж собой гадали вечерами,
Кому из нас он нравится сильней.
И не было конфликтов между нами –
И я, конечно, уступала ей,

Она же – мне; и обе до упаду
Смеялись, в душной летней темноте.
И ничего нам, в сущности, не надо
В то время было – в дивной простоте

Летели дни, недели – и конечно,
Кончалось лето радости и грёз,
Которое, казалось, будет вечным –
Мы, расставаясь, плакали всерьёз.

И лишний раз ходили за водою –
Но там уже не видели его...
А годы шли неровной чередою...
Взрослели мы – всего-то ничего!...

А ты была к нему – намного ближе –
Он сделал выбор – так тому и быть...
Я вас, наверно, больше не увижу –
Но буду помнить, верить и любить.
* * *
Зимний ветер колотит упрямо...
Раз по двадцать, по тридцать на дню
Я звонила тебе, моя мама...
А теперь – никому не звоню.

Тихо звякают стёкла в окошке...
Уголки разукрасил мороз.
А до Нового Года – немножко
Остаётся. И горько до слёз.

Странно сузился мир в эти годы –
Вероятно, обычный процесс,
В тесных рамках законов природы
Уместился прогресс и регресс...

Не звоню и не шлю телеграммы –
Я б послала – да, будет ли прок?...
Мне опять вспоминается мама,
И её телефонный звонок...
* * *
Сегодня так ярко и солнечно,
Но дивной погоде назло –
Опять вспоминается с горечью,
Что время у нас – истекло.

Что больше уже не увидеться
В квартире – на том берегу...

И даже – нелепо обидеться
На шутку твою – не смогу.

Коснётся пластинки иголочка…
О Боже, растаявший век.
И книги пылятся на полочке –
И тает за окнами снег…

Привычно, легко и размеренно
Крадётся сырая зима.
И вновь я в себе не уверена,
И вновь – виновата сама.

Во всём виновата – до точечки:
Не будет дороги назад.
Но видеть ужасно не хочется
Реальности пристальный взгляд.

* * *

«Иных уж нет, а те далече…»
А.С.Пушкин

Стихи мои достаточно печальные.
Упрёки в этом стойко я терплю.
И нет в том ничего необычайного –
Ведь я пишу о тех, кого люблю.

А наша жизнь порой – нелепо скроена,
Со смертью побратавшаяся жизнь…
Не стоит расслабляться успокоено –
Всегда смотри, мужайся и держись.

Родных людей – растаял лёгкий след,
И время этой боли не излечит.
И не хочу я верить, что их нет –
Я думаю, что все они – далече…

* * *

Меня никогда не учили по жизни – вертеться.
Спасибо теперь говорю я и папе, и маме.
Зато наделили горячим и трепетным сердцем,
Умением петь – от души – не по нотам и гамме.

Иметь своё мненье по самым различным вопросам –
Училась сама, у событий урок извлекая.
И знала всегда, что паскудно: стрелять по колёсам,
И в спину толкать подошедшего к самому краю.

Терпеть не могу неестественных воплей слезливых –
От тех, кто, не дрогнув, оставит без пищи и крова.
Ещё – ненавижу зажравшихся, злобных, спесивых.
Ценю сострадания слёзы и доброе слово.

Пыталась найти незатейливо-светлые чувства…
А что обрела – навсегда остаётся со мною.
Душа – до краёв, а в кастрюле: не пусто – не густо.
И завтрашний день, как у всех – за густой пеленою…

Мне виделась жизнь впереди – бесконечно большая –
Теперь и не вспомню то время без горькой улыбки.
Мы тратим полжизни, ошибки свои совершая –
И тратим полжизни, пытаясь исправить ошибки…

* * *

Ах, осина, гладкая кора,
Черешки приплюснуты с боков –
Потому-то листики трепещут
На ветру, и наполняет шорох
Всё пространство нашего двора.
Осенью у листьев цвет таков –
Радуется глаз. И зря клевещут
На осину – вспыхнет словно порох.

Раскаляя печку докрасна,
Русская красавица осина –
Знойным жаром – вычистит трубу,
Долго восхвалять её не буду…
А ещё она наделена
Мягкой светло-жёлтой древесиной,
Но вампира поразит в гробу.
Вот же место присмотрел Иуда!…
* * *
Кончается год –
Не хуже, не лучше всех прочих.
А новый придёт –
Других не длинней, не короче.

И в ночь на январь –
Под грохот петард и салютов,
Не станем, как встарь,
Мы ждать вожделенной минуты.

Куранты пробьют –
Не будет цветов и оваций.
Таких вот минут –
Полно. И чему удивляться?

Стареет Земля –
Понятно не только поэтам.
Куранты Кремля
Стране возвещают об этом.

Печаль на лице –
И всё ж новогоднею ночью
Поставлю в конце,
Надеюсь, пока многоточье…
* * *
Всходит солнце с востока –
И на запад сдвигается тьма.
Далеко Ориноко –
И поближе река Колыма…

Я бреду одиноко,
А куда – и не знаю сама.
Доберусь до истока
Странных мыслей – на грани ума.

Этой жизни морока –
Пополнее набить закрома.
Я, наверно, жестока,
Но по мне – даже лучше сума.

Чем кровавая склока –
За увесистый куш кутерьма…
Бога или пророка –
Поминают – а плачет тюрьма…

Обирая с наскока –
Оделяют куском задарма.
Нос задрался высоко –
Но под воду уходит корма.

На закате – с востока
Надвигается синяя тьма,
И подобно потоку,
Затопляет жилые дома.
* * *
Мы стали жить комфортней – несомненно,
Но оттого – ни капли не счастливей…
Томимся еженощно, ежедневно,
Трудясь на, в общем, выдуманной ниве.

И менеджер какой-нибудь конторы –
Ну – не имеет большего резона,
Чем троглодит оборванный, который
Смог накормить семью куском бизона.
* * *
Я жду звонка, но телефон молчит…
И это непонятное молчание
Рождает и тревогу, и отчаянье.
Я заперлась в квартиру – словно в скит…

Я не хочу прогулок при Луне.
Не надо романтических свиданий,
Конфет, букетов… Долгих ожиданий…
И встреч с тобой – в коротком, странном сне.

Я сильная. Но остаётся сил –
Всё меньше, меньше, меньше – год от года…
Звучит мотив навязчивый – а кода:
Чтоб ты мне, наконец-то, позвонил!
* * *
Нам фонари решили поменять:
Бетонные, добротные – и вроде,
Могли б ещё лет двести простоять –
Нет, выдраны при всём честном народе!

Теперь – тоскливо выглянуть в окно –
Декабрь, и на дворе темнеет рано.
И новые пора давным-давно
Поставить фонари – но ждём обмана.

Ведь важен не процесс, а результат!
Но вот они – печальные итоги:
Все фонари – повержены лежат,
Как мёртвые солдаты – вдоль дороги…
* * *
Мы с тобой – половинки единого целого,
Две полярные области, минус и плюс.
Помрачение чёрного с ясностью белого,
Я тебя и боюсь, и к тебе же стремлюсь.

Эту схожесть и разность – не поняли вовремя.
Разбежались тропинки, дороги, пути.
Пролегли перевалами, горами, долами,
Ведь Земля-то большая, и как ни крути:

Полюса – это символ разлуки и дальности,
В обоюдном стремлении – сотни препон.
Но твердит нам о том, что и сходятся – крайности –
Нерушимый вовеки природный закон.

Мне проложат дорогу – магнитные линии.
Пусть в мозолях, и в обуви, стёртой до дыр –
Я к тебе доберусь, только ты подожди меня –
Ведь на плюсах и минусах держится мир!
* * *
Я экстравертно-нелюдимая
И агрессивно-безответная,
Хоть истерично-возбудимая,
Но и вполне индифферентная.
Душой снаружи – очерствевшая,
Внутри – по-прежнему ранимая.
Сама себе – осточертевшая,
Самой себе – необходимая.

От жизни, в сущности, уставшая,
Хотя ещё почти не жившая.
Уже немного одичавшая,
И кое-что в себе убившая.

Довольно рано постаревшая,

Но в целом – в общем-то, красивая.
Немало, в сущности, успевшая –
Такая противоречивая!...

Порой – весьма пессимистичная –
Но лишь надеждами живущая.
Юмористично-апатичная.
И всё ещё чего-то ждущая!
* * *
Заглянуть бы в параллель другую,
Посмотреть, как всё сложилось там...
Сделать вывод: дескать, аллилуйя!
Всё расставить по своим мечтам.

И понять: что зря – что не напрасно,
И какой разумнее маршрут.
Там ли всё отлично и прекрасно –
Или лучше жизнь сложилась тут?

Чтобы не гадать напрасно: кабы,
Если бы пойти другим путём...
Увидать, что на маршруте том:
Тоже тьма колдобин и ухабов...
* * *
Я проснулась на грани рассвета,
Вся во власти безумного сна:
Непонятной надеждой согрета,
И как прежде, в тебя влюблена.

Но притом – непривычно упряма,
И привычно печальна: во сне,
Твоя добрая старая мама
Почему-то привиделась мне.

Как всегда, объяснить не сумею:
Разговор, как кручёная нить.
О тебе говорили мы с нею,
И гадали: звонить – не звонить...

И очнувшись, почти на рассвете,
Понимаю, скорбя и любя,
Что на этой огромной планете –
Нет ни мамы твоей, ни тебя.
* * *
Какие были вкусные ликёры!
Но не от них кружилась голова...
Мы шли, и ленинградские просторы,
Скрывал туман, и виделись едва

Домов и переулков очертанья –
Всё утонуло в бледном молоке.
И, смутно ощущая расставанье,
Дрожали пальцы в сомкнутой руке.

Вода канала тёмная парила,
Моторов звуки не были слышны.
А я всё время что-то говорила,
Как будто бы боялась тишины.

И Храм Христа-Спасителя громадой
В тумане постепенно проступал.
И силуэт Михайловского сада
В чугунном обрамлении дремал.

А Вечного Огня живое пламя
Легонько трепетало на ветру.
Туман струился тихо вслед за нами,
И стало подмораживать к утру.

Мы шли в другую сторону от дома,

И не спешили. В сумраке ночном
Всё было так знакомо-незнакомо:
Изогнутый проспект, и старый дом…

Пред нами распахнулась Петроградка…
И чуть разгорячённого лица
Касался ветер северный украдкой…
И той прогулке не было конца.
* * *
Грохочет этот мир. Его теперь
Заполнили неистовые звуки…
Прошу: возьмите сердце на поруки!
Я, как флажками окружённый зверь.

Лавина децибел – её измерь,
Поди – попробуй: вопли, грохот, стуки…
В бессилии заламываю руки:
О тишине – тягчайшей из потерь…

Произошёл по фазе явный сдвиг,
И лучшим вариантом: саундтреки…
Где разума спокойный, светлый лик?

Угас огонь души, сомкнулись веки…
Так хочется самой сорваться в крик,
И замолчать – теперь уже навеки…
* * *
Нет, я не вспоминаю о тебе!
Не вижу глаз бездонных синеву…
Да разве я дышу или живу?
Но я не прибегаю к ворожбе…

Нет, я не вспоминаю о тебе!
Мне кажется, я грежу наяву…
Топчу лугов зелёную траву,
Ромашки рву, в сомненьях и борьбе.

Нет, я не вспоминаю о тебе!
Свивает время шёлковую нить.
Но нас не сможет воссоединить.
Прошлась печаль туманом по судьбе…

Я не солгу тебе или себе:
Лежит на сердце тяжестью беда –
Нет, я не вспоминаю о тебе!
Ведь я не забывала никогда!…
* * *
Кто о чём мечтает на досуге:
Кто-то о коттедже на Бали,
Кто-то о богатеньком супруге…
Словом: кто с отвагой – кто в испуге –
Свой пупок возводим в пуп Земли.

А Земля летит себе в пространстве –
И не помышляет ни о чём…
И в своём вселенском постоянстве –
Знать не знает ни о чьём засранстве:
Ну, ни о твоём, ни о моём…

И её, поверь, волнуют мало
Даже вспышки яростных светил.
Безразлично ей – теплее стало,
Иль, наоборот – похолодало,
Иль протуберанец засветил.

Это нас касается, ребята!
Знак, предупреждение с небес,
Чтоб никто из нас – без дела – в драку,
Да с артподготовкой, да в атаку –
Друг на друга бешено не лез!

Но, видать, совсем не в прок наука –
Каждый снова о куске своём…
А ведь наша жизнь – такая штука:
Долбанёт… И на Земле – ни звука –
Лёд сплошной, иль, скажем, водоём…

* * *

Не вините ни женщину вы, ни мужчину,
В наступившем отсутствии пылких страстей.
Не ищите, ребята, впустую причину
В половой принадлежности – дело не в ней.

Обстоятельства тоже ни в чём не вините –
Мы ж не стадо, идущее за вожаком…
Лучше в душу свою как-нибудь загляните:
Оцените пристрастий своих бурелом…

* * *

Ты мне опять нанёс обиду…
Но я смолчу.
Я даже не подам и виду.
И по лучу
Пройду над пропастью бездонной –
Твоей души.
И будет голос монотонный
Звучать в тиши.
Без интонаций, равнодушно,
Клеймя меня.
А я всё мягче и послушней
День ото дня.
Не огорчат твои обиды –
Не развлекут…
Ведь я устала от корриды –
Да, и от пут…
Философично-равнодушной
Я становлюсь.
Снаружи – горестно-послушной –
В душе – лишь грусть.
Мне даже времени не жалко:
Пускай идут
Дела ни шатко, и ни валко –
Напрасен труд,
Душой метаться и стараться
Тебя понять…
Гораздо проще – отмолчаться –
Молчу опять…

* * *

Осень задула
Ветрами студёными…
Сердце застыло.
Встала со стула –
Губами сведёнными
Крикнула: «Милый!
Перебродило,
На уксус похожее –
Кисло, постыло…
Ты мне не милый…»
Ознобною кожею
Душу прикрыла…

* * *

Есть на свете всему
Объяснение очень простое.
По душе и уму…
Но глядят небеса с укоризной,
Наступает конец из концов.

Не спастись никому,
Низвергаются жизни устои,
Всё вокруг – ни к чему,
Если дети уходят из жизни,

Впереди матерей и отцов…
* * *
Часто слышу советы продвинутых граждан:
Не довольна – на мир по-иному взгляни,
И решая вопрос, исключительно важный,
Ты с себя изменения в жизни начни.

Эта мысль, несомненно – весьма интересна,
Только в толк не возьму, что в себе изменять?
Я не ангел, конечно, но всё-таки, честно:
Не умею обманывать и воровать.

Взяток я не беру, и старух у сберкассы –
Обокрасть не умею. И сертификат –
Не под силу подделать – рабочему классу
Я с рождения друг, и товарищ, и брат.

Не варю на досуге палёную водку,
Чтобы ею травить обнищавший народ.
Не приучена брать ни угрозой, ни глоткой.
И не очень-то верую в тех, кто берёт.

Я за деньги учить и лечить – не умею.
Понимая, что рыба гниёт с головы –
Я привыкла гордиться Отчизной своею –
Но ограбить её не сумела, увы…

Не торгую оружием – как-то – не катит…
И вовек наркоты не касалась рукой…
Не носила в метро взрывпакеты под платьем –
В общем, чувствую – деятель я – никакой…

Все равны для меня: и тунгус, и татарин –
Был бы добрый да честный – короче – не тать!
Так что очень вопрос для меня актуален:
Что ж из этого надо в себе поменять?
* * *
Дождь ли, снег, мороз ли, зной –
Всепогодные явления…
Только мне – с душой больной –
Не найти отдохновения.

То забот накатит рой –
Куча дел не перекидана.
То какой-то геморрой
Обострится неожиданно…

Бьют по кумполу года:
То потише – то фортиссимо…
Но душа – болит всегда –
От сезона независимо.
* * *
Оползает край обрыва
Из-под ног…
Упаду я некрасиво –
Дайте срок.

А пока – жую горбушку,
Мну траву.
Посмотреть: уже старушка –
Но живу.

Вижу небо. Не в алмазах…
Ну, и пусть!
Не всегда же: всё и сразу.
Только грусть

В изобилии бывает
На Земле.
Пусть дороженька кривая,
И во мгле.

Я фонариком под ноги
Посвечу.
А погаснет – у дороги
Покричу…

И откликнется хоть кто-то
От души.
А вдвоём-то – и заботы –
Хороши!

Легче путь, и интересней
Нам вдвоём.
Загрустим – тихонько песню
Запоём.

Пусть без голоса и слуха –
«Тра-ла-ла!»…
Испугалась смерть-старуха –
И ушла.

* * *

Праздники утратили свой смысл…
Даже за торжественным столом –
Горькая не покидает мысль
Об утратах скорбных, о былом.

И вино – не опьяняет, нет –
Просто – вызывает тошноту.
А иллюминаций яркий свет
Обнажает боль и пустоту.

Если катит будней череда –
Как-то проще, что ли: день-деньской…
Пышный стол и вкусная еда –
Резче контрастируют с тоской.

А чужим весельем – никогда,
Не надейся – ты не будешь сыт,
Если неизбывная беда
Сердце ранит, душу бередит…

* * *

Шагаю тихеньким аллюром –
На бодрый шаг – не хватит сил.
Мне – без красот архитектуры –
Сегодня белый свет – не мил.

Иду к Михайловскому Саду –
Весьма излюбленный маршрут.
Витиеватая ограда…
Сажусь на камень… Пять минут…

Устала – непослушно тело –
Давно ли бегала стремглав.
Как быстро время пролетело,
Всю силу мускулов забрав…

Давно ли – на одном дыханьи –
От сада – к саду – и назад…
Теперь одно лишь чертыханье,
Усталый вид, усталый взгляд.

И всё ж – не сразу, постепенно,
Но дотянула до Невы,
Где у воды самозабвенно
Ещё стоят литые львы.

Покрыты чёрною патиной,
И пылью прожитых веков.
А на лицо, как паутина,
Летит вода из облаков.

Иду на остров – потихоньку,
Хотя ещё – не умирать...
Мне чайка крикнула – вдогонку,
Что я сюда вернусь опять...

* * *

Прихожу домой, едва дыша,
Ошибаясь домом и квартирою.
Выдаю такие антраша,
Что порой соседей эпатирую.

На уши навешаю лапшу,
Мир духовный – перепрограммирую.
Для себя – немного попрошу:
Пожалеть убогую и сирую.

Отдышусь и перья распуша,
Бытовуху – я засаботирую.
Если жаждет сонная душа –
Занимаюсь юмором с сатирою.

Подражаю шуму камыша,
Птичий щебет строго конспектирую,
Осенью по листикам шурша,
А зимой – на льду слегка вальсируя.

Мысли собираю – по грошу,
Ночью – потихоньку медитирую...
А стихов – я вовсе не пишу –
Просто: так – удачно имитирую...

* * *

Шаг шагнёт – и оступится,
Вдрызг колея.
И колёса по ступицу –
Увязают в грязище...
Ты твердила вчера –
Что семья – есть семья...
И добра – от добра
Не найдут, как ни ищут!...

А сегодня – на поиски
Лучшей судьбы –
В гущу вражьего войска –
Ты с разбегу шагнула...
Обжигаясь сама,
Без чужой ворожбы...
От ума – без ума –
Ты смогла – и рискнула...

* * *

Днём ещё удаётся – фасониться,
И казаться вполне моложавою...
Но ночами подруга-бессонница
Заскрежещет засовами ржавыми.

Приобнимет, от сердца широкого,
Мы теперь – крепко-накрепко спаяны.
Тает свет от окна одинокого
В топком сумраке спящей окраины.

Не жалеет песочку сыпучего –
Щедро кинет в глаза утомлённые.
И всё чаще – от случая к случаю –
Эти длинные ночи бессонные.

Маята и ломота в конечностях,
Но себе не позволишь стенания...
И тревожные мысли о вечности
Возникают в уставшем сознании.

Но достигнув накала высокого –
Постепенно идут к угасанию...

Отзовутся нелепыми строками,
Невозможными для понимания.

* * *

Ах, подруга! Где же ты была?
Ты не думай – я тебя искала!
В полнолунье – с воплями шакала –
Я тебя на улице звала…

Двадцать с лишним лет – ни письмеца:
Парочка коротеньких открыток…
А ведь, помнишь, ну, не прячь лица,
Сколько разноцветных тонких ниток

Мы вплели в затейливый узор?
Ты была мне верная подруга.
Столько лет не видеться – позор!
Вижу – и тебе бывало туго.

Где ж ты колготилась без меня:
Сеть морщин, натруженные руки…
Но теперь – мы вместе – и ни дня
Мне не провести – с тобой в разлуке!

Ты смотри: меня не предавай –
Знаю – по натуре ты такая:
Кто поманит – вскочишь на трамвай,
И, в краях далёких исчезая,

Издали помашешь мне рукой,
Навсегда лишив меня отрады,
Унося «свободу и покой»…
Нет! Не делай этого – не надо!

Мы ж с тобою – рады шалашу,
Не манит нас золото, сверкая…
Я стишок хороший напишу –
Ты шепни мне, Муза, дорогая!

Так боюсь, что и на этот раз
Оборвёшь «дозволенные речи»,
Прекратишь затейливый рассказ
И умчишься от меня далече!…

* * *

Нет места тишине в пучине наших дней:
Сегодня – и любовь, тая в печальном лике
Всей нежности запас, себя в безумном крике –
Пытается продать… И ценник есть на ней…

И в музыке – сто крат надрывней и слышней –
Иерихонских труб, задёргавшихся в тике,
Глас… И душа издать готова дикий
Отчаяния стон, исполненный страстей.

И кажется, простой, обычный разговор –
Становится теперь – без крика – невозможен.
Кричащий адвокат, кричащий прокурор…

А у святых – в глазах – застыл немой укор…
От этих странных глаз – дерёт мороз по коже,
Их бессловесный крик – звучит с недавних пор…

* * *

. А, знаете, мне это даже нравится:
Плюс пять, свежо и дышится легко.
Пускай себе сидит зима-красавица –
Там, за Полярным Кругом, далеко!

И пусть себе колдует над сугробами,
Взметая вихри вспененные ввысь…
А мы, хоть раз, товарищи, попробуем
Зимой – без гололёда обойтись.

Идёшь гулять – походкою уверенной,
По чистому асфальту, не спеша –
И кажется, не всё ещё потеряно,
И в теле – распрямляется душа!...
* * *
Иногда бывает мало водки,
Иногда – закуска не сладка...
Хоть маршрут остался и короткий,
Да была б дорога широка...

Мы тогда её не станем мерить
Только вдоль, а будем – поперёк.
Может, нам находки – не потери
Кто-то в закоулках приберёг!
* * *
Идут пути-дороги по России,
Но иногда заводят не туда...
И руки опускаются в бессильи,
Пугает неизбывная беда.

На этих-то путях и перекрёстках
Встречались мы на протяженьи лет,
Впервые – дети, чуть поздней – подростки...
А после – затерялся слабый след.

Одни пути – травой позарастали,
Другие занесло седым песком,
На третьих – шпалы с рельсами из стали,
Но вот бредут по ним – опять пешком.

Владимирка, Смоленка... Молим Бога
О встрече – хоть на несколько минут.
Что у других народов – лишь дорога –
У нас – особый жизненный маршрут.
* * *
Приверженность традициям – в чести
У многих стран, народов и религий.
Порой красиво – глаз не отвести,
Но иногда – мешает, как вериги.

Подобно путам, связывает нас,
Уводит от сознания и смысла...
Разделит на десятки каст и рас,
Запутает в умах года и числа.

Порой она плутает в мелочах,
Порой морочит головы – глобально...
Виновен Иисус или Аллах,
Что мир устроен так неидеально?...

Обряды, ритуалы – их не счесть,
Но в них, увы, немало негатива...
Коррида – для испанцев – это честь.
На мой же взгляд – не очень-то красиво:

Мне – на корриде – очень жаль быка,
Он загнан, словно шар бильярдный в лузу.
Но всё же – много жальче – мужика,
Что под рога готов подставить пузо.
* * *
Ведь знали же солдаты-крепостные,
Что у французов – рабства вовсе нет...
И шли на смерть – за матушку-Россию,
Ту, на которой – клином белый свет!

Война не может быть необходимой.
И всё же доказал народ, что зря
К приверженности Родине любимой
Приписывали веру и царя!

Ошибки повелителям прощая,
И к ним великодушно снисходя –
Тем подтверждали, что страна родная –
Всегда важнее власти и вождя.

Народ – вояка, труженик и данник,
Который всё готов преодолеть.
Но вдалеке – опять маячит пряник,
Ну, а по заду – вновь гуляет плеть.
* * *
Воспарил над миром, как Дедал,
Тот, кто понял существо вопроса…
Счастлив тот, кому Господь не дал
Видеть дальше собственного носа.

Для кого достаточен – кусок
Пожирней и место, что удобно,
Для кого не впрок такой урок,
От какого прошибает ток,
Тех, чьё сердце чувствовать способно.

Радуется сытый имярек,
Что страна стремится к преисподней.
Чем внутри подлее человек –
Тем ему средь подлости – удобней.

Ну, а тот, кто видит с высоты
Своего нелёгкого полёта
Злобой искажённые черты –
Рухнет из небесной пустоты…
И едва ль его припомнит кто-то…
* * *
Из цикла «Разруха в головах»

Дана команда резкая: на старт!
Грядёт большой бардак при всём параде:
Мы привыкаем к грохоту петард,
К безумной еженощной канонаде.

Мы привыкаем к выкрикам в ночи,
К проверке документов на дорогах.
К тому, что нынче – даже закричи –
Взволнуешь и встревожишь ты не многих.

И мы уже не сможем отличить
От выстрелов – бабаханье петарды…
Мы все теперь в стране своей бастарды.
И с этим чувством – надо как-то жить…
* * *
От деревни – до столицы –
Нет бесправней роженицы…

Где же вы, родные лица,
Так недолго утопиться…
Шлёп укольчик в ягодицу,
И лежать – не шевелиться!

Было б дело где-то в Ницце –
Простынёй легко укрыться…
А у нас, как говорится –
На лету замёрзнет птица…

Я уже сама не рада,
Но рожать-то всё же надо…
Ева яблочко у гада
Приняла – теперь награда:

Кой-кому оно – услада –
Ну, а бабам – муки ада!
Больно, светишь голым задом,

И родных не видно рядом…
* * *
Не надо брильянтов и золота,
А дайте оазис в пустыне:
Мы вечно восторженно молоды,
С младенческих лет – и доныне.

Готовы к купанию в проруби,
На Родине, как на чужбине…
Мы – белые русские голуби
В далёком китайском Харбине…
* * *
Твердят, что светлое начало
Придёт, как праздник новогодний.
Нам всё – на завтра назначают…
А жить приходится сегодня!

Сегодня – петь, сегодня – плакать,
И умирать, и веселиться…
Вчера – мороз, сегодня – слякоть,
И с этим надо примириться.
* * *
Активность солнца – головная боль,
Усталость и в ногах – глухая ватность.
Я задыхаюсь, как под крышкой моль,
И собственная злит неадекватность.

Часы для сна и бодрости – увы –
Попутали своё предназначенье.
И для больной усталой головы:
И сон, и явь – почти одно мученье.

Но поиск смысла жизни наяву
С безумьем снов в согласие вступает.
Так в декабре – зелёную траву –
В порядке бреда мозг воспринимает.

Терзаю непослушный телефон:
Запали кнопки, ускользают звуки…
Я понимаю – это только сон,
Но и во сне – не превозмочь разлуки.
* * *
Ну, вот, на переломе декабря,
Закончилась осенняя погода.
И те, кто снега ждал – тот ждал не зря:
Явила зиму матушка-природа.

Во всей своей невинной белизне:
Стволы берёз сливаются с ветвями.
Предстало утро, как в чудесном сне –
Земля едина цветом с небесами…

А я уже смирилась – и снегов
Не стала ждать – и вот зима случилась.
На первый взгляд, конечно – Божья милость…
Но испещрился точками следов

Лежащий снег – а это значит – тает.
И правда, ноль – не минус и не плюс,
А мне – зимы реальной не хватает.
Смотрю в окно… Дышу… Не тороплюсь…
* * *
Ты помнишь наш заросший старый двор?
И дом из силикатных кирпичей…
На занавесках бежевый узор…
Теперь тот двор и дом – уже ничей.

Там новые хозяева живут,
Ругаясь, обнимаясь и любя,
Обои клеят, наводя уют…

Но ни меня там нету, ни тебя…

А наших переулков тишина
Разбужена ларёчной суетой…
Я не брожу задумчиво одна –
И всё, что было – где-то за чертой…
* * *
А в городе ночь не бывает достаточно тёмной.
И в сторону центра – на небе неяркое зарево.
Наш спальный район – магаполиса угол укромный –
Нам краешком лишь достаётся столичное варево.

Сверканье огней, лимузинов шуршащие шины
Лишь облаком света касаются спящей окраины.
Здесь ветер с полей, там – устойчивый запах бензина.
Здесь авели спят, а по центру – слоняются каины…
* * *
«Безумно – ждать любви заочной:
В наш век все чувства – лишь на срок…»
М.Ю.Лермонтов

В девятнадцатом веке и ранее,
И сегодня, и далее, впредь…
Невозможно на первом свидании
Продолжительность предусмотреть.

Всё «на срок», и кого-то касается
Это чувство на год или два.
У кого-то оно просыпается,
Зеленеет, как в поле трава…

И желтеет – к осеннему вечеру,
Лишь на миг красотой удивив.
И, пожалуй, печалиться нечего:
И подснежник бывает красив…

У других же – и тоже заранее –
Не узнать. Но назад – не свернуть:
Это чувство с последним дыханием
Покидает усталую грудь.

Значит, нечего попусту сетовать
На царящие нравы и век.
Потому что, у грязи, у светлого –
Есть хозяин – лишь сам человек!
* * *
Я истину не выложу в строку,
И на вопрос не дам сейчас ответа.
Узором итальянского сонета
Всего лишь – вас немного развлеку.

Случается такое на веку,
Что грех не наложить отныне вето:
И холодней зимы бывает лето,
И не припасть к святому роднику.

Не греет солнце – душу леденит,
А на луну – завыть охота волком…
Крошится мрамор, сыплется гранит…

А я – бумагу пачкаю без толку –
Меня влечёт загадочный магнит –
Скачу вперёд, коню вцепившись в холку.
* * *
Всё меняется в мире подлунном,
Дни летят, собираясь в года…
Были мы удивительно юны,
И чисты, и наивны тогда…

И казался вовек нерушимым
Наш великий Советский Союз…

Только как-то всё мимо, и мимо –
Пролетело… А прошлого груз

Тяжко давит на слабые плечи,
Не отпустит в поля погулять.
Да и время – нисколько не лечит,
Не снисходит на нас благодать…

Вроде, сыты, обуты, одеты –
Но проблемы идут – с головы.
И всё больше народу «с приветом»,
Да и сами – не слишком трезвы.

И склонившись над зыбкой строкою,
Я – времён принимаю парад…
В отдаленье застыл над рекою
Петербург… Петроград… Ленинград.
* * *
Ты с другой танцевал, я смиренно смотрела…
Да, и, правда, ну, что тут сказать?
Я за эти минуты – душой постарела,
Вероятно, лет, эдак, на пять…

А потом дотерпела до «белого» танца…
Ты не помнишь? Сама подошла.
Для дыхания мне – не хватало пространства –
Мне планета казалась мала.

Мы кружились, и под ноги падали звёзды,
Бесконечным казался мотив.
Было рано прощаться, а встретиться – поздно,
Шестерёнки судьбы раскрутив…

Ты запомнил наш танец – а я и не знала…
Были в песне простые слова.
Может, помня мелодию школьного бала –
Я ещё до сих пор и жива…
* * *
Как ровно снег улёгся, ишь!
Припорошило…
Теперь в мешке – не утаишь,
Как видно, шила.

Ты догадайся по следам,
Куда сегодня
Ведут, наперекор годам –
Предновогодне…

Всё в ожидании замрёт –
Простого чуда…
Не надо плакать – в Новый Год!
Ну, и не буду…
* * *
Синим сумраком вечер
Наполнил дворы.
Что-то давит на плечи,
Толкает с горы…

Я иду переулком,
Накинув пальто.
В этом сумраке гулком –
Не вспомнит никто,

Где бродила, мечтая,
Впечатав следы…
То не слёзы стекают –
А – капли воды…

Это тают снежинки
На тёплых щеках…

Ты осталась, Маринка,
Опять в дураках…

А к утру – запорошит,
Следы заметёт.
И под тяжкою ношей
Минуется год.

И, наверное, в новом,
Не бывшем году –
Я, вот так бестолково,
Гулять не пойду.

* * *

Когда неразделённым чувством
Тебя природа наградит,
Порой бывает очень грустно:
Печальный взгляд и бледный вид.

Ведь хочется – всего и сразу.
Но так бывает не всегда.
Не внемля ничьему указу,
Любовь – на долгие года

Продлит тоску и ожиданье,
Натянет тоненькую нить,
И километры расстоянья
Меж вами может расстелить.

Не огорчайся и не кисни,
И отступленье – не готовь:
Любовь бывает больше жизни –
И лишь тогда она – любовь!

* * *

Конечно, не без доли риска –
Но путь к тебе – казался близким.
И кажется длинней намного
Назад тоскливая дорога.

Смотрю в окно, отогревая
Узоры на стекле трамвая,
И холодит насквозь сиденье
Предощущенье отрезвленья…

* * *

Где ж ты, пташка моя, канареечка?
Пусто в клетке… Куда улетела?
Лишь качается тонкая реечка,
На которой ты часто сидела…

Чуть раздвинуты прутики-планочки –
Как замечу, дала же ты жару!
Улетела моя иностраночка –
Вероятно, домой, на Канары…

* * *

Не отвертеться нам никогда
От непреложного, грустного факта:
Все в этом мире – чья-то еда.
С этим живём, примиряемся как-то.

Вроде, мы – люди, и вроде – нормальны,
Но пожираем ближних своих,
Пусть не зубами, и не буквально –
Впрочем, не хуже монстров лесных…

* * *

Вновь на дворе замело, запуржило, завьюжило,
Запорошило дорожки крупой ледяной,
И на окошке сплело серебристое кружево –
Словно узоры на скатерти нашей льняной.

Еле заметно они проступают – за давностью,
Стёртые ниточки, вышитый гладью узор,

Всё ещё радует глаз ненавязчивой плавностью
Линий рисунка, хранящих в себе до сих пор

Рук нашей бабушки нежное прикосновение,
Это она вышивала узоры для нас,
Я же просила её отдохнуть, удивляясь терпению,
Не утомлять своих добрых и ласковых глаз…

Странное чувство: щемящей тоски и волнения,
Словно коснулась не скатерти – трепетных рук…
Память такие порою нам дарит мгновения,
Что помогают избыть безысходность разлук.

* * *

«Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!»
И.Северянин

Мне не понять того, чей бог – покой,
Кто на чужую боль не тратит слёзы.
А у меня – чуть что: из глаз – рекой –
Я родилась с ранимостью мимозы.

И всё ж характер выдался такой,
Что, не дружа с полупрезренной прозой,
Прорвусь на свет рифмованной строкой,
Переступив упрёки и угрозы.

Виски давно белеют – не мукой,
И не страшусь ни жара, ни мороза.
Богатства мира – мне они – на кой?
Я не грешу ни гонором, ни позой.

И остаюсь – с печалью и тоской –
Из сердца выковыривать занозы…
Я знаю, что бестрепетной рукой
Моя страна мне в гроб не бросит розы…

* * *

Всё бывало иль будет когда-то:
Было с нами, до нас, после нас…
Зимы-лета, рассветы-закаты,
Миг рожденья, скончания час.

Были подлости, страсти, поступки,
За которые гордость берёт.
Притворялся стервятник – голубкой,
И красавцем – моральный урод…

Были долгие годы – без лета,
И бесснежной и тёплой – зима…
Были ночи – без сна, до рассвета,
И бессонниц щемящая тьма.

Были войны и смены формаций,
И возвраты на круги своя.
Это было, товарищи, братцы –
Ну, таков, уж, закон бытия…

Не войти в отжурчавшую воду,
Не поймать на лету благодать.
Средь законов – законы природы –
Беззаконней всего – нарушать.

Не спасут ни окопы, ни латы –
Никого: мудреца ли, глупца.
Всё на свете случалось когда-то –
Только не было света – конца…

* * *

Любовью настоящей – не болеют.
Пусть не сложилось – это тоже свет.
И чувства нет дороже и теплее,

И радостнее чувства – тоже нет.

Любовь не может быть сродни болезни,
Она, как праздник, что всегда с тобой.
С ней жизнь многообразно интересней,
Пусть даже я – с другим, и ты – с другой…

И припадаешь к ней неутолимо,
И свежесть родниковую вобрав,
На расстоянье знаешь, что любима –
Яснее лик и веселее нрав.

Так путник, переходом утомлённый,
Вдыхает послегрозовой озон –
И лишь тогда в любви неразделённой
Есть дивный смысл, и радость, и резон!
* * *
Я раньше так любила Новый Год…
Не по причине детской веры в чудо.
Под ёлкой не водила хоровод,
Но брали мы красивую посуду,

И ставили на скатерть, на столе,
Развёрнутом в полкомнаты длинною,
И вереница блюд: парад-алле,
Выстраивалась чинной чередою.

И состоянье было таково,
От запахов, и просто – настроенья,
Что было предвкушенья волшебство –
Приятнее процесса насыщенья.

Перегорело, кануло навек,
В былом осталось ощущенье сказки.
Из-под своих, всегда припухших век,
Смотрю на мир с тревогой и опаской.

И не зову весёлый круг гостей
Отметить вместе праздник новогодний…
Отсутствие каких-то новостей –
Считаю лучшей новостью сегодня.

А в чём причина – третьему лицу –
Не объяснить: конгломерат событий,
Переплетенье разноцветных нитей…
А может, просто – жизнь идёт к концу.
* * *
Сегодня выпал снег – белым-бело…
А вот надолго – знают только – выше.
Белёсой дымкой день заволокло,
Автомобилей сгорбленные крыши

Прикрыты пледом, словно для тепла.
Предновогодний город принаряжен.
Я б никуда сегодня не пошла…
Но я пойду… Куда? Маршрут – не важен.

Мы все – необходимости рабы.
Гудит до горизонта голос медный.
Но каждый новый стих я от судьбы
Принять готова, словно дар последний.
* * *
Отражает трюмо
Постаревшую женщину в кадре…
Напишу я письмо
И отправлю в неведомый адрес.

И конверт улетит
В отдалённые мира пределы,
Где, уставясь в зенит,

Можно просто – валяться без дела.

Там бананы растут
И, наверно, ещё ананасы…
Как же холодно тут –
Не хочу отворять васиздасы.

И большое окно
Закрываю надёжно и прочно.
Просто – знаю давно:
Очень плохо работает почта…
* * *
Рискну предположить, что главной жидкостью,
Что нынче проливается на землю,
Причем, со всей старательною прыткостью,
Ни голосу Господнему не внемля,

Ни здравого рассудка повелению,
Ни рамок, узаконенных, не чувствуя,
По чьёму-то безумному хотению,
Маньячески витийствуя и буйствуя.

И это не вода – питьё спартанское –
Её намного меньше проливается,
Не пиво, и не водка, не шампанское –
Не прочее, чем люди дурью маются.

Не молочко, чем радует коровушка –
Добро и ласку отдаёт сторицею…
А кровь, людская кровь, кровинка, кровушка –
Течёт на землю – горькою водицею.
* * *
Ну, что нам пожелать под Новый Год?
Пусть нас минуют горькие потери,
Пусть мир на всю планету снизойдёт…
Хоть я давно в утопии не верю.

Поменьше катаклизмов – дай нам Бог,
Чуть-чуть ума вершителям и судьям,
Здоровья тем, кто сможет и кто смог,
И долгих лет… А впрочем, все там будем…

Желаю стать богаче – беднякам,
А богатеям – чуточку щедрее,
Чтоб всем ворюгам дали по рукам,
А всех пиратов – вздёрнули на рее.

Чтоб в мире было меньше бардака,
И, как ни странно – больше дисциплины.
Не оскудей, дающего рука.
Ещё хочу, чтоб женщина – мужчину

Повсюду – перестала подменять,
И чтоб мужчина обряжался бабой –
Лишь в шутку. И вернули нам опять
Смешную привилегию – быть слабой.

Пусть буйные – слегка умерят пыл,
И ближнего пускай полюбят люди.
А главное – каким бы год ни был –
Прошу одно – пусть он, хотя бы – будет!
* * *
Позвони мне, пожалуйста, слышишь!
За окном зажигают огни.
Дождик капли роняет на крыши…
Позвони, позвони, позвони…

Только это – другого не надо –
Телефонная связь – навсегда…
Переход от дождя к снегопаду…

Утекает меж пальцев вода.

И года утекают меж пальцев,
Лишь в морщинках останется след.
Все мы здесь, на земле, постояльцы,
Ничего постоянного нет.

В ожиданьи звонка безнадёжном
Моя жизнь превращается в ад.
Я хватаюсь за трубку тревожно…
Но оттуда, где ты – не звонят.
* * *
Я не хочу стихов «на злобу дня»,
Хочу стихи о чём-нибудь, о вечном…
Рассвете, что растрогает меня,
И о делах, пленительно-сердечных.

О том, что по камням бежит вода,
Как сотни лет назад, и даже – тыши,
И что душа – всё так же молода.
О том, что от добра – добра не ищут…

Как ранит сердце чей-то ясный взгляд,
Об ароматном мареве над лугом,
О том, что не вернуть любовь назад,
И что не надо расставаться с другом.

Об ожиданье встречи, и о том,
Какое счастье – всё-таки дождаться.
Что хочется забыться дивным сном –
И в пятьдесят – не менее, чем в двадцать…

А бичевать – совсем не по нутру…
Но иногда приходится. И всё же:
Писать о солнце, вставшем поутру –
Приятнее, теплее и дороже!
* * *
Я мечтала быть любимою женою,
Но давно уже – об этом не мечтаю.
Обходить пытаюсь ямы – стороною,
Но идти всегда приходится по краю.

Любоваться бирюзовою волною,
От прибоя по камням не убегая –
Много проще, чем тумана пеленою
Укрываться – между тартаром и раем.

Вероятно, я порой сдаюсь без боя,
И свои напрасно силы сберегаю…
С туго-натуго завинченной резьбою –
Трудно дышится, ах, мама дорогая!

Я, похоже, уподобилась изгою –
На равнинах своего родного края.
Всё ещё дружить пытаюсь с головою –
Только в этом – не особо успеваю.

Ты шепни одно словечко мне, другое –
Не успеешь оглянуться – как растаю!
Несмотря на эрудицию – душою –
Я, довольно-таки, женщина простая.

И в себе не развиваю паранойю,
Хоть от хохота гиен изнемогаю…
Под заносами веков – шукаю Трою –
Но о том – уже история другая.
* * *
Мелодия несмело зазвучала.
Объявлен «белый танец». И маршрут
По школьному украшенному залу,

К тебе, на эти несколько минут

Пытаюсь проложить, минуя пары,
Друг друга отыскавшие уже.
Под звуки фортепьяно и гитары –
Выруливаю я на вираже.

По лицам пляшут блики светотени.
По гладкому паркету, как по льду,
Сгибая непослушные колени,
К тебе – под эту музыку – иду.

Успела. Мы танцуем. И дыханье
Застыло в замирающей груди.
Короткое, как песенка, свиданье
И годы расставаний – впереди.
* * *
Приближается линия фронта –
Всё яснее доносится гул.
Это наши ценители понта –
В новогодний пустились разгул.

Громыхают петарды, ракеты
Меж домов устремляются ввысь.
Ну, почти преставление света –
Расходились, пардон, разошлись!

Предстоит убедиться воочью
В достиженьях китайских друзей.
И внимать новогоднею ночью
Перепуганным крикам детей.

И самим чертыхаться, и матом
Посылая, незнамо куда,
Пиротехников, блин, супостатов!
Чтоб им пусто! Такая беда!...
* * *
Наступает рассвет, начинается день,
Занимающий всех суетою.
Ну, а душу – хоть вовсе возьми и раздень –
Не представить совсем уж простою.

Потому что – и тем драгоценна душа:
Не бывает ни в ком – повторима.
Ну, а впрочем, ведь тем-то она хороша,
Что догадки проносятся мимо.

И у каждого нашего нового дня
Мы пытаемся вызнать ответы,
На вопросы, что мучат тебя и меня.
И весь век продолжается это.

Мы – игрушки судьбы, хоть кряхти – а вези,
Тяжкий груз, что ты выбрал когда-то...
И не каждая пешка пробьется в ферзи,
И король не спасётся от мата.
* * *
Я нового счастья себе не желаю.
Я старое счастье стараюсь сберечь...
Пусть лягут снега, распогодится в мае,
И солнце июльское примется печь.

Пусть будет – в охотку – нечёрствого хлеба,
И вдоволь прохладной и чистой воды.
И вовремя дождь проливается с неба,
И не оставляет сухой борозды.

В песчаной пустыне – ползущие дюны –
Да не запорошат журчащий ручей...
А новое счастье – даруется юным:

В сиянии дней и восторгах ночей.
* * *
С тобою расставаясь хоть на час,
Впадаю в состояние безумия…
Душе – необходимость – не указ,
И тело, как спелёнутая мумия…

А действий неосмысленный поток
Стремится прочь – из русла допустимого.
И не уложишь в рамки чётких строк
Весь амок ожидания любимого…
* * *
Никогда не любила толпы,
Шумных сборищ и долгих базаров.
Со своей не сходила тропы,
Опасаясь чужих тротуаров.

Не желала чужого куска,
Но своим не бросалась при этом.
А когда набегала тоска –
Понимала по разным приметам,

Что и ей полагается час,
Просто вытерпеть надо – такая
Уж, судьба приключилась у нас:
Непростая, и, в общем, простая…

Всплеск эмоций – стальная рука
Здравомыслия – вмиг усмиряла:
Так могучая льётся река
В укреплённые стены канала.

Наплывает порою туман –
Нелады со своей головою.
И как видно, пропал, а не пан:
Бесполезно тягаться с судьбою.

Стала больше хотеть тишины –
Донимают шумы городские,
Раздражающих ноток полны
Всевозможные звуки людские…
* * *
Я ждала тебя – девушкой юной,
Ворожбой отводила беду.
Свежим ветром в лицо тебе дуну,
Райским светом сверкая в саду.

Трону арфы эоловой струны:
Зазвучат соловьи поутру.
Даже сумрачной ночью безлунной
Со стекла я туман оботру.

Проложу я по свету дороги,
Чтобы мог без опаски идти,
Даже если, не глядя под ноги –
Всё равно не собьёшься с пути.

Даже можешь пройти, не заметив,
Полагая, что я – не нужна…
И не знать, что такая на свете –
Лишь одна, лишь одна, лишь одна…

Зачарую тебя, околдую,
Ароматом цветов опьяня –
Даже если полюбишь другую –
Ты любить будешь только меня!

Сочиню незабвенные руны,
Я, последняя в женском роду…
Я ждала тебя – девушкой юной,

И стареющей женщиной – жду…
* * *
Видно, оказал своё влиянье
Сердцем излучаемый флюид.
Чувствую тебя на расстояньи,
Словно стрелка компаса – магнит.

На волнах житейского простора
Я качаюсь утлым челноком.
Я пойму, наверное, не скоро,
Что, зачем, куда, кому, о ком…

Виражи, похлеще, чем на треке,
И всегда – с тобою визави.
Просто я отравлена навеки
Всемогущей магией любви…
* * *
Не холод, холодок – не по-январски…
Гуляю, не спеша по тротуару,
Вольготно полы распахнув по-барски,
Хотелось бы пройтись с тобой на пару.

Как было в ту далёкую эпоху,
Когда мне «не смешна была походка»,
Моя. И было всё не так уж плохо,
Но унеслись года, как миг короткий.

А память – реагирует на запах:
Опять дымком вокзальным потянуло.
И сжало сердце в мягких, тёплых лапах,
И всё внутри меня перевернуло…

Как первые младенческие «ладушки»,
Как чтение стихов, берущих за душу…
* * *
Мне нравится пьянящий аромат
Под солнцем разомлевшего раздолья,
Чьи запахи всегда в себе таят
Восторги в сочетаньи с острой болью.

Мне нравится лесная благодать,
Прозрачная берёзовая крона,
Когда с опушки можно увидать –
Наряд сосны – по-прежнему зелёный.

Мне нравится бодрящий холодок,
И солнце, отражённое от снега…
Толкающий в затылок ветерок,
И тёплой печки сладостная нега.

Мне нравится – капели перестук,
Земля, весенней пахнущая прелью,
Листочки, распустившиеся – вдруг,
И птиц неукротимое веселье…

Но мне противна летняя жара,
И липкая испарина на теле,
И надоевший посвист комара…
Пыхтишь, сопишь и дышишь еле-еле.

И мне противны серые дожди,
И лужи на раскисших тротуарах,
И ничего хорошего – не жди,
И чувствуешь себя больной и старой.

Противен ветер, режущий, до слёз,
И гололёд, распутице на смену.
И лютый, обжигающий мороз,
И мокрый снег, лежащий по колено…

Противна затянувшаяся, вплоть

До середины мая – непогода,
Когда тепла давно алкает плоть,
Но за зиму цепляется природа.

Таких противоречий – полон свет.
А, может, я – полна противоречий.
Брюзгою стала с накопленьем лет,
Печальных дум, болезней и увечий?...
* * *
Мои места – до мук сердечной боли...
Перечислять – и то не хватит сил.
Не с вами я, признаюсь, поневоле –
Как говорится, Бог не попустил...

Но есть одно заветное местечко –
Знакомый двор – почти без перемен:
Второй этаж, окошко над крылечком...
И жалюзи – лиловых штор взамен.

А во дворе: поставили скамейки –
Добротные, но прежним – не чета.
И деревца – как будто по линейке –
Попытка украшения... Тщета.

Обломаны тончайшие побеги
Любителями праздности ночной –
Не томной тишины и дивной неги,
А пьяной перебранки заводной...

А вот заветный тополь – не спилили
В борьбе с пуховой летнею бедой.
Мы старики – нас годы побелили,
А он – подрос – такой же молодой.

Их много – этих мест – но страшновато:
А вдруг – узнать, увидев, не смогу.
До боли мне знакомые когда-то –
Забытые на дальнем берегу...
* * *
Бессилия усталые глаза –
Не слишком чётко видят на свету.
И вспоминая: как же он сказал?...
Подводишь незаметную черту.

И остаётся, раз – и навсегда –
Всё бывшее, былое – за чертой.
И шумные, ушедшие года
Сменяются тяжёлой пустотой...

И можно ли хоть что-то изменить?
Не знаю... Но, возможно, знает он...
А если просто: взять и позвонить?
Ах, как же запылился телефон!...

С упорством припомоечных бомжей
Я разбираю прошлого завал.
А тему не наточенных ножей –
Уже Олег Митяев исчерпал...
* * *
Я не верю в хорошие вести.
Кто сказал, что такие – бывают?...
Будь моложе, лет, скажем, на двести,
Я бы верила страсти и лести,
Но без сил оставаясь на месте –
Слышу: дождик колотит по жести,
Да в проулках ветра завывают...

Почему б не уверовать в чудо?
Это сладкое слово: доверье...
И сердечная схлынет остуда,

Я поддамся всеобщему зуду,
Сброшу с сердца гантели по пуду,
И по-прежнему трепетной буду…
Только накрепко заперты двери!…
* * *
Вроде, сыты, и одеты, и обуты,
И «коробушка», гляжу, полным-полна.
Но сознание тревожит почему-то:
Страшноватые сегодня времена.

Нет, не ноги – это сердце давят путы,
Так и ждёшь, что оборвётся тишина,
Каждый день, и час, и каждую минуту,
Разъярится набежавшая волна…

Да, январь не назовёшь сегодня лютым.
Канонада новогодняя слышна…
А мне кажется, сквозь залпы всех салютов:
Продолжается гражданская война…
* * *
Помои льют на власть Советов.
И знают – можно не гадать:
Что им она в ответ на это –
Уже пинка не сможет дать.

В чём лютой ярости истоки,
Они ответят хоть сейчас:
«Вот, дескать, предок недалёкий –
Был репрессирован у нас!»

Но если вникнуть: поглядите,
Здесь шансов – явно: сто из ста,
Что их, конкретно, прародитель –
Был арестован неспроста!

Уж, слишком злобные наскоки…
Их предкам помешала власть –
Пить из людей рабочих соки,
Безбедно жить и кушать всласть.

В итоге – отомстить надежда –
За то, что жизнь – не задалась…
Такая вот – событий между:
Причинно-следственная связь.
* * *
Я – творенья венец, да и как же иначе?
Мир вокруг: для меня – это, явно, бесспорно,
Для восторгов моих, и для прочих чудачеств.
Как же верится в глупости эти упорно…

Но даёт по башке, отрезвляя ударом,
Нам судьба – и не раз, чтоб не очень-то мнили
О себе, отравляясь бездумным угаром,
И удачу свою – чтоб не слишком дразнили.

И наивность, как дань, нелегко отдаётся.
А взамен – пониманье приходит с годами:
Я – молекула жизни, и мне остаётся,
Молчаливо терпеть, что случается с нами.

У далёкой реки отыщу я истоки
И забуду до срока, какими мы были,
И на тёплую землю, таящую соки,
Упаду я песчинкой космической пыли.
* * *
Ах, Греция-легенда,
Пристанище богов.
Извилистая лента
Скалистых берегов.

Плеснёт волной морскою,
Бегущею ко мне.
А я коснусь рукою
Расщелины камней.

Где узкую мордашку
Скрывает испокон –
Не мышка и не пташка,
А сцинковый геккон.
* * *
Людям мало врагов:
Эти бури, торнадо и сели,
И гроза берегов –
Оголтелая толща цунами.
Только принцип таков –
Чуть соседи слегка надоели –
Сразу – дверь на засов –
Их отныне считаем врагами…

В недалёкой башке
Поселить недоверие – просто.
Смотришь – камень в руке,
И готовность помериться силой.
На одном волоске
Всё висит. И уже – вместо тостов –
Люди плачут, в тоске,
Над огромной раскрытой могилой…
* * *
Вот такая она – настоящая,
Так внезапно всегда настающая:
Словно струны гитары – звенящая,
Словно ветер в деревьях – поющая…

В знойный полдень – прохладу дарящая,
А зимою – тепло отдающая.
От тоски и от боли – щадящая,
И наотмашь обидчика бьющая.

Вечным пламенем в сердце горящая,
И в пустыне порой вопиющая.
А любимым навстречу глядящая –
Словно солнца лучом обдающая.

Иногда – нестерпимо щемящая,
Душу – надвое яростно рвущая –
Вот такая она – настоящая,
Так внезапно всегда настающая.
* * *
Мне конечно, близки и понятны –
Ваши, чисто от сердца, советы:
Чтоб не думать, о чём неприятно –
Словно не было горя, и нету!

Что тут скажешь! Придумано знатно:
Исполняй себе только заветы,
Коль умеешь – весьма вероятно,
Твоя песня ещё не допета.

Пряный запах укропа и мяты
Мне напомнил далёкое лето,
Тропки в поле, что нами примяты,
И прогулки всю ночь до рассвета.

А потом: расставанье – невнятно,
И нелепые в письмах – приветы…
Словом – прошлого тёмные пятна –
Будто старости близкой приметы.

А страданье – подушкою ватной –
Давит сердце, и поиск ответа

Обжигает тоской многократной –
И никак не кончается это.

Не гляжу я, нарочно, обратно –
Только помнятся прошлого сметы.
И порою, бывает отвратно:
Много боли от «а» и до «зета»…
* * *
Много мыслей, эмоций и новых идей –
У меня в голове, поседевшей до срока,
Только вот – поистратилась вера в людей.
И не надо корить, что я слишком жестока.

Справедлива, скорее. А это не всем,
Не всегда, не во всём – и не очень по нраву.
Да, признаюсь вам честно, сама я – совсем,
Не считаю, что есть у меня это право:

Потому – осуждать никого не берусь,
Если только совсем нестерпимое что-то…
Давит боль за страдалицу, Матушку-Русь –
Обливается, бедная, кровью и потом.

Простовата, доверчива, слишком добра,
И безумно отходчива – сердца не держит.
Не жалеет ни золота, ни серебра…
И её – по живому – терзают и режут…

А помочь – не могу – слишком силы малы.
Только робкие строчки да горькие слёзы…
Оседают на лицах следы от золы,
Да на фоне пожарищ – белеют берёзы.

Расплелась, расползлась путеводная нить,
И на спуск – тяжелее подъёма ступени…
В этой жизни – я всё бы смогла объяснить –
Только я не хочу никаких объяснений.
* * *
Посадите меня в тюрьму…
Может, станет кому-то легче,
И расправятся чьи-то плечи,
Будет радостнее кому –
Посадите меня в тюрьму…

Положите живою – в гроб.
С минимальною долей риска.
Станет памятней обелиска
На могиле позорный столб.
Положите живою – в гроб.

Можно – попросту – пулю в лоб,
Но – надёжно, чтоб не страдала.
Или вам покажется мало,
Или надо – страдала чтоб?
Можно – попросту – пулю в лоб…

Можно даже сойти с ума,
Ведь безумье – дарит забвенье.
Коль иссякнет запас терпенья,
Перестанет страшить сума –
Можно даже сойти с ума.

Не пугает почти ничто…
Отбоялась своё, наверно.
На душе – нестерпимо скверно,
Боль, что смерти больней… Зато –
Не пугает – почти ничто…
* * *
Нас окружают разные предметы,
Что призваны благоустроить быт.

Но лишь один способен дать советы
О том, как приукрасить внешний вид:

Как выглядим и хорошо ль одеты…
Он беспристрастен. Радостен, сердит –
Бываешь ты – он лишь покажет это.
Порой – похвалит, чаще – пристыдит.

Мелькают мимо зимы, вёсны, лета…
Он, в общем, нас ничем не удивит,
Лишь предоставит ясные ответы –
Исчерпывающе молчащий гид.

Мы для него – далёкие планеты,
И наша жизнь, как бочка Данаид…
А нашей смерти – словно, вовсе нету:
Чуть что – и занавесочка висит…

И в нём, согласно мненью наших дедов:
Душа себя уже не разглядит.
Такое у живущих – право вето,
Для нас – он – притягательный магнит.

Хотя бывает – преставленье света –
Пусть ты богат и даже знаменит:
Не скроет он старения приметы –
За что бывает – в ярости – разбит…
* * *
Занимается утро воскресное.
Снова солнце забыло взойти.
Видно, что-то весьма интересное
Повстречало на длинном пути.

И застряло в соседней губернии.
А в окошко: смотри – не смотри –
Так до вечера будет, наверное,
Хоть совсем не гаси фонари.

Разбросала делишки домашние –
Не раскрутишься с ними вовек…
Настроение – вроде вчерашнего,
Да ещё начинается снег…

Покрывало опустится белое.
И с тобою останемся мы,
Как большое, единое целое
В этом пасмурном мире зимы…
* * *
Такая дана свобода
В рифмовке ритмичных строк,
Что рядом – сама природа,
И мира простор – широк.

Такие открыты дали,
Такие приходят дни…
Не то, чтобы не видали –
Не знали, что есть они.

И снова душа – крылата,
И снова она парит…
И пусть я лишь тем богата!
И Бог с ним, что – бледный вид!

И Бог с ним, что в женской доле –
Лишь грезилось то, порой,
Что может себе позволить
Лирический мой герой…
* * *
Мне гадок этот бег на выживанье –
Естественный, но пакостный отбор,

Который насаждается в сознанье
Весьма активно, с некоторых пор.

Мне гадко то, что названо красиво
И звучно: конкурентная борьба.
Не потому, что вовсе не спесива:
Топтать упавших – не моя судьба.

Свирепое лицо капитализма
Предстало в омерзительности всей.
И этот мир я вижу через призму
Отсутствия хороших новостей.

Где добрая, душевная беседа?
И не полезет в глотку мне кусок,
Отобранный у слабого соседа…
Не надо повторять, что мир жесток.

Мне гадко – от расцветки – и до жеста –
Терзающее падаль, воронньё.
И у меня – есть в этой жизни место,
Хоть маленькое, но зато – своё!

* * *

И мир – не мир, и дом – не дом…
Молиться надоело,
Чтоб взрыв – раздался – за углом,
Чтоб пуля – не задела,
Чтоб не сужали окоём,
Пока не захотела,
Чтоб не терзали день за днём –
По делу и без дела…
Чтоб не горело всё огнём,
Душа не сатанела…
Пятнадцать лет уже живём
Во власти беспредела.

* * *

Море отдыхает на закате,
Золотисто-розовой волной
Задевает – по подолу – платье
И шуршит камнями за спиной.

Берег неглубокого залива
Окружён зелёною стеной –
Здесь пятисотлетние оливы,
Наблюдают, словно бы, за мной,

С чёрными корявыми стволами –
Пусть не вечны – вечнозелены –
Вслушиваясь в споры между нами
Да в ритмичность ласковой волны.

Кажется, такою красотою
Можно любоваться сотни лет:
Отдыхать под звёздной чернотою
И встречать над скалами рассвет.

И опять, жару превозмогая,
Ждать заката, розовой волной
Любоваться… Край земного рая!…
Но ничто не вечно под Луной…

Линию бессрочного маршрута
Проложила я на карте грёз.
Но, пока живая, почему-то
Верится, что это не всерьёз.

Подожду ещё совсем немного,
Прошепчу последнее «Прости!»
И шагнув на лунную дорогу,
Добреду до Млечного Пути.

* * *

Рванулась бежать, не дождавшись вопроса о том,
О чём он узнать собирался, весьма вероятно.
Как в старом кино: где же улица эта и дом?
Хотя, дождалась – только буркнула что-то невнятно.

И словно спеша – не совсем понимая, куда –
Смешалась с толпой, недоверьем себя утешая...
Дороги и тропки, озёра, леса, города –
Не знала тогда, что планета – такая большая.

И что человека на ней отыскать нелегко –
Я даже не знала, что это – захочется сделать.
Об этом так просто сказать невесомой строкой –
И даже напеть под гитару, весьма неумело....

Вот так – мы всегда: уповаем на вечный «авось»...
И только в мозгу – ядовитое острое жало –
Сидит и мозжит, и терзает, и колет насквозь:
Зачем, ну, зачем я тогда от него убежала?
* * *
Горячей галькой ноги жжёт,
Ступни щекочутся.
Мы ждали лета целый год –
Погреться хочется!

Я хитрость вспомнила одну,
Давно знакомую:
Ложусь спиною на волну,
Как невесомая.

Глаза слепит ярчайший свет,
Водичка тёплая...
Я так умею с детских лет –
А ты – всё с воплями:

Ступни, мол, тянутся ко дну –
Их перевесило!...
А я плыву на глубину –
Мне страшно весело!

Мы заплываем за буйки,
Нарушив правила.
Твой чуб – касанием руки
Слегка поправила...

Стекает моря бирюза
К небесной линии.
Какие у тебя глаза –
Бездонно-синие!...
* * *
Мы же знаем друг друга сто лет,
И за это немалое время
Наших глаз удивительный свет
Притушило нелёгкое бремя

Навалившихся бед и невзгод,
Неприятностей – крупных и мелких.
И не раз, и не два – каждый год –
Не в своей мы бываем тарелке.

И не всё нам с тобой по нутру,
И не всё нам с тобой – по заслугам...
Даже кажется часто: умру –
Оттого, что с тобою друг друга

Не всегда мы умеем понять –
Почему? Не разгадана тайна.
Ты умеешь меня обижать –
Может, походя, может, случайно...

Но обиды свои не коплю,
Забываю, как можно скорее.
Потому, что тебя я люблю –
С каждым годом сильней и нежнее.

Протяни свои руки ко мне,
Обними меня крепко, как прежде!
Я твой якорь – не тот, что на дне,
Я тот якорь, что дарит надежду.

* * *

Посреди безрадостной юдоли,
После нашей северной земли.
В самый пик цветения магнолий
Мы на берег с пристани сошли.

Испытала состоянье шока:
Был настолько ярок и красив
Дивный край цветущих артишоков,
Винограда, лавра и олив!

Но всего прекрасней на планете:
Море с бирюзовою волной,
Что меня встречало на рассвете,
И вставало – с берега – стеной.

Что пугало гневом Посейдона,
Буйным и бурлящим становясь,
В пику человеческим законам –
Нам свою показывало власть.

Что манило лунною дорожкой,
Словно у Куинджи на холсте,
Умоляя хоть ещё немножко
Постоять в бездумной простоте.

И, совсем уже, признаться, странно:
Пробуждало детскую мечту –
Кистью Ованеса Айвазяна
Описать всю эту красоту…

Я тугой волны коснусь руками…
И не будет никакой другой,
Даже самый драгоценный камень –
Драгоценней гальки под ногой.

Утомить читателя рискую,
Чудо – запечатывая в стих.
Красоту не выразить морскую
Перебором слов и запятых…

Всё проходит. Даже лето… Вскоре
Встретил нас дождями Ленинград.
Я была на тёплом южном море
Ровно двадцать лет тому назад…

* * *

Добрым словом – можно даже кошку
Приласкать. И сколько ни язви –
В нашем мире крошечном, с ладошку,
Не хватает мелочи – любви…

И спасибо тем, кто суетою
Не заездил душу до кости,
Кто способен с детской простотою –
Сердце – в дар тебе преподнести!

От души, сугубо бескорыстно –
Ничего не требуя взамен…
Это было, есть и будет присно:
Надо верить в нерушимость стен!

* * *

Туманным утром зимним путь неблизкий…
Ночное возвращение домой…
Столбов километровых обелиски
Скользят, полуприкрыты пеленой.

Романсов грустных трепетные звуки –
Ничуть не постарели за века:
Опять в тоске заламываем руки,
Бросая вслед небрежное «Пока!»

Не доверяя связи современной,
Сверлим глазами сумрачную ночь:
Ни супераппарат сверхсовершенный,
Ни роуминг – не в силах нам помочь.

На тройке, заплутавшей в поле чистом,
Как «травяной мешок, как «волчья сыть»,
Да, не гони ж ты – крикну машинисту –
Мне, право, больше некуда спешить!…
***
Отдавать долги – чего уж проще:
Мёртвым – так удобно – ну и ну!
Как? Таская ссохшиеся мощи –
Через всю несчастную страну,

Где давно гремят бои без правил,
И убитых – попросту не счесть!
Видно, нас и Бог в стране оставил,
Где забыты преданность и честь.

Где войны далёкой ветераны,
Только, что не мрут в очередях,
Словно паспорт, предъявляют раны –
Что в былых получены боях…

Не затем, чтоб ездить по Канарам –
А затем, чтоб голод превозмочь…
А страны грабители – по барам –
Полбюджета могут бросить в ночь…

Но зато – представьте, как красиво:
Каппелевский труп в Москву переть –
Из Харбина – всей стране на диво –
Это ж будет, чем гордиться впредь!…
* * *
Я ползаю по свету еле-еле,
Контактов избегаю неспроста:
Когда бы на меня вы посмотрели –
Не враз бы разгляделась красота.

И чтоб не вызывать недоуменье,
По белу свету я не мельтешу:
Сижу себе – пишу стихотворенья:
Елей на сердце, на уши – лапшу.

Я в них такая юная бываю,
А иногда – древнее черепах…
Короче, я про возраст забываю
И растворяюсь в собственных стихах.

И не пугайтесь, если вдруг – на деле –
Контраст вы обнаружите большой.
Стихи – порой бывают и о теле,
Но пишутся-то всё-таки – душой!
* * *
Не передать мне степень облегченья,
Не выразить, в стихах не описать,
Ту радость, что сродни изнеможенью,
Которую способен испытать.

Ты веришь своему предназначенью
И Господу возносишь исполать:
На краткий срок – но прерваны мученья,
И на душу нисходит благодать!

Ты словно под Элизиевой сенью:
Две девочки, их пёс, отец и мать –
Всей кодлою – под вечер воскресенья,
В конце концов – уходят погулять…

И в тихой неге замирает дом:
Ушли соседи выше этажом!
* * *
От всяких перемен – дурею я:
Вот наш народ – увы, оставлен с носом…
И даже королевская семья –
В Британии – сегодня под вопросом!…

Но Виндзоры – понятно: прошлый век –
Их вверг в пучину бед и адюльтеров…
А вот простой советский человек –
Послужит лишь наивности примером.

Где простодушье – глупости сродни,
Доверчивость – безмозглому упорству…
Вот и сейчас, в теперешние дни,
В фаворе – проявившие проворство.

А остальные – либо на рожон –
Идут – без цели – либо выживают…
А кто предупреждён – вооружён!
Но этого они – не понимают…
* * *
Мы по сей день не в силах осознать
Людское на земле предназначенье.
Один вовсю стремится выйти в знать,
Другой – найти нелёгкое решенье

Вовеки не решаемых задач…
Иные мнят своих богов – превыше
Всех остальных – и снова: кровь и плач,
И кто-то на земле всё время лишний…

И не уйдёт профессия: палач –
И очередь стоит на роли жертвы…
Несётся по Вселенной пёстрый мяч
Планеты нашей – тоже не бессмертной…

И здравым голосам не хочет внять
Желающий кровавого отмщенья…
А в мире возрождается опять
Средневековый метод умерщвленья…
* * *
Миллионы людей на Земле
Лишены музыкального слуха.
Пустяковая эта непруха –
Ерунда – был бы хлеб на столе,

Руки, ноги, пять чувств – и вперёд.
Ну, а песни – неплохо и слушать,
И совсем не страдает народ,
Не терзает бессмысленно душу…

Только я – ущемлённой себя
С ранних лет ощущаю – доныне:
Песни петь – до безумья любя –
Так любя, что без песен остынет

Непутёвое сердце моё,
Для меня – это, словно дыханье,
Словно «южных ночей забытьё»,

Восхищенье и очарованье.

Зазвучит в забубённом мозгу,
На колки мои вытянет жилы –
Я не петь – ну, никак не могу!
Только слушать меня – не под силу…
* * *
Порою роковой вопрос
Томит среди житейской прозы:
Насколько это всё всерьёз –
Судьбы насмешки и угрозы.

Житьё – как бесконечный кросс…
Кому – шипы, кому-то – розы.
Но знай – вези свой тяжкий воз
Через снега, дожди и грозы.

Удар, подача и проброс…
И хлещут поминутно лозы.
То от тоски идёшь вразнос,
То – романтические грёзы

Закружат. Может всё под снос –
Пойти – и не получишь дозу
Любви… Порой в такой навоз
Тебя швырнёт, что не до позы…

Где рытвина, а где торос,
Где спорынья, а где мимозы,
И хорошо ль натянут трос –
Узнаешь, проливая слёзы…
* * *

Хочу запеть – а голос не звучит,
Ну, хоть бы как – не попадаю в ноты.
Я вымираю, как разумный вид,
Переходя в когорту идиотов.

Хочу хотя бы крикнуть – не могу,
Не прошептать – спеклись, иссохли губы,
Как луговые травы, что в стогу –
Лишь шелестят: не ласковы – не грубы…

И даже мысль – идёт из головы,
Пугая выпрямлением извилин.
И где-то гулко ухает: «Увы!
Увы! – полуслепой ушастый филин.

Он кажется похожим на меня:
В больших глазах – застыло удивленье –
И он, как я – опять боится дня,
И прячется в строках стихотворенья.

Мы оба беззащитны и слабы –
С подрезанными крыльями уроды –
Кипим, бурлим в кастрюльке у судьбы:
Нет-нет, ещё! Какие наши годы!

Я петь хочу, и плакать, и в пургу
Идти вперёд, на ветер, раз припёрло.
Пускай я даже сдохну на снегу…
И я кричу: «Эй, вы, сойдите с горла!»
* * *
Рано или поздно – устаканится,
Всё вернётся на круги своя,
И душа – измученная странница,
Захлебнётся – чашей бытия.

Не открою нового явления –
Только в мыслях, кажется, вольна,

Знаю, что вослед землетрясению –
Набегает длинная волна.

К свету поднимались по спирали мы,
По спирали опускались в ад –
И с тобою сроду не искали мы
В жизни капиталов и наград.

Ближнему не делали подляночек,
Дурака – не звали дураком.
В сонме вечеринок и гуляночек –
Жались в уголке – особняком.

Не скажу, что это очень весело –
Право – веселее карусель!...
А сейчас – окошки занавесила –
Первая январская метель.

* * *

Порою только кажется,
Что мы умеем жить...
Бреду по снежной кашице –
Попробуй – удержись...

Дела: легко отчаяться...
Слова: лала-лала...
А смотришь: получается,
Что вовсе не жила.

И хочется горения,
Восторгов и чудес.
Но в нужном направлении
Маячит райсобес.

* * *

Гулял по праздникам народ,
Топилась печь, бродило сусло...
Но кто сказал, что всё идёт,
Как по накатанному руслу?

Где не торос – там полынья,
То влево киданёт, то вправо.
Вовек не сможем – ты и я –
На путь наставить всю ораву.

Мессии вымерли давно...
Да, полно – были ли мессии?
А впрочем, это всё равно
Народам взбалмошной России.

А новых праздников – не счесть,
Опять толпа гуляет рьяно:
Всегда есть повод – сытно есть,
И повод куролесить спьяну...

* * *

Нет предела классовой борьбе,
В этой мясорубке все народы.
Приглядись: она живёт в тебе,
Порождая ненависти всходы.

И в толпу, вбирающую ложь
От подонка с мрачною харизмой,
Втёрся новоявленный Гаврош –
Наркоман без капли романтизма.

Чаша горя нашего полна?
Вытерпим ли новые невзгоды?
Вновь идёт гражданская война,
Лишь слегка стихавшая на годы...

* * *

Приснилось мне: широкая дорога,
Сиянье незажжённых фонарей.

И наш маршрут: наверно, в гости к Богу,
Или навстречу Вечности, скорей…

Цветущий луг – без края и предела,
Жужжанье пчёл над самой головой.
А я в упор в твои глаза глядела,
И силуэт в них отражался мой.

Мы плыли в этом мареве над лугом,
И глядя вниз с немалой высоты,
Тебя хватала за руки с испугом –
Но так спокойно улыбался ты.

Невидимый сияния источник
Дарил неуловимое тепло.
А я ждала, что звякнет колокольчик,
И скажут: «Ваше время истекло!»

И снова мы смеялись до упаду,
Цветочной перепачкавшись пыльцой.
И ты не удивлялся, видя рядом
Моё не постаревшее лицо…

* * *

Даже как-то сразу посветлело –
И внезапно выбелило двор,
Так бабуня освежала мелом
Стены хаты… И в дневной дозор

Заступают труженики. Рано –
Пять утра, и тягостно вставать.
А кому-то – было б даже странно
Покидать в такую рань кровать.

Но идут по утренней пороше –
Шевелись и рот не разевай!
Не для них «Лендроверы» и «Порше» –
А метро, автобус и трамвай…

Разве что, побитый «Жигулёнок» –
Если разогреется с утра.
Вон – мужик, зевающий спросонок,
Портит воздух нашего двора.

Растопырил крышку на капоте,
Выхлоп вытесняет кислород.
И гудит мотор на нудной ноте –
Просто он других не знает нот.

Город просыпается, и снегом
Принаряжен с самого утра.
Я прощаюсь с полусонной негой…
Неохота. Но уже пора!

* * *

Уже описано, как будто,
Всё: от Небес до спуска в Ад…
Но ценна – каждая минута,
И новый слог, и свежий взгляд.

И не скрывая восхищенья:
Ни томных «ох!», ни пылких «ах!»,
Рисуем каждое мгновенье
В своих взволнованных стихах.

И отразится в наших строчках,
Как, многократно, в зеркалах,
Что грохнул оземь на кусочки,
И позабыл во всех углах

Рассеянный хозяин дома…
Отыщем яркие слова,
И жизнь, что всем давно знакома,

Сто раз увидится – нова!

И неожиданные взгляды,
Как кисть в талантливой руке,
Вновь нарисуют то, что рядом,
И то, что скрыто вдалеке.

И не устанем удивляться
Мерцанью звёзд, журчанью рек –
Не для наград, не для оваций –
А – так устроен человек.

* * *

Остались такие квартиры,
Ещё с незапамятных пор,
Где выжили в вихрях эфира:
Старинный махровый ковёр,

С весьма непростою судьбою,
И сонмом безрадостных лет,
Когда он скрывал под собою
Рябой и скрипучий паркет.

Диван, где невольные ямы,
Прикрыты подшивкой газет,
Чтоб выглядел более прямо
Продавленный мебельный дед.

Над круглым столом, нависая,
С густой бахромой абажур,
Портьеры полоска косая,
И тени склонённых фигур.

Картина в облупленной раме,
И в склянке старинной – духи…
А чтоб не скучать вечерами –
Здесь просто – читают стихи.

* * *

Твои глаза, вот так – предельно близко,
Впервые вижу, потому – испуг…
А ведь сама передала записку
Я прямо в руки – из дрожащих рук.

Подобие послания Татьяны,
Я сочинила, и тебе, мой друг,
Передала. Уж слишком ныли раны –
Сердечный, многим памятный недуг.

И вот: глаза в глаза… И разве можно
Предугадать, что будет, наперёд,
Когда девчонка, столь неосторожно,
Записку пареньку передаёт.

Да, если б знать, каких ещё последствий
Нам наготовит жизнь на много лет…
И если б знать, что встреча в нашем детстве –
В душе у нас такой оставит след…

Ты помнишь, как вошёл, а я стояла
В учительской, с журналом, у стола…
И тех минут мне оказалось мало –
Тебе записку я не отдала…

* * *

Когда не начинается зима –
То под сомненьем и весны приход.
И в голове, и в сердце кутерьма,
Когда зима никак не настаёт.

Раскисшая, размокшая земля
Не принимает воду. И она
С температурой около нуля –

Днём в лужах, а ночами – ледяна.

Берёзок голых бледные стволы,
На первый взгляд, безжизненны вполне,
И шансы тонких веток – так малы –
Украсится листвою по весне.

Всё, кажется, застыло и во мне.
Но жизнь таится где-то в глубине.
* * *
Снег на ресницах не тает,
Льдинки в глазах затаились…
Вот и опять мы простились –
Как мне тебя не хватает!

Эти забытые строчки
Вспомнила как-то внезапно,
Словно душа – на кусочки,
Только не враз – поэтапно…

Песенка, в общем, простая:
Неба нежданная милость –
Как лебединая стая,
Пёрышком лёгким спустилась…

Яркого светлого мая
Отблеск на стёклах оконных.
Как я теперь понимаю,
Сотни звонков телефонных

Тёплого ясного взгляда
Нам никогда не заменят…
Нет Афродит – и не надо –
В брошенной на берег пене.

В спутанных вырванных травах –
Мусор морского потока…
Да и в любовных отравах –
Я не особенный дока.

Мы расставались – надолго,
Как оказалось – навеки.
Снова я плачу без толка,
Снова тяжёлые веки,

Снова летают снежинки.
Полузабытые звуки:
Апофеозом разлуки
Тенькает вальс под сурдинку…
* * *
Ощущаю фибрами души
Ирреальность каждого мгновенья.
И надеюсь только: хороши,
Может быть, мои стихотворенья.

Ибо остальное – полный бред,
Я живу, как будто бы, заочно…
Есть ли от меня на свете вред?
Пользы нет – вот это знаю точно!

Гусеницей скучною живу.
Может, скоро, всё-таки, окуклюсь,
А потом, глядишь, и наяву:
Затяну корсет, подвешу букли.

Крылышки по ветру распахну,
Напылю рассветною пыльцою
И, конечно, на море махну –
Я свои пристрастия не скрою.
* * *
Вот и встретились. Люди, взгляды,

Полушутки, полуулыбки…
Я – не вместе, всего лишь – рядом.
И возможно, прийти – ошибка…

Перепутьями ожиданий,
Ожиданьями откровений.
С полуграцией старой лани –
Я хочу попросить прощенья

У судьбы, что меня обманет,
И у той, обманутой мною.
Город спрятан с утра в тумане,
С запеленатою душою.

Мне знакомые – не знакомы,
От сомнений покою нету.
И обманчиво-невесома
В полумрак упадёт планета.

* * *

Хочется повиснуть на руке:
Стала неуверенной походка.
Близок поэтической строке
Этот бабий век – такой короткий.

Я не фляга – взял, и налегке
Движешься – не шатко и не валко.
Я, как гиря в старом рюкзаке,
Тяжело нести, а бросить – жалко.

Только, знаешь: опыт не пропьёшь –
Кинем уголька, усилим тягу…
И надеюсь, я не буду в тягость…
Сторонись с дороги, молодёжь!

* * *

Преодолев оковы лени,
Пошла в разнос по закоулкам –
Переизбытком впечатлений
Слегка отравлена. И гулко

Стучит в ушах, без валидола,
Чуть-чуть уставшее сердечко…
Но счастье: встретить человечка –
Не различая лет и пола.

Взглянуть в глаза и улыбнуться –
И мир – добрее и просторней.
И ожили в глубинах корни,
И крона хочет встрепенуться,

Пусть поредевшая с годами,
Да, и зима – буквально рядом.
А ведь всего: глаза с глазами
Сошлись на перекрёстке взглядов.

* * *

Как, по-вашему – есть ещё тема,
О которой никто не писал?
И ещё существует проблема,
Где б ни был предрешённым финал?

И возможно ль в стареющем мире,
По спирали стремящемся вниз,
Углядеть в зачумлённом эфире:
Новизну, откровенье, сюрприз?

Повторяется в жизненной смуте
Череда и событий, и вех,
Что похожи по внутренней сути
Меж собою: у этих и тех…

Только нам – не устать восхищаться

Сквозь годов утомительный ряд,
Если автор на цепь ситуаций
Вдруг отыщет свой собственный взгляд.

И вполне субъективное мненье
Облечёт он в гармонию слов –
Не возникнет и тени сомненья,
Что сюжет – необычен и нов.
* * *
Как лёгкою пудрой старушка-кокетка
Морщинки свои ненадёжно прикрыла –
Такой вот снежок, невесомый и редкий,
На землю улёгся, невинно и мило.

Но столь ненавязчив налёт ухищрений,
Воздушен и лёгок, хотя и уместен,
Что видно следы улетевших мгновений,
И явно нет места восторгам и лести.

Но это ли выход, и смысл, и утеха,
И будет ли лучше – не ведаю даже,
Возможно, возникнет лишь повод для смеха,
Коль сделать значительней слой макияжа…

А вот для земли, столь заждавшейся снега –
На пользу пойдёт эта зимняя нега…
* * *

Нас глобальным хотят испугать
Потеплением.
Но для нас-то оно – благодать,
Без сомнения!

Говорят: будут цены расти –
Мы привычные.
Наскрести кой-чего по горсти –
Всё – обычное.

Не страшны нам ни дождь, ни пурга,
Бури с вьюгами.
Нам плевать на любого врага:
Знаем – пуганы…

Наших предков – стращали давно:
Мы же – с генами,
Кровь, бурлящая, словно вино –
Бродит венами.

А под осень – болит голова,
Сердце мается,
На берёзке желтеет листва,
Осыпается.

А иголки – весь год на сосне –
Так уж водится…
Всё равно – потеплеет к весне:
Распогодится!
* * *
Сейчас купить лекарства – не проблема,
Конечно, могут «липой» ошарашить…
Но если есть немереные «башли» –
Неси эксперту. И таращись немо

На результат нелепой экспертизы,
Которую, по странному капризу –
Не провели заранее – кто надо…
А, в общем: жди, надейся, что не Ада

Перед тобой разверзнутся ворота.
И покупаем – с видом идиота,
Всё больше всякой дряни – год от года:

На то она и есть теперь – свобода…

Но мы, друзья, всего вернее лечимся –
Инъекцией тепла и человечности.
* * *
Берег пляжа выгнулся дугою.
Краешка воды коснусь ногою…
Странно – всё какое-то другое,
И стою, подобная изгою.

Никого нигде перед собою
Я не вижу. Небо голубое…
Пляж пустой, но не уйду без бою,
Потягаюсь с врединой-судьбою.

Ковыряю ком с морской травою,
Настроенье – жутко деловое:
Вот ещё чуть-чуть – и в голос взвою,
Красотой любуясь дармовою.

Сказочный сюжет придуман мною:
Море бьёт в глаза голубизною,
Лёгкий трепет дымки над волною…
Приезжайте – раннею весною!…
* * *
Недавно неожиданно попала
В край города, довольно отдалённый.
Сто лет о нем и слыхом – не слыхала,
И быть там – не была, определённо.

И мысли были вовсе не об этом,
Нацелены конкретно на другое…
И вдруг – далёкой юности приветом –
Задели силуэты за живое.

Старинные постройки заводские,
Не сомневаюсь, помнившие Блока,
Меня влекли сквозь дебри городские –
В прекрасное, прошедшее далёко.

Где первые нежданные знакомства,
И творческие первые успехи…
Незнание людского вероломства…
Под прахом похороненные вехи.

И жаль, что слишком время поджимало,
Что в тех неповторимых ощущеньях
Я побыла – но столь обидно – мало…
И вряд ли снова будет возвращенье.
* * *
Ах, подруга… На сердце оскомина
И сейчас на положенном месте…
Ты сама нас тогда познакомила:
Мол, приятель, мол, учимся вместе…

И когда мы друг другу понравились –
Неожиданно приревновала…
А потом от души позабавилась,
Посреди новогоднего бала.

Растоптав нашу дружбу столетнюю,
Оболгала меня перед другом
Ты какими-то глупыми сплетнями –
На меня он воззрился с испугом…

Ты же знала мою подноготную –
Я б чужого – не тронула сроду…
Видно, вырвалась сущность животная –
Из разумных границ – на свободу…

И вопросы, теперь уже, лишние –

Жизнь – давно уже всё подытожила.
Но зачем нашу дружбу давнишнюю
Ты тогда – ни за что уничтожила?

* * *

Слово было давно. В глубине
То таилось, то жаждало света,
То взрывалось, как бомба, во мне,
То – молчком, ни словечка привета.

Слово было. Куда-то влекло
И надеялось, словно на чудо,
Что смогу оседлать помело,
Кем-то, свыше назначенным, буду.

Было, видимо, много дано,
И немало потеряно втуне.
Серебро изначально, оно,
Стало, в сущности, ближе к латуни.

Слово было. То кровь и борьба,
То опять – нараспашку объятья.
А теперь – подарила судьба:
То ли счастье, а то ли проклятье…

* * *

Я не старая кукла тряпичная,
И душа – просто гейзер страстей…
Вероятней всего – нетипичная,
Вот ответ – не бывает простей…

Потому-то с обычною мерою
Вам ко мне приближаться не след.
И конечно, по сути – я верую –
Подходящей конфессии нет…

Но зато я весьма толерантная,
Лишь паскудства – терпеть не могу.
И при этом предельно галантная –
Что поделать? – порой, и к врагу…

Но не трогай мои убеждения,
Не транжирь свои силы зазря –
Ибо – сдохну за мировоззрение –
Ярким светом во мраке горя!

Я не хваткая, в меру практичная,
Главный грех – очевидная лень.
В общем, в чём-то: весьма эклектичная,
Кое в чем – монолитный кремень.

Петь люблю, но ни слуха, ни голоса,
Не стремлюсь ни в элиту, ни в знать.
Для создания цельного образа:
Надо просто – поближе узнать…

* * *

До чего же приятно общение
Человека, тебе адекватного:
Начинаешь – без тени смущения,
Достигаешь накала стоваттного.

До чего же приятно сознание,
Что в другом – зачастую встречается
Задушевность, тепло, понимание,
Что, казалось, не мнится, не чается.

Резонируют мысли и знания,
В унисон попадающих личностей.
С обоюдным запасом внимания,
Без каких-либо, там, околичностей.

* * *

А за спиной у фонарей – темно,

Хоть многоваттные горят огни.
И я плотнее притворю окно,
А ты не бойся: мне в глаза взгляни.

В них талый лёд оплавленных свечей,
Ты растопи его и прогони.
И это ощущенье: быть ничьей –
Пусть пропадёт… И понесутся дни.

Оконный затуманится проём,
Окончится внезапно выходной…
Но в мире, где мы есть – с тобой вдвоём,
Не будет никогда меня – одной!…
* * *
Кто самым первым задал свой вопрос
Цветку ромашки с жёлтой серединой?
И неужели верил он всерьёз?
Иль при плохой игре – красивой миной

Неверье прикрывал… А мы с тех пор
Уверовали в истинность гаданья.
Но лепестки терзать – такой позор,
Не меньший, чем ягнёнка на закланье!

Хоть кто-нибудь попробовал учесть
Число людей, обманутых гаданьем?…
У скольких же их них оно, бог весть,
Навеки обмануло ожиданья,

Лишило веры, бодрости, надежд,
Короче, просто, сбило с панталыку,
По милости фанатиков-невежд,
Тянувших в строку всяческое лыко?

И сколько незадачливых сердец,
Поверив эфемерному гаданью,
Смиряло пыл, лишаясь, наконец,
Стремленья к исполнению желанья?

И знать – не знаем. Но с далёких пор,
До наших дней – взрослеющие внуки,
Не чувствуя цветов немой укор –
С вопросами протягивают руки…
* * *

В окне на север деревце лимонное
Растёт в горшке на узком подоконнике.
И место, несомненно, незаконное:
Ему б сейчас куда-нибудь, в Салоники,

Куда-нибудь, на Корфу, словом, в Грецию…
Где вы, как лёд, под солнышком растаете,
Где под рукой растут такие специи…
И где всё есть – ну, в общем, сами знаете…

Ему бы красоваться под оливами,
Как юноше меж девушками зрелыми…
Такими же большими и счастливыми –
Под синим небом с облаками белыми.

А он в горшке томится, ограниченном,
Увы-увы, размером подоконника.
Напротив дом, стандартом обезличенный,
И цветом – в залежалого покойника…

А солнца – не бывает, к сожалению:
Дом расположен крайне непродуманно.
Ему б туда, по Щучьему велению,
Чтоб свежим бризом в листья с моря дунуло…

И это окруженье первозданное

Свершило б чудо, в сущности, несложное:
Цветение лимона долгожданное,
На северном окошке – невозможное.
* * *
Думаешь: хватит, довольно, достаточно –
Больше терпения нет!
Только процесс протекает остаточный,
И не стирается след.

Думаешь: всё, позабыто, зашторено
Тёмной портьерой навек!
Но и в глазах, так надёжно зашоренных:
Видится свет – из-под век.

Думаешь: опыт, наука, смирение –
Учат. И будешь сильней.
Только опять отдаёшь предпочтение
Слабости прежней своей.

Думаешь: больше на грабли кондовые
Не наступлю ни за что…
Только явления – в сущности, новые,
В старом приходят пальто.

Думаешь, думаешь… Мысли сменяются,
Путают памяти след…
Снова носки, что всё время теряются –
Ты уронил на паркет…
* * *
Дождь течёт по ржавым трубам
На садовое Кольцо…
Почему кусаю губы,
И заплакано лицо?

Полчаса – не срок, конечно…
И простительно вполне.
Только в этот вечер вешний
Ждать тебя тоскливо мне …

Я укрылась под балконом –
И не мокну без зонта…
Лучше в будке телефонной –
Только жалко – занята…

Там мальчишка и девчонка,
Вроде, якобы, звонят.
Шепчут – и смеются звонко:
Полчаса уже подряд.

Реже падают дождинки,
Удаляется гроза.
И последние слезинки
Утаят мои глаза.

Вот сейчас я гордо-гордо –
Фигуристкою на льду –
С видом леди или лорда –
По Садовому пойду…

Вот сейчас… Легко и ловко
Я пойду туда, где тишь…
Только вижу: с остановки,
Как мальчишка, ты бежишь!
* * *
В городах – зима такая – благодать:
Подморозило, а снега – не видать.
Пешеход вполне уверенно идёт,
Потому что лишь местами – гололёд.

Но природа-то измучена совсем

Этим долгим, неоправданным теплом…
То сигнал: набухли почки – подан всем,
То внезапно приморозило… облом.

И не может глубоко не огорчать
Изнурение безрадостное нив,
На которых – промерзания печать:
Снег не лёг, озимых не предохранив…

Мне бы радоваться, что от снега город чист!…
Не могу, поскольку я – не эгоист!
* * *
Погода блёклая, бесцветная,
Сопрело всё. И облака
Плывут, как письма безответные,
Транзитом: вдаль – издалека…

Участки дачные топорщатся
Листом пожухлым и быльём.
Без человечьего сообщества
Остались мы с тобой вдвоём.

Ты молчалив, но понимания
Никто б вернее не сыскал.
Не потому, что это мания,
Но я – твой вечный идеал!

И потому, мой друг единственный,
Мне предан до последних сил,
И чуть коснись «момента истины» –
Ты б до конца не отступил.

Ты б до последнего мгновения,
Меня спасая, службу нёс.
К такому самоотречению,
Увы, способен только пёс!…
* * *
Узнала я не так давно:
Чем более замутнено
И тускло зеркала окно –
Тем больше тайн хранит оно

И от всего отстранено…
Ему, по сути, всё равно:
И то, что нам не суждено,
И то, что нам предрешено,

Какими мы предстанем. Но
Нам отражение дано,
Чтоб, словно доброе вино,
Стареть – достойно и вольно!

И пусть нисколько не смешно:
Седин, морщин – полным-полно –
Ничуть, поверьте, не грешно
Смотреть старинное кино!
* * *
Происходит всяких бед
Накопление…
Возникает им вослед
Настроение.
Вечер – памятью разъят –
Крючья ржавые:
Вспоминаются друзья…
Моложавые.
Им уже не постареть
За неволею…
Мы их старше: кто на треть,
Кто – поболее.
Тут поплакать бы – с руки

Да отчаяться.
Но не плачут мужики –
Огорчаются!
* * *
Когда идёт волна отлива,
Одной подвластная Луне,
То неуверенно-тоскливо
В тот час становится и мне.

Как будто обнажаю душу,
Дотоле скрытую волной.
И оставляю голой сушей
Секрет души моей морской.

И одержимо-терпелива,
Захлопнув створки тишины,
Я верю, знаю, жду прилива
Солёной, пенистой волны.
* * *
Как же хочется у дома
На завалинку присесть,
Из колодезя с журавликом напиться…
Всё так мило и знакомо,
Хоть черна на крыше жесть,
Но всё так же изумительна водица!

Неизбывно-дорогое:
И кондовое бревно,
Не ступеньки, а приступки на крылечке…
Словно слышится родное,
Позабытое давно
Драгоценное сердечное словечко…
* * *
Словно стрелка на компасе, я
Вся дрожу и мечусь от волненья,
Опасений своих не тая,
Но упорно держа направленье.

Вроде просто, но это понять
Первый встречный – способен едва ли:
Каково это – изнемогать
От влияния всех аномалий.

И сомненья сводили с ума,
Но пыталась найти объясненья,
Отчего отступает зима
Перед лучиком слабым, весенним?

Не учесть колебаний моих
С точки зрения здравого смысла.
То, что явно для всех остальных –
Для меня, как весов коромысло.

Мне б чего-нибудь – наверняка,
Чтоб уже навсегда – без опаски.
Указующий перст ли, рука?
Свежий ветер и яркие краски…

Ариадной сплетённая нить,
Выводящая странника к свету…
Я сумела бы всё объяснить –
Но тебе не понравится это.
* * *

Ветер крепчает и балл
Душит, как петля на шее.
Быстро окончился бал,
Мы ещё жить не умеем.

Мы не спасёмся у скал –

В море – скорее, скорее!
Шторм паруса истрепал,
Тряпками виснут на рее.

Смерти костлявый оскал
С каждой минутой страшнее.
И седина у виска,
Пеной на волнах белеет.

Мир и клеймил, и ласкал,
Уничтожал и лелеял…
Что наливалось в бокал –
Делало жёстче и злее.

Что же на сердце тоска?
Новые будут идеи.
Видишь: полоска песка,
Ну-ка, греби веселее!
* * *
Ну, наконец, красавица-зима!
Мороз. И воздух – сердце занимается!
И сразу мне квартира, что тюрьма,
И хочется рыдать и в чём-то каяться.

И дома мне уже не усидеть,
Шаги по снегу нравится прокладывать.
На куполах – вовсю сияет медь,
А от старушек – слабо пахнет ладаном.

Автомобили тянутся, кроша
Ледок по лужам, снегом припорошенным.
На мир взирает ясная душа,
Стряхнув с ресниц следы слезы непрошенной.

Я улыбаюсь встреченной гурьбе
И радуюсь: ура, смотрите – снегу-то!…
И хочется в автобус – и к тебе…
Но тут осознаю, что ехать некуда.
* * *
Есть в мире степень горя, о которой
Не приведи, Господь, иметь понятие.
Не бедность, не долги и кредиторы,
И даже не тюрьма… Почти распятие…

Лишающее жизненной опоры,
Смещающее взгляд и восприятие.
Когда пространства дали и просторы
Подвергли искажению и сжатию.

И сняли защищающие шоры,
Представив мерзость мира, без изъятия…
Не волею судьи и прокурора,
А в виде вечной боли и проклятия.

Ужаснее предательства и ссоры,
Терзающее грудь немым укором…
* * *
Ты меня не сможешь обмануть.
Я давно уже тебе не верю.
Но на дне души осела муть,
Ты смотри, её не взбаламуть –
Не толкни незапертые двери.

Даже не старайся – ни к чему
Толковать итоги и причины.
Я тебя без слов всегда пойму,
Ведь подвластны моему уму
Действия, достойные мужчины.

На меня с вопросом не смотри –
Мне давно известны все ответы.

Вижу, что снаружи, что внутри…
А любовь – не делится на три –
Даже малышам известно это!

Кто-то удивится: как же так?
Видно, терпит, видно, что смирилась…
Просто вместо лобовых атак –
Я немножко пячусь, словно рак.
И со мной твоя пребудет милость!
* * *
Я слушаю. И сладостный процесс
Рождают переменчивые звуки.
Как будто тело свой теряет вес
И силу крыльев обретают руки.

И хочется заплакать – и домой,
Туда, где мир ещё не покачнулся…
Так нестерпимо больно, словно мой,
Мой друг вчера из боя не вернулся.
* * *
Не надо шпынять за мои недостатки,
Я знаю сама цену этих изъянов.
Порою со мною бывает несладко,
Порою, наверно, я выгляжу странно.

Но странников, в общем, достаточно много,
То ходим по свету – то сгрудимся кучно.
И вновь – разбредёмся по разным дорогам…
Без странных, я думаю, было бы скучно.
* * *
До чего ж негармоничен мир,
Он порой, как зеркало кривое:
Перед ним раскинут званый пир –
Он поминки видит пред собою.

Повышать количество добра –
Уж, куда гуманнее задача…
И давно задуматься пора,
Тем, кто нынче – думает иначе.

Словом приласкаешь дорогим,
А оно кому-то отзовётся –
С той же добротой – прильнёт к другим,
И подарит радостных эмоций.

А обидеть так легко подчас,
Да и жизнь щедра на эти шутки…
Счастья на год – дарит добрый час,
Порождённый доброю минуткой.
* * *
Мы по жизни мечемся без лоций,
И рулим, такие чудаки,
По судьбе – на уровне эмоций,
Под надзором страсти и тоски.

Потому всю жизни, на самом деле,
Ищем гавань или глубину,
Сами ж то на рифы, то на мели –
Налетаем… И идём ко дну…
* * *
Ты ходил на грани увольненья,
И на грани родов у жены…
А любовь – пришла без позволенья,
Ей же все пути разрешены.

Оба – воплощение морали:
Девочка и будущий отец…
Лишь глаза сияньем выдавали
Слишком уж синхронный стук сердец.

Вместе на автобусной стоянке –
Вот он наш с тобою первый бал:
Старый марш «Прощание славянки»
Ты мне в ушко тихо напевал.

Та любовь – скорей, игра и шалость –
В круговерти жизненных проблем.
Как славянка, я с тобой прощалась…
Не война… А всё же – насовсем…

* * *

Сплетётся неожиданно строка,
Как будто, ни о чём – поток сознанья…
И даже не понять наверняка,
Конём ли правлю, трепетной ли ланью?…

Но здесь, в груди, рождается тепло,
Волнами разливается по телу.
И время, что, казалось, утекло –
В мои глаза глядит оторопело.

И каменная грузная скала
Взрывается Везувием горячим.
Не искажают эти зеркала –
И не соврут – внимательным и зрячим!

* * *

Слишком сильно жгут эмоции?
Так и просятся лавиною?
Не спеши, дели на порции:
Четвертинка с половиною…

И горячность мотыльковая:
Лишь секундное явление,
Далеко уже не новое –
Не сюрприз, не откровение.

А теплом и светом трепетным –
Наслаждаются во времени,
Не пленяясь детским лепетом,
Поднимаясь не ступенями –

Пусть зигзаг, подобно слалому,
Но вперёд, неукоснительно –
И шагами, вроде, малыми,
А в итоге – взлёт стремительный.

Эта действий траектория,
Хоть довольно поучительна,
Славно выглядит – в теории…
А на практике – сомнительно…

* * *

Спросить об этом знатока фонетики –
И он, наверно, сможет объяснить,
Откуда в этом слове энергетика,
Такая, что его не оттеснить

На задний план, вернув названье города.
И Петербург, пока глаза глядят,
И бьётся сердце, пусть не очень молодо –
Я буду звать, как прежде: Ленинград.

И главное – уже не имя Ленина,
Святое – не для всех – не в этом суть!
Разгадка слова, может быть потеряна.
Но разгадает всё же кто-нибудь,

В чём ритмика и музыка волшебная,
И звукосочетаний дивный ряд,
Звучащий, словно гимн и песнь хвалебная.
И помнить будут много лет подряд.

Возможно, буква «а» в конце названия,
Звучащее мажорно слово «рад» –
И придаёт столь светлое звучание
Красивейшему слову – Ленинград!

И суженое, трудное решение,
Какой-то исторический испуг
В душе рождает труд произношения
Слиянья слова «Санкт» и «Петербург»…

Оценка – кто-то скажет: субъективная,
И схожа я с зашоренным конём…
Не стану спорить – я не столь активная,
Но остаюсь при мнении своём.
* * *
В этом старом дворе проходном,
Величаемом часто «колодцем»,
В пункте, что именуется «дном» –
Нам не раз ещё в жизни придётся

Наши тропки мгновенно скрестить
На оси, где пространство и время,
В нерешимости: быть иль не быть? –
Нам даруют свидания с теми,

У кого, как у нас, на роду
Понаписано всякого много:
Что в прошедшем, что в новом году,
Дом казённый, а утром дорога…

И никто не подскажет, когда
Надо встречного взять, да заметить,
Не считая, что всё ерунда,
Понимая: всё важно на свете!

Ну, не будь озабоченным так,
Не смотри столь упорно под ноги.
Может, это совсем не пустяк,
Что встречаются наши дороги.
* * *
Это правда – зима?
Или просто: цунами тумана
Затопило дома,
Стормозило возможность разбега?…
Я не верю сама:
И мне даже немножечко странно,
Что свои закрома
Приоткрыла и выдала снегу…

Я всё жду, что вот-вот,
Снова станет тепло и растает.
И опять потечёт
По дорогам осенняя слякоть…
Старый год – новый год –
Перемена довольно простая:
Что придёт – то уйдёт –
И не надо по-глупому плакать!…

Снова будет весна
И черёмуха кисти развесит.
Заиграет волна,
Сбросив льда непосильную ношу.
Я в решеньях вольна –
Потому мы по-прежнему вместе.
И зима не страшна –
Ты такой же, родной и хороший!
* * *
Ты мне красивых слов не говоришь,
Ты знаешь, я давно словам не верю.
Научена уже, и верю лишь

В случайные находки и потери.

Корыстью и рассудочностью мир,
До странности, мгновенно пропитался.
И кажется, был, правда, пьян факир,
Что колдовал… а фокус не удался…

И спорим-то всегда – по пустякам.
Оглянешься: о чём же мы, о боже!
Ведь тесно в банке – только паукам,
А мы же – хомо сапиенсы, всё же!

И в главном – понимание само,
Без всяких слов приходит, без усилий.
Уже притёрлось тяжкое ярмо,
Которого мы вовсе не просили.

Не надо слов, не надо суеты,
И выдуманных ценностей – не надо.
Скромны запросы: чтобы я и ты,
Всегда, вот так: на расстояньи взгляда.

* * *

Дождались, наконец-то зимы,
И любуясь родным и исконным,
Залегли бы на печку и мы,
Обмотавшись ряднишком посконным.

И до самой весны – только в клеть,
Дать скотине, скребнуть по сусекам.
И на печке улечься и млеть –
Так само уготовано веком.

А на юге – ребятам – не спать:
Знай, работай – по три урожая
Ежегодно… то сеять – то жать.
Мне их жалко… Судьбина такая…

А у нас, коль сумел до весны
Дотянуть, уповая на бога,
То дождёшься, глядишь, новины –
И опять всё не так уж убого!…

Оттого в бесконечной ночи
Обрели мы пристрастье к мечтаньям,
Что тягучей зимой на печи –
Так приятно весны ожиданье…

* * *

Мне кажется, ветер сегодня особенно резок,
Не холоден, нет, и не влажен, и даже не сух…
Стена заводская смягчает бренчанье железок,
Шумы городские не давят измученный слух.

Как будто лечу я со скоростью в парочку махов,
Ненужное всё оставляя за гранью времён,
При этом не ведаю вовсе сомнений и страха,
А каждый, кто против меня – тот давно посрамлён.

Но где-то внутри всё же бьётся мыслишка простая,
Что слишком рискован и столь безрассуден полёт,
Что так далеко позади моя дружная стая,
Никто не окликнет и слёз обо мне не прольёт.

И надо бы сбавить разгон до последнего мига,
Назад оглянуться, услышать шуршанье шагов…
И может быть, новой строкой обернётся интрига,
И станет тепло в окруженьи друзей и врагов.

* * *

Не уснуть. И глаза не продрать…
Голова, как чугунная гиря.
И не выудить ритмику фраз

Из безумного коловращения.
Я тебя вспоминаю опять.
Наши встречи, в бушующем мире.
Ну, хотя бы один ещё раз –
Я бы вновь попросила прощения.

За грехи, не свершённые мной,
За слова, утаённые в сердце,
За событий не прожитый ряд…
Ну, какая же я бестолковая…
Бесполезно, хоть ной, хоть не ной –
Мне уже удалось отвертеться.
Нету сил, и глаза не глядят.
Настроенье с утра – минусовое…
* * *
Ну, не ревнуй меня к стихам,
И не ревнуй к тому, за строчками.
Пустое это – знаешь сам:
Узор рассыпался кусочками.

Ты всё читаешь между строк,
Но не смотри так укоризненно:
Всё в этой жизни – лишь на срок,
А мне назначен срок – пожизненно.
* * *
Зимы не люблю. Но бывают порой чудеса:
Все ветви деревьев покрылись кристаллами льда.
А то, что подёрнуты дымкой седой небеса,
И солнышка нет, это, в общем, совсем не беда.

За душу берёт несравненная эта краса,
Я даже готова чуть-чуть потерпеть холода.
Бывает красивее – только на листьях роса,
И южною ночью летящая с неба звезда.

А ветер затих и не дует во все паруса,
И, кажется, даже – не давят, как прежде, года.
Не знаю, надолго ли зимняя эта краса,
И скоро ль опять зажурчит по асфальту вода?

А нынче – у лиственниц – снова чарующий вид,
И снег под ногами весьма ощутимо хрустит.
* * *
В прохладном и резком эфире – вздохнуть тяжело.
Стекольщик-кудесник работу закончил свою:
Меж нами и небом – молочное вставил стекло.
Со взором – горе – в онемении странном стою.

И надо идти, только ноги пристыли к земле,
И жарко в груди, но в холодной испарине лоб.
А мысли внезапно пришли о добре и о зле,
Как будто с разбега влетела в глубокий сугроб…

Зима утвердилась в ковровых дорожках снегов,
И к их белизне ещё взор не настолько привык…
Гляди: распахнулось пространство в проёме домов –
И я, атеистка, язычницей стала на миг.

Молюсь на висящие низко небес образа,
И матовый солнечный лик, не слепящий глаза…
* * *
Не знаю, в чём моё предназначенье…
Всё было ясно. А потом – обвал.
Возможно, помогло бы мне леченье,
Но вот, врача – никто не вызывал.

И всё идёт своею чередою,
И небо не обрушилось на нас.
А как справляться с горькою бедою –
Не знала – ни тогда и ни сейчас.

И капли горя наполняют чашу,
Которая, казалось – до краёв…
И где болит моё, где ноет наше?
Не разберу – средь жизненных боёв…

И вот теперь – то ль кара, то ль награда –
За мной не совершённые грехи:
Надолго ль – нет? Горюю или рада?
Но в голове рождаются стихи…
* * *
Где в любви полёт фантазии?
Где восторги, кто ответит?
Нынче просто безобразие
Именуют словом этим.

Пошлый акт совокупления,
Не по страсти, а от скуки,
Просто так, под настроение,
Типа: мастер на все руки…

Насаждаются инструкции,
С объясненьем технологий…
Вот и стали чувства – куцые,
А эмоции – убоги…

А «случайные» младенчики –
Кто в помойку, кто – в приюты…
Ну, а мальчики и девочки –
Удивляются чему-то…

Где в любви полёт фантазии?
Где восторги и томленье?
Просто – случка по оказии,
Гениталий раздраженье…
* * *
Я боюсь оказаться права
В выраженьи своих опасений,
Что сейчас у людей голова –
Не воспримет ничьих откровений.

Хоть скрижалями бить по башке –
Философским глубинам не внимут:
Им бы пачку деньжонок в руке…
Только мёртвые – сраму не имут…
***
Воздушными потоками подхвачена мелодия,
Летит, над нами кружится, прозрачна и тиха…
Взмывая, поднимается – в Господние угодия,
И нитями вплетается в течение стиха…

Так тихо, ненавязчиво слова ложатся детские,
Что кажется, наивности история полна…
А после удивляешься, откуда мысли дерзкие,
И даже восхищаешься, читая: мол, сильна!

Наверно, это музыка, соединив со сферами,
А может, с эмпиреями – им наверху видней…
Лечить мою депрессию взялась такими мерами,
Пытаясь скрасить красками остаток скучных дней…

И суть происходящего, самой весьма неясная,
Журча, струится строчками по целине листа.
И остаётся музыка, печальная, прекрасная,
А в жизни нашей – теплится любовь и чистота…
* * *
Утюжим шагами
Судьбою отмеренный путь.
Шуршим оригами,
Надеясь сложить что-нибудь.

А кто-то смеётся
Над нашими жалкими па…
Ни планов, ни лоций –
Корявая вьётся тропа.

Причины и следствий –
Теряем логичную связь.
Уходим от бедствий,
Чтоб заново сверзиться в грязь.

А кто-то толкует
О наших мученьях, смеясь…
Мы сами такую
Плетём бессистемную вязь,

И смотрим под ноги –
А надо бы – за пять шагов.
На главной дороге –
Меняем друзей на врагов.

И только немного
Начнём разбираться в делах…
Пора уже к богу:
И мы возвращаемся в прах…
* * *
Расставлены акценты, сверхзадача –
Сверхрежиссёром определена.
Обязана мозги переиначить
Прелестных текстов псевдоглубина.

Актёры приодеты – всё, как надо –
Не оскудеет спонсора рука.
Фигуристая прима – как награда –
Не зря в её глазах сквозит тоска…

Подметено – не слишком, но терпимо.
Все точно знают – это пыль кулис.
А если «соль» игры проскочит мимо,
Ну, не придётся кланяться – на бис.

Премьер поддал. А где других видали?
Вполне потянет – с видом простака.
Никто ведь и не пикнет о скандале –
Хотя в душе готов наверняка.

Промеж кулис упрятанною ложью –
Не испугаешь зрителя вовек:
Его запросы, в сущности, ничтожны –
Пришёл слегка развлечься человек.

И старикан-герой готов на фору.
Пастух над паствой – правит вечный бал…
Совсем забыла, кто это сказал:
«Весь мир театр, и люди в нём – актёры»?…
* * *
Нам не хватало, видимо проблем
В многоголосьи ежедневных тем.
Кому-то славно в голову пришло:
Занять мозги идеей ЭнЭлО…

И выясненьем, так увлекшем свет:
Есть монстр в Лох-Несском озере, иль нет?
А предок наш – макака на ветвях,
Иль некто – в межпланетных кораблях?

И хлопаем глазами, словно дети,
Читая про какого-нибудь йети…
Ну, иногда его ещё зовут
Не йети, а, по-моему, биг фут…

Ах, до того ли, право, дело нам?!

Да ты поймёшь, задумавшись, и сам:
Что круг тебя волнующих проблем –
Нарочно ограничен – лишь затем,

Чтоб меньше было времени у нас
Реально оценить сей день и час,
Поток событий, скорбных до того,
Что начинает даже большинство,

Забыв потусторонние миры,
Осознавать, что мы летим с горы.
И оттого захватывает дух –
Что, право: это подлинный испуг.

И нам давным-давно уже пора
Подчистить грязь со своего двора.
А всё, что напридумано на свете:
Все ЭнЭлО, пришельцы, Нэсси, йети,

И чисто русский – снежный человек,
Давно уже окончивший свой век –
В своих делах управятся без нас!
И мы друг другу вовсе не указ.

* * *

Отличий – в сути: маленькая толика,
Практически – лишь бирочка на шее,
Так схожи православные, католики,
Буддисты, мусульмане, иудеи…

Играя в эти крестики и нолики,
Не отличишь пророка от злодея,
Кто б ни был: православный ли, католик ли,
Буддист ли, мусульманин с иудеем…

Холерики, а может, меланхолики,
Миляги-добряки – и лиходеи:
И кто тут православные, католики,
Буддисты, мусульмане, иудеи?…

Прихватят, скажем, почечные колики –
Лечить себя молитвами – посмеет
Лишь редкий православный ли, католик ли,
Буддист ли, мусульманин с иудеем…

Зато собаку скушали историки,
В религиях копаясь: чья вернее
Метода: православных ли, католиков,
Буддистов, мусульман ли, иудеев?

Стакан воды на прикроватном столике,
Рассвет на горизонте розовеет…
И рады: православные, католики,
Буддисты, мусульмане, иудеи!…

* * *

Поссорил нас нелепый случай,
И разлучил меня с тобой.
А ты на свете – самый лучший,
Но ты теперь уже не мой…

По этим тропкам мы бродили,
Друг друга за руки держа.
Нам вслед кричали: «тили-тили».
Но скисло тесто на дрожжах…

Ненужных слов переплетенье,
Нарушить может волшебство –
И вот теперь в душе смятенье.
И не исправить ничего…

Забудь про всё, что так нелепо
Нас развело на два пути.

Любить, конечно, надо слепо,
Но ты смотри, куда идти!

Пока ещё не так далёко
Мы разбрелись, вернись ко мне.
Ведь слишком глупо и жестоко
Со мной встречаться лишь во сне.

Тебе с другой не будет счастья –
Об этом знаю только я.
Пока ещё всё в нашей власти,
Вернись ко мне, судьба моя!

* * *

Проспект Максима Горького, и он же –
Вновь Кронверкский, изогнут по дуге.
Воспоминаний ниточка, что тоньше
Паучьей паутинки – вьёт в пурге

Свой странный путь из «ныне» – в то, что было,
Давным-давно, когда бродила здесь
Почти что каждый день – хватало пыла.
А вот откуда брался он – бог весть…

Какими-то неясными путями
Приходит, застигая нас врасплох –
Любовь. И мы понять не можем сами,
Как это получилось: каждый вздох,

И взгляд, и мысль, и сказанное слово:
О нём, к нему, за ним и для него…
И то, что для других совсем не ново,
И, может быть, не значит ничего,

Но для тебя – есть смысл существованья,
Что разгоняет пасмурную тень.
И даже за пределом пониманья –
Вселяет силы каждый новый день

Встречать неясной ласковой улыбкой,
Забыв тоскливый заморок ночей,
Порою неуверенной и зыбкой,
Порою – ярче солнечных лучей.

И даже снег, крутящийся в позёмке,
И даже тяжесть отшумевших лет –
Не смогут замести неровный, ломкий
Проложенный когда-то нами след.

* * *

«И были люди сильными, как боги»…
А боги конкуренции не любят,
И с давних пор мы мечемся в тревоге –
Не целые, поделенные люди…

Истёрлись грани каждой половинки,
Не так легко понять свою ошибку.
И стынет сердце – мартовскою льдинкой –
За знак судьбы принявшее улыбку…

* * *

Уже предупреждали, и не раз:
Где море слов – там ложь всегда находит
И почву, и питания запас –
А мы – друг друга кружим в хороводе

Пустейших слов, что произносим вслух –
С претензией большою и апломбом.
И недоумеваем, если вдруг
Взорвётся, ложью брошенная, бомба.

* * *

Из частных рук богатства государства
Вернуть конкретно: Родине своей –

Таких огромных стоило кровей,
Боёв, руин, страданий и мытарства.

А после то же самое богатство
Вновь растащить по липким кошелькам –
Позволили. Где равенство и братство?
Ворам не надавали по рукам…
* * *
Не таи свои секреты полуночные,
Расскажи под завыванье вьюги бешеной,
Как зимовку совершаешь одиночную –
Не на полюсе, а в городе заснеженном.

Расскажи ты мне, пусть трубка телефонная
От дыхания в руках моих согреется,
Разбуди ты это царство полусонное,
Чтобы было, во что верить и надеяться…
* * *
Утончённость японского хокку –
Не понять моей русской душе.
В них не вижу особого проку –
Как, допустим, в китайской лапше.

То и то – можно делать – от лени,
Развлекая друзей и родных,
Только больше люблю я пельмени
И силлабо-тонический стих.
* * *
Какой-то безысходною тоской
Внезапно сердце больно защемило,
Как будто я бестрепетной рукой
Бросаю камни в общую могилу.

Когда внезапно из своих квартир
Навек уходят люди дорогие,
Не говорите: так устроен мир…
Мне – каждый раз, как будто всё впервые.
* * *
Низкий столик и остывший чай,
Полумрак, мерцание экранное…
Раз уж я пришла – меня встречай.
Утро на земле, хотя и раннее.

С ночи не застеленный диван,
Стопочка не мытая посудная.
Просто я пришла в такую рань,
Что рассвет – вдали, как чудо-чудное.

В неглубоком кресле утону,
Мне давно уже и блюдце – омутом…
Я, прости за штамп, иду ко дну,
Как «Титаник», айсбергом распоротый.

Видно, мы пошли на поводу
У судьбы с названьем «одиночество».
И, конечно, скоро я уйду,
Только мне совсем-совсем не хочется.
* * *

Истончённые стены, прогнившие трубы…
Хочешь плакаться – сразу покажут дорогу,
Могут – ласково, могут, конечно, и грубо.
Но хоть так, а хоть сяк – не особо помогут.

Лишь в сравнении всё познаётся, наверно,
Надо знать, с чем сравнить, избегая подвоха:
Если с Лондоном или с Парижем – то скверно,
Если, кажем, с Калькуттой – не так уж и плохо.
* * *
Отвлечённые понятия

Наполняются конкретикой
И словесной энергетикой,
Что легка для восприятия.

Мы с тобою – оба с норовом,
А встречались два смирения.
Говорили с упоением.
А ещё молчали здорово!
* * *
Хорошо, когда тиха волна,
И едва-едва ласкает берег –
Но такая ласковость скучна –
Мне нужны находки и потери!

Надо плыть волне наперерез,
Если море слишком разгулялось,
Разбудить задор и интерес,
Побороть секундную усталость.

И когда растущая волна
Набегает с моря мне навстречу –
Я на волю ветра отдана.
Я ловлю волну! Тушите свечи.
* * *
Возникает меж небом и морем
Поначалу чуть видный просвет,
И является зрелище вскоре –
Удивительней, в сущности, нет.

Синева к горизонту стекает,
Оплавляясь лучами зари,
Красота возникает такая!
Ты, прищурив глаза, посмотри.

Искры блещут всё ярче и ярче –
Не напрасно мы щурим глаза:
Опрокинулся сказочный ларчик,
Где опалы, сапфир, бирюза…

Заиграли в предутреннем свете,
Под пронзительной синью небес…
Где ещё ты отыщешь на свете
Хоть частичку подобных чудес?!
* * *

В лобной части головы –
Слабо кружится.
Что-то с вечера, увы,
Мне недужится.

Кашель дёргает гортань,
Шея потная.
Вообще – ни ляг – ни встань:
Боль ломотная…

Разохотилась зима –
Всё завьюжила.
Я взялась – с добра ума –
Да не сдюжила.
* * *
Есть такие святые моменты
В отношениях близких людей,
Где уже не нужны комплименты,
И не надо особых затей.

Развлечений, кокетливых взглядов,
И подобных игривых манков.
И довольно того, что мы рядом,
А молчанье – пронзительней слов!
* * *

Болею… И на Крымском пляже
Я распласталась на камнях.
И о другом леченьи даже
Не думаю. В горячих днях

Я умудрилась простудиться –
Лечусь контрастом: окунусь,
И не на коечку в больницу –
На камни жаркие ложусь.

И сразу чую – помогает,
Выходит хворь, свежеет дух,
Вот я уже совсем другая:
Легка, как тополиный пух.

Метода, в общем, помогла –
До наших дней – я дожила!
* * *
Мы были другими – чуть более скованы,
Но ценности были, и был пиетет.
Ни денег, ни благ не хотели ворованных.
И были невинны в делах тет-а-тет…

Не слишком блюли ритуал церемонии,
Но помнили всё же, что есть тормоза…
И то, что нет в мире тепла и гармонии –
Не так откровенно бросалось в глаза.
* * *
Торопимся жить, впопыхах
Упуская моменты
Важнейших событий, и главных людей в нашей жизни…
Удачей покажется крах,
И судьбой – комплименты…
И вот мы пируем на собственной горестной тризне…

Теряются струи в песках,
Обрываются струны.
И где-то за далью – реки неглубокой истоки.
Ломота и пульсы в висках –
Мы давненько не юны.
А, кажется, что не написаны главные строки.
* * *
Нам слышится в журчании ручья
И шум листвы, и звонкий детский лепет.
А скульптора рука – игриво слепит
Наяду, что печальна и ничья –

Рыдает в голос, наполняя струи
Нехарактерной терпкостью слезы…
То горный голубь где-то заворкует,
То принесёт дыхание грозы

Далёкий гром. Вплетутся эти звуки
В журчанье, словно речи – в разговор.
Он вырвался из леса на простор –
И Солнце в нём свои омыло руки.

И ангел распахнул прозрачность крыл…
Умолк ручей… Поэт уста открыл.
* * *
Оглянуться назад…
Ах, как хочется!
Но нельзя – слишком быстро теченье реки.
Только миг, только взгляд:
Имя… отчество…
Если живы, то, в общем, уже старики…

Поверни, рулевой!
Я попробую
Что-нибудь в этой жизни иначе сложить.

Не шути надо мной,
По-недоброму:
Не пытаюсь я двум господам услужить.

Ты же дока во всём:
Чертишь линии,
И по лоциям точным ты выверил путь.
Но маршрут ни при чем:
Руль заклинило.
И кричи – не кричи, а назад не свернуть.
* * *
Россия! Коммунисты, демократы…
Неважно, кто. Мы – жупел, однозначно.
Когда весь шар земной подвержен качке –
То за врагом – зачем ходить куда-то?

Бандиты наши, грязь или морозы,
Лень, трудолюбие – без разницы, ребята.
Мы всё равно – глобальная угроза,
Куда ни кинь – Россия виновата…
* * *
Спеши иль не спеши,
А годы, как мгновенья,
Усвистывают вдаль
Свинцовыми шмелями.
И ниточки души,
Дрожа от нетерпенья,
Крошат мою печаль,
Как хлеб, меж голубями.

Заводит суета
Свой патефон старинный,
Не сразу и поймёшь:
По кругу, по спирали?
А то, что всё – тщета
Поведают морщины.
Где правда, а где ложь –
Уверены едва ли…
* * *
Навигация кончилась, хоть и не встала река,
И уже ни к чему разводить между нами мосты.
Я стою посредине – от двух берегов далека,
И не знаю, к какому из них приближаешься ты.

Мне дороже любых самых громких и ярких наград
Это право ночное стоять и стоять на мосту.
В сизом сумраке тает мой город родной – Ленинград,
И сияньем огней Петербург озарил темноту.

Заводская окраина давних тридцатых годов
Стала нынче почти что центральным районом, и вот:
Атрибутом шикарных и броских больших городов –
В отраженьях витрин – вся реклама, но наоборот…

Я стою у перил и не в силах поднять головы
В этом городе зимнем, холодном, промозглом, ночном…
И почти неподвижное зеркало Малой Невы
В белых клочьях тумана лениво плывёт под мостом.
* * *

Защищая людей от фашистской чумы,
Полегли наши парни в эстонскую землю…
Что творится теперь – я душой не приемлю!
Даже если навеки рассорились мы,

Даже если былые столпы сметены,
Даже если в ходу золотые кумиры:
Уваженье к убитым на поле войны –
Неизменно в душе у доживших до мира.

Надругаться над памятью павших бойцов –
Это свойственно варварам и мародёрам,
Растоптавшим деянья героев-отцов,
И навеки себя очернившим позором.

А фашистко-нацистскую гнусную суть
От потомков не скроет словесная муть!

* * *

Рукотворное чудо – песчаный карьер,
Превратившийся в озеро силой природы,
В результате, по сути, насильственных мер –
Эту местность украсил на долгие годы.

Как причудливой формы прекрасный сапфир,
Меж песчаными склонами ярко сияет.
Удивляет собой окружающий мир,
И гармонией дивной его наполняет.

Согреваю рукою коросту ствола
У сосны, что склонилась над самым обрывом
Ощущаю возвратную силу тепла,
В этом радостном мире, большом и красивом.

С ароматами трав и журчаньем воды,
Свежим ветром и гладкой корою берёзы,
И с волной, что стирает страданий следы,
И с лица омывает горячие слёзы…

* * *

Дождик, дождик. Тёплый-тёплый. Летний-летний…
Но такой неимоверно проливной,
Словно это допотопный день последний
Довелось нам зафиксировать с тобой.

Словно завтра, в лучшем случае, по крышам
Мы сподобимся с тобою погулять.
А потом вода поднимется и выше –
Доводилось, словом, Библию читать…

Хлещет, хлещет по ногам, дробясь в брусчатке,
Перебором быстрых капель, словно ритм
Отбивая чётко-чётко, по порядку,
И отсеивая через сотни сит.

В этом мире столько всякого такого,
Что уже вполне заслужен был потоп…
Только мы-то не успели даже словом
Обменяться. Эй, дождина, ну-ка, стоп!

Мы же вовсе не грешили перед богом,
Лишь прижались под балконом у стены…
Отпусти-ка ты нам времени немного:
Мы ковчег хотя бы выстругать должны…

Долетела наша светлая молитва,
Поредела мелких капель кисея,
И по щиколотку в лужах с поля битвы
Побежали на автобус ты и я.

* * *

Почитаешь новостийные подборки,
Наша нынешняя пресса – высший сорт.
Сразу хочется – башкой о переборку,
А надёжней – всей командою за борт.

Про покойников, наркотики и взрывы,
Про доходы супер-стар и супер-нью…
Про такие, словом, язвы и нарывы –
Каждый день спешат подкладывать свинью…

Кто – куда вострит накатанные лыжи…
А российский неприкаянный народ,

Что пытается в потугах честно выжить,
Убывает – по мильону – каждый год.

* * *

По утреннему городу пешком,
Сойдя на пару остановок раньше,
Иду по холодку, да с ветерком,
К работе ближе, и от дома дальше…

Такое настроенье: молода,
Вполне здорова. Счастлива? Едва ли…
Но это даже вовсе не беда.
Неужто вы такого не видали?

Когда открыто сердце для всего:
Для этого весеннего простора,
Где солнечного света торжество,
И ровный стук сердечного мотора.

Когда душа не ведает невзгод…
И сладость от любви неразделённой
Так превосходит горечь, что за год –
Не раз себя почувствуешь влюблённой.

Когда всё – впереди. Хрустит ледок
От утренника – на попутных лужах.
И улыбнётся встреченный дедок –
И кажется, у всех открыты души.

Тот полудетский лёгкий оптимизм
Несу по жизни, яростно и стойко.
Передвигая дряхлый организм
По дебрям и руинам перестройки…

* * *

Суженный нос нашей лодки дюралевой
Режет волну удивительно плавно,
И под завесой деревьев вуалевой
Мы укрываемся в ивовых плавнях.

Свешены ноги с кормы, и растения
Водные – пяток небрежно касаются…
Тысячей слов не создать настроение,
Что возникает, когда появляются

Матово-белые водные лилии,
Круглые чаши фарфора старинного,
С зеленью блюдец-листов контрастируя…
Стебель упругий, как будто резиновый,

Им не даёт погрузиться. И странное
Это цветов на воде окружение
Мысли наводит на самое главное:
Надо в природе искать отражение

Чувств, и желаний, и дел человеческих.
Жить гармоничнее, значит, осмысленно,
Чтобы понять сущность истинной вечности,
И осознать её вечные истины…

* * *

Отчего нас тянет на грустинку?
Миг – переменилось настроенье.
Словно ставишь старую пластинку:
Трепетное юное томленье

В сердце просыпается мгновенно,
Ты уже не здесь, уже немного
В тех краях, что помнят, несомненно,
Первый пыл и первую тревогу.

Что от нас времён ушедших замять
Укрывает мутною патиной…

В тех краях, куда уносит память –
Маленькая времени машина.
* * *
Мне помнится прекрасное сравнение:
Коней четвёрка взмыленных несётся –
И Аполлон – как лёгкий лучик солнца –
Удерживает бурное стремление.

Труда и вдохновения пропорция
Читается в усилиях совместных.
И сонмы разных мыслей интересных
Являются на миг противоборцами.

Словам, размеру, ритму – то подвластные,
То вовсе несговорчивые звуки…
Но творческие сладостные муки
Не назовёшь особенно ужасными…
* * *
Желаний и стремлений круговерть…
Успешные, напрасные потуги…
Всё это возвращается на круги –
Коротеньким и злым словечком: смерть…

Перед её лицом простой монах
Не ниже благородного владыки,
Поскольку тлен и пепел столь безлики,
У мёртвых нет различия в правах…

И черви одинаково сосут
Мозг мудреца и – жалкого кретина…
И гуманист, и полная скотина –
Различны меж собою – только тут…

И лишь пока мы живы – в простоте
Мы платим дань тщете и суете…
* * *
Я с детства очень радуюсь за тех,
Кому удача отдаётся в руки,
И чьих творений «пламенные звуки»
Успел застичь прижизненный успех.

А с ним… Увы, на прозу перейти
Я вынуждена… С ним – и гонорары…
Поскольку, и еду, и промтовары
Лишь платно можем мы приобрести…

Служенье Музе – из одной любви
Толкает нас на лишние скитанья,
И в поисках для тела пропитанья –
Поди – души порывы улови!…

И всё ж, куда б не увела стезя –
Отнять полёт души у нас нельзя.
* * *
Маршрут отмерен, проданы билеты,
И всё, что повстречаем на пути,
В объёме тем: «Вопросы и ответы»,
Не так легко к единству привести.

И не легко переписать страницы –
Возврата нет, возможен лишь зигзаг.
Но с ним в такие дебри углубиться
Успеешь, понимая: всё – не так!

В конце маршрута смотрим удивлённо:
На что весь пыл и гонор весь ушёл?
И только для бесстрастного Харона –
Всегда у нас отыщется обол…
* * *
Превозмогала склонность к Авантюре,

Хотя и впрямь, Артистка по натуре.
Порой не повредила бы Боязнь –
Но не тряслась: Беременность – не казнь!
К Ворчанью не привычная старушка –
Моё второе имя: Веселушка.
Ценю превыше – Голову – в любом,
А вот Гулять – люблю лишь за столом.
В Деньгах всегда нуждалась очень мало,
При том Дурачиться мне не надоедало…
Единственною быть – моя мечта,
Естественность – важней, чем красота.
Я Ёрничаю – с кем накоротке,
Для недругов – я словно Ёж в клубке.
Жалею всех – светло и безусловно,
Нисколько не Жадна – но экономна.
Мне Зависть – даже белая претит,
Здоровьем пышет… только внешний вид…
Я Искренна со всеми и всегда,
А дань Игре – так это не беда.
От принципов не отойду на Йоту,
На раны – не елей пролью, а Йоду.
Кокетство – не моя, друзья, стихия,
А Красноречье выплесну в стихи я.
На «Л» – два слова, я признаюсь Вам:
Любовь и Лень к хозяйственным делам.
Я в двух словах всегда объединяю:
Марина – перевод: душа Морская.
Надёжна, словно старый якорёк,
А вот Науки – жаль – не мой конёк…
Очаровательна? О, да – когда всмотреться…
Оригинальна – никуда не деться!
За Прямоту страдала, и не раз.
А вот за Подлость – точно: вырву глаз!
Риск – не люблю, и так полно проблем,
Рассчитывать шаги – не вредно всем.
Стеснительна – так это от природы,
А Стойкость – наработала за годы.
Толстушка, что поделать, так сошлось…
Зато Тепло со мной в любой мороз.
От многого Устать успела, что ж…
Успеху – знаю цену: медный грош.
В Фантазии мне отказать нельзя,
Финты ушами – не моя стезя.
Мне Хитрости, по жизни, ни к чему.
И Хвастовства – причины не пойму.
Хоть верю в Цель, но средства не приемлю,
Что Ценность жизни втаптывают в землю.
Я Честь блюду сквозь все труды и дни,
И Чистоту, что честности сродни.
Не нужен мне ни в чём дешёвый Шик,
И те, кто мерить Шмотками привык…
Я Щепетильна – это не отнять…
А Щи варю – все пальцы облизать!
Простите, я не знаю, как тут быть:
Позвольте мне три буквы пропустить!
По жизни Энергично я ругнусь,
В стихах же – Эвфемизмом обойдусь.
Хоть Юбилей солидный – позади,
Но Юность вечно теплится в груди.
Язык – мой враг, как, впрочем, и у всех,
Но не впадаю в Ярость – это грех…
* * *
Хоть во всех проявленьях предельно проста,
Всё же – в чём-то дитя двадцать первого века,
И меня не особенно тянет в места,
Где ещё не ступала нога человека.

Но при этом нередко – звериный оскал,

Так пугает на лицах, вполне человечьих.
А убийцы, которых с гуманностью лечат,
И младенцы, которых швыряют со скал –

Не ложатся никак на сознанье моё,
Не подвластны ни разуму, ни ощущенью.
Есть такое, чему невозможно прощенье,
Если только навеки не впасть в забытьё.

Почему же закон человечий таков:
Ничему не научены в горьких победах,
Отдаём ослабевших, детей, стариков –
На съеденье двуногим волкам-людоедам?

Мы не так уж всесильны, как кажется нам,
Хоть себя оснастили – за гранью рассудка.
И уже не проходит старинная шутка
С воздаяньем любому, согласно делам…

Неужели же нам для того, чтоб суметь
Обрести единение стаи пингвинов –
Нужно всё же взорвать припасённую мину?
И мы сгрудимся в кучу, чтоб так уцелеть…
* * *
Между прочим, ирония здесь неуместна.
И Некрасов был очень талантливый лирик.
И ему бичевать не совсем интересно,
Было б слаще – любви сочинять панегирик!

Эта тяжесть гражданская – давит на плечи:
Ничего не поделаешь, душу тревожат
Беззаконие, подлость и лживые речи…
Пишем, в слабой надежде, что это – поможет…
* * *
Какие роковые даты
Достались Лермонтову, право:
Слиянье горечи и славы,
И личной драмы, и державы –
Начало войн, таких кровавых –
В столетье с разницей. Когда-то

В сто лет со дня его рожденья –
Остался только лишь в макете
Прекрасный памятник поэту,
Тогда несправедливость эту
Решили устранить к столетью –
Его кончины. К сожаленью

Вновь помешала Мировая –
На этот раз – уже Вторая.
* * *
Пристальнее вглядываюсь в строки,
Чтоб не переврать реальный смысл,
Чтоб понять те самые истоки,
Из которых появилась мысль.

Почему-то частую ошибку
Повторяют люди вновь и вновь,
Принимая за оскал – улыбку,
Или же улыбку – за любовь.

Ах, слова, значенья многогранны.
Поспешат, и несколько минут –
Сэкономив, так предельно странно,
Вроде бы, прозрачное, поймут.

Что ж тогда: путём обратной связи,
Чтобы всем и всюду угодить,
Расплетать узор ажурной вязи,
И на прозу стих переводить?

Ну, уж нет! И ни к чему пытаться
Воздух на молекулы разъять.
Мне не надо лавров и оваций –
Постарайтесь правильно понять!
* * *
Такие сны бывают – давят болью,
Весь день знобит, как струйками дождя.
И словно недоигранною ролью
Себя терзаю, слов не находя.

Хочу уснуть, и утром, просыпаясь,
Не помнить мне приснившиеся сны.
Как будто ночь была совсем слепая,
И лишь качала ритмами волны.

Во мне не оставляла впечатлений,
Дав отдохнуть рассудку и уму,
А мне б хватило и дневных волнений,
И шторм из подсознанья – ни к чему.
* * *
Короткий взгляд, пожатье тёплых рук
И голоса знакомого звучанье…
В плену великой магии разлук,
Коротких встреч и дальних расстояний.

Как будто закаляют нас года –
Чем дальше мы, тем крепче держат нити,
Душа с душой пребудут навсегда
В едином круге жизненных событий.

Хоть не глупа, как будто, голова,
Но для неё загадочно явленье:
Что нами вслух не сказаны слова,
А на листок легли стихотвореньем.
* * *
Понятье «старость» – крайне растяжимо,
В борьбе извечной тела и души.
И у кого-то – с юных лет – всё мимо –
Когда лишь накопленья хороши.

И счастье – матерьяльными благами –
Заключено в Кащеево яйцо…
Глядит такими старыми глазами
Девическое гладкое лицо.

А иногда из сеточки морщинок –
Сияют не угасшие глаза,
В них светятся брильянтики слезинок,
Как на рассвете – в листиках – роса…
* * *
А сегодня – впервые запахло весной,
Со двора, столь надёжно укрытого снегом…
То ли солнце в окно заскочило с разбега,
То ли южные ветры так шутят со мной.

То ли что-то во мне встрепенулось, круша
Застоявшийся лёд в потаённых глубинах,
То ли голос донёсся ко мне голубиный,
Вместо крика ворон. И очнулась душа…

Но недолго смятенье: минута прошла –
Снова вижу окно, что на север выходит,
Отражённое солнце – сегодня не в моде…
Лишь слепит, но не греет, с чужого стекла…
* * *
Ты меня не сразу узнаёшь
В этом неожиданном явленьи.
То, какая я в стихотвореньях –
Это непривычность, а не ложь.

Внешняя история проста,
И тебе известна досконально.
Было всё совсем не идеально,
Ну, так – далеко ещё до ста…

Мы с тобой – давно одна семья,
С нами много всякого бывало.
Только – обо мне – ты знаешь мало…
Так, вчитайся: это тоже я.
* * *
Какая чудесная песня звучала,
В ней – радость от встречи, в преддверьи разлуки…
Ты помнишь: внезапно, «средь шумного бала,
Случайно» твои ощутила я руки.

И нас закружила мелодия танца,
С печальными, рвущими душу словами,
Что словно шептали: придётся расстаться,
И третьей – разлука – кружилась меж нами.

В тех сумерках мы отыскать не сумели
Такую короткую, в общем, дорогу,
Что прямо вела к предназначенной цели,
И сразу к финалу пришли от пролога.

Такими наивными были когда-то,
А жизнь: так огромна, добра, бесконечна –
Казалась тем милым, наивным ребятам…
А вышло на деле – весьма быстротечна.

И песню винить в этом – просто нелепо,
Ну, в чём же, скажите, она виновата?…
Мы в юности так безнаказанно слепы,
А горечь прозренья приносят утраты…
* * *

Песенка эта, по сути, совсем ни о чём.
Просто опять настроенье такое стряслось.
Просто к тебе прислонилась ломившим плечом,
И полегчало, и, словно бы, всё улеглось…

Ты мой целитель – я это давно поняла,
Мне без тебя – ни ходить, ни писать, ни дышать,
Вот и пристала к тебе, как к подмётке смола.
В теле слабеющем – юная вечно душа.

И настроение, в общем, не так уж важно.
Это такое случилось стечение дел.
Даже о грустном – сказать я стараюсь смешно,
Но у всего в этом мире бывает предел.

Вот и рисую восьмёрку на правом боку,
На бесконечность колдую, тихонько шепчу…
И собираю словечки в сплошную строку,
Чтобы мгновенье подольше продлилось – хочу…
* * *
Даль времён подёрнула патина,
Много версий, точных данных нет,
Что за День Святого Валентина,
Что он натворил за толщей лет.

То ль венчал влюблённых – под запретом,
То ли сам весьма поднаторел
По амурам, презирая вето,
Словом, наш пострел – везде поспел!

Но сегодня – ни к чему детали!
Все страдальцы от сердечных ран
Этот зимний день облюбовали:
Через речку, море, океан –

Чмоки, шуры-муры, трали-вали…
Стройся в ряд, влюблённые всех стран!
* * *

Вольная моряцкая душа,
Свежими просолена ветрами.
Океанским воздухом дыша,
Роль свою играла в бурной драме.

Где шторма ревели, и скрипя,
Мачтовые рушились махины,
Лишь душою чистый, как дитя,
Что едва лишилось пуповины,

Добровольно мог себя отдать
Всем стихиям яростным на волю,
Ощущая бури благодать,
И саднящий привкус горькой соли.

Избегали царственных ковров,
Где столь многим сладко бить поклоны.
И отринув скопище богов,
Одному молились Посейдону.
* * *

Я потеряла голос – не бог весть,
Не певческий, конечно, говорильный –
Но всё же славно, ежели он есть,
Пусть даже неприятный и несильный.

А мой был – голосище, будь здоров:
Родные даже уши затыкали.
И вот теперь – не скажешь добрых слов,
И заорать – получится едва ли…

Я голосом решала все дела.
И где набраться силы и отваги,
Как поделиться всеми «тра-ла-ла»,
Коль голос сходен с шелестом бумаги?

Покашляла – и вот: лишилась мощи…
А без него я вся – живые мощи…
* * *

Всё то, что называется судьбой –
Насколько же печально, если вникнуть…
Мы вечно с ней ведём неравный бой,
А чуть чего – не смеешь даже пикнуть:

Судьба!… Ну, а итог, само собой,
Один: на перекрёстке, в поле чистом,
Иль в окруженьи рощи небольшой…
Простой ли крест, иль взлёт авангардиста,

Оплачен нерасчётливой роднёй…
А нам уже, увы, не до полётов,
И даже причитаний «ой-ёй-ёй» –
Не услыхать, и горько отчего-то…

Заранее. Хоть знаем, что другой
Исход, увы, нелеп и невозможен,
И нет чудес под солнцем и луной,
И наш удел – ущербен и ничтожен…

«Ты – червь, ты – раб…» И всё-таки – с судьбой
Своей – мы продолжаем крепко драться!
Ломая человеческой рукой
Её маршрут. И в шестьдесят, как в двадцать,

Самим себе стремимся доказать,
Что мы сильней фатального финала.

И сколь ни дай – нам всё же будет мало –
Так по душе нам эта благодать!
* * *
Нет в мире ничего, важнее воздуха,
И ничего, живительней воды.
А голова совсем не хочет отдыха,
И точки расставляются над «і»…

А время, бесконечное, кончается,
Песчинки утекают на глазах.
Ещё недолго этой жизнью маяться –
А там: то ль избавление, то ли крах…

И чувство страха, приторное, рвотное…
И я воспринимаю, как афронт,
Приказ: живи, как глупое животное –
Без права заглянуть за горизонт.
* * *
Промелькнули перед взором мысленным
Главари восстаний всех времён.
Их конец – легко признать бессмысленным,
Тем, кто, скажем, властью опьянён.

Обвинить во всех пороках мыслимых,
Заклеймить позором на века:
Жертвы их напрасны и бесчисленны,
И в крови разящая рука.

Но уже стократно повторяется
Эта сказка жизни – без конца.
Можно бичевать себя и каяться –
Но несправедливость – жжёт сердца.

Выживают – трусы да ледащие:
Гнут хребты в поклонах до земли…
А виновны – власти предержащие,
Что людей до края довели.
* * *
Зима свои навязывает сны,
А я скажу без гонора и позы:
Хочу смолистой зелени сосны
И трепетного листика берёзы.

Где впору плакать – я ещё смеюсь –
От мужества, а может, от угара…
Подобно капле – своего добьюсь:
Не силою, а частотой удара.
* * *
Черна «украинская ночь»…
Но не тиха – не прав был Пушкин…
Ну, да: шумы умчались прочь –
Но комары зудят и мушки,

Сверчок стрекочет. Нетопырь
Промчался, ветви задевая.
За домом – маленький пустырь,
И там – шуршит трава живая.

Чуть слышно дышит ветерок,
С реки вторгается прохлада.
И удивительный цветок
Ночные ароматы сада

Одним собою превозмог –
И дышит запахом фиалки
Заросший двор, зелёный лог…
Река не шатко и не валко

Едва журчит, но этот звук
В ночи становится слышнее.

И холодок по коже рук
Идёт сильнее и сильнее…

Тиха? Да, это тишина,
Но всевозможного движенья
Ночь украинская полна…
Душа – полна изнеможенья!…
* * *
Нас тюрьмою, вроде, не пугали,
Но и зарекаться – не велели.
Вырубаем мы свои скрижали,
От ума, а может, от безделья.

Про язык – мы знаем от Эзопа,
Но не впрок наука, право слово.
Понял мир: всего надёжней попа –
И молчит, и мягкости основа.

В ловкачи попасть – не наше дело,
Как и в палачи… К чему молчанье?
В море слов, без края и предела,
Слышится и наших струй журчанье.

Мы не служим культу злобной Кали,
И не ищем в мире лучшей доли.
Нас не в поле матери рожали…
Может, похоронят – в чистом поле.
* * *
Мне выдали на кладбище листочек –
Свидетельством кошмара и покоя,
Навеки твой последний адресочек,
Написанный бесстрастною рукою.

Вела тропинка в сторону заката,
Такой маршрут достаточно понятен.
Но этот вечер должен быть – когда-то,
А на рассвете он – невероятен,

И кажется безумьем и кошмаром,
Притом, что он до ужаса реален.
Единственного божеского дара,
Бесценного, уж тем, что уникален –

Лишиться, не прожив и половины…
Об этом даже думать – нестерпимо.
А чья тут боль, терзания и вины –
Решают годы – вёсны, лета, зимы…

И душу рвёт тягчайшая утрата,
На плечи давит скорбное бессилье…
Я точно знаю: ты была крылата,
Но, ослабев, не выдержали крылья…
* * *

Ползимы нас терзало осенью,
Как теперь разберётся зима
С этой яркой весенней просинью –
Озарившей собою дома?

Будет также, терзая, ёрничать,
Весь апрель, порождать вопросы,
Мучить бедных усталых дворничих
Выгребаньем снежных заносов?

А быть может, сама уставшая
От борьбы с осенним ненастьем,
Пусть недолгая, запоздавшая –
Одарит нас весенним счастьем?…
* * *
Скажет гадость – и в сторонку,

Вроде, вовсе ни при чём…
И летят слова вдогонку:
Комом грязи, кирпичом.

Мол, я сам не знаю точно –
Что-то слышал… Простота…
И уже прилипла прочно
Хуже грязи – клевета.

И попытки оправдаться
Не приводят ни к чему.
Ложь, достойная оваций,
Липнет к жалкому уму.

Слово гнусное, елеем
Лечит сердце подлеца –
Мы ж отца не пожалеем –
Ради «красного» словца.

Пусть душа, полна эмоций,
Просит «чистого листа» –
Но уже не ототрётся
От подола клевета…

* * *

Бледновато-туманный февральский рассвет,
Тонкий хрусткий ледок под ногами…
Почему вспоминается мне первоцвет
На меже, что легла между нами?

Белой звёздочкой светит на фоне земли,
Рядом снег оплывает подталый…
А зима растворилась и где-то вдали –
За туманным рассветом пропала.

Далеко до тебя, далеко до весны,
Снег кружится, и льдинки не тают…
Мы живём нашей памятью, ею сильны,
Потому – и весна наступает…

* * *

Не тревожьте память павших воинов –
Или мало нам другой тоски?
Вся страна по-новому раскроена,
Попросту: разбита на куски.

А добро народное – расхапали
Олигархи…Слово каково!
И растёт бурьян постылый на поле
И в душе народа моего.

Мысли, как железкою, корябают
По нутру натруженных сердец:
Что, ограбив честного да слабого –
Взяли верх деляга и подлец…

А святыни – можно и бульдозером,
Ну, кого волнует чей-то прах?
Пусть гнилым болотом станет озеро –
Были б олигархи – при деньгах!…

* * *

Я загляну в глаза твои,
Как будто невзначай,
И улыбнусь совсем чуть-чуть –
Губ уголками.
Забудь жестокие бои,
Хлебни зелёный чай,
Сиди, не думай, просто – будь.
И между нами

Возникнет лёгкое тепло,
И словно пелена,

Спадая с глаз, падёт у ног,
Ковром пушистым.
И вмиг от сердца отлегло,
И на душе весна.
А там, за окнами – снежок –
Ложится чистый.

Ты уходить не торопись,
Немного отдохни.
Когда ещё такой покой
Тебе приснится?
Все птицы – улетели ввысь,
И мы сейчас одни.
Волос твоих коснусь рукой…
А хочешь пиццу?
***
Эти песни звучат.
И внезапно покажется мне,
Словно годы назад
Я в безумном, дурманящем сне.

Когда всё впереди,
И не давит скопление лет.
И волненье в груди,
И в глазах полыхающий свет.

Этих песен мотив,
Увлекает назад сквозь года,
И Высоцкий был жив,
И сама я была молода…

Глубина, высота,
К горизонту летящая даль,
Роковая черта,
О которой я знала едва ль…

Занимается дух,
На мгновенье в пространстве застыв.
Замыкается круг,
Затихает знакомый мотив…
* * *
Не сложилось что-то почему-то…
И однажды встретив на пути,
С твоего привычного маршрута
Ты мне посоветовал сойти.

За любовь бороться – не пристало –
Это убеждение моё.
Не кричала я и не молчала,
Но и не впадала в забытьё.

На тебе, как показало время,
Не сошёлся клином белый свет.
Я с тобой встречалась, как со всеми,
Говоря нейтральное: «Привет!»

И тебе я даже благодарна,
Что не дал мне стать твоей рабой,
Что судьба сложилась не бездарно –
И, наверно, лучше, чем с тобой…
* * *
Хотя б разок коль доведётся любоваться
С покатой крыши Исаакия Далматского,
На силуэты петербургско-ленинградские –
Ты будешь снова в этот город возвращаться.

И пусть откроются парижи и берлины –
Ты не забудешь: над свинцовыми потоками –
Его мосты, лениво выгнувшие спины,
И шеи кранов, наклонившихся над доками…

Его дожди, столь многоразово воспеты.
Но скоро вовсе вымрет племя ленинградское,
На все вопросы твёрдо знавшее ответы,
И даже помнящее это чувство братское,

Когда битком набившись в тесные трамваи,
Не ожидали стать поживою карманника,
И вдруг беседа разгоралася живая,
И хохотали два, едва знакомых, странника…

Когда ходили без опаски на прогулки,
Когда приезжих город не встречал насилием…
Но будут гости вновь дивиться изобилию
Львов разномастных у Невы и в переулках.

* * *

Мы шагаем торною дорогой
В вечной битве меж добром и злом.
Только вот детей невинных много,
Этой битвы горестным итогом,
Видимо, опять – по воле Бога,
На алтарь кровавый полегло…

Всё страшней и тягостней потери,
И темней загадочный финал.
Люди зачастую хуже зверя,
Личной мерой скорбь людскую меря,
С каждым годом я всё меньше верю,
Что не Сатана здесь правит бал.

Изощрённей методы у злобы,
И куда беспомощней добро…
Кажется, что чудо нужно, чтобы
Те, что от природы узколобы,
Поняли, что слово высшей пробы –
Это высшей пробы серебро…

И оно порой дороже злата…
Мы ж привыкли плакать да молчать.
Горькой ожидается расплата
Каждому, смолчавшему когда-то,
Все мы хоть немного виноваты…
Так сорвём молчания печать!

* * *

За окном слегка завывает,
Чует сердце, опять мороз.
А подушка чуть-чуть сырая,
На ресницах остатки слёз.

И привычна в спине ломота,
Беспросветна усталость ног.
С недосыпу томит зевота –
Не могу побороть зевок…

И лежу я во тьме, моргая,
Собираю обрывки сна:
Я во сне была молодая
И опять в тебя влюблена…

* * *

Конечно, не открытие Америки,
Но это мною выстраданный взгляд:
Чем ближе я к указанному берегу,
Сильней в физиологии разлад.

Чем чётче ситуаций понимание,
Тем более в мятущемся мозгу
В конфликте интересы – и желания,
И с дисбалансом сладить не могу.

Всё жестче состояние усталости,

И всё короче промежутки сна.
И просишь, как о милости, о малости:
Накрой, изнеможения волна!…
* * *
Изгиб реки, и плавный переход
Весьма крутого берега – в пологий.
Песчаный пляж в излучине. И вот
Пришли сюда – помыть под вечер ноги

Вдвоём с сестрой. Чего бы не прийти –
Наш дом через дорогу – против пляжа.
Всего минутку были мы в пути,
Как говорится – не устали даже…

Смеркается. Спокойная река,
Не торопясь, по руслу волны катит,
Всё затаилось – нет ни ветерка…
Помыли ноги. Искупнулись кстати.

Нас отпускали на реку совсем-
Совсем одних, и вовсе не боялись:
А потому, что мы, на зависть всем,
Великолепно на воде держались.

В буквальном смысле – рыбами в воде –
Мы с нею были лет с шести, пожалуй.
Казалось нам, что мы в родной среде,
И сколько не позволь – всё было мало!

Бабуне приходилось каждый раз
Кричать, на берег выйдя из калитки:
«А ну, до дому геть, бисовы дитки!»…
Я этот голос слышу, как сейчас…
* * *
«Значит, верные книжки ты в детстве читал»
В.С.Высоцкий

«Ты то, что ты ешь» – говорится сейчас,
Естественно, в русле сегодняшней моды,
Когда награждается каждый из нас
Своим ярлыком – просто – в духе «свободы».

Твой уровень жизни – превыше всего,
Критерий оценки достоинств и качеств.
А сам ты – не значишь уже ничего,
И сам понимаешь, как мало ты значишь.

Пройдёт удивительно маленький срок,
И полностью личность утратив однажды,
Ты станешь таким же, как твой кошелёк.
Ну, как не поймёт окончательно каждый:

Ты – то, что читаешь, ты то, что поёшь,
И как различаешь, где правда, где ложь!
* * *
Ты помнишь это место у Невы,
С корабликом вверху, над головою,
Где в бронзу упакованные львы,
Так хорошо рифмуются с Невою…

Уступами, подобные гряде,
Чуть скользкие гранитные ступени
Спустились к зеленеющей воде,
Плывут по волнам облачные тени.

Мы замочить не побоялись ног,
И нас увёз, куда, не знали сами,
Непрочный, неустойчивый челнок
Под алыми тугими парусами…
* * *
Без углублённых исторических познаний

Нам не освоить горельефы постамента.
Лишь окунувшись в глубину воспоминаний –
Осознаёшь большую значимость момента.

Ту параллель меж наступившим веком новым,
С весьма обычной, календарной, перспективой –
И глубочайшим одиночеством Петровым.
Но был момент, когда ещё все были живы…

Ещё не сделаны ошибки Petro Primo,
И для него не наступил момент расплаты.
И впереди – далёкий век Екатерины,
Всё нерушимо, и возможно, даже свято…

Ну, а сегодня – это просто – «Медный Всадник»,
И, что намного приземлённей, «Катькин Садик»…
* * *
По судьбе, как по тропочке зыбкой
Через малонадёжную гать,
Мы шагаем с несмелой улыбкой,
Не планируя вдруг утопать…

Всё на свете бывает внезапно:
И не знаешь – пропал или пан.
Как казалось – и дождик не капнет,
Только вдруг налетел ураган.

Разметавший бетонные блоки,
Наворочавший прорвищу дел,
За довольно короткие сроки.
А шалашик, гляди – уцелел…

Мы идём по отвесному краю,
Непроверен неясный маршрут.
И порою вывозит кривая,
А порой – приключения ждут.
* * *

1
Как стремительно наши проносятся годы,
Оглянулись, и зрелость – уже позади,
И на сердце рубцами остались невзгоды,
Не напрасно болит и тревожит в груди.

И всё больше потерь настигает с годами,
Надрывается сердце, страдает душа.
Но всему вопреки, в той же яростной гамме
Нам является жизнь, как всегда хороша.

И помучится всласть – мы согласны, и всё же,
Несмотря ни на что – этим солнечным днём –
Получаем цветы, получаем по роже –
Совокупность проблем: нам дают – мы берём.

Отхлестали шпицрутены, палки, лоза…
Удивительно ярко сияют глаза!
* * *
2
Удивительно ярко сияют глаза,
Мы умеем любить, вопреки и во славу!
Всем, кто «против» – в упрёк, мы, естественно, «за» –
И страданье, и счастье вкушаем по праву.

Через годы и боль, через самую смерть,
Мы проносим любовь – если чувствовать можем.
И тогда не страшна нам судьбы круговерть –
А пожатье руки – всех сокровищ дороже.

Дорогие глаза – ярче солнца в ночи:
Не слепят – освещают дорогу и греют.
Отражаясь в душе, эти чудо-лучи

Порождают открытия, мысли, идеи.

Не меняющих курс, чьим-то мненьям в угоду –
Не пугают капризы причудливой моды.
* * *
3
Не пугают капризы причудливой моды,
Если творческий вкус с юных лет воспитали:
Одевайся удобно, с учётом погоды
И фигуры – и ты промахнёшься едва ли.

А с любимым – дорога приятней стократ,
Даже если разлука – то будет и встреча:
Теплота наших рук и восторженный взгляд,
И молчанье вдвоём, и взволнованность речи…

На четыре прекрасные стороны света,
Нам свобода полёта природой дана:
Широка и прекрасна родная планета,
Наши лето и осень, зима и весна.

И в колоде – на выбор – четыре туза…
Горяча и сладка у влюблённых слеза.
* * *
4
Горяча и сладка у влюблённых слеза.
Пусть она не прогоркнет с течением лет.
Синь небесного свода, воды бирюза –
Да хранят их от всяческих жизненных бед.

Кто умеет любить – понимает меня:
Не простая симпатия или желанье…
Но от первого дня – до последнего дня:
И сердца – в унисон, и синхронно дыханье.

А какими словами её назовёшь?
Хоть горшком назови – лишь бы в печь не сажали.
Пусть твердят, мол: привязанность – что с них возьмёшь…
Только сердце трепещет от ласковой жали.

А природы закон – непреложен: мы сами,
Если были умны – то мудреем с годами.
* * *
5
Если были умны – то мудреем с годами,
И ошибок – всё меньше и меньше свершаем.
А детишки шагают своими стопами:
Мы – уже декабрём, а они – только маем!

Не вложить в детвору векового ума,
Каждый хочет своих драгоценных ошибок…
Но не сразу ты всё осознаешь сама,
И сотрёшь с подлеца позолоту улыбок.

Да, не сразу, но будет цена высока
Этим опытам горьким, доставшимся с болью.
А иначе вовеки не ляжет строка
На страничку с такой вот, аттической солью.

И металлом в горниле предстанет руда.
Если нет, то не будет ума никогда.
* * *
6
Если нет, то не будет ума никогда,
Это дело такое: должно развиваться,
Горе – с ним, без него же, и вовсе – беда.
Как говаривал Бендер – не надо оваций…

Крепок задним умом, как известно, мужик,
Потому его путь ненадёжен и зыбок.
Ну, а если заранее думать привык –

Будет меньше событий, но меньше ошибок.

Очень важно понять, чей полезен совет,
А кого надо гнать самой частой метлою –
Избегая великого множества бед
С элегантной, невинной вполне, простотою.

И давнишних друзей отношения – с нами,
А романтика юности – светлыми снами.
* * *
7
А романтика юности – светлыми снами,
Беспокоит тебя и на старости лет,
То тревожа бессонными злыми ночами,
То внезапно даря долгожданный привет.

Понимаешь: ушло невозвратное время,
Всё с годами меняется, что ни возьми.
Только в мыслях порою встречаемся с теми,
Дорогими и близкими прежде, людьми.

Ну, а в жизни: не сразу узнаем друг друга –
Надо прямо в глаза неотрывно смотреть –
Лишь тогда углядишь, что под зимнею вьюгой
Нежный-нежный росточек сумел уцелеть!

То, что, кажется, полностью скрыли года,
Наше сердце тревожит, хотя б иногда.
* * *
8
Наше сердце тревожит, хотя б иногда,
Перспектива, что нас ожидает… И верим,
Что от нас в отдалении злая беда,
Безысходная боль, роковые потери.

Что ещё много раз распушатся сады,
Зажурчат ручейки, и распустятся клёны.
Разливанное море весенней воды
Напитает простор, изумрудно-зелёный.

Мы не сразу, увы, обучаемся жить,
Мы во многом – младенцы, лежащие в зыбке…
И не так-то легко, на глазок, различить,
И при этом не сделать нелепой ошибки,

Где брильянты, а где заурядные стразы…
Матерей и отцов понимаем не сразу.
* * *
9
Матерей и отцов понимаем не сразу.
Их советов не ценим в своей простоте.
Распознать не всегда удаётся заразу –
То латентно течёт, то симптомы не те.

Вроде, кажется – вот он, наш друг на века,
Не предаст в лабиринте событий и вех,
Но предательски дрогнет чужая рука,
Что казалась когда-то надёжнее всех.

А кого не ценила – окажется вдруг –
Это именно он и дарован судьбой:
До конца тебе верный и преданный друг,
Да такой, что хоть в пекло пойдёт за тобой.

Кто нам истинный друг, кто предатель и тать –
Иногда – до конца не умеем понять.
* * *
10
Иногда – до конца не умеем понять,
Чем для нас драгоценна любая минута.

Всё куда-то несёмся, боясь опоздать,
Торопя, подгоняя судьбу почему-то.

И за призрачной радугой гонимся мы,
Покупаясь красивостью, верим обману.
И пытаясь уйти от сумы да тюрьмы –
Много лишнего сами привносим туману…

И боясь упустить свой единственный шанс,
Мы кидаемся в пропасть, забыв о страховке.
Меж мечтою и жизнью неверный баланс
Нелегко сохранить без известной сноровки.

Отдавая отчёт, хоть и веря рассказу,
Что ценнее всего – не красивая фраза.
* * *
11
Что ценнее всего – не красивая фраза,
Не порыв, а уменье идти до конца,
Понимаем потом, не согласно указу
Облечённого властью и силой лица.

Настоящую ценность отсеять от мнимой –
Это, право, наука – совсем не проста.
А для многих поистине – непостижима,
А тем паче, коль совесть не очень чиста.

Не всегда над тобой только тот, кто достоин,
Кто реально – на голову выше других,
Это может быть тот, кто поистине воин –
В утолении личных амбиций своих.

И что движет – не можем заранее знать –
Не стремленье к деньгам, к продвижению в знать.
* * *
12
Не стремленье к деньгам, к продвижению в знать,
Составляют основу и суть человека,
А уменье, сгорая, пути освещать,
В неразгаданный мир двадцать первого века.

Не легки и не коротки эти пути,
И полны не предсказанных прежде событий,
Сомневайся, иль нет, и хоти – не хоти:
Нереальных, на первые взгляды, открытий.

Век двадцатый – феноменом нас испугал,
Не во всяких умах отразил пониманье,
Нарастающий мрак – в перспективе зеркал –
Нагнетает испуг, притупляет вниманье.

Чтобы верить в добро и душой не скорбеть,
Надо в синее небо почаще смотреть.
* * *
13
Надо в синее небо почаще смотреть:
Видеть звёзды, туман, облака и зарницы…
И в полёте, мгновенно, сгорев, умереть,
Как сгорают в пути перелётные птицы.

Бесполезно скулить, упрекая судьбу –
Ты не знаешь того, что досталось другому.
Что дано – то дано, волоки на горбу,
И стремись на огонь – к драгоценному дому!

Пусть горит в твоём сердце негаснущий свет
Той любви, что навек, и никак не короче.
И тогда не заметишь давления лет,
Будут яркими дни, и недолгими ночи.

Радость – множь неустанно, а беды – на треть –

И не будет душа, прежде срока, стареть!
* * *
14
И не будет душа, прежде срока, стареть,
Если любит и верит, страдает и плачет –
Только так изначально, отныне и впредь
И живёт человек, но никак не иначе!

Мы звериную суть убиваем в себе,
И «по капле раба» из себя выжимаем.
Но не каждый способен к реальной борьбе,
И дорога не каждому ляжет прямая.

Если ты человек, не формально, а так,
Что душою гореть, освещая дорогу,
Ты способен – то это, поверь, не пустяк:
Это сущность, и значит, действительно, много!

И тебе не заметно в капризах природы,
Как стремительно наши проносятся годы.
* * *
15
Как стремительно наши проносятся годы,
Удивительно ярко сияют глаза,
Не пугают капризы причудливой моды,
Горяча и сладка у влюблённых слеза.

Если были умны – то мудреем с годами,
Если нет, то не будет ума никогда,
А романтика юности – светлыми снами,
Наше сердце тревожит, хотя б иногда.

Матерей и отцов понимаем не сразу.
Иногда – до конца не умеем понять,
Что ценнее всего – не красивая фраза,
Не стремленье к деньгам, к продвижению в знать.

Надо в синее небо почаще смотреть –
И не будет душа, прежде срока, стареть!
* * *

Золотой кумир царит в душе
У девчонок, что не знали горя…
Если с милым рай и в шалаше –
Милые сегодня не в фаворе.

Подороже, выгодней продать
Норовят молоденькое тело.
Будто деньги – божья благодать,
Словом, всё, чего она хотела.

И с пустой, заплёванной душой,
Но зато в бирюльках от Армани,
Думают, что это хорошо,
Раз монеты звякают в кармане.

Не стоят сегодня за ценой,
А стоят вдоль Питерской дороги
Девочки с душонкою больной,
Заголяя стройненькие ноги…

А Содом с Гоморрой впереди,
Но они не видят дальше носа…
Посмотри, глаза не отводи –
В злую сущность вечного вопроса!…
* * *
Многие хотят всего и сразу:
Например, деньжонок без труда.
Это всё – такая ерунда,
Сразу – только всякую заразу

Подцепить несложно, и непросто
Вылечить… Но не об этом речь:
Всяческих пророков и предтеч
Развелось. А всё – болезни роста…

Буйство исторических процессов
В нашей неустроенной стране –
Всё бурлят, как воды по весне.
Вестниками чьих-то интересов

Рвутся кандидаты в депутаты –
Только явно, не людей труда…
Стоит в бюллетень поставить «да»,
Знаю, нас – опять пошлют куда-то…

* * *

Призывались ребята в разгаре весны,
И попали в Афган из различных частей,
Их тропинки сошлись на дорогах войны:
Коля, Толя, Володя, Борис и Андрей.

И хлебнули – по горло, а то – через край…
Тем, кто знает – понятно, другим – ни к чему…
Пыльный, душный сентябрь, окровавленный май –
Да такого вовек не дай, Бог, никому.

Лишь один из друзей воротился с войны,
Но он знал имена для своих сыновей.
И сидят за столом, и – глядят со стены:
Анатолий, Владимир, Борис и Андрей.

И у каждого – бабок да тёток – не счесть:
На Рязанщине, в Омске, в Орле, под Москвой…
И под Питером – тоже, конечно же, есть.
И любая – себя почитает родной…

* * *

Фортуна слепо вертит колесо,
Не всякому из рога так и прёт,
Слетает непослушное лассо,
Порою горьковат халявный мёд,

А хлеб – он добывается в поту,
Дорога не ровна, не широка.
И не одну приходится версту
Отмахивать для честного куска.

Неси свой крест, свой камень, и ведро,
Как девушка, держащая весло –
Держи лопату, кисти иль перо:
Чтобы хоть что-то путное росло,

Необходим упорный, тяжкий труд,
А сами – только сорняки растут…

* * *

Крыть дураков – в глаза и за глаза –
Нажить врагов, как это сделал Чацкий.
И я – не отпущения коза,
И мне – гораздо проще – отмолчаться,

Ведь на генетике замешан страх.
И у него – живучая природа.
Ещё сидит в постсталинских сердцах –
Коварный страх тридцать седьмого года…

Ты не зови в колонны за собой,
И не дразни меня свободой слова,
Ещё грядёт для нас тридцать седьмой…
Ведь в этом мире – ничего не ново.

Топчись на месте или мчись вперёд,
Пешком, бегом, на пони иль в вагоне,

Но всё равно: твоё тебя найдёт,
Судьба тебя достанет и догонит!
* * *
Набегает на гальку волна,
Сочиняет ритмичные звуки…
До чего же вода ледяна –
Костенеют от холода руки!…

Может спазм прохватить до кишок,
Если плюхнуть такое – на спину.
И купальщик сейчас одинок,
С ним в компании – только дельфины.

Согревает подкожный жирок
И меня, и собратьев по морю.
Выплываю, не чувствуя ног,
Но они отогреются вскоре.

Ведь жара нарастает вокруг,
После шторма – такое блаженство.
От воды же – озноб и испуг:
Право, нет на земле совершенства.
* * *
За прелый и тёплый декабрь отыгрался февраль,
Дай бог, чтоб весна узаконилась в мире к апрелю…
Морозит за двадцать – какую по счёту неделю,
Снежком запорошена светлая мёрзлая даль.

Бетонно-кирпичные стены не могут согреть
Себя и людей ненадёжным теплом батареи…
Иди же ко мне, я тебя понадёжней согрею.
И общим дыханьем мы градус поднимем на треть.

Согревшись, уснём, и привидятся сладкие сны,
Про то, как с тобою, укрывшись одним одеялом,
Мы рядышком спим, что, по сути, не так уж и мало,
И грезим о счастье в слепом ожиданьи весны.
* * *
Непостижимо-двойственное чувство,
Контраст меж солнцем – и глубокой тенью:
Я так люблю цыганское искусство –
В его, конечно, лучших проявленьях.

Романсов и задорность, и лиричность,
Их танцев ослепительное пламя,
И внешности цыганской экзотичность,
Их сказки, порождённые мечтами.

Извечное стремление – за солнцем,
Довольно близко сердцу, и рождает
Такой порыв желаний и эмоций,
Что в четырёх стенах – и я страдаю…

Мне хочется в цыганскую кибитку,
На вольный ветер, и к костру ночному…
Захлопнуть надоевшую калитку,
Отдать себя движению шальному…

Но вспоминаю праздное шатанье,
Обман и воровство, детей немытых,
Их наглое и злое домоганье –
Романтика цыганская забыта…

Но остаются сказки их и песни,
С извечным вдохновением и флёром.
Которые намного интересней
Реальности колючего укора…
* * *
Повернётся медаль оборотной своей стороной,
И двуликого Януса встретим порою у входа…

Так изменчива часто бывает судьба и природа –
И в людских отношеньях – стандарт проступает двойной…

Мы улыбкой встречали любого – в былые года,
Не беря во вниманье известный подход «по одёжке».
А теперь далеко развели нас пути и дорожки:
Тех, кто хапнул, и тех, кто и нынче в трудах, как всегда…

Нам теперь не в любой магазин разрешают войти,
Коли ты по-простецки одет, не в «Армани» с «Диором»…
Если что, могут запросто выставить даже с позором –
Дескать, нечего здесь свои старые тряпки трясти.

Только старой закалки не выжечь открытым огнём,
Как бы ни были наши позиции шатки и зыбки,
Мы входящего в дом привечаем открытой улыбкой,
Не по фирменным шмоткам, прощаясь, мы судим о нём…
* * *
Море – от кромки прибоя – вздымается ввысь,
Кажется, это застывшее тело цунами.
Суша с водой в единении вечном сошлись,
Право возможного выбора – здесь, перед нами.

Выбравший сушу – останется берег топтать,
Выбравший море – растает в лазурном просторе,
Он возвратится, чтоб только борта залатать,
И оглянувшись, опять устремляется в море.

Выбор довольно жесток, но судьба такова,
Что выбирать доведётся не раз человеку.
И не всегда прозвучат те, что надо, слова,
И не войти нам вторично в знакомую реку.

Воду в кулак – не старайся – вовек не зажмёшь,
Тает песок, как вода, убегая меж пальцев…
И, несомненно, я сразу почувствую ложь –
Стать бы скромней нам с тобой, на Земле постояльцам.

Было б нелепо Колумбом себя представлять:
Не напасёшься на каждого нынче Америк…
Вот оно, море – стихия, купель и прамать,
Вот твоя гавань, причал и твой ласковый берег!…
* * *

На веранде, без стёкол, заросшей густым,
Меж собой переплетшемся, диким
Виноградом, мы рядом с тобою сидим,
Выясняя, что козыри: пики,

Или крести, кто ходит, и прочую чушь,
Заполняя досуг полусонный.
Во дворе темнота, страшноватая глушь,
И сверчок – усыпляющим фоном.

Наполняет веранду густой аромат
Возле дома растущей фиалки,
Шелестит за окошком невидимый сад,
И минуты, ни шатко, ни валко

Улетают. И бабушка гонит в кровать,
Комаров отгоняя украдкой.
Нам самим, если честно, то хочется спать,
На перинах раскинуться сладко.

Но во мраке ночи, где не видно лица,
При погашенном бабушкой свете,
Наизусть завываю сестре: «Мертвеца»,
Что попался в случайные сети…

Получаю подушкой, включается свет,
Нас бабуня ругает устало…

…Пролетело такое количество лет –
Но для памяти – этого мало…

Я клянусь, что не буду пугать, и во тьме,
Повторяю «Средь шумного бала…»
Опускается сон потихоньку ко мне,
И сестрёнка давно задремала.
* * *
Колышется у берега камыш…
Листва ракиты чуточку трепещет.
И я молчу, и ты со мной молчишь.
И дёргает за лесочку подлещик.

Ты ловко подсекаешь, на кукан
Нанизываешь плоскую рыбёшку…
А мимо водомерка-таракан
Стрелой несётся, растопырив ножки.

И по-японски, ловит стрекоза
На ряби волн мелькающие тени.
Не отрываю от воды глаза,
Поверх подолом стянутых коленей.

Рыбалка не подходит для бесед,
Тем более, для всяких выяснений.
И я, твой ненавязчивый сосед,
Томлюсь в плену придуманных сомнений.

А ты, который час – и глух, и нем.
Любуюсь жестом, правильно-красивым…
И всё томлюсь – ведь рыбу я не ем…
Я просто, от природы, терпелива.
* * *
Сияет солнце, звёзды ли зажглись –
Затем, чтоб отыскать источник света,
Хоть кто-то из людей взирает ввысь?
Пожалуй, астрономы и поэты…

Другие смотрят, скажем, на фонарь,
На яркие, настырные витрины…
И лишь немногим хочется, как встарь,
Окинуть взглядом горние вершины.

Бывает небо – дивной синевы!
Толпа людей струится вдоль дороги…
Ах, люди! Ну, куда спешите вы,
С тупым упорством глядя лишь под ноги?…

Конечно, дел земных – не перечесть,
Что характерно, их не переделать…
Но, кроме фонарей, рассветы есть,
И множество чудес на свете белом.

На общем горизонте: серп луны
И солнце, нисходящее к закату.
Над лугом аромат и плеск волны,
Зарницы и громовые раскаты…

Сквозь дымку, не слепящее глаза,
Белёсое январское светило,
Морской волны живая бирюза –
Всё то, что сердцу дорого и мило.

Но помним ли мы с вами в суете,
О той живой «грозе в начале мая»?
Предпочитая ценности – не те,
За мелочами – сущность забывая?

А после удивляясь, почему
Скудеет чувство и тупеет разум?…
Да, мы же сами не даём уму

И сердцу воли, поддавая газу…
* * *
Мы на земных дорогах испытали
Такое… Вперемешку, всё подряд,
Что в мире запредельном нас едва ли
Хоть чем-нибудь особым удивят.

Нас настигали прямо в райских кущах
Такие муки, что, куда уж там
Стараться, не дано придумать пуще
И нестерпимей никаким чертям.

И нам ли ждать блаженства – после смерти,
Познавшим здесь: светлейшее из чувств
И боль такую, что засохнут черти,
Услышав только стон из наших уст…

Меж благостным дождём и бьющим градом,
Мы сами выбирали этот путь…
Не требуем ни рая мы, ни ада,
Не заслужив ни муку, ни награду –
А дали б нам спокойно отдохнуть…
* * *
Не даёт покоя мне вопрос,
Так ли уж народу интересно,
Глубоко совать упрямый нос
В личные дела людей известных?

Я скорей, склоняюсь к мысли, что
Путается следствие с причиной.
И совсем не хочет знать никто,
Как лицо сменяется личиной.

Общие черты – куда ни шло…
Но зачем в детали углубляться?
Поощрять дурное ремесло,
И кормить несносных папарацци?
* * *
Я, конечно, не бык на арене в Севилье,
Но возникло сравненье –
Не выкинуть слова…
Достаёт до кости острие бандерильи,
Окружённая тенью,
Топчусь бестолково.

Пусть не машет судьба ярко-красной мулетой,
Всё пытаясь напрасно
Меня ошарашить.
Я утратила вдруг восприятие цвета.
И взираю бесстрастно
На праздник вчерашний.

Я, как раненый бык, всё кружу по арене,
И мозжит моя рана,
И не заживает.
А вращенье земли ничего не изменит.
И не кажется странным,
Что вновь не права я…
* * *
Ты настиг меня, словно торнадо,
И увлёк за собой в облака…
И в пространстве меж раем и адом
Мне опорой, поддержкой, наградой –
Лишь твоя оказалась рука.

Ну, а большего, в общем, не надо:
И дорога – вполне широка.
А, по сути, меж «вместе» и «рядом» –
Не такая большая преграда,
Да и разница – не велика…

Если в песне – ни склада, ни лада –
То корявой выходит строка,
И не всем открываются клады,
Можно жить и без райского сада,
Где-то между «уже» и «пока»…
* * *
На месяцы весенние и зимние –
Деление у нас весьма условное.
Но всё же настроенье – позитивное,
И разница: почувствуйте – огромная.

«Февраль» звучит уныло и таинственно,
А через сутки: «март» – и сразу чудится,
Что этот день, всего один-единственный,
Изменит всё, букет желаний сбудется…

Снег не даёт намёка на проталинки,
И слабый «плюс» готов смениться «минусом»,
А всё же день, ещё довольно маленький,
Уже растёт, и вечер отодвинулся.

Коты недаром носят имя – мартовских,
И пусть ручьи ещё не мчатся струями,
Но даже в отдалённом Нижневартовске –
Животные весну уже почуяли…

И нам ли отставать в своём стремлении,
В естественном желаньи обновления,
Едва предвосхищая дни весенние,
Испытывать приятное томление!…
* * *
Пахнет талой землёю и прелой травой.
Мы – совсем малыши. Возле детского сада
У стены мы песок ковыряем с тобой…
Беззаботно, тепло. Даже в школу – не надо!

Будет всё, что положено – будет потом:
Города, поезда, расставания, встречи…
А пока: детский садик, песочница, дом,
Ленинградский апрель, наплывающий вечер.

Будет дальних костров чуть щекочущий дым,
Невозвратных потерь нестерпимые муки…
А сейчас – мы с тобой к нашим мамам бежим,
Отряхнув от песка и коленки, и руки…
* * *
Конечно, значительно чаще диагноз подобный
Стране выставляли писатели мудрые наши,
Но был среди них и конкретный, обученный медик,
И он подтвердил приговор государству-безумцу…
И то ли народец родился такой неудобный,
А может, хлебнуть ему выпало горюшка чашей,
Но что ни явленье – полнейший иль маленький бредик –
То в гулком молчаньи, а то под припев «умца-умца»…

И, в общем-то, был хоть какой-то период ремиссий,
Он длился недолго, в масштабах вселенских историй.
И нет бы – держаться в спокойных умеренных рамках,
Вполне сознавая, что мы уникальны на свете –
Так надо же было попасться на хитрости лисьей,
И вновь изменить наиверной из всех траекторий.
Чтоб наглые пешки прошли беззастенчиво в дамки,
И скорость придали несущейся в бездну планете!…
* * *
Назад глядим, не понимая:
Так быстро пролетела жизнь…
И боль рождается такая,
Что все поджилки затряслись.

И ужасают перспективы:
Удобрить тучные поля
И зеленеющие нивы…
А может, всё начать с нуля?

Гадать, в какие эмпиреи
Свезёт старательный Харон.
Иль жить, о прошлом не жалея,
Во власти нынешних времён?

И то ль совет небесный это –
А может, просто здравый смысл:
На поиск нужного ответа
Наводит горестную мысль…

Глядим вперёд, святое слово –
Из прошлой жизни прихватив…
И выход, в общем-то, не новый –
Но больше нет альтернатив…
***
Мне улыбок своих не жалко,
Но они, словно свечка, зыбкие.
Холодна подо льдом русалка –
Промелькнёт серебристой рыбкою…

Полнолунье, любовь, мечтанье –
Вот не очень святая троица…
Малорадостно состоянье:
Ждать и ждать, когда речка вскроется.

Но наступит момент цветенья,
И очнётся природа сонная.
А пока – лишь воды движенье
Шевелит растенья придонные…
* * *
Помолу рад трудолюбивый мельник,
Не в тягость, если лестница крута.
И дровосек уходит в старый ельник –
Его работа, в сущности, проста,

Как прост воскресный день – и понедельник…
Но это та, святая простота,
Какою прост ночной пирог в сочельник,
И верность – непорочна и чиста.

Простой горшок из рук своих скудельник
Сажает в печь – и суть его свята.
Согреет лучше шуб – простейший тельник,
И жечь не будет скорбь и маета,

Когда поймёт деляга и бездельник,
Имеющий солидные счета,
Что мастерство – стократ дороже денег,
А накопленья – глупая тщета.
* * *
Ах, право, наша жизнь – не для веселья,
А уж, тем паче, в ней не до стихов…
И всё ж, который раз, с неясной целью,
Ты рифмовать восторженно готов.

Спеша сказать – в туманной перспективе,
О том, что в жизни всё старо, как мир.
Как дорог хлеб в густой тяжёлой ниве,
И как златой бессмысленен кумир.

Как несравненно небо на восходе,
Сравнится с ним, пожалуй, что закат…
И что жену искать не в хороводе –
А в огороде – надо, говорят.

И что любовь – всегда длиннее жизни,

Иначе это вовсе не любовь.
И что служить истерзанной отчизне –
Считается банальней рифмы «кровь»…

О том, каким загадочным маршрутом
Уводит в поднебесье Млечный Путь,
И что, в разгаре жизни, почему-то,
Нам хочется «забыться и заснуть»…

Так, Бог же с ней, с презреннейшею прозой –
Ведущей бесконечные бои…
Дари мне поэтические розы
В бокалах золотистого «Аи»!

* * *

Я чуждаюсь имперских амбиций,
Шовинизм – это козырь не мой…
Просто – с детства привыкла гордиться
Я – своею великой страной.

Той, что знали на всех континентах,
Уважали, порою, боясь…
Никогда не ловила момента
И пролезть не пыталась во власть.

Но гордилась горами Кавказа,
Широтой Казахстанских степей,
Пусть не видела это – ни разу,
Но считала Отчизной своей.

Многоликость и многоязычность –
Почитала, любя и гордясь…
А теперь моя гордая личность –
Ясно чувствую: втоптана в грязь…

Закавказье, и Крым, и Молдова,
И простор Украинских полей…
Умерла бы на месте, чтоб снова
Это Родиной стало моей!

* * *

Серпантин в предгориях Кавказа,
В мыслях – сразу: Лермонтов и Пушкин…
Наш автобус – газу – до отказу:
Едет вдоль извилистой речушки…

Озеро – жемчужиной упало,
Круглый год – холодная водица.
До чего для счастья надо мало:
Распахнуть глаза и удивиться…

Я, равнинный житель, поражалась –
Скалам, вверх отвесно уходящим.
И свою осознавала малость –
Перед столь значительным и вящим…

И венцом – источник минеральный!
Ни души: лишь травы, сосны, птички…
Мир, что показаться идеальным –
Мог вполне – но страшно, без привычки.

Вьющаяся между гор дорога,
Светлый водопад «Девичьи слёзы»,
Шумная речушка-недотрога,
Озеро… источник… память… грёзы…

* * *

С каждым годом: немного циничнее взгляды –
Мир такой… В постоянной борьбе,
Вдалеке и поближе, и, в сущности, рядом –
Не даёт позабыть о себе…

Как ни пыжишься с юности, чтобы построить

Свой отдельный, уютный мирок –
Брать приходится каждую точечку с боем,
Укрепляя сплетение строк.

А отсюда – в мозолях сердца и ладони.
И броня: в голове, на груди…
И не сразу уже вдохновит и затронет
Даже яркий просвет впереди.

Но душевная щедрость, зато, не скудеет–
И железом калёным не взять!
А любовь – до конца – нашим сердцем владеет,
И нисходит на нас благодать.

Из того, что фигура подёрнулась сальцем –
Делать выводы ты не спеши.
Пробегают мелодии нежные пальцы
По Эоловой арфе души…
* * *
А зима не сдаётся так сразу,
Будет снег, и метели, пока,
Разогнавшись до полного газу,
И распарив морозу бока,

Ни войдёт в свою полную силу
Наша вера, надежда – весна…
Ни найдёт рудоносную жилу…
И поняв, что одёжка тесна –

Вдруг прорвет залежалую землю
Остриями травинок густых.
Только веру в весну и приемлю,
Для неё этот радостный стих.

Пусть зима не сдаётся, я знаю –
Хоть мороз бородою трясёт,
На исходе апреля, иль к маю –
Но весна непременно придёт!
* * *
И снова всё оттаяло… Следами
Весь двор замысловато испещрён.
Всё меньше расстояние меж нами:
Я слышу – то ли голос, то ли стон…

Ты не простился – так порой бывает:
Тебя опять позвали облака…
Звенит капель, иль ветер завывает –
А я всё слышу дальнее: «Пока!»

Минуют годы, и в подлунном мире
Уже не вспомнят о твоей судьбе.
Меня – к земле притягивают гири,
И тянут в небо мысли о тебе.

А воздух вновь дурманящий и пряный,
Готов в душе все струны разбудить.
И может быть, с весною я воспряну!
А не воспряну – так тому и быть…
* * *
Тихой сапой весна, наконец, подберётся,
Измучивши зиму,
Март уже на дворе – озорник, балагур…
На столе – монитор то грустит, то смеётся –
Работает мимом…
Расставляет узоры словесных фигур.

Я уснуть не могу, голова-наковальня,
Давит что-то виски.
Жаль, уже не осталось ни капли вина.
За окошком район – называется «спальный».

Быстро скачут листки –
А весенняя ночь откровений полна.
* * *
Сегодня Женский День – Восьмое Марта –
Ей-богу, то ли праздник, то ли блеф…
Возьму колоду и раскину карты,
Себя уже считая дамой «треф»…

Увижу в них туманную дорогу –
Но где-то там наметился просвет.
Маршрут у всех единый: «в гости к Богу»,
Неважно, веришь в Бога или нет…

Казённый дом – неясного пошиба,
«Злодейка» «пик» не слишком далеко…
Ах, карты, их трактуешь: либо-либо,
А главное – тасуются легко!

Чем сердце успокоится – не знаю,
Да, вроде, успокоилось уже…
А может, быть, судьба моя шальная
Задаст манёвр на новом вираже?…
* * *
Нам бы за амбарами да ригами,
Жить, не сомневаясь ни черта…
Но сочится социум интригами –
И кусок не донести до рта.

Нам бы каравеллами да бригами –
Управлять спонтанно, не с листа,
Утоляя финиками, фигами
Голод свой – вот это красота!

Русь не зря прославилась расстригами –
Нам догматы – сущая туфта…
Мы живём – единственными мигами –
Нам граница: так себе – черта…

Нас не взять измором и блицкригами.
Очень уж душа у нас проста,
Характерна вспышками да сдвигами.
Тропочка крута, сума пуста…

Общество опутало веригами:
Справки, документы, паспорта…
Никуда – без них… Лишь рядом с книгами
Жизнь проста, прекрасна и чиста.
* * *
Стихи, как будто камешки на чётках,
Перебираю… Где-то есть изъян,
А что-то – удивительно и чётко,
И глубиной – потянет на роман.

Одни – своей красивостью пугают,
Иные – остротой горячих слов…
Порою впечатленье, что другая
Писала их, касаясь облаков.

Из странных снов возникнет впечатленье,
Цепочкой слов прольётся на листок –
И вот уже журчит стихотворенье,
И кто узнает, где его исток.

Несу стихи, как раны с поля битвы –
Любая кровоточит и мозжит.
Я каждый стих читаю, как молитву,
А голос мой – предательски дрожит…
* * *
У многих есть места, куда они идут,
Когда невмоготу от давящего кома:

Расслабиться, вздохнуть – хоть несколько минут…
А я в такие дни не выхожу из дома.

Мне очень хорошо в моих родных стенах,
С привычным с давних пор за окнами пейзажем.
Трепещет ветерок в берёзовых ветвях –
И отступает боль, и веселею даже.

Конечно, есть места, манящие давно:
Они передо мной невнятно проплывают,
Как блёклый эпизод старинного кино –
В реальности уже такого не бывает.

В наш прагматичный век всё чуточку сложней,
И право, на подъём я стала тяжелее…
Меня пугает жизнь, пасую перед ней:
Стесняюсь, не решусь, слабею и болею…

И больше не бегу по первому снежку,
Сквозь дождик и туман – судьбе своей навстречу.
И что ещё со мной случится на веку –
Случится где-то здесь, от дома недалече…
* * *
Я вышла на простор,
Навстречу всем ветрам,
Над горькою землёй
Я стала на колени…
Сквозит немой укор –
Разор и здесь, и там,
Иссосанные тлёй –
Деревья, словно тени,

Колышут на ветру
Костлявым помелом.
Листве их по весне
Не распуститься снова.
И я с землёй умру,
Тоскуя о былом,
В котором больше мне
Не предоставят слова.

Охватит тишина,
В мертвящее кольцо,
Природа до меня
Не донесёт ни звука.
Лишь музыка одна
Дохнёт в моё лицо,
Аккордами звеня –
Опора и порука…

И будет всё равно:
Жива, иль не жива.
Аккордам в унисон
Я попаду впервые…
Возникшие давно
Заветные слова
Уронят лёгкий звон,
Как капли дождевые.
* * *
Утонула в потоке стихов – зачиталась с утра.
Поглощает стремительно время такое занятье.
Вьётся строчка за строчкой – старинная эта игра
Увлекательна, если способен к её восприятью.

Но пора бы, отбросив привычную сонную лень,
Поработать немного и, как говорят, над собою.
Так декханин берётся за сточенный жизнью кетмень,
Так крестьянин привычно склоняет хребет над сохою.

Так и мы, напрягаем привычные к мысли мозги,

И рождаем стихи – а рожденье без мук не бывает…
Зажигается свет там, где не было видно ни зги,
Вместо тропки кривой – пролегает дорога прямая.

* * *

Он был сумасшедший. И справка в наличии.
Но как не опасный – гулял без стеснения.
Весь день, благоденствуя в мнимом величии –
Слонялся по улицам, как привидение.

И женщины встречные были напуганы
Безумными криками грубого голоса,
Внезапно – свирепо и злобно обруганы –
Аж, дыбом вставали от ужаса волосы.

Но местные – знали его, и заранее,
Притопнув ногой, превентивными средствами
Его отгоняли. А он, свои мании
Прибрав, убегал – как стихийное бедствие…

Загадочны психики нашей явления,
Иной, и в уме – а такое наделает,
Что лезут глаза из орбит в обалдении,
И в чёрное вмиг превращается белое.

А стоит пугнуть – так, слегка, незатейливо,
И наглость слетает, как бред сумасшедшего,
Стихает поток, обезумевший, селевый.
И видишь опять – человека милейшего…

* * *

Чем дольше я живу, тем чаще вижу,
Какое наслаждение порой,
Испытывает нынешний «герой»,
Плюя на тех, кто чуточку пониже.

Хоть ниже этажом – уже приятно,
Деньгами, положением вещей:
Ведь сверху – так удобно дать «лещей»,
И твой плевок не прилетит обратно.

Проситель, что зависим поневоле –
Его унизить, право – сущий рай:
И методы любые выбирай,
Он стерпит – в ожиданьи лучшей доли.

Обидеть старика, толкнуть ребёнка,
А дальше – больше: все на одного.
И нитью жизни, безнадёжно тонкой,
Играть, наверно зная, кто – кого…

Несётся мир стремительно к обрыву,
Запас ресурсов выжигая весь…
Что сделать я могу, покуда здесь,
Покуда мы ещё, как будто, живы?…

* * *

Твердят, что повторяется история:
Трагедия, а после – глупый фарс…
Конечно, интересная теория,
И перспективна, как полёт на Марс.

Трактует нам мудрец-Энциклопедия,
Кто Кибальчиш, а кто – Мальчиш-Плохиш…
Где фарс, а где кровавая трагедия –
Теперь уже не сразу различишь…

* * *

Что-то стало тянуть к природе,
С каждым месяцем – нестерпимей,
Чтобы почву взрыхлить родную,
Подождав до весенних дней.
Вот, и гуси летят к нам, вроде,
Зимовавшие где-то в Риме…

Мне бы грядку: одну, другую,
От души покопаться в ней.

И следить каждодневно взглядом,
Как посеянное – восходит,
Поднимается выше, к небу,
Набирается новых сил.
И чтоб ты был со мною рядом –
При погоде, при непогоде,
Преломлял бы со мною хлеба,
И, как прежде, меня любил!

* * *

По мнению многих, мы в мире живём, богоданном,
Мы – пасынки нового, нам непонятного века.
Скрывает грядущего лик жутковатая тайна –
И даже простейший вопрос – посчитают подначкой…
А людям уже не покажется диким и странным,
Что можно ногами до смерти забить человека
За то, что посмел поцарапать сугубо случайно –
В дорожном маневре – он чью-то бесценную тачку…

И кажется многим, наверно, на самом-то деле,
Что может позволить любое, по жизни, коленце,
Кто денег срубил и, притом, по натуре не робкий –
Ему и открыты сегодня пути и дорожки…
И волос не встанет от ужаса – дыбом на теле,
При мысли о том, что возможно родного младенца –
В помоечный бак отнести, в обувную коробку
Впихнув предварительно детские ручки и ножки…

* * *

Я не мечусь, как на дороге – лось…
Стабильней – вряд ли встретите на свете.
Я постоянна, как земная ось.
Но в мелочах – изменчива, как ветер.

В моих стихах: то оптимизм, то грусть,
Но удивляться этому не надо.
Я в рай пока не очень-то стремлюсь,
И не боюсь предстать в преддверье ада.

Забит судьбой в макушку крепкий гвоздь.
Мозжит – от острия до круглой шляпки.
Тоска приходит, как незваный гость,
И требует, чтоб я сложила лапки.

А я держусь упорно на плаву,
Хоть под ногами дно уходит в омут.
Но я привыкла к бреду наяву,
А горло – к надоедливому кому.

Не надо в раны вкладывать перстов.
Я «не зову, не плачу», не жалею.
И жду, когда рассвет росу с листов
Прольёт на раны сладостным елеем…

* * *

Накал страстей не тот,
Угас безумный пыл,
Забот круговорот
До срока остудил.

Не бурная волна –
Лишь слабый плеск ручья.
Победа не нужна –
Устроит и ничья…

Безудержность смешна,
В глазах – немой укор.
Накрыла седина
Причёску на пробор.

И сеточка морщин
В углах усталых глаз…
У женщин, у мужчин,
У вас, у них, у нас…

Безумствами стихий
Измучили года –
Лишь всплеском аритмий
Напомнят иногда

Об отголосках бурь,
Торнадо и штормах –
Не то пустая дурь,
Не то души размах.

На склоне наших дней,
Что не были легки,
Ты мне ещё родней:
Пожатием руки,

Нечастым глаз огнём,
Спокойной силой рук…
И каждым новым днём,
В преддверии разлук.

* * *

Уходить в былое – не спеши,
Хоть воспоминанья наши сладки.
Не согреет прошлое души,
Лишь затеплит огонёк лампадки.

Отсеки бессмысленную ложь,
Что пропахла затхлостью и дустом.
Пристальней взгляни – и ты поймёшь,
Что вокруг тебя не так уж пусто.

* * *

Мы изучили просто «от и до»
Японский кодекс чести «Бусидо»…
Пренебрегая блюдами родными –
Всё давимся мы «суши» и «сашими»…

Напарившись в родимой русской бане –
Ретиво припадаем к икебане.
И норовим на память милой даме
Состряпать из бумажки оригами.

И пишем нерифмованные хокку –
А нет бы – к своему припасть истоку.
Движения не сделать в простоте:
Подай нам айкидо и карате!

Презрев родные избы да сараи,
Мы, вероятно, метим в самураи…
Готовы сдаться хитрости и силе –
А наши предки – их изрядно били…

* * *

Пусть это тебе не покажется странным,
Но мне помогла непонятная сила.
И я на душе наболевшие раны –
В конечном итоге – вполне залечила…

Теперь я порой вспоминаю без боли,
Без прежнего трепета – наши свиданья,
Другие нам ныне назначены роли.
Отбыта повинность, и отданы дани.

Годов череда, что стоит за плечами –
Весьма охлаждает сердечные муки.
Но всё же по-прежнему снятся ночами
Тоска и терзания долгой разлуки.

Когда отдыхает сознанье и воля,

И плеск подсознанья намного слышнее –
Я корчусь во сне от пронзительной боли –
И ты всех дороже, нужней и роднее…
* * *
А зима ещё вернётся, и не раз
Ошарашит нереальной белизной,
Затуманит яркий свет горячих глаз,
Отогретых приблудившейся весной.

Я купилась – ненадёжному теплу
Враз поверила – святая простота.
И теперь зиме – вовек не уступлю
Ни улыбки, ни словечка, ни листа…
* * *
А любить-то умеет не каждый,
Так, чтоб не было сердцу покоя…
Скажем, страстью пылать – не однажды,
Это, в сущности, дело другое.

Где влюблённость, где пыл возбужденья –
Далеко не любому понятно.
Но для них не имеет значенья:
Лишь бы было легко и приятно.

А любви драгоценное пламя,
Даже если она – без ответа,
Никогда не угаснет с годами,
Словно магма в глубинах планеты.
* * *
Не на лайнере круизном,
Где забота и уход,
Мы с тобой плывём по жизни –
А совсем наоборот.

Не ласкает нас с тобою
Тёплый летний ветерок –
Каждый день даётся с боем:
Далеки и порт, и док.

На ходу борта латая,
Скромно движемся вперёд.
Может, вывезет кривая,
Может, вовсе завезёт..

Наша утлая лодчонка:
Уж, такая – да своя,
Не спешит на финиш гонки,
В отдалённые края.
* * *
Свечерело… Словно, между прочим,
Как бы: смертью – смерть саму поправ,
Сквозь промозглость злой весенней ночи
Уловила ароматы трав.

Будто март – на миг дохнул июлем…
Чудеса: ведь снег сошёл едва,
Почки – ни листа не развернули,
И почти безжизненна трава.

Странное явление природы…
Так и у меня, почти седой,
Невзирая на большие годы,
Голос – неизменно молодой.
* * *
В Питере – весенний дождик ломкий,
Первая господняя роса…
А в Москве – опять метёт позёмка,
И заледенела полоса.

В светлом холле аэровокзала –

Неуютно… Кто здесь правит бал?
Хорошо, что вовремя сказала,
Чтобы не встречал, а дома ждал…

Час за часом отмеряет вечер,
Отнимая хваткою рукой
Сладкие минуты нашей встречи –
Без того, коротенькой такой.

Говорят: о скорости мечтаешь –
Покупай билет на самолёт.
А приехать вовремя желаешь –
То на поезд – вряд ли подведёт…

Каждый знает: ждать не очень сладко…
Объявили вылет наш, и вот
Рейсом по маршруту: взлёт-посадка –
Наконец, отправлен самолёт!
* * *
Среди своих серьёзнейших забот –
Ты снизошёл и уделил внимание…
Ведь это ты – моя, по жизни, мания,
От всех отрав – привычный антидот.

И вдруг – такое счастье – я нужна!
И я могу сгодиться хоть на что-нибудь:
Весенний день, и тучки ходят по небу,
И мерно плещет невская волна.

А я жилетка – мне не привыкать –
А впрочем, для тебя – на всё готовая,
Стерплю сердитый взгляд и злое слово я,
А будет надо, грудью встречу рать…

Мне так светло в сияньи глаз твоих,
И пусть суббота вовсе не кончается…
Окончится – я снова буду маяться
И напишу немного грустный стих…
* * *

Не знаю, вернётся ли жизнь человечья
На круги своя?
А может быть, ждёт нашу шею овечью
Конец бытия?

Иль я огорчаюсь напрасно, и будет
Во веки веков
Крутится земля, и останутся люди,
И мир наш таков,

К какому привыкли за многие веки,
Который родным
Давно уже сделался для человека,
Чей сладостен дым?…

Так хочется думать, что снова вернётся
Осмысленный взгляд,
И будет избыток хороших эмоций –
Столетья подряд…

Беру в подкрепленье наивность и веру
В благие дела,
Чтоб яркой и пёстрой, не мрачной и серой
Планета была.

Но тает источник наивности этой
В кипении дней…
Вращаюсь синхронно с безумной планетой…
Нет, даже быстрей.
* * *
Что этот мир не уготован для веселья,

Я поняла, признаюсь вам, уже давненько.
Всего надёжней – приспособленная келья,
И должен шапку по себе готовить Сенька…

Нам указали свой шесток, своё болото,
А значит, нечего пыхтеть и суетиться.
Бурлящий мир – источник стресса до икоты,
И сердце бьётся, как подстреленная птица.

Ночные крики за окном – итог безумий.
Потухли яркие огни, не жди оваций.
Всё больше поводов для горестных раздумий:
И смерть страшит, и жизнь страшит – куда деваться?
* * *
Стихи и стихия – похожи?
Иль это созвучье случайно?
В стихах – воплощается тайна,
И сила огромная – тоже.

Иначе стихи б не звучали,
Не жили на свете веками.
Но есть упоенье строками,
Возникшее где-то, вначале.

Влекущее сердце к истоку,
И этим – родное стихии.
А мысли, как ветер лихие,
Подвластные, разве что, року –

Ложатся, послушные, в строчку,
Стабильность в веках обретая…
Такая игра непростая:
От звука – до буквы – до точки.
* * *
Календарный год – совсем короткий
Срок – по историческим размерам…
Выпить что ли? Только нет той водки,
Что вселит любовь, надежду, веру.

Даже не поднимет настроенье:
Будет голова болеть спросонья.
И ещё сильней охватит ленью,
И поганой перегарной вонью.

Не поможет водка – точно знаю,
Потому – не пью – товар не порчу.
Март… Придётся подождать до мая –
Может, веселей гримасу скорчу…
* * *
Лишних слов потратить не пришлось –
Было всё и так вполне понятно.
Как всегда, надеясь на «авось»,
По кривой вернулись мы обратно.

Хороши цветы в чужом саду,
Но страшна «гроза в начале мая»,
По кривой я больше не пойду,
Никуда не выведет прямая.

Жили дома, будто бы в гостях:
Ничего, по сути, не успели.
Шли дороги в разных плоскостях –
Потому скрестились параллели.
* * *
Наверно, характерны для любви:
Волнения, сомнения, печали –
И под конец, как будто бы вначале,
Томление в бушующей крови.

Наверно, характерны для весны

Внезапные порывы настроенья:
То вдруг энтузиазм и вдохновенье,
То дни мои уныния полны.

Наверно, характерно для меня:
Всё поверять, не принимать на веру.
И всё ж за днём, неумолимо серым,
Идёт сиянье солнечного дня.

Наверно, характерно для людей:
Надеяться на завтрашнее чудо.
И я прошу у будущего ссуду:
Храни меня и обо мне радей!
* * *
Зеркало разбилось? Отойди,
Не смотри в блестящие осколки.
Сердце вновь колотится в груди,
И опять, мне кажется, без толку.

Струны оборвались – не жалей,
На одной сыграешь, если надо.
Голова опять полна идей,
Часто и сама я им не рада.

Силы нет? И чем себе помочь?
У кого выспрашивать совета…
Может быть, уйти в глухую ночь
И бродить в тумане до рассвета?

Добродить до первых петухов,
И поняв бессмысленность скитаний,
Закопаться в ворохе стихов,
Отдохнуть от бешеных метаний.

И не глядя, выбросить в ведро
Острые зеркальные осколки.
И спросить совета у Дидро
Или у Вольтера, взятых с полки…
* * *
Окутала акация свеченьем
Аллею возле дома твоего.
И сердца сумасшедшее биенье
Всё поглотило – больше ничего

Не слышно сквозь бушующие звуки
Тамтама в очумелой голове.
Возьмите моё сердце на поруки,
Пустите пробежаться по траве,

Прошелестеть песком на узком пляже,
И броситься в объятия волны…
И тишина накроет так, что даже
Мне звуки сердца станут не слышны.

Я поплыву, привычно разрезая
Волну ритмичным выбросом руки…
Покажется: я снова молодая,
И все мои печали далеки.
* * *
Бытовухой, работой, любовью
Наполняем бурлящие дни.
И пытаемся многое сразу
Охватить, и за жизнь зацепится.
А когда не хватает здоровья,
И когда остаёмся одни –
Вспоминаем не громкие фразы,
А родные, забытые лица…

Благоденствие видя в достатке,
Не щадим живота своего,

Добывая излишние блага –
Бесполезные, в сущности, вещи.
А подводим итог – и в остатке:
Да, по сути, почти ничего…
Рассосалась былая отвага
Под напором пинков и затрещин…

И поймёшь в ожиданьи финала,
Остывая, как в печке зола:
Наша жизнь – до смешного мала.
И ещё быстротечнее стала.
Если б молодость что-либо знала,
Если б старость хоть что-то могла…
Шли бы лучше земные дела,
Было б легче достичь идеала.
* * *
Кого-то золото влечёт,
Кого-то – Млечный путь.
Кому-то деньги и почёт,
Другому: как-нибудь.

Была бы неба синева
Над самой головой,
Легко звучащие слова,
Ночного ветра вой.

Его душе – открыт простор,
А тело – лишь сосуд,
От этих пор – до этих пор…
А там – господний суд,

А может, просто ничего:
Не свет, не рай, не ад…
Никто не видел никого,
Вернувшимся назад.

Мы на земле – решать вольны,
Какой дорогой плыть,
Ловить напор какой волны,
Кого и как любить.
* * *
Мне март показался маем,
Так щедро тепло даря,
И лучиками сверкая
На чётках из янтаря.

В графина стеклянной грани
На время застыл закат.
Но это тепло обманет,
Как чей-то лукавый взгляд,

Что сладок, как горсть черешни,
Рассыпанной по столу.
Не верьте словам поспешным
И мартовскому теплу.
* * *
Есть своё очарованье
Даже в мокром межсезонье:
Первых трав произрастанье
На невысохшем газоне.

Клейких почек набуханье,
Соков раннее броженье,
Всё – в неясном ожиданьи,
В неосознанном томленьи.

Лёд, шуршащий под мостами,
Море солнечного света.
И сиденье над листами
С недописанным сонетом…

* * *
Встают над миром утренние зори,
И мы встаём, грядущему назло.
И мир свой называя: лепрозорий,
Уже не чаем, чтобы повезло.

А где-то, в ограниченном пространстве,
Больные лепрой – пасынки судьбы…
И доктора, с завидным постоянством
Несут свой крест: упорства и борьбы.

Они – из поколенья в поколенье –
Не ожидая званий и наград,
Терпимость проявляя, и терпенье –
Собою подпирают двери в ад.

Давая облегченье и надежду
Для тех, кто может ослабеть в борьбе.
Года, века, сегодня, как и прежде,
Порою, забывая о себе.

А мы – грызём друг друга без стесненья,
Взрываем и сажаем на ножи:
Не слишком-то удачное сравненье
Для мира равнодушия и лжи.

Да лепрозорий – может райским садом
Нам показаться – стоит лишь сравнить.
Превозмогая наступленье ада,
Учась любого ближнего ценить,

Там чувствуют страдальцы и изгои –
Товарища надёжное плечо.
Придумайте сравнение другое,
А лепрозорий – вовсе ни при чём.
* * *
Из хаоса возникшим светом
Всё объясняется привычно,
Но если думаешь об этом –
Идея слишком фантастична.

Теория большого взрыва –
Увы, настолько же туманна…
И то, и то – звучит красиво,
И то, и то – довольно странно…
* * *
Порою, утомителен и даже
Безрадостен, бесцветен и безлик
Клочок родного русского пейзажа,
Знакомого из жизни и из книг.

Обычно это видится зимою:
Белёсая равнина пред тобою.
И лишь будылья многолетних трав
Торчат, своею смертью смерть поправ.

Избушки – кособокие старушки,
Чернея, притулились у опушки
И доживают свой печальный век.

А чуть правей – ракита молодая,
К стеклу ручья ветвями припадая,
Торопит зимних дней унылый бег.
* * *
По ходу исторических процессов
Произошло на памяти людской
Немало угрожающих эксцессов:
К примеру, вроде язвы моровой.

И каждый раз, наверное, казалось,

Что всё, пора, пришёл конец всему…
Но, зацепившись, в сущности, за малость,
Народ плодился, побеждая тьму.

И выживал, на самой грани света.
Но уступал разнузданным страстям…
А ранее огромная планета,
Сжималась, покоряясь скоростям.

И в нас самих заложена угроза,
Становится опасен божий дар.
Рисует беспросветные прогнозы,
Лавиной нарастающий кошмар.

Так хочется поверить, что сегодня
Остался шанс… Но он предельно мал.
И видимо, кому-то, да угодно,
Чтоб вскоре апокалипсис настал.
* * *
Столько было всего –
Бесконечной цепочкой событий
Вьётся кружево лет –
Ненавязчиво тянутся дни.
Не упомнишь того,
И хотите ли вы, не хотите,
Только в памяти нет
Тех мгновений, когда мы одни.

Рядом с нами всегда
Кто-то близкий, а может, и дальний.
Отзвучит монолог –
Диалог остаётся в сердцах.
И минуют года,
Но мелодией исповедальной
Льётся музыка строк,
И звучит, не смолкая, в веках…
* * *
Держу сарказм в узде, кошу под лирика…
Эх, сочинить бы, вроде панегирика,
Какой-нибудь восторженный стишок…
Но нынче это дело – слишком трудное –
Не то, чтоб жизнь совсем уже паскудная,
Но многое – способно вызвать шок.

Перечислять? Побойтесь Бога, надо ли?
Стервятники, охочие до падали,
Посмотришь: позасели там и тут.
А тех, кому пристало стать иконами,
Так искренно любимых миллионами –
Вперёд ногами всё несут, несут…

Леса, дороги, реки и селения –
Скупаются под частные владения.
Нам скоро будет некуда шагнуть.
И те, кто в темя Богом поцелованы,
Прокрустом будут чётко калиброваны –
Как классики сказали: «Мрак и жуть!»

И не сдержать в узде сарказм с иронией,
Пока ещё не всё мы проворонили,
И не на каждом лбу горит печать.
А сердце так и мечется испуганно,
Болит душа о Родине поруганной –
От этой боли хочется кричать.
* * *
Не знаю, право, как другие
Решают для себя вопрос.
Меня ж терзает ностальгия –
Давно, надолго и всерьёз.

Ложится на сердце остуда,
Среди лесов, среди полей:
Я не уехала отсюда –
Не стало Родины моей.

* * *

Я думаю, правила жизни – всех прочих святей –
У худеньких, маленьких и полуголых пигмеев,
Что лечат слоновьим навозом себя и детей,
И ходят по джунглям босыми – мы так не умеем!…

А мы окружаем себя изобильем вещей,
Пытаясь украсить мелькание дней быстротечных.
И чахнем над златом, как будто бессмертный Кощей,
Не помня о том, что, на самом-то деле – не вечны.

Забыли о том, что природа единством сильна,
И глупо считать, что сумеем управиться сами –
Зависим во всём от неё. А теперь, и она
Зависит от силы оружья, накопленной нами…

* * *

Миллиардеры, в гонке за экстазом,
Стремятся в Космос, денег не жалея.
Туда, где люди не были ни разу –
Наверно, интересная идея.

Когда приелось всё и всё доступно,
Другого ничего не остаётся.
И даже вклад, невероятно крупный,
Не вызывает никаких эмоций.

Увидеть всё из Космоса – воочью –
Для некоторых, несомненно, чудо…
А я во сне летала, прошлой ночью,
И этих впечатлений – не забуду!

* * *

Как это вышло, что ночь перестала быть тихой?
Я-то, понятно, бессонницей нынче страдаю.
А вот другие, паркуясь под окнами лихо,
Явно средь ночи совсем не хотят баю-баю…

Не затихают на улице гулы моторов,
Пьяные вопли слышны во дворе до рассвета…
Если так дальше пойдёт, усмиряя свой норов,
Я перестану внимание тратить на это!

* * *

Помнишь, как в скворечнике мансарды
Развевались ветром занавески?
Мы с тобой играть садились в нарды,
Приводили довод, очень веский:

Дескать, карты, это даже стыдно,
Шахматы, пожалуй, сложновато,
Шашки тоже, вроде, несолидно,
Нарды – интересно, и без мата!

Утомившись летнею жарою,
Мы неслись к извилистой речушке
С тёмною, прозрачною водою,
Забывая нарды на подушке…

* * *

Что бренность наших дней –
Пред ликом Вечности?…
Мы дети перед Ней,
В своей беспечности.

Теряем день за днём,
В пустом кружении.
Вот так мы и живём –
В изнеможении.

Природа свысока
Глядит, великая,
Как Времени река
Сверкает бликами.

А нас она слепит,
Очки – в наличии…
Имеем бледный вид –
Перед величием.

Когда приходит срок,
Дрожим и каемся,
Какой-то там итог
Подбить пытаемся…
* * *
К нам недавно вернулись назад
Самозванные батьки-расстриги…
А в капстранах – веками подряд
Поощрялось засилье религий.

Почему же разврат, как чума,
Наползает из стран капитала –
Тут тебе и сума, и тюрьма,
Будто нам – экономики мало?

Поминаю всю свору чертей –
Вот уж, истинно: «Всё на продажу!»
Сексуальное рабство детей –
Трудно выдумать что-либо гаже…

Не в каких-нибудь диких краях,
Что не видели Истины света…
Настигает насильственный крах
Беззащитную нашу планету.

Сексуальное рабство детей,
Это вам не утечка бензина –
К европейской системе страстей
Самостийно идёт Украина.

А за нею – и мы, москали,
Отставать в этом деле – не гоже…
Топчем светлое лоно Земли,
Словно мерзкую пьяную рожу…

«Сексуальное рабство детей» –
Резанули слова из эфира…
Это – хуже их ранних смертей.
А, по сути – крушение мира.
* * *
Решать вопросы не путём бесед,
А – бычьей, лобовой, фатальной сшибкой –
Равно: навлечь десятки новых бед
На этот мир, поколебимо-зыбкий.

Поднаторевши в жизненной борьбе,
Всегда встречаю с доброю улыбкой
Наличие иронии – к себе
И дар – уметь признать свою ошибку.

Не многим впрок сей жизненный урок:
Судить самих себя предельно строго,
Когда не получился диалог,
А только – два красивых монолога!…
* * *
Весна случилась неожиданно,
Зима продлилась пару месяцев.
Такого ранее не видано,
Природа дразнит, шутит, бесится.

Погода в марте – просто майская,
Что будет дальше – Богу ведомо:
Не то наступит нечто райское,
Не то потом аукнет бедами…

Такое странное явление
Чревато вескою дилеммою:
То ль наслаждаться потеплением,
То ль загружать себя проблемою?…

* * *

Торопится день отдохнуть под прикрытием ночи,
Больная душа зависает в мятущемся сне,
Но чтоб полегчало под утро – так это не очень –
Пора обострений любому грозит по весне.

А каждый из нас – это плотный комок ощущений,
И как ни крути, но у каждого правда своя.
И как ни проси – не напросишься в жизни прощений,
В тисках бытовухи – утерян простор бытия.

И редкий из нас не погряз в суете эгоизма,
Поскольку свой струп вечно саднит намного больней,
И как ни старайся – но грань твоей собственной призмы
Всегда искажает реальный порядок вещей.

И вовсе не каждый в своей круговерти стремится
Чуть-чуть объективней на мир посмотреть иногда.
Нам застит глаза розоватым туманом амбиций,
Который слегка разгоняют ветрами года…

В строю журавлей мы не видим пока промежутка,
Его кто-то раньше заполнил – своею душой…
Порою, до дрожи в коленях, становится жутко –
Насколько легко возникает просвет небольшой.

* * *

Приблизился заветный переход,
На час вперёд, а значит, ближе к лету.
Преддверие рассвета не даёт
Проспать до настоящего рассвета.

Но есть и плюсы: чувствую – жива,
Поскольку ощущается ломота…
А в голове рождаются слова –
Похмельная замена антидота.

А значит – ощущенья продлены:
С утра, пока – несильно, ноют ноги,
И чувство неоправданной вины,
И лёгкое томление изжоги.

Огонь души – не погасить водой,
И не замыть следы чужого пира.
Но на волнах рассветного эфира
Парит душа, не купленная мздой.

* * *

Ах, молодёжь, с наивностью считая,
Что мы, немолодые, к юной стати
Лишь завистью терзаться и способны,
Нас уязвить пытается порою…
О, простота, смешная и святая!
Завидовать? С какой же, право, стати?
Дивясь недальновидности подобной,
Не притворюсь и истины не скрою.

Сомненья ваши сразу успокою:
Чему же тут завидовать, ребята?
Со мною всё, что нажито за годы,
У вас же – впереди ещё утраты.
А радости мои – всегда со мною,
Всё, чем обделены и чем богаты –

Весь капитал: вложенья и доходы…
А молодость – ошибками чревата.

Уж, если и завидовать кому-то,
Хоть с юности мне зависть – не по нраву,
Так это старикам, совсем глубоким,
Себя несущим поступью надёжной,
Чьих действий не стреноживают путы –
Их каждый день – достался им по праву.
И лишь бы не остаться одиноким –
Не тосковать в ночной тиши тревожной.
* * *
Тебе не надо больше ревновать
Не надо сомневаться: или-или…
И в позу оскорблённую вставать…
Теперь, когда его – похоронили.

И раньше-то напрасно ревновал,
И не хотел понять глубинной сути:
Катился по судьбе девятый вал,
Лишённый грязи, мусора и мути.

Во мне напрасно сомневался ты,
Но что же делать, знаем, что довольно
На мудреца бывает простоты…
Но мне-то и сейчас немного больно…

Что не на то порыв своей души
Растрачивал годами понапрасну.
Ведь были отношенья хороши,
А быть могли – воистину прекрасны!
* * *
Люблю края, где ранняя весна,
Где в феврале миндаль уже в цвету.
А у меня под окнами сосна –
Её пока что – видно за версту.

А летом – в буйной зелени листвы
Теряется игольчатая прядь.
А мне бы к морю – дивной синевы –
Сиреною певуче зазывать

К себе – неосторожных рыбаков,
Чтоб помнили обманчивость волны…
Но климат наш по-прежнему таков:
Пока лишь песни зябликов слышны…

А мне бы надо косточки согреть
На южном обжигающем песке…
Лёд на реке сошёл едва ль на треть –
И я брожу по берегу в тоске…
* * *
Растворило февральских белил чистоту
Акварелями марта, апреля и мая.
В ярких пятнах гуаши – деревья в цвету,
И разлив луговой, и прохладного гая

Светотени, струящийся маслом восход,
Краски осени – тоже, конечно же, масло.
Неспокойное море, кипение вод –
Это темпера, чтобы заря не угасла.

В карандашных штрихах городской силуэт,
Это сумерки в нём затемнили пространство,
Чуть намечен сангиной – оконный просвет…
Переменчивых средств – глубина постоянства.

А на кончиках пальцев – пастели искусство –
Я рисую любовное нежное чувство.
* * *

Мы, наверно, всё же виноваты,
Не встречаясь с близкими людьми…
И ложатся на сердце утраты,
Как удары хлёсткие плетьми.

Не звоним, не видимся – годами,
Только помним, думаем… И вдруг
Узнаём, что он уже не с нами.
А тебе всё было недосуг…

Обухом внезапно по затылку…
Да и впереди-то у самой
Остаётся жизни с пол-обмылка…
И потянет яростно: домой!

К маме в позабытые объятья,
Под крыло натруженной руки,
Ощутить знакомый запах платья,
Пожалеть, что были далеки…

Теплый бурый плед из шерсти ламы,
И торшера красноватый свет…
Только нет уже на свете мамы,
И отца, и дома тоже нет.

Не разделишь с ними боль утраты –
Давит: неделима и остра.
А на сердце прочные заплаты
Не наложат даже доктора…
* * *
Отбурлил разлив реки безбрежный,
И вода вернулась в берега.
И расцвёл на пойме ирис нежный,
Украшая сочные луга.

Словно это Дядьки Черномора
Строем из воды выходит рать.
Желтовато-синие узоры
Можно, по-японски, созерцать…

Срезанный и вянущий в букете,
Он не дарит прелести такой,
Как в неярких бликах, на рассвете,
Над угомонившейся рекой.
* * *
Летят, летят стремительные ветры
Навстречу мне, навстречу мне.
И стелят путь шальные километры
По целине, по целине…

А мне от жизни вовсе и не надо
Других дорог, других дорог.
Мне сам процесс движения – награда,
А не итог, а не итог.

Мелькают мимо окон – полосаты:
Столбы-столбы, столбы-столбы…
Приму дары, уроки и утраты
Я от судьбы, я от судьбы.

Я всё в пути увижу и замечу –
Не пропущу, не пропущу.
И пусть судьба откладывает встречу –
Я не грущу, я не грущу.

Синхронен с сердцем ровный гул мотора –
И я пою, и я пою.
Хватило б только ветра и простора
На жизнь мою, на жизнь мою…
* * *

Раскрошилась земля, и над самой водой
Оголённые корни повисли…
Я – один на один – с неизбывной бедой,
В голове, словно сполохи, мысли.

Обсуждать эту боль с дорогими людьми –
Только множить страданья зеркально.
Это ж ясно и так, что у нас, чёрт возьми,
Только с виду всё, вроде, нормально.

Мы мотаем судьбою назначенный срок,
Непосильной обложены данью.
А земля навсегда утекла из-под ног –
Потому не хватает дыханья.

* * *

Мы можем проложить пути-дороги
По принципу немецких автобанов.
Хотя, конечно, люди, а не боги,
И с неба только дождик, а не манна.

Мы можем расстараться – и развязки
Построить, чтобы пробок не бывало.
Чтоб по асфальту мчаться без опаски,
И успевать от корабля – до бала…

В стране наступит рай автомобильный –
Но всё равно старанья будут мимо,
Поскольку люди вовсе не всесильны,
И главная беда – неустранима…

* * *

Обезьяна, волчица, лисица, собака, медведица –
За детёнышей – глотку любому готовы порвать.
На помойку – дитё и – к хмельному столу присоседится –
На такое способна бывает лишь – женщина-мать…

Обвиняем волков в самых страшных и злых прегрешениях:
Дескать, вырежут сотню овец, забирая одну…
А соседний народ обрекается на истребление –
Под нелепым предлогом: допустим – что «гонит волну».

Наши меньшие братья, как данность, встречают мучения,
За инстинкт основной не щадя живота своего.
Только людям дано размышлять о своём назначении –
Но об этом-то люди и думают меньше всего!…

* * *

Я лечу к небесам и спускаюсь на самое дно,
Достаю жемчуга, за звездою гоняюсь падучей…
Это в мире актёрском всё спорят и спорят давно:
Проживать ли, играть свою роль? И решают, что лучше…

Ну, а я, для себя, поняла уже очень давно:
Ты со мною живи каждый день, а игрою – не мучай.
Наша жизнь – не кино, но похожа она на кино,
Как ни жаль, очень много решает Величество Случай…

Становлюсь временами бесчувственной, словно бревно,
Что плывёт по бурлящей реке, избегая излучин.
Убеждаюсь: не каждому это по жизни дано,
Понимать, что наш мир недостаточно полно изучен.

Если только смотреть – и тогда впечатлений полно,
И не надо завидовать тем, кто удачно «раскручен».
Будем плакать от боли, смеяться тому, что смешно,
Хоть над нами сгущаются самые грозные тучи.

Дайте света побольше, уж очень сегодня темно,
Под ногами – невидимый край оползающей кручи.
В море знаний, рождающих скорбь, выбираю одно:
Лучше ливень шальной и короткий, чем дождик тягучий.

* * *

Все мы знаем: асфальт пробивает упорно трава –
Такова животворная сила весенней природы.
И любовь человека по сути своей такова,
Только силу свою простирает на долгие годы.

Если это, конечно, любовь, а не жалкая дань
Сонму смертных грехов – да не будут помянуты к ночи.
Если это – любовь, не дешёвая пошлая дрянь,
Не пустая игра и не лёгонький флирт – между прочим.

Разучились любить в нашей попранной всеми стране,
Занимаясь любовью в традициях лент Голливуда…
А зелёный росток пробивает асфальт по весне,
Но не многие могут сейчас оценить это чудо!…

* * *

Мы переворотов не готовили.
Потому – в душевной простоте –
Относились к старине ли, к нови ли –
От души – совсем не так, как те,

Кто корысть одних, наивность искренних –
Запустили в страшный барабан.
В грохоте высказываний выспренних,
Развалили на десяток стран

Родину. Страну, где уважением
Не был обделён рабочий люд.
Где почёт и все вознаграждения
Доставались за упорный труд.

И пока в условиях немыслимых
Выживал обманутый народ
И ценою трудностей бесчисленных,
Яростно карабкался вперёд –

Хитрецы – сумели и оттяпали,
Каждый по хорошему куску.
Ну, а те, кто признаны растяпами –
Могут водкой заглушать тоску…

* * *

Ни сестёр и ни братьев –
Одинока, как перст…
Словно шёпот заклятья,
Прокатился окрест.

Где, по крови, родные,
Да, ещё б – по душе?
Облака кружевные,
Тонкой нити краше –

Раскидало по свету,
Развело навсегда.
Ни ответа с приветом –
Вот такая беда.

Где-то зависть, обида,
Где – случайный мотив.
Хоть бы раз, да для вида,
Догадались зайти.

Не завалятся в гости
Тётя, дядя и брат…
Вразнобой, на погосте
Сиротливо лежат.

И сама виновата:
Тщета, суета…
Но за все свои траты
Я плачу по счетам.

И кричу не впервые –

Бесполезно? Бог весть.
Отзовитесь, живые,
Покуда мы здесь!…

* * *

Понимаю, что всё совершенно не так –
Он не умер тогда, четверть века назад.
Он глядит на страну сквозь сгустившийся мрак,
И остёр, как и прежде тот пристальный взгляд.

Я прошу, не по датам: рожденье и смерть –
Вы читайте и слушайте песни его.
Он – сегодня живущим – поможет прозреть,
Тем, кто сам не увидел пока ничего.

* * *

Зло у нас засело повсеместно.
И живётся радостнее тем,
Кто тупым воспитан иль бесчестным.
Вот уж, никаких тебе проблем,

Или угрызений… Ну, откуда?
Там, поди, и совести-то, нет…
Ну, а мы, упорно веря в чудо,
Всё увидеть силимся рассвет…

Всё яснее и слышнее стоны
Изо всех концов родной земли,
Мы уже устали бить поклоны:
Хоть варяги, лишь бы помогли…

Честь и долг сегодня не в почёте,
Никому не нужен здравый смысл.
Может, нас по крошкам соберёте,
Дорогой товарищ Гостомысл?

К сожаленью, видим перспективы:
Глухо, мутно, как в немом кино.
Устарели все аккредитивы,
Только всё же нами решено:

Будем мы, пока ещё мы живы –
Оптимисты, хоть самим смешно…
Потому, что нам альтернативы
Никакой, в помине, не дано!

* * *

Совсем иным когда-то был мой смех,
Трепало ветром не седые волосы.
И расцветали раньше, чем у всех,
В моём саду такие гладиолусы,

Что в электричке пялился народ:
Поскольку – не сезон, и тем не менее.
А просто – я любила огород,
Ну, и цветник, конечно, без сомнения.

Я просто знала, чувствовала срок,
Когда земля готова к возрождению,
И высаженный корень – даст росток –
И будет сильным каждое растение.

Не изучала кучу мудрых книг,
Тем более, журналы новомодные,
А пяткой, как сермяжный тот старик,
Определяла сроки ежегодные.

Вознаграждались тяжкие труды –
Со щедростью, поистине, космической:
Теплом прогретой солнцем борозды,
Слиянием с природой – фантастическим.

* * *

Пейзаж с полуразъезженной дорогой:

Лужок, а справа – жесткая стерня.
И вилы, позабытые у стога.
Туманный вечер пасмурного дня.

Уже недальний лес, за полем, справа,
Сливается сплошною полосой,
А дождик неглубокую канаву
Наполнил мутноватою водой.

И что я позабыла на дороге –
Промокшая, в предсумеречной мгле,
Где до лодыжек увязают ноги
В раскисшей, бурой глинистой земле?

И отдаёт невыносимо-древним,
И холодок рождается внутри…
Но, слава богу, ближняя деревня,
Неяркие включила фонари!
* * *
Мы совпали по жизненной фазе, и нам довелось
Разделить с нашей Родиной страшные дни роковые.
И теперь между нами натянуты струны живые,
Даже если судьба нас давно раскидала поврозь.

Мы друг другу смотрели открыто в глаза, и всегда
Понимали, где правда, где ложь, одинаково чётко.
Даже если черпала забортной воды наша лодка,
Мы гребли сообща, и от нас отступала беда.

Вот и снова весна расцвела – это значит, с зимой
Мы управились вновь, несмотря на немалые годы.
Наш играет оркестр, хоть уже и в предчувствии коды –
Мы ещё повоюем, пусть даже со смертью самой!

Поглядим же в глаза, улыбнёмся друг другу опять:
Будет новый рассвет, будет солнечный день, будет пища!
После бурного ливня травой зарастёт пепелище.
Мы закалку прошли – нас так просто, руками, не взять!
* * *
В масштабах человечьего пространства,
В общеньи, без которого – никак,
Всего важнее чувство постоянства,
Всё остальное, в сущности, пустяк.

Всего важнее – твёрдая опора,
Надёжная и верная рука –
Тогда вполне возможно сдвинуть горы,
И даже если ноша нелегка –

Уверенность в товарище – порука
Успеха в начинаниях любых.
И даже жизни сложная наука –
Даётся не сложнее всех других.

И как бы ни пришлось на свете туго,
Куда б ни повернуло колею,
Всего важней – иметь такого друга,
Что не предаст уверенность твою.
* * *
Луг – не луг, и пустырь – не пустырь,
Много зелени всякого сорта.
По тропинке, в ботинках потёртых
Я иду. Впереди – монастырь.

По обочинам тропки – ивняк,
Лебеда, да созревший репейник.
Разбросал неизвестный затейник –
Что попало, везде, кое-как.

А тропинка гудит под ногой –

И гудят от усталости ноги…
Так выходит: подводит итоги,
За меня – вечно кто-то другой.

Не умея продать – я дарю.
И не жду благодарности, просто –
По кустам человечьего роста
Я сама свою тропку торю.

А успею дойти или нет,
Я уже не узнаю, пожалуй,
Ну, да, ладно: вперёд – самый малый!
А встречающим – общий привет!
* * *
Бывает, так переполняют чувства,
Что подходящих слов не подобрать.
И, вроде, в голове не очень пусто,
Ряды сомкнула умственная рать…

А слова – нет, того, что не зазорно
В начале самом выпустить вперёд.
Того, что даже на задворках сорных –
Прекрасной белой лилией взойдёт…

Словечки есть, несутся торопливо,
Опережая даже мысль саму –
Но никому – не в радость, не на диво,
Да и, по сути, вовсе ни к чему.

А слово – вызревает постепенно,
Оно прорвётся – дайте только срок:
И приклонить захочется колено,
Узрев и чувств, и помыслов исток.
* * *
А что ещё писать – как будто, всё сказала?
Кругом так много слов, уже не продохнуть.
К тому же большинству, как вижу, дела мало,
Никто не хочет ждать, пока осядет муть.

Словесная река выносит на пороги,
И я боюсь, что мне их не преодолеть.
Смешно на полпути подсчитывать итоги –
А что там, впереди: то ль четверть, то ли треть?

Погода, как на грех, такая устоялась –
Сияют небеса, и воздух – знай, дыши…
Но настроенья – нет, совсем – такая жалость,
И ряской заросли излучины души.

Поплакаться в жилет? На жалость напроситься?
Уехать «к тётке, в глушь», упиться молоком?…
Но знаю, что «стране берёзового ситца»
Меня не заманить пошляться босиком.
* * *
От той ли простоты, что хуже воровства,
Хронический процесс словесного поноса
Рождает в головах слова, слова, слова,
Гудящие вокруг без толку и без спроса?

Становимся почти заложниками слов,
Не в силах промолчать. Закладывает уши…
И каждый норовит не пойманный улов
Порезать, посолить, поджарить и откушать.

Выдавливая желчь, слюною исходя,
Выискивая путь и извиваясь гадом,
Внимаем словесам негласного вождя,
Казалось, прём вперёд – а вот выходит: задом.
* * *

Кто понял, кто не понял суть событий –
Уже не так и важно, может быть.
Свершился факт: крутитесь, как хотите,
Повойте – если хочется повыть.

Мы все уже настолько обалдели,
Что нам теперь – смертельно всё равно,
Где нам предложат рай, на Колыме ли,
А может, в пресловутом Куршавеле –
И это всё за нас предрешено…
* * *
Нынче редко кому даже в голову это придёт:
Перед дамою встать, уступая дорогу учтиво.
И теряет последние проблески личности тот,
Кто вовсю потребляет подобное плесени чтиво.

Что заполнило нынче прилавки и полки лотков,
Утверждая победу, но только не здравого смысла.
Результат этой битвы жестокой сегодня таков,
Что без клюквы с лимоном – мгновенно становится кисло.

А хорошая книга, явившая миру труды,
То ль за авторский счёт, то ли просто каким-либо чудом –
Утопает в потоке блестящей цветной ерунды,
И попробуй, заметь, извлеки её после оттуда.

Снова юный рассвет над уставшей планетой встаёт,
Это зрелище многим – весьма отдалённо знакомо.
Мы не смотрим на небо – как будто подбитые влёт,
Наша жизнь, кое в чём, словно очень глубокая кома…
* * *
Когда изрядной дозой оптимизма
Настрой души пытаюсь подогреть –
Похоже на кормление из клизмы,
Чтобы не дать больному умереть.

Но это видно мне, другим – едва ли,
Надеюсь, что естественна вполне.
Со стороны едва ли угадали,
Насколько мне паршиво по весне.

«Листочек, развернувшийся из почки,
И птичий посвист, и ребячий крик…
Казалось, жизнь уже дошла до точки…
И снова возродилась в этот миг.»

Неплохо, правда? Мило, вдохновенно,
В струе, в потоке, в общем, на стезе…
Понятно, что не стану резать вены,
Мир отразив в нахлынувшей слезе.

И я скажу вполне определённо,
Хоть, в сущности, действительность страшна –
Со мною согласятся миллионы:
Так славно, что уже пришла весна!
* * *
Закат погас. И гости разошлись,
Но я держусь ещё довольно бодро.
И выйдя на индиговую высь,
Растущий месяц нам пророчит вёдро.

Небесный несговорчивый портной
По небу раскатал рулоны ситца,
То там, то сям проткнул его иглой,
Чтоб смог огонь небесный просочиться.

Дурманящие запахи свои
Во мраке расточил табак душистый,
И опьянев, шальные соловьи
Высвистывают серенаду Листа…

А может, и Шопена – не сильна
Я в классике, но музыка приятна.
Невидимо ритмичная волна
У берега шуршит, туда – обратно.

И к отражённой тянется звезде
Прибрежный холм, укутываясь в дымку,
Сливаясь с отражением в воде
И становясь в тумане невидимкой.

А может, это взгляд туманит сон…
Устали от бездарного старанья
Из предпоследних сил держать фасон,
Отсрочивать минуту расставанья…
* * *
От дарящих покой ночей
Остаётся одно название –
Правит сонмище палачей,
Не по службе, а по призванию.

Это наша ночная власть,
И её законы понятные:
Во дворах напиваться всласть…
И орать словеса невнятные.

Ни проветрить, ни продохнуть,
Ни расслабиться нам, ни забыться…
Не проложат сюда свой путь
Патрули хоть каких-то милиций.

Тем, кому по мозгам моча
Ударяет – гуляется славно…
Нет спокойствия по ночам –
А по божьим-то дням – и подавно.
* * *
Мелькают такие знакомые лица
Под сеточкой новых морщин.
Куда-то зачем-то теперь торопиться –
По сути, не вижу причин.

Глазею вокруг с философской усмешкой:
А надо ли было спешить?
Теперь, даже медленно, даже без спешки –
И то – утомительно жить…
* * *
Сижу и копаюсь в причинах
Старения – ранее срока.
И дело совсем не в морщинах,
А в жизненных горьких уроках.

И суть не в белеющих прядях,
Не в схватке с земным притяженьем,
А в том, что на мир этот глядя,
Порою борюсь с отвращеньем.

Давненько очки – посветлели,
Отвыкли от розовой краски.
Повсюду – то рифы, то мели –
Не выплывешь в мир без опаски.

Реальность полна напряженья,
Сродни переменному току.
Неверный шажок и движенье –
Шарахнет – и очень жестоко.

От этих-то мощных ударов,
Таящих урон и потери –
До срока становишься старой…
Количество лет – не критерий.
* * *

Я опять иду по морозу,
Ранним утром – на электричку:
Это стало уже привычкой –
Просто: жизненно-важной дозой.

Город спит, и народу мало,
А маршрут до тебя – далече,
Но без еженедельной встречи,
Полагаю, меня б не стало…

Прогреваю согретым пальцем
Замороженное оконце…
Не хочу я сегодня солнца –
Целый день – твоим постояльцем

От темна – до темна пробуду.
Мне рассвета – с тобой – не надо:
Ты мой праздник, подарок, чудо –
Незаслуженная награда!
* * *
Я тебя проводила на службу – печальное дело.
Как обычно бывает, когда провожают, любя…
В ожиданьи ребёнка – меняло пропорции тело,
Изнывала душа в ожиданьи тоскливом – тебя.

Я втянулась в процесс – бесполезно бороться с судьбою,
И крутись – ни крутись, а два года-то надо прожить.
И умела создать предпосылки для встречи с тобою,
Чтобы чуточку легче тебе становилось служить.

И, конечно, теперь вспоминаются с долею шутки
Ухищрения наши, читай: самоволки твои…
Отнимать у судьбы для общенья часы и минутки –
Это тоже, поверьте, особого рода – бои…

Я тебя находила по номеру воинской части,
Сквозь военные тайны, сводя офицеров с ума.
Всем хотелось принять хоть посильное в деле участье,
Не хватало помощников – я управлялась сама.

Мы проверить смогли и на собственной тоненькой шкуре,
Эту старую истину, будто любовь, как костёр…
Мы с тобой устояли в доставшейся жизненной буре,
Сохранённый огонь пронесли и до нынешних пор…
* * *
Скопище различных иномарок –
Их мирок по-своему красив:
Глянцев, утончён, изящен, ярок
И приятен, как аккредитив.

Есть крутые, есть – слегка пожиже,
Трепетна ль, уверена рука…
Исполняет функцию престижа
Или средства транспорта – пока?

Но не искушаюсь я «без нужды» –
Всё своим путём, всему свой срок.
Большинству людей – предельно чуждый –
Этот яркий красочный мирок.
* * *
Зазеленел у южных стен газон,
И воздух полон запахов шальных.
А значит, начинается сезон,
Который поприятней остальных.

Сезон, когда вольготно и тепло,
Когда на север к нам – приходит юг,
И мы, морозу зимнему назло,
Душой отходим от колючих вьюг.

Не то, чтоб летом не было проблем,
Или решалось всё само собой –
Но в изобилии сюжетных тем
Преобладает плюсовой настрой.

Яснее небо, яростней восход,
Тепла вода в протоке, на заре...
А новый год сменяет старый год –
И остаются – мушкой в янтаре.

А летом удивительна роса –
Сверкает на ворсинках стебельков,
И озорные птичьи голоса
Твердят, что мир по-прежнему таков,

Что стоит жить и не бояться зим:
Зима пройдёт – проходит в мире всё.
Поняв сама – смогу внушить другим:
Не черти крутят жизни колесо!

* * *

А мне уже не надо ничего:
Ни денег, ни почёта, ни оваций.
Но внутреннего мира моего
Я попрошу руками не касаться.

Я никого не стану убеждать
В его неправоте нелицемерной.
И стенку лбом не вздумаю бодать –
Но вот сама себе – останусь верной.

Дальтонику – расписывать закат,
И разноцветье радуги над лугом?
От этого – кто знает – подтвердят:
За разум – ум, и головёнка кругом.

И если поедающий гнильё
Причмокивает смачно и умильно –
Вольно ему! И дело не моё –
Бежать за тем, что нынче стало «стильно».

Мы не вернёмся в позабытый край,
И не войдём вторично в ту же реку...
Мне главное сейчас – прокукарекать,
А там – хоть вообще не рассветай!

* * *

Я не умею описывать чувства на уровне тела:
Прикосновенья, движения, ласки и трепет телесный.
Может, когда б захотела, возможно, и в том преуспела –
Всё-таки кажется мне, что движенья души – интересней.

Как ни крутись, изощряясь с годами в науке любовной –
Ты не во многом, поверь мне, от прочих других отличима.
Если же самая мысль – обострённа, как скрежет зубовный –
Значит – любовь налицо, а всё прочее, лишнее – мимо.

Раскрепощается мир, позабыв, что пучина разврата
Даже такую махину, как Рим, поглотить ухитрилась...
И не ссылайтесь на то, что мол, это всё было – когда-то,
И не надейтесь снискать себе новую божию милость.

* * *

Улыбнись!
Ты же видишь, как мечется лучик:
Вверх и вниз
По зелёным обоям в разводах.
Это жизнь –
Вот и нет уже на небе тучек.
Красит кисть,
Хоть и краски тускней год от года...

Одари
Меня ласковым взглядом, как прежде!
У зари
Ты румян одолжи – мне на щёки.
Не кори,
Что всё так же подвластна надежде –
Фонари
Освещают мой путь одинокий.

Нелегки
Те ночные шаги по проспекту,
От реки
К моему затемнённому дому.
Нареки
Меня кем-нибудь, странный мой «Некто»,
Вопреки
Всем другим, и кому-то другому…

***

Где накрыт был стол – там гроб стоит…
Спит Россия, бредом утомлённая.
Даже у богатых – бледный вид:
Знать, не так сладка икра солёная.

Стелется по пустошам зола,
Не растёт на них трава зелёная.
И блестят на солнце купола,
Там стоят толпой воцерковлённые.

Нам осталось с некоторых пор –
Тосковать душою, телом маяться.
И несёт Раскольников топор –
Чтобы было, в чём потом раскаяться.

* * *

Я натрудила ноги по сугробам,
Пока брела к тебе, сердечный друг.
Хоть раз бы сам пришёл ко мне – для пробы –
Так нет, тебе всё время недосуг…

А мне: досуг, и радость, и отрада
Делить с тобой свободные часы.
Не побоюсь чистилища и ада,
И принесу батончик колбасы,

Буханку хлеба, пачку масла, сыру –
Тебе, я знаю, нравится «Ламбер»…
Нам не к лицу с тобой беситься с жиру!
Я – дама, ты – мой верный кавалер.

И ты мне предлагаешь – для сугреву:
Бокал вина иль рюмку коньяка,
А я, с жеманным видом старой девы,
Божусь, что я не выпью ни глотка.

Потом, я не решаюсь сделать выбор,
И требую решительный совет,
И отказавшись, всё твержу: спасибо…
Ты не поймёшь: спасибо, да – иль нет?

Когда же я уже почти не чаю
Решить свои проблемы с головой,
Ты мне приносишь – просто – чашку чаю,
И я осознаю себя живой.

* * *

Усталость…
И, видимо, нехватка витаминов,
И солнечного света:
Окно на север – это
Лишь редко – отраженные лучи…
Осталось
Весны – немногим больше половины –

Потом прибудет лета
Зелёная карета –
Ну, а пока – нагрянули грачи…

Тоскливо…
И пасмурное нынче настроенье.
Зависим от погоды –
Такие вот уроды…
А нет бы – улыбаться под дождём.
Ем сливу –
Но не сырую – в баночке – варенье.
Друзья и антиподы…
Какие наши годы!
А лето – будет, ладно, подождём!
* * *
Материнских рук тепло живое…
На каких весах измерить груз?
Посланный любовью и судьбою,
Крохотный и лёгкий карапуз…

Как в года сложились те минуты,
Что недосыпала по ночам?
Привязали ласковые путы
Матерей к растущим малышам.

И пока ещё стучит тревожно
Сердце материнское в груди –
Рук её касайся осторожно,
Раны – без нужды – не береди…

Суета в момент обложит данью,
И годов завертит круговерть…
Ощутить тепло её дыханья –
Можно иногда и не успеть…
* * *
Я не зря не поверила ранней внезапной весне,
Зная цену теплу, ненадёжно пришедшему в марте.
Поснимали пальто, разомлели на тёплой волне…
Надо всё-таки помнить, что рядышком север на карте.

Так и есть, пробирает морозец в апрельские дни,
Зарядил снегопад, не скрывая лицо под личиной.
Перепады погоды – они настроеньям сродни:
То душевный подъём, то тоскливо без всякой причины.

Нам твердит оптимизм, что недолог возврат к холодам,
Только их пережить, возвращаясь в прошедшую зиму,
После свежей травы – вновь топтаться по белым снегам –
Нелегко, и опять наши нервы приводит к зажиму.

И всё чаще приходит шальная нелепая мысль:
Может, всё-таки стоит собрать по сусекам манатки,
Из умеренных зон, где когда-то на свет родились,
На тропический остров однажды сбежать без оглядки?
* * *
Никак не разомкнуть порочный круг:
Избыточно земное притяженье,
Приводит в изумленье и в испуг
Простейший акт – пешком передвиженья.

Чем меньше я хожу – тем тяжелей,
Чем тяжелей, тем меньше интереса
К разминке старых связок, мышц, костей –
К активному движенью, как к процессу.

Советам докторов внимаю я,
А выполненье их – проходит мимо…
Невыносима тяжесть бытия,
Сама – собой – с трудом переносима…

Ах, если бы проснуться как-то, вдруг:
Свежа, легка, бодра и динамична!…
Но мне, с моим подходом апатичным –
Никак не разомкнуть порочный круг.

* * *

Оттаяло… И стихшая обида
Остыла, отболела, улеглась…
Ещё чуть-чуть нахмуренно, для вида,
Сплетаю слов изысканную вязь.

Уже смеюсь над шутками, и снова
Припоминаю правила игры,
В которую всю жизнь играть готова,
Но усмиряю страсти – до поры.

И ты – с улыбкой – шествуешь со мною,
Мне преданный, но ветреный дружок…
И лишь в душе, под северной стеною,
Ещё лежит нетающий снежок.

* * *

В шорах, сбруе, подпруге:
Не увидишь ни зги…
Копошатся в испуге,
От мыслишек, мозги.

Наши мышцы – упруги,
Но повсюду враги.
В уши бьют «буги-вуги»,
И постны пироги.

То пыхтим от натуги,
То сбоим вполноги,
Где друзья и подруги?
Отзовись! Помоги!

Всей братвою – на струги,
И вовек не моги
Под житейские вьюги
Горевать от туги!

Пусть постромки и дуги
Не стесняют шаги.
Всё вернётся на круги –
Разойдутся круги…

* * *

Дана тебе одна дорога:
Пряма ль, извилиста ль, крута…
Себя суди не слишком строго,
Поскольку с чистого листа

Начать никто из нас не в силах.
Возможен только поворот –
И вновь тяни, как прежде, жилы,
Быть может, день, быть может, год.

Я не могу переиначить
Расклад улыбок и гримас,
И не переиграть, тем паче,
Не показать повыше класс.

Уж что случилось – то сложилось
В единый взгляд, в единый план…
Где Божий гнев, где Божья милость,
Где горный пик, где океан?…

Я не смогу раскрасить снова
Узор, набросанный судьбой.
Не вычеркнуть из песни слова –
Пойдёт разлад и разнобой.

* * *

Вновь с утра заботой сводит брови…
Окунулась в селевый поток –
В новостях – привычно – море крови.
Говорят: судьба, планида, рок.

Дескать, переменчива фортуна,
За бедой – удачный поворот…
По земле опять шагают гунны –
В самый раз уже – укрыться в дот.

Лучше – круговая оборона,
Лишь бы не скудел боезапас.
Тянет горьким дымом похоронным,
В направленьи каждого из нас.

Хочется уверовать в благое,
И в других поддерживать настрой:
Но посмотришь – все друг другу: гои,
Да и сам – себе, пожалуй, гой…

Или же – гяур, иль басурманин –
Написанье не меняет суть.
Главный бог на свете – это «мани» –
Тут уж, никого не обмануть.

Подсчитали скорбные убытки,
Где же ты, мой друг, товарищ, брат?…
Рухнули наивные попытки,
Этак, двадцать лет тому назад…
* * *
Ранний утренний час,
Но уже суета на проспекте,
Да и в душах у нас –
Суета, суета, суета…
Затуманенность глаз –
Как приспешники в некоей секте –
Совершаем «намаз» –
Суете… Простота, простота…

Мы встречаем друзей –
Чуть кивнешь – и бегом, за удачей.
На бегу – веселей,
Да и мысли – совсем далеко.
В тесном круге людей,
Как в буфете, стоим на раздаче:
Кто добряк, кто злодей,
Отличить впопыхах нелегко.

Отберёт наши дни
Кровожадный Молох незаметно.
Остаёмся одни
Посреди круговерти страстей.
Повернувшись, взгляни –
Там любовь – умерла безответно,
Как на вырубке пни:
Лишь страстишки различных мастей…
* * *

Всего лишь год тому назад
Звенели птички в пышных кронах –
Теперь в пределах автострад
Уныло каркают вороны.

Прединфернальную тоску
Рождают в сердце эти звуки,
Да так и просятся в строку
Башибузуки и базуки…

Легко корить за пессимизм,
Альтернатив не предлагая.

Но – назревает катаклизм,
Вся наша жизнь – уже – другая!

Где каждый – только за себя,
Где не спасает общий траур.
Мы привыкаем жить, скорбя
Лишь о судьбе рабынь изаур.

Мне кто-то скажет: нет войны,
И ни к чему мусолить сопли.
А вы вполне убеждены?
Вам не слышны страдальцев вопли?

А мне сдаётся, что ковчег
Себе уже строгают нои…
Сбоит времён ритмичный бег…
А может, это паранойя?

И на кусочки не дробят
Несчастной Родины просторы?
Пока мы не низверглись в ад –
Я вас прошу: снимите шоры!
* * *
Тот, кто честь от сует уберёг,
Знает строки из книжек забытых:
Что любому добру поперёк
Восстаёт психология «сытых»…

У которых рубаха своя –
Ближе к телу, не каплет над ними,
Для которых вопрос бытия:
Отыскать своё дойное вымя.

Те, чья хата всегда на краю,
Те, чьё дело, известно, телячье,
Продадут и Отчизну свою,
Лишь бы были машина и дача…

Лишь бы сытный кусок… А вокруг,
Хоть трава не расти, в самом деле.
Честь и совесть? Да попросту: звук,
И притом, доносящийся еле…

Да для этих: гори всё огнём!
Только б собственность их не задело,
Лишь бы их не затронуло дом,
Было б сыто холёное тело.

И бредут, не стыдясь никого,
По обочине торной дороги…
Дальше носа смотреть своего –
Это свойственно очень немногим.

У немногих – болит голова,
Словно пуля пробила над бровью,
И рождаются в сердце слова,
Налитые слезами и кровью.
* * *
Старое кладбище, питерский пригород Павловск,
Старому парку подобно: дубы вековые.
Я здесь брожу каждый раз – но, как будто, впервые:
Всё забываю маршрут, хоть запомнить пыталась.

Вот металлический склеп, кружевная беседка,
Судя по цифрам, начало двадцатого века…
Явно, что некому вспомнить того человека –
Видно – никто не заходит, ни часто, ни редко…

Надо налево свернуть – это помню, и прямо
Метров пятнадцать до новой развилки дороги.
Место, где очень удобно подбить все итоги:

Возле скамейки – большая для мусора яма.

Правилу «левой руки» надо следовать чётко,
То есть, всегда поворачивать только налево:
Вот наклонилась над холмиком бледная дева –
Мрамор изъеден годами – и строчкой короткой –

Чья-то любовь и тоска. Только – буквы не вижу…
Вот и дубы, отклонив друг от друга вершины,
Тесно когда-то корнями сплелись, исполины.
Снова налево, здесь сыро в ложбинке, и жижа

Пачкает грязью ботинки… Но я уже близко:
Вот он, чернёный заборчик, знакомый до боли,
Место, куда меня ноги несут поневоле…
Буквы имён дорогих на простых обелисках.

Как же вас много! И тех, что в другие могилы
Волей судьбы улеглись, не в семейном уделе…
Плачу, поскольку физических сил – на пределе,
И оставляют уже и душевные силы…
* * *
У батюшки-царя – своя цензура,
Своя – у пролетарской диктатуры.
А нынче – главный цензор – чистоган –
В какой беде сейчас литература!

Оплачено – подписано к печати.
Пусть интеллект на уровне дитяти,
Пусть мерзость, примитивность и обман –
В печать! Без сокращений и изъятий!

Мне жаль мозги растущих поколений,
Читающих не плод полночных бдений –
Творенья гениальных мудрецов…
А результат, простите, испражнений…

Ни мысли в них, ни чувств – да, им не надо –
Жуют себе, как плитку шоколада,
При этом становясь, в конце концов,
Подобными бессмысленному стаду.
* * *
Тополя по берегу реки,
Я-то знаю, вас давно уж нет.
Только вы, как будто маяки,
На которых выключили свет.

Вы, как будто мачты дальних ЛЭП,
Где не проложили провода…
Над кострами тающих судеб
Гаснет отдалённая звезда.

Вы, как будто в небе паруса,
Только мачты стали, накренясь.
И не восстановят небеса
С берегом утраченную связь.

Тополя над речкой, берег крут,
А тропа – опасна и узка…
Мне б туда, на несколько минут,
Поглядеть, хотя бы в полглазка!…

Мне б туда, быть может, я смогла б
Растрясти душевный неуют.
Речка подо льдом, мой голос слаб,
И дороги в детство не ведут.
* * *
Этот странный эффект –
Зарождение чувства любви…
Через сонмище лет –

Снова вижу тебя, визави…

Всё похоже на сон:
Я же знаю, промчались года,
Нанося нам урон –
Это – с гуся – бесследно вода…

А у нас седина,
В добавленье к пивному брюшку…
Ну, и что, что весна –
Вон, опять накидало снежку.

Обязательных фраз
На меня понапрасну не трать –
В глубине твоих глаз
Я и прежде умела читать.

Никуда не спеши,
Позабудь, что года и семья.
И глазами души
Погляди на меня – это я…
* * *
По траве – да морозцем –
Это наша весна, северяне.
Что ещё остаётся?
Это словно в сугроб после бани.

Мы привыкли к бросанью:
Из огня – в полымя, и обратно.
И обложены данью,
Что порою, не очень приятно.

То по вязкой трясине,
То по тонкому льду – без страховки.
То по жгучей пустыне –
До последней своей остановки.

В беспросветную темень
Всё глядим, не теряя надежды,
Хоть ни с теми, ни с теми
Мы теперь, получается: между…

Пообвыкла природа,
Что зима не сдаётся без боя.
Так и мы, год за годом
В кошки-мышки играем с тобою.

Так – ни шатко, ни валко,
Хоть, по сути, довольно беззлобно.
Для кого-то закалка,
А кому-нибудь – смерти подобно.
* * *
Видимо, погода виновата:
Серый день накрылся серым небом.
Серый снег рассыпал хлопья ваты,
Постарела девственная Геба.

Черкануло холодом в апреле:
Где трава сверкала молодая,
Снег лежит. Без смысла, не при деле,
Ни тепла, ни света не давая.

Но зато в далёком Израиле –
В чётком совпаденьи с нужной датой,
На пустой исусовой могиле
Вновь огонь явился благодатный.

Может, вдохновившись этим чудом,
Испытать смогу благоговенье?
И погоде подчинять не буду
По весне дурное настроенье?

* * *
Хожу по магазинам и подсчёт
Произвожу довольно примитивный…
И сей подсчёт срезает, чисто, влёт,
Настрой, с утра, как будто, позитивный.

Сверяю цены: «нынче» с теми, «до».
И ужасаюсь – просто – до икотки:
В сравнении со всей другой едой –
Сейчас всего дешевле стала водка.

Не всякому по нраву молоко,
А потому – не все уносят ноги:
Ничто не достаётся так легко,
И не выходит дорого – в итоге…
* * *
Иссякаю. Наверно, исчерпан запас впечатлений.
Затихает порыв, и угас поэтический пыл.
А возможно, что это, как многое в жизни, от лени,
Или жалкий родник мой, со временем, спрятался в ил.

А быть может, весна, с чередой гормональных подвижек,
Обостреньем депрессий, идущих, как видно, не впрок.
Или – мало того, что в окно незакрытое вижу:
Неглубокий источник, с годами забытый урок.

Уплыла в океан с силуэтом сигарным подлодка,
Самолётик умчался, разрезав белёсую высь,
Оказался в запасе запал, до смешного, короткий,
Взрывпакеты мои – все в руках у меня взорвались.

При паршивой игре – принимаю красивую позу,
Я ещё подожду, хоть, признаться, не знаю, чего:
Улетели по ветру желтинки засохшей мимозы,
Лишь торчат черешки от букетика грёз моего…
* * *
Невыносимо… К берегу Невы
Сегодня вновь пришла за вдохновеньем.
Я не боюсь презренья и молвы,
Я лишь хочу отринуть убежденье,

Что всё прошло, и хватить уповать,
На то, что, мол, какие наши годы!
Железо по горячему ковать –
Наверно, легче – времени в угоду.

А вот когда металл совсем остыл –
Упущен миг, и горн уже не греет.
Здесь надо больше выдержки и сил –
Но вдруг, оно получится прочнее.

Я не искала лёгкие пути.
О, дай, Нева, своей исконной силы,
Чтоб дальше, несгибаемо идти,
До тупика… до края… до могилы…
* * *
За кормой – полощется лагуна,
Кварцевый песок на берегу…
Раскрутила колесо Фортуны,
И остановиться не могу.

Отключила вилку телефона,
На цепочку посадила дверь.
И бутылку сбросила с балкона,
Пусть плывёт с записочкой теперь.

А меня с маршрута не свернёте,
Раздувает ветер паруса…
Где-то там, по борту, дяди-тёти,
Еле долетают голоса.

Много ль надо: хлеба да картошки,
Доплывём, пожалуй, до Луны…
Ну, ещё тепла души – немножко,
Ну, как раз-то этим мы сильны!

Нас теперь не взять ни за понюшку,
Слишком разыгрался интерес:
Новая Земля, Москва иль Кушка –
Шар большой, а времени – в обрез.

* * *

Мне оптимизм загнуться не даёт –
А то уже терпеть не стало мочи…
А стыд – не дым, но разъедает очи:
За Родину, за правду, за народ.

Стыжусь, что расчленённая страна
Уходит с молотка. Что человека
Швырнули вновь туда, в начало века
Двадцатого. А дальше – тишина?…

Когда-то на окраине у нас
Был воздух свеж, и безмятежны ночи.
А нынче пьянь всю ночь творит, что хочет –
Того гляди раздастся трубный глас…

А воздух за распахнутым окном
То гарью пахнет, то, пардон, дерьмом…

* * *

Играют ребята в футбол на асфальте двора,
Удары разносятся гулко в ночной тишине.
Им, видимо, кажется, что наступила пора,
Для этих занятий пригодная, в общем, вполне.

А то, что полпервого ночи, что завтра – среда,
Что люди в домах безнадёжно стремятся уснуть –
Так это для них, вероятней всего – ерунда,
Чужие проблемы, короче, голимая муть…

* * *

Я не буду звонить и тревожить тебя понапрасну,
Может быть, я потом пожалею об этом сто раз.
Этой ранней весны проявленья настолько прекрасны,
Что невольно – сердечные спазмы и слёзы из глаз.

Я не буду звонить – у тебя есть другие заботы,
Наши тропки давно по планете большой разбрелись…
Я не буду звонить, но куда же я дену субботу,
И совсем непонятно, куда мне девать эту жизнь…

Может, ты позвонишь, накрути телефон, право слово,
Я же знаю, тебе тоже тягостен день выходной.
Может то, что скажу, уже тысячи лет, как не ново –
Но об этом узнать можно лишь в разговоре со мной.

Отрываю глаза от своей чёрно-белой иконы,
Набираю твой номер неверным движеньем руки.
Подойди, умоляю тебя, подойди к телефону!
Раздаётся щелчок – и короткие слышу гудки…

* * *

Я попала в поток,
И не знаю, что будет со мною –
Это магия строк
Захлестнула меня с головою.

Бурной речки исток
Под густою-густою листвою.
Будет горьким урок –
Но его непременно усвою.

Электрический ток
Бродит в воздухе силой шальною.

На весенний порог
Я присяду и душу открою.

И неназванный Бог
Мне поможет – я арфу настрою.
Может, это пролог,
Что мы кодой считаем с тобою.

Я не чувствую ног –
Только крыльев размах за спиною.
Кто мне в этом помог –
Но взяла я препятствие с бою.

Неизученный прок –
Но прижился привой на подвое,
И не вымерен срок
Моей песни – тоскливого воя.

* * *

По временам я выгляжу живой.
Со стороны, надеюсь, незаметно,
Что от тоски и грусти беспросветной
Боюсь внезапно перейти на вой.

Притом – бодрюсь, пытаюсь делать вид,
Что весела: кругла, добра, румяна –
Короче, внешне, вроде, без изъяна,
Да вот, душа – страдает и болит.

Похожа на большой воздушный шар,
Пустой внутри, но глянцевый снаружи.
Стянуло петлей шею, туже, туже,
И близок к пытке жизни божий дар.

История от первого лица,
И состоянье – родственное грогги.
Но с, для меня намеченной, дороги
Я не сверну до самого конца.

* * *

Рябит вода и плещет о гранит…
Жаль, не увидел Пётр во всей красе,
Насколько благородный внешний вид
Смогли придать прибрежной полосе.

Не без издержек, ну, да где без них –
Медаль о двух бывает сторонах…
И льётся из души чеканный стих,
На невских отритмованный волнах.

Изысканный и строгий силуэт,
Прочерченный вдоль берега Невы,
С закатом словно слившийся, рассвет,
Узор оград, ну, и конечно, львы…

Ненастоящей крепости изыск,
Традиционный выстрел холостой…
И молодёжи шляющейся визг,
Несущийся вдоль улицы пустой.

Контрастами богаты города –
Такая характерная черта…
И всё-таки влечёт меня сюда
Фасадов и рельефов красота.

* * *

Причину выяснишь не сразу:
Упоминают, и не раз,
Как жупел, древнюю заразу,
Любители красивых фраз.

Недуг телесный – опозорен
И заклеймён уже давно.

Но мир – духовный лепрозорий –
Нам исцеленья не дано.

Тут, у кого – какая маза,
И у каких нас встретят врат?...
Но вот духовная проказа
Страшней телесной во сто крат.

Больные лепрой – тянут лямку
Своей беды – из года в год.
Недуг телесный – держат в рамках,
Недуг духовный – лишь растёт.

Куда уж нам до прокажённых –
Они друг другу – не враги,
У них высокие законы.
А в нашем мраке – нет ни зги.

Как удержать накал эмоций,
Когда вокруг, сейчас и впредь,
Больной духовно – не сдаётся
И не желает здороветь?!

* * *

Нам выпал путь, и, в общем, жизни суть:
Поняв, что мы с тобой совсем не боги,
Налево иль направо не свернуть...
А также – не сойти на полдороги.

Пройти судьбой намеченный маршрут
Весь, целиком, до пункта назначенья,
Не разбазарив лет, часов, минут,
Пусть даже, лет мытарства и мученья.

Пусть даже этот путь лежит во мгле,
И впереди просвета нет в помине,
По странной, неустроенной земле,
По зыбкой, неустойчивой трясине.

И, в сущности – безрадостен итог:
Натружена спина, и сбиты ноги,
Нелёгок был полученный урок,
Притом, что мы к себе довольно строги.

Такой, как есть – и всё-таки – он свой,
Не перешли кому-нибудь дороги,
Не стали перемётною сумой...
И, может, рано подводить итоги?...

* * *

Знойной пылью пятки греет шлях,
Солнце устремляется в зенит.
Рядом, на подсолнечных полях,
Воздух от кузнечиков звенит...

Мы с тобой шагаем, не спеша,
И под этим солнечным теплом
Плавится и нежится душа,
Даже говорить и думать – влом.

Но зато блаженство и покой,
И над лугом – марево стоит.
Ты руки касаешься рукой –
Сердце замирает и сбоит.

Отчего в груди так горячо?
Оттого что солнце высоко,
Или обнажённое плечо –
Твоего – касается легко?

Это ли кузнечики звенят,
Иль звенит в усталой голове?
И телами жаркими примят

Островок в некошеной траве…
* * *
Как много раз о синеве в глазах,
Нам пели песни на причалах и вокзалах,
И говорили в ласковых стихах…
Но о твоих глазах – впервые я сказала.

Впервые разглядела наяву –
Дотоль казавшееся столь невероятным:
Такой бездонной силы синеву,
Что я в них сразу утонула безвозвратно.

Я помню наши первые слова,
Не значившие ничего на самом деле…
Но что была такая синева –
Я даже и сейчас-то верю еле-еле…
* * *
Хотя и в спешке,
Но весьма старательно,
И в полный профиль вырытый окоп…
Он мне, как пешке,
Нужен обязательно:
Мне без него – хоть сразу пулю в лоб.

И в нём не сыро,
Учтены потребности,
Те, без которых – вовсе никуда.
Почти квартирой
Числится – по бедности –
И я в окопе – долгие года.

Бушует время
За его пределами,
События встают за рядом – ряд.
Редеет племя:
Войны с переделами –
Того гляди: предательский снаряд

Своротит бруствер,
Укреплённый слабою
И, в общем-то, неопытной рукой…
И в этом буйстве:
Оголтелой бабою –
Одною ею – держится покой…
* * *
Не надо: лучше или хуже,
А надо: просто – хорошо.
Ведь славно, если дождь пошёл,
Но ни к чему промокнуть в луже.

Не надо познавать в сравненьи.
Я не люблю словечко «чем».
Мы душим удовлетворенье
Своей судьбою. А зачем?

Не культивируй чувство «зависть»,
Тори сама свой крестный путь.
И в чём угодно я покаюсь,
Но – не завистлива – ничуть.

Мы ощутить всерьёз способны
Лишь привкус собственной судьбы:
«Где стол был яств», и где гробы –
Здесь не дают флакончик пробный.
* * *
Я была единственной на свете.
Ты влюбился сразу, вероятно,
В том далёком и горячем лете…
Не скажу, что было неприятно,

Не скажу, что полная взаимность
Мною ощущалась, но, однако,
Наша столь внезапная интимность
Вид имела некоего знака.

Ярость августовского светила,
Пыльная листва над головами…
Словно неумеренная сила
Молнии кидала между нами.

Мы не знали, что случится дальше,
Нам пока будильник не пропикал…
В город нас с тобой, всех прочих раньше,
Привезли родители с каникул.

* * *

Всё так неоднозначно в этом мире.
Мне видеть приходилось, и не раз,
Что дважды два – совсем и не четыре,
А в бровь попасть ещё сложней, чем в глаз.

Сникает первым тот, кто слишком боек,
В тревожный час, не выдержав напор.
А весельчак – по жизни: параноик…
И понимаю, с некоторых пор,

Что даже тем, что движутся хромая,
Всё ж лучше тех, что хорошо стоят.
И что благими планами – прямая
Всегда дорога вымощена в ад.

Что слишком часто жулик и бездельник
Вознесены, буквально, до высот.
И что порой бывает понедельник
Куда приятней пятниц и суббот.

И не всегда найдём в конце дорог мы
Уютный дом, участье и покой.
И что математические догмы
Неприменимы к совести людской.

* * *

Кто-то тело любимой ласкал,
Полускрытое шёлковой тканью.
Кто-то полный тяжёлый бокал
Поднимал, привлекая вниманье…

Тот – срывался с насиженных скал,
Улетал за положенной данью,
Кто-то по полю рысью скакал
За мятущейся трепетной ланью…

Я, как старый седой аксакал,
Отыскавший всё то, что искал,
И уже завершивший исканья,

Наблюдаю безносой оскал
В искажающих бликах зеркал…
И меня не обманет сверканье.

* * *

В отрогах гор – бушующий поток
Зажат в ущелье дамбой насыпною,
И путнику усталому глоток
Не отыскать под каменной стеною.

По новым руслам пущена вода.
А что и как – виднее инженеру…
А в зоне затопленья – города,
Чьи жители, исполненные веры,

Что усмирён и выверен поток,
Спокойно спят. Притушенные лампы
Незримо пьют в ночи электроток,

Полученный со станции на дамбе.

И лишь в кошмарах видится пока
Больным, накрытым бреда пеленою,
Что рушится плотина, и река
Сметает всё стремительной стеною.
* * *
Лёгкой дымкой туман над водою
Расстилается, с ветром играя,
И идут облака чередою,
С розоватой каёмкой по краю.

Берега то круты, то покаты.
По воде – конвульсивные токи.
Опускается солнце к закату,
И сгущается тьма на востоке.

Над рекой, как над линией фронта,
Слабый отсвет пока ещё брезжит,
Но закат, остриём горизонта,
Зазевавшийся лучик – обрежет…
* * *
Когда бы скинуть мне лет тридцать с плеч,
И с ними – полусотню килограммов –
То спонсора сумела бы завлечь…
Ну, а сейчас – не оберёшься сраму!…

А убеждать в достоинствах стихов –
Занятье – без особой перспективы…
Поэтому мой эпикриз таков:
Пахать и засевать инета ниву!
* * *
Сильно переменчива погода,
Так и человеческий субъект
На себе, в любое время года
Ощущает двойственный эффект.

Даже в самой грустной из историй
Возникает радостный момент:
Посреди тоски, нужды и горя –
Есть и доброты эквивалент.

За стенами пышного фасада
Не всегда блаженство и уют –
Тоже есть местечко для надсада,
Тоже по мозгам порой дают.

Всматриваюсь пристально и зорко:
Пасмурно вблизи, вдали – туман,
На курорте Пальма-де-Майорка
Третий день дожди и ураган…
* * *
В полубреду и полусне,
В томительной ночи –
В воображаемой стене
Считаю кирпичи.

И в полусмеженных глазах –
Мерцающий огнём –
Зелёных точек на часах
Беззвучный метроном.
* * *
Вот кораблю, к примеру, нужен киль,
А без него – устойчивости нету.
Но если б был на море полный штиль,
То Новому не быть открытым Свету.

И, вроде, нам уже пора в утиль,
А тщились переделать всю планету,
И претворить любую сказку – в быль,

Переиначить всё: от «а» до «зета»…

Но даже ароматную ваниль –
Никто не станет добавлять в котлету…
Над городом поблёскивает шпиль,
Туда же, ввысь, уносится ракета…

Мы научились, много тысяч миль
Преодолев, изъездить всю планету.
Но всё на свете – поглощает – пыль.
А вовсе не медлительная Лета.

Свезя на свалку мерзость, грязь и гниль,
Не скроем разложения приметы.
И дочиста – нападавшую пыль
Уже не смыть с гранитных парапетов.

Возводим в культ какой-то новый стиль,
Позабывали Тютчева и Фета…
И оседает вековая пыль
На истинные, вечные сюжеты.

Закон, постановление и билль…
В чём суть вопросов? Где на них ответы?
Ведь даже Трою поглотила пыль…
Но на исканья – не наложишь вето.
* * *
Несеверная странная зима
Пришла тягучей осени вдогонку,
И так же, неожиданно весьма,
На лето повернулись шестерёнки.

И марта ненадёжное тепло –
Сменилось убедительным апрелем,
Как будто это северу назло,
Нас тропики внезапно обогрели.

Сегодня – даже жарко. Ветерок
Несёт благословенную прохладу…
Присела, сочинила пару строк –
И, вроде, ничего уже не надо.
* * *
Зачем твердить избитые слова,
Что властен над судьбою человек?
У южных стен – зеленая трава,
У северных – пластами грязный снег.

Кому-то отпускается судьбой
Всего и много – лезет из ушей,
А у кого-то в каждом деле – сбой,
И отовсюду – с треском да взашей.

Иному от рождения дано:
Родители, богатство, стол и дом.
И для другого всё предрешено:
Кровь из носу, да в муках, да с трудом.

Вперёд и с песней, кругом голова:
Всегда в делах, такой короткий век…
Но, как и прежде верю я в слова,
Что властен над судьбою человек!
* * *
Моя бедная девочка, листик осенний…
Безнадежной душою металась по свету,
Всё искала приюта, считала мгновенья,
Всё цеплялась за жизнь… А теперь тебя нету…

Я живу, кровь всё так же пульсирует в вене.
Только это – не жизнь, это видимость жизни.

Каждый день я, душою, встаю на колени,
И глядят небеса на меня с укоризной.

Поломался порядок вещей, и планету
Закрутило в обратную сторону вихрем…
Мне б испить, наконец-то, водицы из Леты,
И тогда бы уже мои стоны затихли.

Я последняя женщина нашего рода –
То ли это проклятие, то ли случайность?
Сатане или Господу это в угоду?
Но дышать не даёт, и толкает на крайность…

Моя девочка, как мне тебя не хватает,
Узнаю тебя в каждой бегущей девчонке…
Память в сердце пульсирует ниточкой тонкой,
И травинкой сквозь землю весной прорастает.
* * *
Раньше выступавшим на эстраде
Ниже гонорары доставались,
Но они всегда при всём параде –
А не в драных джинсах появлялись.

Это – стиль? Не надо оправданий:
Это, мол, тенденции и мода…
Для безвкусья – нету оснований,
Даже «демократии» в угоду.

Катится лавиной, год от года
Нравов и приличий упрощенье!
Это не особенности моды –
Это – к «быдлу» в зале – отношенье.
* * *
ЛИТО в газете «Ленинские Искры».
Казалось – это всё ещё игра…
Вот так – шутливым росчерком пера,
Меня определили в журналисты.

Чтоб папе угодить, а также маме,
Учиться буду – это решено.
Но у меня условие одно:
Пусть алгебра – отсутствует в программе.

На изученье сложных постулатов
Потратила уже немало сил…
И померла б – никто б не воскресил…
И в чём же я, скажите, виновата?

Ведь это же не каждому подвластно:
Был, скажем, математиком – Хайям…
Я дань отдать готова рубайям!
Но формулы и прочее – ужасны!…

И для меня все точные науки
Подобны в бок вонзённому ножу,
Я и сейчас – увижу – задрожу…
И в ужасе заламываю руки!

На ниве журналистики – немного
Я собрала. Не выпало дождя…
Но главного маршрута не найдя,
Я всё-таки пошла своей дорогой…
* * *
Мы бываем первым впечатленьем
Так поражены, что просто: «ах!»
Кажется, что это – потрясенье,
Просто апокалипсис и крах.

Но едва утихнет буря страсти,
Понимаем: всё совсем не так,

Всё терпимо, в нашей с вами власти
Выправить незначащий пустяк.

Но пока в груди бушует буря,
Можно наломать немало дров,
Повинуясь мимолётной дури,
Растревожить в небе всех богов!

Дабы избежать проблем натужных,
Как при отравленьи – антидот –
При любом экстриме, помнить нужно:
Всё проходит в мире. Всё – пройдёт!
* * *
Кто-то ему не прощает в горячности сказанных слов,
Кто-то, напротив, клеймит за его Комиссаров…
Жребий поэта в России извечно довольно суров –
Ждёт их, как правило, несправедливая кара…

Титул пророка – а символ известен – терновый венец,
Кто примерял – тот поймёт, а другим – и не надо.
Так ли, иначе: нелёгок по жизни маршрут, а конец –
Мало походит на премию или награду.

Ждут от него откровений, а сами готовы всегда
Вслед оплевать, невзирая на то, кто виновен…
Это судьба, и планида, и радость его, и беда –
Но для него-то и честь, и бесчестье – не внове.

Трудно понять, что поэт, в самом деле – живой человек,
Тоже подверженный ходу событий и мнений,
И у него – кратковременный, тягостный жизненный век,
Полный проблем, нездоровья, потерь и сомнений…

Тягостен титул пророка, хотя непомерно высок,
И пролегает дорога его одиноко.
А в перспективе: десяток гвоздей, да штук восемь досок –
Но лишь тогда и достоин он званья пророка.
* * *
Плевками в душу – можно пробудить
Такую запредельную защиту,
Которую и бомбой не пробить,
Как враг ни тщись – не быть тебе убиту!

И дух противоречия силён:
Твердишь – не надо – предлагают сами –
Сильны инстинктом – не в ладу с мозгами!
Глядишь: опять противник посрамлён!

Держи желанья тайные в себе –
И не смеши Всевышнего мечтами…
Ни батюшке, ни ребе, и ни ламе,
И ни мулле – вовек в твоей судьбе

Не разобраться – сам решай, где низ,
Где верх, а помощь – не зови напрасно.
В одном с судьбой возможен компромисс:
Одна Любовь – велика и прекрасна!
* * *
Город давнего летнего детства, с тобою
Я простилась давно – навсегда.
Никакой потаённой забытой тропою
Мне уже не добраться туда…

Полутёмный и тесный квадрат магазина,
Характерный сельповский уют.
Штуки тканей, сукна и рулоны ватина –
Помнишь, сколько счастливых минут

Мы с тобой провели в этом старом промторге,
Где для нас открывался простор

Для фантазий, игры, интереса, восторга…
Продавщиц молчаливый укор

Нас тревожил не сильно. Да, мы не шалили –
От фантазий – урон небольшой.
Но каких же нам стоило мощных усилий:
Наконец, отправляться домой.

Никуда мне от памяти этой не деться,
Год за годом, опять и опять
Дальний город ушедшего летнего детства
Всё не хочет меня отпускать!
* * *
С вершины лет не так видны детали,
Но дальнозоркость позволяет суть
Легко понять и свой прошедший путь
Орлиным взглядом старца оглянуть –
Так в юности получится едва ли.

Откроются тебе такие дали
Сквозь лет налёт и происшествий муть,
Что кажется, уже не продохнуть:
Такая в сердце оторопь и жуть –
Каких мы дел – по дури – напахали!…

Ах, если б мы с тобою понимали,
Вступая в жизнь – хотя бы что-нибудь!
Какой костёр сумели бы раздуть,
Какие б ветры наполняли грудь!
Иль, например, уехали б на Бали.
* * *
Исключениями правило сильно,
Первый взгляд бывает верным – не всегда,
Иногда – вначале: шлаки и руда,
Лишь потом – рациональное зерно.

Не спеши, чуть что, – и враз рубить с плеча:
Кроме чувств ещё и логика дана.
Пусть примочка смысла будет холодна,
Коль головушка бывает горяча.

У меня советов – полная сума –
Хватит мудрости на сотню простаков…
К сожалению, характер мой таков –
Не всегда могу им следовать сама.
* * *
Нас фантазии могут увлечь далеко,
Разойдёшься! Куда там Манилову, право!
Утконос, ягуар, попугайчик жако,
Отдающая сок голубая агава…

Листья коки жуя, покоришь высоту,
И в такую глубокую спустишься бездну…
А потом ощутишь пред собою – черту –
И в свободной одежде – покажется тесно.

Ах, как плещет волна о прибрежный песок,
И склоняются пальмы к полоске прибоя…
Это я отыскала в бумагах кусок
Оторвавшейся задней обложки «Плейбоя».
* * *
Ни блондинкой, ни рыжей –
Отродясь не была я,
Эту землю мотыжа,
Свой кусок добывая.

Щи хлебала пожиже,
Под себя не гребла я.
Близорукая – вижу
Перспективу – до края.

С тем, кто ростом пониже –
Не боролась, играя.
В отдалённом Париже
Никогда не жила я.

Кто-то руку оближет,
Но сорвётся до лая.
Мне роднее и ближе
Тот, в ком совесть живая.

Ты до шкуры острижен?
И сама я – такая!
Не от тяжести грыжу –
От беды нажила я.

Не свята, не бесстыжа,
Ни жива – ни мертва я.
И себя – ненавижу,
И судьбу проклинаю.

* * *

Благоденствие муке сродни
В переменчивом шалом апреле.
Улетают бессчётные дни,
А когда-то плелись еле-еле.

То жара, то опять холода,
А на сердце – тревога и смута…
В целом мире – большая беда
Нагнетается с каждой минутой.

Информация потной волной…
Или это – моя аллергия –
У других же полнейший покой,
Расцветает с весною Россия?

То ли носится в воздухе дым,
Тол ли я не в себе – в самом деле?
А ведь не был характер таким:
Переменчив, как климат в апреле.

* * *

Тихонько тает берег за кормою,
А впереди безбрежный океан…
Теряется за «пахотой» морскою
Романтика чужих, далёких стран.

Возможно ли: привыкнуть к колыханью
Пучины ненадёжной за бортом?
Мы океан обкладываем данью –
С лихвою рассчитаемся потом…

Своей судьбой, поделенной на вахты,
Тоской, разлукой с милыми людьми…
Покуда ни просолишься в штормах ты –
Понять того не сможешь, чёрт возьми:

Какая есть она – судьба в полоску!
Когда на берегу – неверен шаг,
А палуба – своя родная, в доску –
А если понял – значит, ты моряк.

А моряка – зовёт далёкий берег,
И бухта, где бросают якоря…
И вдаль манят – находки и потери,
Над океаном – дивная заря.

* * *

Мелодия качается простая –
Мне мама колыбельную поёт.
И улетает с журавлиной стаей
Круговорот волнений и забот.

Кружатся звуки в плавном хороводе,
И нежится уставшая душа,
В мечтах о дне рожденья, новом годе,
О том, как жизнь светла и хороша…

Круженье строчек незамысловатых
Уносит в отдалённые края,
Где было всё незыблемо – когда-то,
Непостижимы тайны бытия.

Слова той песни таяли с годами,
И как ручьи, сбегали в океан.
Звучат слова, придуманные нами,
В них смысл иной, и боль душевных ран.

А те, простые, светлые, как небо,
Слова о том, что в мире всё – не зря,
Про то, как зреет в поле колос хлеба,
Про то, как занимается заря,

Как по весне снежок на крышах тает,
Как речек берега вмерзают в лёд,
Как дети незаметно вырастают –
Никто мне, в колыбельной, не споёт…
* * *
Вдохновение – стимул, наитие?
Самомнение или безверие?
Удивление, чудо, открытие?
Или праздник – фиеста, феерия?

Отчуждение и неприятие,
Или чистого сердца сияние?
Божий дар или Божье проклятие,
Воздаяние иль подаяние?

Иль попытка от плоти избавиться,
Выдавая плоды одиночества,
Чтоб над миром слегка позабавиться –
За безумный восторг и пророчество?
* * *
Опухших ног усталые шаги,
Испарина, ломота в пояснице,
Звон в голове, в глазах – уже ни зги,
Такое – молодым – и не приснится…

Стать, отдышаться, лучше – посидеть –
Стихает гул, поменьше ноют ноги,
И вновь мои шаги земная твердь
Не сталкивает с выбранной дороги.

И вновь я вижу почки на ветвях,
Смешные, разномастные серёжки…
И у котов – безумие в глазах,
И хвост – столбом стоит у местной кошки!

Но ненадолго мне хватает сил,
Опять сижу на лавке одиноко…
Быть может, по ошибке попустил
Меня Господь состариться до срока?
* * *
Поздравительная открытка:
С Днём Рожденья… И пожеланья…
Прямо в ящик июльской ранью…
Пренаивнейшая попытка

Объясниться полунамёком,
Не подписанными словами –
Это было когда-то с нами,
Это вышло – немного боком.

Я не знала, поймёшь ли… Понял.

Но ответа не поступило.
На открытке, довольно милой,
Три нарцисса – на синем фоне…

* * *

Мы опять расстаёмся с тобой
На промытом дождями перроне…
Это пытка, чистилище, бой –
С расстояньем, с самою собой –
Остальное домыслю в вагоне…

Побегут мимо окон кусты,
Что стоят неподвижно на месте,
Полустанки, дома и мосты…
Отношения наши просты:
Мы не рядом, но всё-таки вместе.

И – разлуками сыты давно,
Хоть и живы – надеждой на встречи,
Как в хорошем и добром кино…
Но сегодня – уже всё равно –
Ты мне рук не положишь на плечи!…

* * *

Не стелется под ноги гладкий путь,
Всегда ухабы, рытвины и ямы…
И есть искус налево повернуть,
Да не позволит совесть. Только прямо!

А на прямом пути – прогноз не прост:
Порой дожди и очень часто – ветер,
Над пропастью колеблющийся мост…
Но – лучшие попутчики на свете!

Да не в чести сегодня путь прямой,
Тяжёлый, по обрывистому краю…
Слаба… Порой так хочется домой.
А где сегодня дом – сама не знаю.

Где дорогие лица, сладкий дым?
Куда пойти, и с кем соединиться?
То место, что считала я родным –
Давно уже осталось за границей…

Опять вопросов мне не избежать –
Извечные российские вопросы…
Засела в роще вражеская рать,
А «из кустов стреляют по колёсам».

* * *

Свезло козлу – нашёл могилу льва,
Да свежую, не очень-то противно!
Лишь чуточку протухла голова,
Но шкура в целом – выглядела дивно.

И натянув её, как маскхалат,
Пройдяся фертом, сам собой доволен,
Решил козёл устроить маскарад,
Предчувствуя успех в подобной роли.

Ведь столь удачно выбранный костюм
Его в момент превознесёт над всеми.
И будет Он – властитель тел и дум –
Не навсегда, так пусть, хотя б, на время.

По образцам парижских высших мод –
Осанку принял и прочистил горло,
С размахом львиным двинулся вперёд…
Но за версту, увы, козлищем пёрло!

* * *

Собирается хлопьями пена,
Берег снова неряшлив и пег,
Захожу по камням – по колено…

Да, пока что не время для нег.

Лодка может не выдержать крена,
Нестабилен и сам человек,
Постигающий нощно, и денно
Тайны звёзд и течения рек.

Я стою, словно врезалась в стену
Кто такая? Да так, имярек,
Неспособна на зло и измену,
И горда, как суровый абрек…

Постарела, сперва постепенно,
Но ускорило время свой бег.
И натянуты струнами – вены,
Вдоль телесных надтреснутых дек…

И глядит на природу степенно
Из-под полуопущенных век –
Автономная экосистема,
Что почти отслужила свой век.
* * *
О, какая обрушилась критика
На страну из двадцатого века…
Но виновна была не политика,
А паскудство внутри человека.

Ведь какая идея порушена:
Равноправие, братство, свобода!…
Нам теперь не избавиться душами
От засилья моральных уродов.

Чьим кумиром – Молох позолоченный,
А любимая в жизни работа:
Расширение собственной вотчины,
Пополнение личного счёта.

А свобода – она покупается:
Чем масштабней – тем стоит дороже.
Ну, а быдлу – всегда причитается:
Знать шесток – или просто – по роже!
* * *
Так чего ж нам раньше не хватало?
Девок-проституток вдоль дороги?
Их, и в самом деле, было мало,
Вот теперь – беда коснулась многих.

Кабаков ночных, где миллионы
За ночь прожигают богатеи?
И старушек, жалких, обделённых,
Что куска порою не имеют?

Может, не хватало гей-парадов:
Верно, извращенцев было мало –
Так оно нам было и не надо,
Нас другие грели идеалы.

Казино? Где лишние деньжищи
Можно расшвырять, в порядке бреда.
Или же рискнуть последней тыщей,
И семью оставить без обеда…

Не хватало шуточек похабных,
О бандитах – длинных сериалов?
Пауз навороченных рекламных –
Вот чего, уж точно, не хватало!

Видимо, наркотиков потока
Сквозь страну, кому-то не хватало…
А теперь – ширнуть после урока –
Школьников желающих – навалом.

Точно: не хватало терроризма –
Знать – не знали этого явленья.
А теперь встречаем катаклизмы
Походя, без тени сожаленья…

И дешёвой водки ядовитой –
Не было в продаже в изобилье.
Бал в стране не правили бандиты,
И за цвет волос – ребят не били.

Не хватало – платной медицины,
Платных школ и платных институтов…
Вот работы – каждому мужчине –
В те года хватало почему-то.

И зарплаты – каждому хватало,
Чтобы жить красиво и достойно.
А теперь, под властью капитала,
Стал простой народ – коровой дойной.

Жили без эксцессов и стагнаций:
Дом, работа, пищи – до отвала…
Может, девальваций и инфляций
Кой-кому из нас недоставало?

Не хватало пляжей на Канарах?
(Что для большинства – и нынче – мимо!)
Только нам хватало для загара
Пляжей у Прибалтики и Крыма.

Тут вошло у многих нынче в моду –
О свободе сильно распинаться…
Хорошо проплаченной свободы –
Нам с тобою – может не достаться!

Если честно – мне – всего с лихвою,
Просто – в изобилии – хватало,
Я была горда своей страною,
И себя, как личность, уважала!
* * *
Мы в детстве – пуп земли,
А вся Вселенная
Вращается вокруг, других забот не зная…
Но годы утекли…
И тело бренное
Уже устало жить. И психика – другая.

С годами – всё сильней
Самосознание,
Того, что мы и впрямь кружим песчинкой малой.
В мельканьи наших дней,
Свои желания
Пытаясь претворить, всё более устало…
* * *
Раскисла под ногой земная твердь,
И хлюпает, продавленная мною…
Зима, конечно, маленькая смерть,
И так непросто – оживать весною.

Занудный, леденящий, проливной –
Дарует дождь предутреннюю свежесть,
Но лопаются почки надо мной,
Приятной перспективой обнадежась.

И верится в грядущее тепло.
Что, вопреки вмешательству людскому,
Природа не забыла ремесло,
И сбросит отягчающую кому.
* * *
Зимних красок кино чёрно-белое

Растеклось акварелью к весне.
Так юнец водит кистью несмелою,
Нерешительно, словно во сне.

Добавляет слегка буроватого,
Но дрожит от волненья рука…
А над ним разлохмаченной ватою
Серым фоном плывут облака.

И лучом, из-за облачной замяти,
Водит солнце, добавив тепла.
И желтинка, рождённая памятью,
На газон неприметно легла.

Поливало дождями-апрелями,
Чтоб омыть и слегка отогреть…
А теперь всё подёрнулось зеленью,
Как патиной – старинная медь.
* * *
Я принимаю антидот –
Сильна волна интоксикаций.
И подмывает – в старый дот,
На нашей улице – забраться.

Где проходили рубежи
Антифашистской обороны –
Кайфуют «длинные ножи»,
И гулко каркают вороны.

Доносит яростный эфир
Войны гражданской отголоски…
И отдаёт – чумою – пир,
И – на гробы уходят доски

От расколоченных столов…
И продолжается похмелье.
И собирает смерть – улов:
Не отошедших от веселья.

Нарушен мир, нарушен сон,
И здравый смысл проходит мимо.
Уже грядёт Армагеддон,
И воздух ночью – пахнет дымом.
* * *
Нет вдохновения – хоть тресни,
И в мыслях полный кавардак.
Ни проза, ни стихи, ни песни –
Не сочиняются никак.

А ведь бывало… ох, бывало –
И без особых подоплёк –
А вдруг – такое сочиняла…
Что: чёрт возьми! Помилуй, Бог!

И вот – никак, а надо, надо!
«Ни дня без строчки – стоит жить!»
Иначе нынешнего ада
Виденья – смогут устрашить…

Мне все химеры подсознанья
Озвучить надо, а не то –
Меня не минет наказанье:
Не за проступок – ни за что!

Такая жизнь – её уроки
Нужны, но очень нелегки.
И помогают только строки
Предохраниться – от тоски!

А потому, без сожаленья –
Черкаю скомканный листок –

И умоляю: Вдохновенье!
Пошли хоть пару жалких строк!

* * *

Хотят стереть Седьмое Ноября
Из памяти обманутых потомков.
Угасла Революции заря,
Лишь мечется по небу лучик тонкий.

Пройдут года, накроет забытьё –
По смерти тех, кто помнит, значит – знает…
Не сможет поколенье холуёв
Принять из мёртвых рук святое знамя.

Из уст – в уста лишь можно передать
Любовь к свободе, веру и надежду,
Что не навек поворотили вспять
Историю… Что мы лишь где-то между.

Что снова исторический процесс
Пойдёт путём естественным и верным.
И вновь возникнет в людях интерес
Очиститься от мерзости и скверны.

* * *

Это даже зимою случается редко:
Холод после тепла, снегопады с метелями –
И под утро – в игольчатом инее ветки…
Но впервые такое под завязку апреля!

По зелёной траве, по зелёным листочкам –
Белизну января наблюдаю воочию.
И в процессе весны, словно, ставится точка.
Только хочется верить, что всё ж – многоточие!

* * *

Всё прах и тлен: скудель крошится,
Ветшают медь и серебро…
Парча – немногим крепче ситца,
Истлеют череп и ребро…

И только мудрость вековая
Несокрушима и сильна –
Её ни язва моровая,
И ни столетняя война

Не уничтожат без возврата…
Но жаль, что люди не поймут:
Ценней и серебра, и злата –
Скудельника нелёгкий труд.

* * *

Внезапно стихли птичьи голоса
На всём, подвластном слуху, побережье,
И с дрогнувших листов стекла роса,
Оставив след на выцветшей одежде.

И в этой непривычной тишине
Зашелестел песок широких пляжей,
И показалось почему-то мне:
Всё чуть иначе выглядит, и даже

Пошире стала пляжа полоса,
А небо чуть сильней заголубело,
Не возвратились птичьи голоса,
А краешек воды с полоской белой

Всё дальше, дальше берег обнажал,
Как будто что-то всасывало воду.
А вдалеке, у чуть подросших скал,
Темнеющих и в ясную погоду,

Скопилась чернота. И странный шум,

Все звуки на земле перекрывая,
Стал нагнетаться. И пришло на ум,
Что это – сон, что в жизни не бывает

Такой щемящей сердце тишины,
Такого наплывающего гула…
Но зрелище поднявшейся волны –
В мгновение к реальности вернуло…

* * *

Возьмите же руку живую мою,
Без братской поддержки – я изнемогаю!
Я словно в окопе, в жестоком бою…
А мне всё поют: баю-баюшки-баю!

Душа отдохнёт непременно – в раю!
Ей лишь бы добраться до самого рая.
А тело своё – на костёр отдаю,
И даже сама фитили поджигаю!

Не вижу дороги, и значит, стою.
Но бьётся в груди моей струнка живая.
Уже не одна, но ещё не в строю.
Налево – равняйсь! И на миг замираю.

Когда я кричу, что стоим на краю –
Совсем не зову оттолкнуться от края…
Я добрые, светлые песни пою –
И к вашему здравому смыслу взываю.

* * *

Не помнящим добра – аукнет зло,
И это лишь безумцам непонятно.
Сюсюкая в фашистское мурло,
Воротят ход истории обратно.

Начать пытаясь с чистого листа,
Перечеркнув истории уроки.
Ни подлость не спасёт, ни простота,
Того, кто гадит в чистые истоки.

Где чья вина, где горечь и беда?
Но чёрным несмываемым позором –
В глазах людей покрыты навсегда
Эстонско-демократо-мародёры.

* * *

Отец на снимке, сделанном в блокаду,
Совсем мальчишка – нет и двадцати.
Он стережёт подходы к Ленинграду
На минном заградителе «Марти».

Как много их, охваченных метелью,
Осталось на свинцовом рубеже.
А те, что в страшной битве уцелели –
Те, возмужав, состарились уже.

Что вяжет воедино поколенья:
Детей – с отцами, с дедами – отцов?
Ведь нерушимо это единенье,
Как неизменно Времени лицо…

Как ни стремятся мир перекорёжить
Новейшего столетья дикари,
Был светел день, который нами прожит.
И завтрашний – встаёт в лучах зари…

* * *

Над рекою в полоску закат,
Перемешано красное – с синим.
И туманится пристальный взгляд
От багровых и розовых линий.

А вода чуть заметно блестит,

На стремнине – особенно ярко.
Время сжато, как будто – рапид
Применили коварные парки.

Словно кто-то, порвав, разбросал
Над рекой клочья путаной пряжи.
А восток – из-под сотен кресал
Сыплет звёздный горох – на продажу…
* * *
Лечь под танк… И лечь на амбразуру.
Так, чтоб точно, чтоб наверняка…
Это – не словесные фигуры –
Не докинет слабая рука…

Не прикроет от осколков каска,
Даже если кинуть наугад –
Слишком тяжела бывает связка,
Так и так – осколки долетят…

Потому – надёжнее вплотную,
Без сомнений, в самый аккурат!…
Я склонюсь – и землю поцелую:
Тот, кто в ней – и в самом деле – свят!
* * *
Ты приходишь ко мне на вечерней заре
И уходишь – в сиянии вспыхнувших звёзд…
В октябре, в ноябре, в декабре, в январе…
Очень хочется верить, что это – всерьёз.

Я к тебе прихожу с предрассветным лучом,
Чтобы тихо хранить твой предутренний сон.
И во тьму убегаю журчащим ручьём,
Создаю ненавязчивый ласковый фон.

Нам не надо дорог для свидания душ –
При сияньи заката, при свете луны…
Мелкий дождик прольёт отрезвляющий душ –
Только нам отрезвленья уже не страшны.
* * *
Мы же люди с тобою, а вовсе не боги,
Потому-то в коленях сгибаются ноги –
Без причины, подобно явлению «грогги»,
И волнуясь, всё время стою на пороге.

Отвлекаюсь, хожу, подбиваю итоги,
Попыталась читать – и застряла в «прологе»…
Это не от ума – и не будьте так строги:
Наша жизнь – далека, и весьма, от эклоги…

Наши тропки кривы: то круты, то пологи,
И не очень-то хочется прочь из берлоги.
Хоть, наверное, хуже в казённом остроге –
Но с самою собой – нелегки диалоги.

И щемит неотвязное чувство тревоги,
Если кто-то родной задержался в дороге.
* * *
Никого не хочу агитировать строчками.
Мой простой манифест, моё ясное кредо:
В окружении слов с запятыми и точками –
Мне важна над собой – не над кем-то победа.

Никого не хочу убеждать. Очевидное –
Суть проявит само – это жизнь доказала.
А хотите сказать мне хоть что-то обидное –
Мне до этого дела, поистине, мало!

Ущемить и обидеть иные пытаются –
Не получится, даже не стоит стараться.
Я и с юных годов не приучена лаяться,

Я привыкла плевать на подвох провокаций.

Зарекаться не следует, знаем заранее,
От сумы да тюрьмы – от несчастий известных.
Черти – между людьми обитают, и знание
Их повадок – полезно, но не интересно.

Вопли с пеной у рта – не моё назначение.
Не ушла от борьбы – я в бессрочном подполье.
Мне уже ни к чему никакое лечение,
Я сроднилась вполне с запредельною болью.

* * *

Ты мне целуешь руки – дивный жест,
Хоть от него и не родятся дети.
Не сгинет, не уйдёт, не надоест –
Пока ещё любовь жива на свете.

Целуя руки, ты глядишь в глаза –
Как это важно: быть в пределах взгляда.
Целуя в губы – так глядеть – нельзя,
Но мы-то понимаем – это надо!

И губ твоих прохладу и тепло
Я чувствую – срывается дыханье…
Сегодня нам с тобою повезло:
Открыть впервые тайны мирозданья.

Ты руки мне целуешь в тишине,
Что говорить?… Слова уже напрасны.
И скачет жёлтый зайчик по стене…
И поняло мгновенье, что – прекрасно!

* * *

Я присела на старый пенёк во дворе,
Переделанный нами в скамейку.
Завершила полив, как всегда, на заре,
У колена поставила лейку.

Греет солнышко в спину, в лицо – ветерок,
Так спокойно, тепло и приятно.
Обвивает малину настырный вьюнок,
Листья шепчутся, тихо, невнятно.

На травинках – роса, знать, не будет дождя –
Узаконена эта примета.
Наберу огурцов, не сейчас, погодя,
Я не зря поднималась с рассветом.

Всех работ на земле – не закончить вовек,
Да, ведь этим они и приятны.
А расслабишься только, как выпадет снег,
Ожидая весны благодатной.

Отдыхает на всяческой зелени глаз:
Различаешь десятки оттенков…
Я смотрю, в этот год мне морковь удалась,
Притулившись под южною стенкой.

Возле тропки уже чернобривцы цветут,
Возвратив ощущения детства,
Создают на Руси украинский уют –
Моей милой бабуни наследство…

Размечталась, пригрелась на низком пеньке…
В обстановке, приближенной к раю.
Стебелёчек ромашки сжимаю в руке,
Но напрасно на ней не гадаю…

* * *

Я думаю, Лебедя, Рака и Щуку –
Придумал Крылов, чтоб ввести в заблужденье
Читателей – ибо большая наука:

В манере Эзопа писать сочиненья.

А воз нашей жизни – тогда, и доныне –
Рабочие клячи влекут, что есть силы.
Увяз он по ступицы в грязь и трясину,
Трудиться беднягам – до самой могилы!

А править повозкой – желающих море:
Взнуздали, сумели запрячь, понукая,
Всё гонят вперёд, а народное горе –
Увы, не волнует, увы, не пугает…
* * *
Я смотрю в твои глаза,
Мне знакомые до боли.
И несёт меня – назад,
Вдоль по жизненной юдоли…

Вроде, выцвели слегка,
От печали и от света:
Как мгновенья, как века,
Наши зимы, наши лета…

И морщинками легли
Возле глаз твоих – заботы.
В их глубинах – до земли
Не достать и эхолоту…

В них – разлуки и утрат
Отразились перспективы…
Отстранённый, строгий взгляд…
Но – по-прежнему – красивы.
* * *
Мне рассказал знакомый репортёр,
Что для газеты нашей делал фото,
Какой невыносимейший позор
Он пережил в минувшую субботу.

С Васильевского острова – кортеж
Подъехал к самой «стрелке», и невеста
Спустилась с женихом, и стали меж
Водой – и небом, а для прочих – места

На снимке не нашлось бы всё равно –
Сияние глаз, избыток чувств, волненье…
Фотограф, истомившийся давно,
Защёлкал, зафиксировал мгновенье.

И вдруг – о, ужас! Скользкая ступень,
Нестойкий каблучок, смятенье духа!…
И молний блеск пронзил спокойный день:
Невеста, поскользнувшись, легче пуха

На краткий миг зависла над водой –
И рухнула, подняв вокруг фонтаны.
И словно обалдевший «молодой»,
Раскинув руки, дёрнулся, как пьяный…

Фотограф, драгоценный аппарат,
Почти швырнул кому-то из эскорта,
И ринулся к невесте, во сто крат
Быстрей, чем шайба, пущенная к борту!

И вытащил невесту, и потом,
Когда её, рыдающую в голос,
Отправили домой, твердил о том,
Что жизнь его – на части раскололась…

Что он теперь, как профессионал,
Не годен никуда, что ждёт позора,
Что в собственных глазах навек упал,
Когда рванулся с силой метеора

Спасать невесту, а обязан был,
Воспользоваться волей провиденья:
Не на спасенье свой направить пыл,
А в снимке – зафиксировать мгновенье!
* * *
Мы в простоте живём, не замечая
Деталей дней, бегущих чередой:
Как тянется парок над кружкой чая,
Залитой закипевшею водой.

Как, закрутившись, лихо по спирали,
Уносится из раковин вода –
Мы это сотни раз уже видали.
А – наблюдали? Хоть бы иногда?

Как круглая жемчужина росинки
Катается в шершавости листа,
И как ложится первая снежинка
На бронзовые поручни моста.

Как золотится вечером берёза,
Закатным озарённая лучом.
Как мучает мельчайшая заноза,
А боль в душе – бывает нипочём.

Как звёздами осенние листочки
К асфальту прилипают, не шурша,
И как, дойдя до самой крайней точки,
Весною возрождается душа.

Из крохотных, незначащих деталей
Слагается событий полоса.
Кто пропускает мелочи, едва ли
Умеет видеть мира чудеса.

И лишь душе, непостижимо тонкой,
Доступна и понятна красота:
И чуда – появления ребёнка,
И чуда раскрывания листа.
* * *
Помнишь давнее знойное лето,
Бирюзовый бескрайний простор
И глаза мои, чайного цвета,
Устремлённые прямо в упор?

Помнишь чёрную гроздь «Изабеллы»,
В сизой дымке, у самой щеки?
Ты ко мне прикоснулся несмело
Столь решительным жестом руки…

Помнишь тот, разделённый на доли,
С алым сердцем кавказца, арбуз?
И горчащий от солнца и соли
Наших губ потрясающий вкус?

Городишко у Чёрного моря
Приютил отдыхающих, нас…
И одна из курортных историй
Продолжается и посейчас…

Не гляди, что сто лет пролетело,
«Изабеллу» во рту раздави, –
И почувствуй стареющим телом
Тепловые удары любви.
* * *
Первые капли ударили в пыль на дороге,
Взвили фонтанчики дыми и канули в ней.
Слишком уж долго ярились горячие боги,
Слишком уж долго хозяйничал здесь суховей.

Но постепенно водой напиталось пространство,
И потемнела трава, и песок, и валун…
И нерушимое ранее дней постоянство
Вдруг изменил разгулявшийся дождик-шалун.

Брызжет вода, оттолкнувшись от края гранита,
Искорки солнца дробятся в летящей воде,
Ярко сверкает трава, зелена и промыта.
Вот уже лужицы расположились везде.

И пузырями пошли, обещая, что скоро
Кончится это блаженство небесной воды,
Скоро раскроются почвы иссохшейся поры,
И поглотят ненадёжные эти следы.

Ну, а пока – наслаждается каждый листочек,
Ветви ракиты полощутся в тёмной реке,
Что испещрил миллион пузырящихся точек,
Соединившихся рябью сплошной – вдалеке…
* * *

Весенний дождь, а серо, словно осенью,
Но верится, что это не всерьёз.
Калитки отсыревшие укосины
Не держат угол – вот и перекос.

Наверное, погоду неудачную
Я выбрала, отсюда и настрой.
Я начинаю эпопею дачную –
И хочешь – нет, берись и землю рой!
* * *
Не пытаюсь за кем-то тянуться,
Не стараюсь я с кем-то сравняться.
Я глашатай других революций,
И мои подрастают – двенадцать.

Не зову простаков из халуп я,
Пусть живут, друг на друга любуясь.
А короста, бубоны и струпья –
Заживут, отпадут, зарубцуясь.

Лишь бы гниль не прошла в сердцевину,
Оболочку оставив пустую…
И тогда я такую картину
Вам на белом холсте нарисую!
* * *
Прерывает дыханье
Поток новостей политических.
И уводит сознанье
От тем, первозданно-космических.

Уголочек укромный
Ограничен размерами жеста…
На планете огромной
Всем хватило бы смысла и места.

Но поветрием бреда
Над землёй катаклизмы нависли.
А нужна-то – победа
Над безумием собственных мыслей.

И возвышенным чувствам
Не даю на листе разгуляться.
В сердце – гулко и пусто
От бессмысленных слов и оваций.

Не пускаю на волю
Я поток романтических бредней.
Сердце ссохлось от боли
И годится на факел последний.

Это будет речовка –
Не стих для вечернего чтения.
И система рифмовки
Уже не имеет значения.
* * *
Красивое сравнение,
«Как старое вино»…
Но пить нам, к сожалению,
Его не суждено.

Для племени плебейского,
Не барского помёту –
Нет ни «Бордо», ни «Рейнского»…
Есть водка да икота…
* * *
Подводит твердь,
Скользит моя нога –
Хватаю жердь
С названием «слега».

Подводит друг,
От подлости его –
Такой испуг,
И больше ничего.

Подводит враг:
Всё с тыла норовит…
И в толк никак
Не взять, где что болит.

Подводит свет –
Весьма слепит глаза.
И столько лет –
Ни «против» и ни «за».

Подводит мир –
Несладкое житьё:
Кому-то – пир,
Похмелие – моё…

Подводит плоть:
Плутовка не верна,
Но держит, хоть, –
Кирпичная стена!…
* * *
Тебе, конечно, обеспечен
У наших дам – большой успех.
И я лишалась дара речи
В ответ на твой весёлый смех.

Твои улыбки источают
Такую лёгкость бытия –
Подвоха, в сущности, не чая,
На них попалась даже я.

На миг лишилась силы духа,
Но, к счастью, поняла потом:
И на старуху есть проруха –
Я лично убедилась в том.

С тобою многим – не до смеха,
Но пусть не радует почёт,
Заслугу своего успеха
Не зачисляй на личный счёт.

Рассудок – к делу применяя,
Поймёшь, коль не совсем дурак:
Что хуже гербовой – простая,
Лишь на безрыбье – рыба – рак.
* * *

Как давно уж замечено: в мире,
Почему-то, гармонии нет…
Кто-то любит картошку в мундире,
Кто-то устриц берёт на обед.

У кого-то, глядите же сами:
Нынче жемчуг совсем измельчал.
А другой – снова постными щами,
Пробавлялся… Мяска не достал.

И во веки веков – всё обычно.
Всё проходит с течением лет.
Всё осмысленно, но эклектично,
И вовек не укрыться от бед.

У того: хоть залейся водою,
У другого ручей пересох.
Что-то плохо глядит за Землёю
Надзирающий дяденька-Бог…
* * *
Зеленью различного оттенка
Снова разукрасился наш двор.
Прежде – те кусты, у южной стенки,
Им тепло, всегда снимают пенки,
Но и наши, с некоторых пор,
Те, чьё затенённое пространство
С опозданьем чувствует весну,
Всё-таки, с завидным постоянством,
Свойственным российскому крестьянству –
Породили зелени волну!
* * *
Через шесть десятков с лишним лет –
Как воскресший отклик тех времён,
Как далёкой битвы близкий свет –
Отыскался смертный медальон.

И слова, что проще – никуда:
«Передайте: улица и дом…»
«Муся, расстаёмся навсегда,
Погибая, помню обо всём…»

А ещё: «За Родину!», и вслед,
Как всегда «За Сталина, за Власть! »
Лишь на пару-тройку горьких лет
Муся письмеца не дождалась…
* * *
Старость подошла в расцвете лет:
Дряхлая противная старуха –
Бодрости и силы – нет, как нет!
Держит, разве только, сила духа.

Нелегко даётся свежий вид –
Блеску, как в потёртом старом стразе.
Проще рассказать, что не болит,
Но смолчу – чтобы совсем не сглазить!

И придут ли эти времена,
Хоть когда-нибудь вернуться снова,
Чтобы не сказать, что не больна,
А ответить, что совсем здорова?

Полегчает так, чтоб насовсем,
Чтоб нигде нисколько не болело,
Чтоб не поднимать печальных тем,
Ни душой не мучится, ни телом?…

Но уже, который год подряд,
(Ведь земля пока ещё не пухом),
Как у нас в народе говорят:
«Если не понос – так золотуха!»

* * *
Весеннее возникло настроенье,
И грех не отчитаться в том строками,
Пока не убежало вдохновенье,
Весны коснуться трепетно руками.

Поблёскивают клейкие чешуйки
Коричневатых почек на берёзе…
И ручейков играющие струйки
Не пожелали оставаться в прозе.

Природа, словно яркая картинка:
Сияет солнце, дует ветер мая…
А на руках – смолистая желтинка –
Чем оттирать – сама ещё не знаю.

* * *

Меня швырнули за борт, как балласт,
И дали по рукам, чтоб не цеплялась.
При помощи к ногам приросших ласт,
Плыву теперь, хоть вдоволь нахлебалась.

И судно – скрылось в море без следа,
Ни жалости не зная, ни стесненья.
А сколь горька забортная вода,
Кто пробовал – поймёт без поясненья.

Мне не протянут руки моряки –
На них арест в чужом порту наложен.
Они, как я, сгорают от тоски,
Ожог души страшней ожога кожи…

Одна лишь мысль, один лишь краткий миг –
Такая боль: навзрыд, в надрыв, и в крик!

* * *

Сказал напарник как-то: — Перекурим…
Присели… И в тот день случилось мне
Историю услышать вот такую,
Нередкую, быть может, на войне.

* * *

Стоял апрель, ещё почти в начале,
И шли позиционные бои.
Мы у леска прозрачного застряли,
Как будто в землю вязкую вросли.
Лежал снежок в оврагах и низинах,
Но почки начинали набухать…
В такую пору – не тянуть резину,
А в поле бы, на трактор да пахать!
Но чертов «немец» не даёт покоя –
То стихнет перестрелка – то опять!
Не тишина – затишье перед боем…
Да, впрочем, что там долго объяснять.
Весна ведь – время, знаешь сам, какое –
Воспоминанья ярче и острей.
Так хочется разделаться с бедою –
И по домам… А тут – в болоте прей!

В тот день с утра всё небо затянуло
Белесоватой тусклой пеленой,
С низины сквозняком холодным дуло
И колотун – на месте не постой!
Но некогда стоять – ведь у солдата
И в передышку есть немало дел.
Я протирал снаряды, а ребята
Ствол чистили… И каждый, как умел,
Старался. И не для тепла – для дела –
В бою ведь не бывает мелочей.
И вдруг: — Пошамать времечко приспело! –

Раздался голос, уж, не помню, чей.
По-моему, Володи Хворостенко –
Весёлый парень был у нас такой.
Все смотрят на меня – припёрли к стенке:
Кому идти? – Я самый молодой…

А кухня полевая – наказанье!
Туда – обратно – километров шесть.
Измеришь по грязюке расстоянье –
Пить не захочешь, а не то, что есть…
Как говорят, руками и ногами
Я упирался… Да, куда там – вмиг
Надели термос, подтолкнули сами…
И я пошел по лесу напрямик.
На мокрых кочках столько оступался,
Корягам скользким счёт я потерял.
А уж, когда оврагом пробирался –
Тут всех святых, признаюсь, поминал…
Но выбрался и вышел на дорогу,
И сразу побыстрее зашагал.
Вот так я и дотопал понемногу.
Друзьям привет от наших передал.
Дошёл до кухни, и по полной норме
Мне повар щи да кашу навалил,
Во флягу, как положено по форме,
Отмерив сколько надо, нацедил.

Обратно шёл, ссутулившись устало,
И тихо было, как не на войне…
Но лишь подумал так – загрохотало
Там, впереди. На нашей стороне.
И я пошёл быстрее – словно, что-то
Толкало в спину, гнало и несло,
Чуть не ввалился второпях в болото
И шёл, и шёл, шагая тяжело…
И вдруг я встал… и замер, словно громом
На этой вот опушке поражён…
А в горле крик застыл тяжелым комом:
Вот здесь кусты, а вот – пологий склон…
А здесь орудье было… Но на склоне –
Лишь чёрный ствол, присыпанный землёй…
Всю боль свою излил я в слабом стоне,
Я – из расчёта – самый молодой…

В лицо пахнуло сумраком студёным…
Уже во тьме воронка не видна…
И флягу я поднёс к губам сведённым –
Один – за всех – я выпил всё до дна…
* * *

Наша жизнь и судьба, как стрела…
Всё зависит, насколько умело
В тетиву опереньем легла,
Как взвилась и куда полетела…

То ли опытный лучник пустил.
То ли слабою детской рукою,
Не имевшей достаточно сил
С тетивою тягаться тугою,

Были пущены стрелы судьбы…
Та сгорела у Солнца в короне,
А иная, без лишней борьбы,
В бок воткнулась соседской вороне…

Ты летишь, закусив удила,
А стрелок – улыбнётся украдкой –
Он-то знает, что криво пошла,
И судьба не предвидится гладкой…
* * *

По Питеру катаюсь налегке я…
Читаю: «Максидом», «О кей», «Икея»…
И прочие престранные слова,
Понятные не многим, и едва…

И всё же город мой неповторим,
И на любой другой – незаменим…
Его заплаты и рубцы на теле
Я принимаю, ибо, в самом деле:

Не разлюбить под гнётом лет и дел –
Любимого, который постарел.
Вот так и город – раненый, но мой,
Кумир, красавец, пасынок, изгой…

И сквозь налёт и флёр последних лет –
Сияет первозданный яркий свет.
Любуюсь прямизной его проспектов –
Великому Петру – мои респекты!

А город, утонувший в фарисействе,
Манит к себе иглой Адмиралтейства.
Но тормозит, как выстрелом в упор –
Без купола – Измайловский Собор…
* * *

Умчаться «из кошмара городов»!
Туда, на волю, на простор, к природе,
Где всё – ещё естественно, и вроде,
И сам ты быть естественным готов.

Отсюда, где травмирует мозги
На единице площади скопленье,
И где на узких улочках – движенье
Рождает смог, что не видать ни зги.

Отсюда, где и ночью тишины
Не получить усталому сознанью –
Туда, туда, где место созерцанью
Ещё осталось, где пока войны

Жестокой не затеяли дубы,
Деля пространство с вербой и осиной,
И где друг другу – не стреляют в спины,
Где цинк – не применяют на гробы.

Увидеть там сияние небес,
Не заслонённым домом обветшалым.
Дышать простором, яростным и шалым,
Чтоб спрятал «за туманом» дальний лес,

Чтоб напоила свежестью роса,
Хорошую погоду обещая…
И, с миром примиряясь и прощая,
Пойду – простоволоса и боса!
* * *
Дождь, такой ещё не летний, моросящий,
Освежающий воздушное пространство.
Не силён, но утомительно-навязчив –
Мелкой дроби – по асфальту постоянство.

И облиственные веточки у клёна
Чуть колышутся под ветром, промокая.
Он такой, ещё по-детски, чуть зелёный,
Что породу – не понять – я просто знаю.

Просто знаю – это клён, и развернутся
Чуть позднее пятипалые ладошки.
А потом – ещё не скоро, но коснутся,
Пожелтевшими, асфальтовой дорожки…

Бесконечное судьбы коловращенье –
Человеку бы, возможно, надоело,
Для деревьев же – вернейшее решенье,
И оправданное явно и всецело.

Ну, а нам – себе представить просто очень,
Что природа постаралась не напрасно,
Для того чтобы для нас весна и осень
Были так разнообразны и прекрасны!
* * *
Всегда потребен хлеб, и детская рука –
Податливо-слаба, нуждается в опоре…
А главное – оно придёт, наверняка,
Появится вот-вот, определится – вскоре.

Куда уходит всё, лишь поманив на миг,
Сверкнув тебе в глаза, оставив впечатленье?
Знакомое давно из незабытых книг,
Что в мире лишь одни не поддаются тленью…

Где прошлое? Года, короткие, как дни,
Которые тогда казались месяцами…
И если мы теперь почти совсем одни,
То десять – к одному: мы виноваты сами.

В делах и суете карабкаясь вперёд,
Мы не могли не знать, что всё проходит в мире,
И значит, наша жизнь, мелькнув на миг, пройдёт…
И лишь потом поймёшь, как дважды два – четыре,

Что будущего – нет, что прошлое – мираж,
Из многих тысяч дней реален только этот.
Никчёмен и нелеп сует ажиотаж,
И блеск хрустальных люстр не прибавляет света.
* * *
Я поднялась на каланчу –
И на четыре края света –
Всё ясно вижу и хочу
Внести свои поправки в смету…

Пора кричать, но я шепчу –
Пока что силы в лёгких нету.
Но ты прислушайся – и, чу!
Услышишь голос – рядом где-то.

Настанет время – закричу,
Да так: что вздрогнет вся планета,
И пёсьих мух, и саранчу –
«Поглотит медленная Лета»…

Презрев и злато, и парчу,
Я – от заката до рассвета –
Над павшим мраком засвечу
Быстролетящую комету.

Взойду на плаху к палачу,
Но в мире станет больше света.
Я гражданином быть хочу,
Не прекращая быть поэтом!
* * *
Не сошлось, не сбылось, не сложилось…
Мы не вместе по жизни прошли.
Но над нами была – Божья Милость
На безрадостном лике Земли.

Нам единое Солнце светило,
Как бы ни был томителен путь –
От тебя исходившая сила
Наполняла усталую грудь.

Нас ласкали молекулы моря –
Те же брызги – тебя и меня.
На бескрайнем воздушном просторе
Я – одна – не бывала ни дня.

Доносилась та самая песня,
Тот, из юности нашей мотив.
Мир порой был пугающе тесным,
Нас, двоих на пути прихватив…

Было общее небо и звёзды,
И сердца, что стучали в груди…
И сейчас – ещё вовсе не поздно –
Я тебя догоню, погоди!…
* * *
Ты сказал всего лишь пару слов.
Как бы я сумела разобраться
В сложных отношениях полов
В те свои, неполные, пятнадцать?

А разлукам – не было числа,
Некогда нам было объясниться
И понять, что эти два крыла
Распахнула не простая птица.

Лёгок лет неудержимый бег,
Поступь – всё увесистей с годами…
Нужен был почти, что целый век,
Чтоб понять, что приключилось с нами.
* * *

С капитализмом – средства производства
Вернулись в частный сектор, словно века
И не было. Возобновилось скотство
И власть над человеком – человека.

Я раньше срока вылетела с кона,
Но я отвергну – и на месте лобном –
Не власть для всех единого – Закона,
А человека – над себе подобным!…
* * *
Когда-то прежде нас не баловали
Обилием кровавых новостей.
Чужое горе – знали мы едва ли –
По мудрому решению властей.

Вам объяснить любой психолог сможет,
Что ни к чему нам скорбь планеты всей,
И человеку собирать не гоже
Вселенскую тоску – в душе своей.

Да, в сущности, и каждому понятно,
Что сколь себя поклонами не горбь –
Хоть на весь мир – но нет пути обратно,
И порожденье многих знаний – скорбь.

И как-то расточился, между нами,
К чужой судьбе и жизни пиетет.
И в людях наработали с годами,
Как у врачей – на кровь иммунитет.
* * *
Мне надо немного… Хорошей погоды,
А изредка – радость простого общения.
Ну, чем не подарок – для старой колоды? –
За яркость сравненья прошу я прощения…

И встретить улыбки – чего ещё нужно?
А тёплое слово – так сверх ожидания!
Забыть о тоске и о боли недужной,
Согреться под светом людского внимания.

Та искорка в сердце не гаснет и светит,
Слеза набегает от льдинки растаявшей.
Помимо общения здесь, в интернете –
Давайте почаще встречаться, товарищи!

* * *

Уже почти жара –
Погода, как в раю…
Знакомого двора
Я вновь не узнаю.

Как зелени волна
Меняет внешний вид!
И новая весна
Восторгом озарит.

Облезлый старый дом
Не так глаза саднит,
Берёза под окном –
И вовсе удивит.

Всей прелестью простой
Не барственных кровей
И странной красотой
Поникнувших ветвей.

* * *

Здесь всё на продажу: душа,
И тело, и мысли дерзание…
Мы, видимо, этих «высот» и пытались достичь…
И всё-таки жизнь хороша,
И ясен закон мироздания.
Система же наших законов – абстрактная дичь!

И в этих делах – ни к чему
Подкованность в юриспруденции,
Здесь здравого смысла и логики нужен заряд.
Избрать ли суму – иль тюрьму,
Иль жить, не нарушив конвенции?
Что по лбу – что в лоб, как у нас на Руси говорят.

Система стандартов двойных,
И дикий разгул беззакония –
На фоне законов, прописанных до мелочей…
Но жаль, что едва ль до других
Доходит вся бездна иронии –
И вряд ли дойдут эвфемизмы до многих ушей…

* * *

Научусь я любить,
Как никто на Земле не умеет,
Научусь понимать
Каждый жест, каждый взгляд, каждый звук.
И тончайшая нить
Свяжет цепи железной прочнее,
Перестанет пугать
Разливанное море разлук.

Каждым днём дорожить,
Быть за каждую мелочь в ответе,
Задыхаться, боясь
Неожиданным вздохом вспугнуть
Это счастье: бродить
По одной неуютной планете,
Чтоб следов наших вязь
Выстилала извилистый путь.

* * *

У стен Петропавловки берег подёрнулся хрупким ледком,
И снежная проседь на старые стены легла.
А было когда-то – мы бегали здесь, как и все, босиком,
И пляжный песок превращался в крупинки стекла,

Которые плавились в мареве странных горячечных дней,
Слепили глаза и тускнели с вечерней зарёй,
А белые ночи сникали в сияньи вечерних огней,
И август пытался спугнуть нас холодной росой.

Но мы – теплокровные, нас не пугает морозом зима,
И руки, и душу – дыханьем легко обогреть.
А новое лето сведёт нас с тобою, как прежде, с ума,
Так было, так есть, и пребудет, воистину, впредь!
* * *
Не гений, не злодей,
Я где-то – между…
И в круговерти дней –
Храню надежду.

А верую – любви!
Святая вера,
Зови меня, зови
Из жизни серой,

Туда, где чудеса,
Где всё прекрасно,
Где алы паруса,
И утро ясно!
* * *

Зови, когда тебе невмоготу,
Когда ты ослабеешь от отчаянья.
Твой голос, улетевший в пустоту,
Услышу я, хранящая молчание.

Пока живу я, каждых полчаса –
Выдерживаю паузу – и слушаю:
И полные страданья голоса
Ко мне взывают ранеными душами.

Я свято соблюдаю ритуал,
И три минуты – нечто нерушимое,
А то, что ты меня пока не звал,
Не умаляет суть непогрешимую.

Морской закон – минуты тишины –
И только «sos» имеет право голоса –
Сквозь шорохи листвы и гул волны,
Сквозь шелест зёрен, льющихся из колоса.

Шепни! Я даже шёпот различу
В трепещущем эфире ожидания.
Доверься мне, как другу, как врачу,
Поверь в моё старинное предание.
* * *
Попытка перевода. Le jardin. Жак Превер
* * *
Не хватит и тысячи лет,
Чтоб выразить малую долю,
Той вечности, что на Земле,
Летящей в пространстве звездою,
В Париже, в саду Монсури,
Меня целовал ты, а я,
При утреннем свете зари –
Зимой – целовала тебя…
* * *
Нынче много звучит всевозможных тирад,
Если вникнуть – ни склада, ни лада.
То ль леса, то ль заводы в округе горят,
Разнося эманации смрада.

Не пробьётся черёмух хмельной аромат,
И уже не заглушат цикады

Своим пением – с улиц несущийся мат
И далёкий раскат канонады.

Иссякает в душе оптимизма заряд,
Пополнять, хоть и нечем, а надо,
Ибо слишком тосклив и безрадостен взгляд
От интеллектуальной блокады.

Эпатажных политиков шумный парад
И безликие звёзды эстрады…
Оглушающий грохот ракет и петард
Укачает покруче торнадо.

Но зато, как старательно нас веселят –
Ниже пояса все эскапады,
Проникает в мозги неразбавленный яд,
Отравляя и стара, и млада.

Мой товарищ, я вижу, ты вовсе не рад,
Все, кто мыслить способен – не рады
Нависающим тучам – и снизу, и над,
Позади, в перспективе и рядом.

Побрели хлопотливые сонмища стад,
Всех – по паре, от быдла – до гада –
То ли в рай, а, скорее, прямёхонько в ад,
Полагая, что в сторону МКАДа.

Бесполезно вздыхать, озираясь назад,
Не налезут былые наряды.
И влетает вторично в воронку снаряд,
Уцелевшим – на место награды.
* * *
Есть убеждённость у отдельных лиц,
Что перед их непогрешимым мненьем
Необходимо сразу падать ниц
И все свои, иные, убежденья,

Пересмотреть немедля, поменять,
Принять его систему мер и взглядов.
Не отойти в сторонку ни на пядь.
Есть мнение его – других не надо!

Однажды к пониманию придя,
Наверное, для самоутвержденья,
Всех убеждать готовы, не щадя
Ни времени, ни сил – до помраченья.

Я ж не пытаюсь мнения свои
Навешивать кому-нибудь на шею,
Выдерживать горячие бои –
Достаточно того, что их имею.
* * *
Голова, две руки,
Две ноги, что легки,
И другое – на месте, согласно комплекту.
Я была молода,
Но уже и тогда
Ты вниманье своё уделял интеллекту.

Был улыбчив и мил,
И всегда говорил,
Что тебя привлекли не фигура, не косы
И не ласковый взор,
А большой кругозор
И готовый ответ на любые вопросы.

Лишь немногим – года,
Словно с гуся – вода,
Не прокатишь меня, как когда-то, на раме…
Но избыточный вес

Не убил интерес –
Ибо я интеллект отточила с годами!

* * *

Справедливости нету в природе,
Это поняли люди давно.
Равноправие – сроду не в моде,
Тут: кому уж чего суждено.

Богу – богово, в общем, понятно,
Вот про кесаря – это вопрос.
Повернула дорога обратно,
Переклинило оси колёс.

Раз отведав приличного блюда –
Жрать не станешь живьём кабана…
Но легко продаются иуды,
Их повадка проста и страшна.

Остальных, заарканив умело,
Повели в направленьи станка.
И они на ходу, между делом,
Норовят продырявить бока

Тем, кто рядом, и пайку соседа
Ненароком урвать, под шумок.
Им чужие не горестны беды,
И не впрок чей-то горький урок.

А любовь, доброта, благородство –
Утешенье для дурней и дур…
Исповедует алчность и скотство
Это стадо животных без шкур.

Ничего не даётся без бою,
Лишь за гробом грядёт благодать.
Может, стоит, хотя б меж собою,
Справедливость во всём соблюдать?

* * *

Меня не заденешь подколкой – я стала крепка,
И кожа – бронёю меня защищает снаружи.
Ни в ближнем бою не достанешь, ни издалека,
И чем ни кольнёшь – я привычна – бывало и хуже.

Всё то, в чём меня справедливо могли б упрекнуть,
Я знаю сама, и меня не заденешь повтором.
А глупым Петрушкой – в рожок околесицу дуть:
Себя – не меня покрывать срамотой и позором!

* * *

А межа ещё полна водою,
И в колодце – уровень воды –
Вровень с почвой. И дорожку с бою
Не возьмёшь: мгновенье – и следы

Затянуло жижей буроватой,
А по небу, словно облака,
Пролетают клочья серой ваты,
Лишь подзолочённые слегка.

Но уже местами подсыхает,
Ярко зеленеет бугорок.
И погода, в общем, неплохая,
Но холодноватый ветерок

Продувает лёгкую ветровку,
Знать, погорячившись, налегке
Рано вышла я на стометровку:
От порога домика – к реке…

Но зато каким приятным жаром
Обдаёт натопленная печь…

И заметьте: всё – почти что даром:
Чай, сухарик, дружеская речь!...
* * *
Над Союзом потешились всласть.
Раздробили: границы, кордоны...
Сотня тысяч людей – нажилась –
Потеряли друзей – миллионы.

Потеряли родные края,
Где с соседями – жили по-братски,
Как большая, но всё же семья,
Где, ругаясь, не думают драться...

И границы меж нами легли,
Полосой незасеянной пашни,
Искорёжили лоно земли
КПП и дозорные башни.

Приграничный режим, паспорта,
Справки, визы, печати, таможни –
Чернота, суета, маята –
Как подумаешь – гадко и тошно.

Все мы нынче в огромной беде,
Ведь граница – преграда для дружбы,
Но открыта – всегда и везде
Для наркотиков и для оружья...
* * *
Мы были с тобою знакомы в прошедшем столетье,
А в новом столетье – искать бесполезно уже.
Я знаю: тебя мне случайно не выпадет встретить
В том доме панельном, на нашем, шестом этаже.

Где рядом квартиры – на разные стороны дома,
Глядела на запад – твоя, а моя – на восток.
И мне была улица всеми углами знакома,
Тебе же – наш двор и на тополе каждый листок.

Меня на рассвете неяркое солнце будило,
Тебе – оно вечером долго мешало заснуть.
И то, что единое нас согревало светило,
Собой выражало явлений глубинную суть.

И плыло над нами беззвёздное небо ночами,
Подёрнуто дымкой балтийских седых облаков,
И топали гулко бомжи, обживая над нами
Пространство таких, бесконтрольно-больших, чердаков...

Но дом отслужил – так бывает порою с домами,
Хоть чаще случается это с живыми людьми.
И волею судеб, разлука легла между нами,
И видимо, я, в безысходности, лягу костьми...
* * *
Я хочу натянуть на подрамник большую холстину,
Как положено, белой грунтовкой закрасить её,
И на этом холсте написать бы простую картину
И назвать «Настроение», в скобках добавив «Моё».

Написать на холсте буроватую жёсткую землю
И зелёной травой, с промежутками, почву покрыть.
Без особых прикрас – я сегодня таких не приемлю:
Пустяки, разнотравье: пырей, одуванчики, сныть...

Через двор проложить очень мелкой щебёнкой тропинку,
Посредине тропы – подсыхающий тёмный овал...
Не ленясь, прописать первым планом цветы и травинки –
Так старательно их мало кто на земле рисовал.

Жёлтый венчик и лист, по бокам обрамлённый зубцами,
Под берёзою слева, и справа, вокруг фонаря.

И клочочек земли, утрамбованный сплошь башмаками,
Где играют мальчишки, пока не погаснет заря.

Я хочу написать, чтобы выразить бурю эмоций,
От которой кружится шальная моя голова!…
Я хочу написать – только живопись мне не даётся…
И поэтому я бесполезно рифмую слова.

* * *

Свежо сегодня. Ароматом
Пьянящим – полно все кругом.
Смешались вмиг событий даты:
Просторный двор, облезлый дом –

Напротив, дети на площадке,
Шумы дороги вдалеке –
Растаяли. О, как мы падки,
Не до синиц в своей руке.

А всё в какие-то просторы
Нас манят стаи журавлей.
Ошибок глупые повторы,
Чужих разъезженных колей

Болтанка, а за поворотом
Опять знакомые места:
И непролазные болота,
И вековая красота…

В такие тянет эмпиреи,
Стою, сама себе дивясь,
От свежих запахов – дурея,
Сплетаю мысленную вязь.

Реальность наводнила снами
Ночная шумная гроза.
И наполняются слезами
Мои усталые глаза.

* * *

Я прошу, ну, расскажи мне снова,
Как всё просто в этом сложном мире…
Почему любое наше слово,
Тянет руки тяжеленной гирей,

Давит ноги тяжкою колодой,
Душит грудь необъяснимым спазмом?…
Мы с тобой всё ближе год от года,
Говоря и думая – о разном.

Объясни скорее суть явлений,
Дабы увильнула от проблемы,
Избежала недоразумений,
Не коснулась наболевшей темы.

Чтоб ровней, удобнее дорога,
А не поворот – за поворотом,
Чтоб в самой себе увидеть бога,
Чтобы песня пелась, как по нотам.

Ты же знаешь правила, прошу я:
Разъясни их мне, такой простушке,
Сесть ли одесную, ошуюю,
Иль насупротив пойти старушке?

Не молчи, мы золота не скопим –
Лей же серебро, другим на диво!
Чем таить безрадостные копи,
Говори – восторженно-красиво!

* * *

Обстановочка уютная,

Настроение престранное,
За окошком небо мутное,
Здесь – кофейня иностранная.

Город – русский, жизнь – не русская,
Все слова, как из подстрочника,
И орешки рядом лузгают
С равнодушием заочника…

Ни тепла, ни откровения,
И согреться – зря надеешься,
Кофеин рождает бдение,
Но без чувства не согреешься.

Ничего у нас не сбудется,
Ничего у нас не сложится…
Лишь останется на блюдечке –
Апельсиновая кожица…

* * *

Как в старой песне: «миленький ты мой»,
Возьми меня, пожалуйста, с собою!
Не оставляй растерянной, больной,
Наедине с неласковой судьбою.

Там, далеко: твой дом, сестра, жена,
Друзья, работа, дети и достаток…
Но даже если чаша и полна,
Для счастья – компонентов маловато…

Ты благороден, честен и умён –
Тебя таким я чувствую и знаю,
А у меня не жизнь, а странный сон,
Я без тебя – в бесчувствие впадаю.

А вместе мы б прожили сотню лет,
И с каждым днём – светлей и интересней…
Но нет иллюзий, и надежды – нет –
Я помню, чем кончалась эта песня…

* * *

Деревья у стены, как на подбор,
Как гости на всемирном фестивале,
Стоят, людскому обществу в укор,
Как будто обязательство давали:

Друг другу не вредить и не мешать,
Не вожделеть излишнего богатства.
И осеняет божья благодать
Деревьев ненавязчивое братство.

Стоят они у солнечной стены,
Не зарясь на соседнее пространство,
Не объявляют недругам войны,
И удивляют мирным постоянством.

Листву раскинув, словно напоказ,
Сошлись на фестиваль международный
Рябина, тополь, клён, берёза, вяз,
Акация и ясень благородный,

Боярышник, цветущая сирень,
Черёмуха, отцветшая недавно –
В жару даруют ласковую тень,
Заботливо, беззлобно и исправно.

И каждому достаточно тепла,
Никто из них не вытеснил соседа…
Откуда в человеке столько зла –
Притягиваем яростные беды!

Вот нам бы так: друг другу не пенять,

Что внешне – отличаемся немного –
Одна у нас Земля, планета-мать,
Одна по жизни, общая дорога…
* * *

По американскому примеру
(Мы с других примеров не берём)
С этим снова будут полумеры –
Пиво можно будет пить и днём.

Положи крамольную бутылку
В непрозрачный матовый пакет –
И соси с довольною ухмылкой:
Соблюдён закон и этикет!

Дальше – больше, можно пистолеты
По желанью смело применять –
Главное, чтоб дуло из пакета
Было посторонним не видать!
* * *
Всё хорошо, но хочется ещё
Чего-то… Хоть и странно, даже глупо.
Так кое-кто, пресытившись борщом,
Попросит сдуру лукового супу…

Борьба с хорошим лучшего – у нас
Любимое, привычное занятье,
В ней обретаем наивысший класс –
Глупцы… Без исключенья и изъятья.

Нам видится небесный окоём –
Звездою из глубокого колодца.
А трудности – мы сами создаём,
Чтоб было с чем усиленно бороться.
* * *
Отзвенели ручьи, распустилась листва,
Успокоилось сердце шальное…
На бумагу послушней ложатся слова,
Но навеки остался со мною

Тот полёт среди ярких, мерцающих звёзд,
В юном сердце моём перебои
И над Млечным Путём нависающий мост,
Там, где мы целовались с тобою…
* * *

Тёмный, обезлюдевший вокзал,
Электричка на пути железном…
Кто – кого той ночью провожал –
Выяснять сегодня бесполезно.

Вечер начинался нелегко,
Пили кофе, как бы, для разгона…
Листик, словно сцинковый геккон
Прилепился на стекло вагона.

Ветер в окна с яростью швырял
На ходу безжалостные капли,
Голову шлагбаум наклонял
С грацией состарившейся цапли.

Грохотали сцепкой, налегке,
Никому не нужные вагоны,
Я платочек тискала в руке…
На твои курсантские погоны

Наложила бликов светотень –
Столь от них далёкие – зигзаги…
Может быть, хоть следующий день
Нам подарит чуточку отваги?…
* * *

Лето нахлынуло в город, подобно цунами,
Кажется, плавится даже гранит парапета.
Чуть проседает горячий асфальт под ногами –
Снова по Питеру бродит нездешнее лето.

Вспыхнула зелень на ветках со скоростью взрыва,
Душно немного, и дождику быть, несомненно.
Выбросил свечи каштан невозможно красиво,
Помня про южные корни – на уровне генном.

Серою стала Нева и под каплями ливня
Крупною рябью пошла, убегая к заливу…
Словно вчера, мы бродили по улице зимней –
Зиму напомнит сегодня холодное пиво.

В кущах сирени зелёное – скрыто лиловым,
Жаль, что излишество это, увы, краткосрочно.
Гром отзывается дальним пугающим зовом,
Шлёпают капли по лужам добротно и сочно.

Похолодало, смеркается – белые ночи
Силы ещё не набрали, но рады стараться.
Нас перемены погоды пугают не очень –
Мы же с тобою привычные, мы – ленинградцы!
* * *
Первые капли ударили в пыль тротуара,
Серые шарики прыснули влево и вправо
И разбежались – внезапным узором муара,
Тут же размытым – для дождика это – забава:

Бить по земле, по траве, по кустам и по крышам,
Россыпью дроби кидаться с порывами бури.
Буйство воды – это нечто – даровано свыше,
Богом языческим, скрывшемся в облачной хмури.

Кисти сирени намокли и клонятся низко,
Сразу утратив дурман своего аромата.
Скачем по лужам с известною долею риска –
Всё-таки спрятаться надо хотя бы куда-то.

Из-под навеса, признаться, глядеть веселее
На полновесные струи. А грома раскаты
Ближе и ближе, и ливень пока не слабеет –
Кажется сверху: воды всё ещё маловато.

Треснуло небо по швам от сверкающих бликов,
Словно фотограф небесный готовит альбомы
И собирает партфолио мокнущих ликов
Города, улиц, машин и людей незнакомых.

Не огорчает изменчивость нашей погоды,
Это внезапное лето нуждалось в поливе.
Город умоют шумяще-журчащие воды –
И убедимся, что стал он светлей и красивей.
* * *
Нет, не праздные эти вопросы,
Я, и правда, услышать хочу
Всё, что было: удачи и «sos»ы,
Суперважное… всякую чушь…

У меня не иссякнет терпенье,
У меня не сбежит молоко…
Мне бы стать отражением, тенью,
В тех краях, от меня далеко,

Где ты ходишь, смеёшься и дышишь,
Где работа твоя и друзья…
Неужели меня ты не слышишь?
Это я! Это я. Это я…
* * *

Опускаются, некогда сильные, руки,
Утомляются, некогда сильные, ноги,
Раздражают, доселе привычные, звуки –
Это, видимо значит, что время – итоги

Подводить, и отчёт о содеянном выдать
На гора, в соответствии с жизненным сроком,
Отведённым на то, чтоб по жизни, без гида,
Нам бродить, одержимым то страстью, то роком.

Отчитаться вчистую по смете, когда-то
Нам предложенной жизнью, а дальше – как ляжет:
Ну, как, сверху решат, что ещё маловато
И пожалуют бонус, а может быть, даже

Некий грант в виде новых, неизданных строчек…
Я по жизни – бухгалтер не очень-то важный,
Плановик – и подавно. Колдобин и кочек
Не умею предвидеть, шагая отважно.

Отчитаюсь… А дальше: финал с эпилогом,
А, возможно, преамбула тома второго…
И чего тут гадать – мы же ходим под Богом –
Это нам объяснили доподлинно снова.

И как хочешь, зови эту странную силу,
Что куда-то влечёт, не даёт передышки
На дорогах Земли, нашей общей могилы,
Где бескрайний простор… и дозорные вышки…

* * *

Горбаты и хромы
Приверженцы задних рядов,
Поскольку хоромы
Не строятся с честных трудов.

Сердитый Юпитер –
Юпитер – поэтому прав!
Напрасно хотите,
Чтоб свой он умеривал нрав.

Хоть кесаря доля
Довольно обширна на вид,
Но вольному – воля:
Господню урвать норовит.

Воловьей породе –
Юпитера куш – не моги!
Хоть каждому, вроде:
Башка, две руки, две ноги…

Кто здесь, рядом с нами,
Соседский прибрал каравай –
Чужими горбами,
Глядишь, и намылится в рай.

А тот, кому сложно
Усвоить подобный урок,
Запомнил надёжно,
Что бедность – совсем не порок.

Уж, чья бы мычала!
Себе-то – накину платок.
Поскольку сначала –
Не выйдет, хоть вот – локоток!

Избегнувши бучи,
Затихну, довольна судьбой…
А тем, кто покруче –
Нет лучшей защиты, чем бой.

И многим не внове

Навязанный «образ врага»…
Бодливой корове
Частенько даются рога!
* * *
Веснушки по асфальтовой дорожке,
И на стекле отчётливые чёрточки,
Метанья по двору соседской кошки
И капельки прохладные из форточки…

Дождинки, застеклённые в рапиде –
Какое-то сплошное многоточие.
Я на тебя нисколько не в обиде –
Ну, приходи и убедись воочию!

В тот день – полупрозрачные слезинки
Мои глаза печалью переполнили,
Ты вновь ошибся – разве это льдинки?
Да разве это я метала молнии?!

Стихия разгулялась не на шутку,
Была гроза, обычная, весенняя,
А мне всегда в грозу – немного жутко,
И потому дурное настроение.

Но это не каприз, не раздраженье –
И всё легко б лечилось поцелуями…
А вот теперь – в груди такое жженье,
Не погасить и ливневыми струями!
* * *
Заходите ко мне на часок –
До утра досидим – не заметим!
Этот маленький жизненный срок
Станет лучшим явленьем на свете.

Карамелька да горький чаёк
Греют тело и пользуют душу –
Заходите на мой огонёк –
Я умею внимательно слушать.

И на самый нелёгкий вопрос
Отзовусь адекватным ответом…
Только двор лебедою зарос,
И тропинка теряется где-то.
* * *
Разве стоит кого-то винить,
Что куделька потрачена молью,
Что запуталась тёртая нить,
И душа искорёжена болью?

Что на пряже моей узелков
Накрутилось без смысла и цели?
Что из трюма и рабских оков
Я рванулась! На рифы и мели…

Что на склоне печального дня
Не нужна равнодушной Отчизне,
Хоть познаний в башке у меня
Много больше, чем надо для жизни.
* * *
Разнятся плоды ночного бдения…
Ночь темна, но нет покоя многим,
Кто-то крепко спит в изнеможении,
Но ночного волка кормят ноги.

Раздаются звуки полуночные
На просторах «спального района»…
Выбрать бы словцо такое точное,
Для ночных дворовых автохтонов…

Год назад сложилась коалиция –

До того – дворы пустели ночью…
Есть вопрос: куда глядит милиция?
Где она стоит, потупив очи?

Двор, вокруг четыре спящих здания,
Грохот, визг и хохот (от щекотки) –
А потом, возможно, с содроганием
Ужаснутся местные красотки,

Проанализировав последствия
Милого ночного развлеченья,
Принявшего вид такого бедствия,
Что не обойдёшься без леченья.

…Задремлю к рассвету в утомлении,
Написав десяток странных строчек,
Отразивших все мои мучения,
И других, таких же, одиночек…
****
Автохтон – туземец, местный житель, исконный, коренной, природный, первобытный, уроженец, старожил, абориген.
* * *
К упадку человечество идёт,
И нечему, по сути, удивляться,
Ведь выживает чаще – идиот,
Здоровяки же в перечни реляций,

Скорей, посмертно будут внесены.
А обладатель «белого билета»
Привносит лепту в генофонд страны –
Не слишком обнадёживает это…

Энтузиасты – пёрлись на рожон,
А смельчаки – под пули из окопов…
И первым был, естественно, сражён –
Шофёр, а не любитель «автостопов».

Способный на поступок – получал
Частенько в лоб за инициативу –
Вот вам начало всяческих начал
И прозорливый взгляд на перспективу.
* * *
Чтоб в небе летать – обязательно птицей родиться?
Простор под крылом, ощущение всей перспективы!
Но люди, летая, счастливей, чем многие птицы,
Поскольку у птиц не имеется альтернативы.

Незрелый кленовый «пропеллер» – лежит на асфальте,
Ему не прижиться – сомнения здесь неуместны.
Но он совершил свой полёт, своё трудное сальто,
Он долг свой исполнил, хоть безрезультатно, но честно.

Икары летят, за дедалами не поспевая,
Кончая полёт в каменистых отрогах обрыва…
Их много на свете, огромная, дивная стая –
Безмерно трагична и так нестерпимо красива.

Лететь, иль ползти? Все мы жертвы подобной дилеммы,
И каждый себе по душе выбирает пространство.
Так хочется вечной и чистой, не траченной темы,
Что столь хороша, уже этим своим постоянством!

Летаю – во сне, как по жизни – полёт невысокий,
Пожалуй, назвать это будет вернее: паренье…
А здесь, на земле, сочиняю красивые строки,
Вплетая в узор, под названием «стихотворенье».
* * *
Гроза, мелькнув, вернулась к горизонту.
Там, за рекой, в негаснущей дали,
Небрежно очертив зубчатый контур,

Коснулось солнце краешка земли.

А дождь идёт… В прорехах одеяло
Чуть розоватых дымных облаков…
Вот так бы всё стояла и стояла,
Роняя звенья рухнувших оков.

Навстречу ливню распахнула окна
В сиянии тускнеющего дня.
Пусть даже я немножечко промокну –
Он напоит энергией меня.
* * *
Нас окружают пластик и бетон,
Металл, кирпич, стекло… Но греет душу
Деревьев вечный шум со всех сторон,
Мелодией вливающийся в уши.

В них жизнь бурлит! Но человек жесток.
И если вникнуть, может оказаться,
Что в древесине кроется исток
Расцвета мировых цивилизаций.

Материал для многих славных дел –
Перечислять, пожалуй, смысла нету.
Он обогрел, обстроил и одел
Когда-то всю огромную планету.

Ты прикоснись – кирпичная стена
Твоё тепло возьмёт. А брёвна греют –
Бревенчатой стеной изба сильна,
И человек от дерева – добреет.

В любом краю, в любые холода
Согреты деревянною стеною,
И дерево – нигде и никогда –
К тебе не поворотится спиною!

Накат блиндажный, бруствер на краю
Окопа и призывный скрип калитки…
И я Осанну дереву пою,
Подобно новоявленной друидке.
* * *

Внезапно мне открылось откровение:
Я – зимний, серебристо-белый лес.
Меня не тронет смена настроения,
И криз гипертонический исчез.

Мне хорошо под снежною одеждою,
Не бродят соки, листья не шуршат,
Я простою под этой шубой снежною
Ещё четыре месяца подряд.

Я не хочу ни пищи, ни внимания,
Не льются слёзы, и не душит спазм,
Ни грусти, ни печали, ни терзания,
И я, состарясь, не впаду в маразм.

В покое, в равнодушии, в молчании
Светло и несгибаемо стою.
Мне незнакомо горькое отчаянье,
В неравном обретённое бою.

Поймите! Это – в сфере понимания:
Я – зимний, серебристо-белый лес!
Я не сошла с ума, и я в сознании –
Аутотренинг! Я снимаю стресс…
* * *
Этот мир наш то сладок,
То он горек, то солон, то кисл…
У религий – упадок,

Ну, а вера моя – здравый смысл.

Вера в нечто святое,
В некий образ абстрактных идей
Отнимает простое:
Веру в светлое братство людей.

И когда нам не застит
Лик Господень – сияние дня,
Понимаем, что счастье
Лишь в руках у тебя и меня.

А в походе крестовом –
Море подлости, крови и лжи.
И довольно не ново:
Всех гяуров сажать на ножи.

Яркий блеск позолоты
Не укроет от вдумчивых глаз,
Столь знакомый, до рвоты,
И давно надоевший наказ:

Разделяй, мол, и властвуй!
Единенье народов – беда.
А послушную паству
Ради Бога – веди, хоть куда!

Ну, а если со всеми
На закланье идти не с руки,
Те, кто подлое время
Обгоняли, судьбе вопреки.

На костёр инквизиций
Отдавали живые тела…
Их, не сдавших позиций,
Даже смерть победить не смогла.

А Единая Вера,
Разумеется, всё-таки есть.
Назову, для примера:
Справедливость, свобода и честь!
* * *
Свежий ветер надул парусами
Простыню на соседнем балконе
И играет цветными трусами,
Будто гюйсом – на парусном фоне.

Словно не было старости, словно
Даже зрелость ещё на подходе…
То, что время – довольно условно,
Ощущаю, согласно погоде.

Эти дивные запахи лета:
От листвы, от цветов и от пашен –
Свежим ветром подхвачены где-то,
Вдалеке от дорог и от башен,

Населённых безликой толпою,
Устремлённой к абстрактной наживе…
А пройти бы безлюдной тропою
К зеленями украшенной ниве.

А вдохнуть бы букет разнотравья,
Не отравленный смрадом бензина.
Помечтать бы о светлом и давнем,
Принести бы – не из магазина –

Из леска – земляники, столь густо
Наполняющей дом ароматом,
Огурца бы колючего, с хрустом,
Прямо с грядки, как было когда-то…

То, что запахи будят желанья –
Мне известно давно и поныне.
Этот странный закон мирозданья
Вносит жизнь в городскую пустыню.

* * *

Эта касса, в зелёном бараке,
Где окошечко забрано сеткой.
Где в закатном сквозном полумраке,
Наклонились поникшие ветки

Слева – справа, не зная обрезки,
И своей шелестящей листвою,
Ловят ветер, прохладный и резкий,
Над горячей моей головою.

Где большие железные урны,
С той эстетикой прошлого века,
Отрицающей лоска котурны,
Лишь удобство суля человеку,

Где скамейки, изогнутых линий,
Повторяющих линии тела,
И газон распустившихся цинний,
Так бы села и молча глядела…

Как мелькают в огнях электрички,
Маскируясь в листве придорожной,
И считала по старой привычке
В них вагоны, с тоскою острожной…

А потом, у кассирши в окошке
Я б купила картонный билетик…
И мелькнула, скользнув на подножку:
Силуэт в электрическом свете…

Принимая любое соседство,
Как когда-то, без тени укора.
Не ревнуй, я уехала в детство.
Я вернусь… Обязательно… Скоро…

* * *

Изменяется город
Не всегда адекватно…
Две слезинки – за ворот,
Что не очень приятно.

У барочной ограды
На гранит парапета
Ненадолго присяду
В ожидании лета.

Отраженье собора
В тёмных водах канала
Мне напомнило город,
Где когда-то бывала.

Чёрно-белое фото,
Чёрно-белые лица…
И в груди отчего-то
Аритмия случится.

Мне не вымолить снова
За разлуку прощенья.
Я топчусь бестолково,
И щемит средостенье.

* * *

Приближается город, ползёт, заполняя прорехи,
Там, где были поля, пролегла кольцевая дорога.
Двадцать первого века растут характерные вехи,
Свежим взглядом заметно, что их понастроили много.

Встали башни домов на плывущих болотистых землях,
Где никто не решался вздымать в высоту небоскрёбы.
Но решились теперь, зову здравого смысла не внемля,
Озабочены лишь наполненьем счетов и утробы.

Дай-то бог, чтоб остались в бумагах любые прогнозы,
И стояли дома нерушимыми долгие годы,
Чтобы их не коснулись природно-житейские грозы,
И другие капризы неласковой нашей природы!
* * *
Уехать бы туда, где меньше скверны,
Где хорошо, куда влечёт романтика…
Но я же онемею там, наверно:
Мне так близка российская семантика.

Там под лазурью неба море плещет,
Там не сжигает холодом озимые…
Но тары нет, куда б вместились вещи,
Для жизни мне весьма необходимые.

И где ещё я Родину такую
Смогу найти, слоняясь неприкаянно?
Да, я по центру города тоскую,
Живя, не уезжая, на окраине!
* * *
Извечные российские вопросы:
С чего начать, что делать и кем быть,
С загадочной душой великороссы,
Не могут из судьбы своей изжить.

Меняем географию и гимны,
Решаем, что есть рай, и что есть ад,
А дети на отцов идут – взаимно,
Всё выясняя, кто же виноват…

Но мысли о душе, судьбе и боге
Пригасят молодой энтузиазм,
Давая вариант на «М» в итоге,
На выбор: то ли Мудрость, то ль Маразм…
* * *
Мой светлый Ленинград, «Петра творение»!
Мне здесь родиться, верно, повезло…
Но я б гордилась родиной не менее,
Будь это городок или село.

Хоть сто домов, но кровью прикипевшая,
Была б без них – берёзкой без корней,
И приходила б, конная иль пешая,
Склониться перед родиной своей.

И что б там ни досталось при рождении:
Москва, Урюпинск, Пенза или Рим,
Каким бы ни был город по значению,
Как родина – любой неповторим!
* * *
Донёсся дух сгоревшего бензина…
И сразу память предлагает мне:
Июльский день, родная Украина,
Бабуня и гружёная машина –
На пасеку мы едем – на зерне.

Рассыпчатой пшеницей золотою
Наполненный до края самосвал…
Водитель нас, с бабуней и сестрою,
Своей мужской надёжною рукою,
В попутную машину посажал…

Поля до горизонта: кукуруза,
Подсолнечник, цветущие луга,
Бахчи с боками круглыми арбузов,

Любая часть Советского Союза –
Душе моей и нынче дорога.

И пасека, в струящемся от зноя
Цветочном аромате, и шалаш,
Где мы уснули с младшею сестрою,
Под впечатленьем от полёта роя –
Таков был мир: огромный, светлый, наш!...

И с той поры я золото приемлю
Лишь в виде драгоценного зерна.
Люблю, до слёз в глазах, родную землю,
Шумит ли на ветру, иль сонно дремлет...
А тяга к накопительству – смешна!

* * *

Старая песня,
Аккорды простые,
Голос надтреснут,
А струны – живые...

Годы другие,
И кажется, душу
Рвёт ностальгия
Из тела – наружу!...

* * *

Снов больных причудливая вязь,
Россыпь слов, узорчатой каймою...
Мир, который замер, накренясь,
Скатерть с посечённой бахромою...

На своих не держится местах
Ничего, в стремлении к паденью,
В близкой перспективе – полный крах
И упадок сил и настроенья.

Гобелен: олени у пруда –
Середина рухнувшего века...
Господи, какая ерунда
Заполняет мысли человека!

Не желай, не жди, не прекословь,
Выполняй условностей условья...
Никому не нужная любовь
Бьётся в уголке над левой бровью.

* * *

Зарубежного Крыма
Дорогие черты...
Просто невыносимо:
Посжигали мосты...

И побили посуду,
Прежде – братья навек.
Снова море, как чудо,
Вижу я из-под век.

Неделимо, едино
Предо мною лежит...
Прячет старую мину,
Новой бомбой грозит...

Парус в море белеет –
Ну, точь-в-точь – по стихам...
Жаль, исправить труднее,
Чем воздать по грехам.

* * *

Шаги к тебе: по снежной целине,
По ровному и гладкому гудрону,
По первотравью, летом, по весне,
По листьями шуршащему газону –
Всё время нелегко давались мне,

Хоть никому не нанесли урону.

Шаги к тебе. Дыханье затая,
Волнуясь, как девчонка-малолетка,
Сама от беспокойства не своя,
Сникая, как обломанная ветка,
В твои, не отдалённые края,
В которых я бывала очень редко…

Шаги к тебе уже не проложу
Ни по какой накатанной дороге.
По лезвию, по острому ножу
Прошла бы вновь, до крови режа ноги…
Без лифта бы взлетела к этажу!…
Но подвела судьба свои итоги.
* * *
Тягучее время, простынная тонкая бязь,
Меняет узор в соответствии с временем года.
А стрелки застыли, ни взад, ни вперёд не крутясь,
Но время, увы, не имеет обратного хода.

На каждую рану – целебный бальзам или мазь –
Прольются, то ль пеклу, то ль светлому небу в угоду.
Вот так и живём, хлопоча, проклиная, крестясь,
Делами гордясь, жемчугами, детьми иль породой.

Оступишься чуть – и гляди, замараешься в грязь,
Какую не смоют и самые чистые воды,
И ангел-сиделка застынет, к тебе наклонясь,
Давая стакан, не понять, мышьяка или соды…

Меж прошлым и будущим, словно утратили связь,
Подобно Антею – с землёю, водой и природой.
А чёрные мысли вскипают, у нас не спросясь,
От них не спасёшься в отсутствии громоотвода.

Скучая, печалясь и радуясь, злясь и смеясь,
Живу, никогда не гонясь за капризами моды.
Сплетаются дни в непростую, но прочную вязь,
События, чувства и мысли, стихи и погода…
* * *
Хоть не верилось, жизнь человека безбожно мала.
Отшумели года важных слов, судьбоносных поступков.
И остаток – летит, как из лука тугого стрела,
С каждым прожитым днём организмы всё более хрупки.

Но таится внутри наших солнечных душ огонёк,
То чуть тлея в ночи, то сияя, не зная предела.
Если можешь почувствовать горечь и трепетность строк,
То не так уж и страшно, что сплошь голова поседела.

Успокоил июнь половодье цветущей весны,
Южный угол двора не подарит и краешка тени.
Но я знаю секрет, что за домом, с другой стороны,
Затаилась весна в не отцветших куртинах сирени.
* * *
Читая мудрые труды мужей учёных,
Я засыпала от тоски на полдороге.
Они пытались объяснить для невлюблённых
И для влюблённых – что такое есть в итоге –

Любовь… И алгеброй гармонию поверив,
Храня приверженность науке слишком слепо,
Ломились умным лбом в незапертые двери,
Что даже для глупцов поистине нелепо.

Нелюбящим внушать систему уравнений
Пытаться глупо, но ещё глупее – в кубе –
Рождая в головах поток недоумений,
Анализировать любовь для тех, кто любит.
* * *

Возможно, напрасно я строчками маюсь,
И видано это давно многократно,
И стоит ли тратить слова, повторяясь:
Горящий фонарь, золотой, многоваттный,

И ветви берёзы, висящие книзу,
Облиственны ярким зелёным убором,
От свежего ветра стучат по карнизу
И бьются в стекло с непонятным укором.

И чувство рождают – вины и обиды,
Как будто меня обделили уютом…
Как автопортреты несчастная Фрида,
Пишу, и пишу, и пишу почему-то

Пейзаж городской, так привычно неброский,
И жёлтые блики на листьях берёзки…
* * *
Мы с тобой не сумели когда-то вначале
Наше юное чувство разъять на детали,
Объяснить, для себя, что к чему, и подавно,
Не смогло всё сработать легко и исправно.

Нерешительность, страх, даже глупость, возможно:
Нас учили – к любви подходить осторожно…
Говорили, что лучше пусть недо, чем пере…
Это, в сущности, верно, в какой-либо мере.

Но попробуй, найди эту грань роковую,
Пронеси на руках эту искру живую,
Чтобы руки не сжечь, и огня не утратить,
Любоваться зарёй и не чахнуть на злате…

Ту задачку решить не легко и не просто:
Отличить, где любовь, где явления роста…
* * *
Было – наше. А теперь
Всё: твоё – моё – чужое…
С этим фактом, верь – не верь,
Жить придётся нам с тобою.

Может быть, когда-нибудь –
В отдалённом поколенье –
И решатся выбрать путь
С непростым сопротивленьем…

Много позже. Не застать –
Не живут так долго люди…
Так что, надо привыкать,
Хоть застрял, как при простуде,

В горле ком: твоё – моё.
Наше – взяли олигархи.
Воротилось к нам житьё,
Как, бывало, при монархе…

И глядишь, на склоне дней
(Тяжела судьбина наша),
Станет истинно моей:
Шконка, пайка и параша…
* * *

Три подушки – горкою,
Я на них не сплю,
Я свернусь, как кошка,
Встану на заре.
Чистою скатёркою
Столик застелю,
Наварю картошки,
Прямо в кожуре.

Выбирать и сравнивать…
Ждать и догонять…
Скучные глаголы –
Мне не по душе.
Лучше хлопну ставнями,
Застелю кровать…
Стены хоть и голы –
Славно в шалаше!
* * *
Приплыли подорожники в Америку
На кожаных матросских башмаках,
Сначала порассеялись по берегу,
Потом в других протоптанных местах.

Его назвали просто замечательно
Туземцы, автохтоны, дикари:
«След Белого» – красиво и мечтательно…
Не веришь, так в словарик посмотри.

Помимо джина, бус и подорожника,
Религию везли на край земли.
Потом с воображением художника,
Индейцами туземцев нарекли.

Конечно, занимались просветительством:
За золото и даже просто так,
Приобретя, при общем попустительстве:
Паслёновые, сифилис, табак…

А нынче на просторах Света Нового
Уже не удивляет никого
«След Белого» – умелого, весёлого –
Хозяина всего, всего, всего…
* * *

Писать завещание – в сущности, просто,
Когда остаются дома и лабазы,
Когда на маршруте от дома к погосту,
Все земли: Маркиза тире Карабаса.

Ещё ненавязчивей – золото в слитках,
Огромный сундук ювелирных изделий…
Его получив, паразит с паразиткой
От радости могут запить на неделю.

Сложней разобраться, когда завещанье
Включает, хоть ценные, всё же бумаги.
Но есть адвокат – обнадёженный данью –
Поможет понять, где поля, где овраги.

Но как завещаешь слова да идеи,
Восторг от рассвета и грусть от заката,
Которыми, хоть и по праву владея,
Ни в руки не дашь, ни положишь куда-то?

И можно ли мысли разъять на кусочки,
Учтя в завещании каждую малость,
И как разделить стихотворные строчки,
Чтоб поровну всем, кто желает, досталось?
* * *
Отзвеневшая песня,
И гармония строк…
Но толпе интересней,
Не талант, а порок.

Не припомнят ни слова
Из великих стихов,
Но нажиться готовы
На раскрутке грехов.

И пусты, и безлики,
Но желает любой
Отыскать у великих
Каплю сходства с собой.

Сам нескладного кроя?
Не любя, не скорбя,
Очень просто: героя –
Опустить – до себя!…

* * *

Я не очень-то знаю, что там происходит в мозгу,
Если бьётся любовь в растревоженном чувствами теле,
Но спросите меня – объяснить я доступно смогу,
Что такое любовь, наяву, не во сне, в самом деле.

Да, сужается клин в направленьи объекта любви,
И туманится взор – то слезами, то розовым светом.
Улыбайся, грусти, хохочи или слёзно реви –
Это близко любви, но сегодня и здесь – не об этом.

Замыкается круг и выходит опять на спираль,
Происходят дела, что потом назовутся судьбою,
И сумею сама осознать я такое едва ль,
Что вершила большая любовь всё, не взятое с бою.

* * *

Мы не происходим от зверей –
Дарвина клеймили не напрасно.
С человеком – страшно и опасно –
Потому: не меряно дверей.

Что такое преданность и честь,
Сапиенс не часто понимает…
Зверь – гораздо реже убивает,
Больше, чем за раз способен съесть.

Нынче всё у нас, как у людей:
Разве бы пантера допустила,
Разве бы сама свела в могилу
Не рождённых собственных детей?

То, что от природы отойдя,
Женщины – пестрее, чем мужчины –
Это для восторга – не причина,
Ты поймёшь, немного погодя.

* * *

«Я тебя отвоюю у всех других — у той, одной…»
М.Цветаева

Ну, кто сказал, что за любовь – бороться
С соперницами, с жизнью и с собой
Должна, и лишь тогда букет эмоций
Наградой станет мне за вечный бой?

Ну, кто сказал, что если отвоюю
Тебя «у всех других — у той, одной»,
Сумею заменить собой – другую,
Что, может быть, назначена судьбой?

Ну, кто сказал, что если я узнала,
Что это ты – единственный – в толпе,
То мне на жизнь и счастье – будет мало
Самозабвенья в вечной агапэ?

****

Агапэ – «Древние греки так называли мягкую,
жертвенную, снисходящую к ближнему любовь.» (с)

* * *

Иссякает жизненный запас,
Годы исчезают понемногу –
Эта неуютная дорога

Выпадает каждому из нас.

Раньше или позже – но один
Результат без всяких вариантов:
Выселяет вечный Господин
Временных наивных квартирантов.

Плакать? Или лучше пошутить,
Относясь к тематике с улыбкой?
Ибо в жизни – призрачной и зыбкой –
Слишком много поводов грустить…
* * *
Можно погружаться в бездну боли,
Щурясь, а не радуясь рассвету,
И плестись по жизни поневоле,
Горькие фиксируя приметы.

Можно, лошадиному примеру
Следуя, зашориться надёжно,
Что-то впереди принять на веру
И шагать, легко и не тревожно.

Можно, боль сочтя за испытанье,
Радуясь, что всё-таки живая,
Не терзаться вынужденной данью,
Без остатка сердце отдавая.

И не важно, кем тебя считают,
Важно, что внутри, а не снаружи:
Улетают годы шумной стаей –
Горизонт не делается уже!
* * *
Сижу почти на краешке земли –
Больная бесполезная старуха.
Вы как, мадам, до этого дошли?
Ответить честно – не хватает духа.

Везде ухабы – сколько ни рули,
Непруха, безнадёга, невезуха…
А где-то там, в лазоревой дали,
Лежит и ждёт земля, подобна пуху.

Умчались поезда и корабли,
Не улететь ни бабочкой, ни мухой,
Ни крохотной пчелой месье Дали –
Бывает же подобная проруха!

И так-то на табло одни нули,
И снова: не понос, так золотуха…
Сама себе прикрикну: не скули!
Сама себе отвешу в оба уха!
* * *
Сродни позабытому капищу
Богам, прилетавшим извне,
Недавнее, «новое» кладбище
Безлико в своей новизне.

Уравнены левые, правые,
В венках обновляемый ряд…
Едва возвышаясь над травами,
Кресты и оградки стоят.

Отметив уход – возлиянием,
Немногие снова пришли
К прорехе в лесном одеянии,
К заплате на лоне земли.

Живое – живым, а покойники
Почти никому не нужны…
И затхла вода, как в отстойнике –

В овражке за кладкой стены.

* * *

Если много дано, значит, многое спросится.
Я готова ответить, но я человек,
И, страдая, шагаю сквозь чересполосицу,
В ожиданьи придуманных греками рек.

И хотя между плюсов моих – и терпение
С полновесным шлепком упадёт на весы,
Но не столь уж нелепо возникшее мнение,
Что шагаю упорно я вдоль полосы.

Сбилась стрелка на компасе, я не заметила,
Поверну, сколько можно – терпеть и терпеть?!
Если ж нет – то две трети я горечи встретила,
И осталось, возможно, ну, максимум треть...

Только всё на земле познаётся в сравнении,
И порою встаёт в первозданной красе –
Не настолько и дикое предположение,
Что по светлой сейчас я иду полосе...

* * *

Уйду навек, смиряя гордый нрав,
Без шума, суеты и блеска молний.
Но я, свою энергию отдав,
Вселенскую энергию пополню.

И, может быть, важнейшей из задач
На мне ещё оставшиеся годы –
Стоит одна – сплетенье неудач,
Доставшиеся беды и невзгоды

Перебороть и рассосать во мне
Весь негатив скопившегося яда,
Чтобы заряд, вернувшийся во вне –
Являлся положительным зарядом.

* * *

Голодным должен быть поэт...
А сытому – слабо?
И непременно – юных лет,
Как утверждал Рембо?

А если копится – года,
Но тонок голосок?
А дни, сквозь пальцы, как вода,
Ну, может, как песок...

И в тот момент, когда маразм
Уже принять готов,
Вдруг возникает этот спазм –
Писание стихов.

И мысли, где-то в глубине
Хранимые давно,
По чьей-то прихоти ль, вине –
Созрели, как вино!

Его с опаской стоит пить –
Ну, возраст – что возьмёшь!
А уксус – едок, может быть,
Но тем-то и хорош!

* * *

Есть же в мире капелька гармонии:
Внешне, в поведении, во всём –
Благородно, но без церемонии
«Солнышко» кружится над цветком.

Понимает ласку обращения,
Действием ответит на посыл –
Шёпотом подскажешь направление,

Чуть моргнёшь – и след уже простыл!

Этот образец для подражания
Не какой-то призрак вдалеке,
Недостойный нашего внимания –
А коровка божья на руке.

Каждому родная и знакомая,
Для растений – любящая мать.
Неприятным словом «насекомое» –
Даже неудобно называть!…
* * *
Как жестоко поступили боги,
Разделив людей на половинки…
Ты идёшь куда-то по дороге,
Я бреду устало по тропинке…

Над тобой – сияние восхода,
Надо мной – уныние заката.
Мы с тобой всё дальше, год от года,
Видно, расписанье виновато.

Нет согласования в движенье,
Мы – элементарные частицы,
Чувствуем, по духу, притяженье –
Сила – не даёт соединиться.

Мы – одноимённые заряды,
Совпадает линия разрыва,
Тяжело вдали и трудно рядом,
Лишь каким-то чудом, вроде, живы…

Кровоточит край разъединенья
И не может кожей затянуться…
Я одна, скольжу бесшумной тенью,
Встрёпанной, изорванной и куцей.
* * *
Посмотри повнимательней: этот неяркий рассвет,
Неконтрастен на фоне прозрачности северной ночи.
Но наполнен обилием ярких и точных примет,
Видишь, как изумрудно сверкает дубовый листочек?

Он ещё сохранил первородный, не стёршийся блеск
И росинку поймал в распростёртую эту ладошку.
Ты прислушайся, слышишь такой ненавязчивый плеск?
Ты представь: над Невой, просыпаясь, вспорхнула рыбёшка…

Погляди из окна в затуманенный, бледный восход,
Где, ещё не слепя, пробуждается солнечный лучик.
Повторяется всё, но поверь, это утро пройдёт,
А другое случиться иным: или хуже, иль лучше…

А такого на свете не будет уже никогда,
Чтоб вот так, не спеша, мы сцепили горячие руки,
И смотрели в окно, как под мост убегает вода,
И ловили рассвет и его первозданные звуки…
* * *
Сражались за огонь и территорию,
За золото и даже за жену –
Куда ни сунься в чёртову историю,
Наткнёшься на проклятую войну.

А кто из них правей, кто виноватее –
Не мне, необразованной, решать.
Обидно, что все войны, без изъятия,
Себе на плечи взваливает Мать.

Какие-то имперские амбиции:
Всегда найдут, что меж собой делить,
А, между прочим, варвара – с патрицием,

По сути-то, почти не отличить.

Конечно – Рим! Известность и величие,
Дороги, что ведут со всех сторон…
Но если вникнуть – главное отличие:
Отсутствие на чреслах панталон…
* * *
Нереальные вещи вершатся на свете,
Исчезает восторг, забывается боль,
Вырастают деревья, строения, дети,
И теряется всё, умножаясь на ноль…

Мне б приникнуть лицом к чудотворной иконе,
Благовонное миро на миг ощутив,
Припадая к стопам в благодарном поклоне,
Доносящийся с клироса речитатив

Всем своим существом воспринять благодарно,
Отпущенье грехов благодушно принять…
Но отравлен мирок этот скверной базарной,
И непросто уверовать мне в благодать…

Не замылился взгляд от давнишней привычки,
Всё прозрачно по-прежнему, даже во мгле…
И легко различить, что берётся в кавычки,
А чему надо верить на этой земле.
* * *
Бесправная, забитая, веками
Покрытая невежества чадрой,
За жизнь держалась слабыми руками,
Оплакивая горький жребий свой.

Летели годы, беды и невзгоды,
Ты поднялась, пришла твоя пора:
К станкам вставала, строила заводы
И выводила в поле трактора…

Наверное, не к этому стремилась,
Идя в колонне с лозунгом в руке.
Нелепо уповать на Божью милость,
Он постоянно где-то вдалеке.

А здесь, как ни крутись, всегда мужчины
Стоят, не отступаясь, у руля.
А потому – отыщется причина
Подальше сплавить женщин с корабля.

Когда-то, говорят, в матриархате,
(Да, было ль, утверждать я не берусь)
Ты правила делами в каждой хате,
Да и в стране «с названьем кратким Русь».

Но главное, сквозь войны, грязь и свинство,
Несла ты историческую роль:
Твоё святое дело – материнство.
Мужчина, даже если он король,

Её бы не сумел сыграть на сцене,
В спектакле под названьем «Наша жизнь»…
Уж тут тебя – вовеки не заменят,
Поэтому не кисни, а держись!
* * *
Скукожилась в старом болеющем теле душа…
И охнуть боится, поскольку, действительно, больно.
Покончить бы сразу со всем: палашом, с «калаша»,
И стать в новой жизни какой-нибудь лампой настольной.

И ярко сиять, освещая нехитрый уют:
Сукно на столе – первой трети прошедшего века,
И стопку бумаги – серьёзный, не начатый, труд,
И дальше, в углу, только краем, гитарную деку.

А днём угасать, отступая пред старым окном –
С облупленной рамой, окрашенной столь многослойно,
Что очень непросто её отворить перед сном –
Но свет пропускающим, в сущности, очень пристойно.

А ночи – пусть будут мои – до рассветной зари!
А если устану – мне лампочку просто заменят.
И только, когда за окном отключат фонари,
Хозяин уснёт – от усталости, а не от лени.

И я задремлю, обесточено, сникнув к столу
Невзрачным своим абажуром, слегка запылённым,
И люстрой пригрежусь себе на роскошном балу,
Где пары кружат – молодых и прекрасных влюблённых…
* * *
Смотрю, не мигая на солнечный дивный закат,
Поскольку садится в щадящую дымку светило.
И запад краснеет – под ветер – у нас говорят,
Но зрелище смотрится очень приятно и мило.

Тихохонько плещет о берег речная вода,
Не море, конечно, и речь не идёт о прибое…
Но дело не в этом, а в том, что я так молода,
И что в этот вечер сижу на скамейке с тобою.

Дурманящий запах идёт из соседних садов,
В которых всё лето никак не сникает цветенье.
Такого не сыщешь в теснинах больших городов,
Там, разве, парфюмом возможно поднять настроенье.

Немного зудят комары, я отмашку даю
Белёсою веточкой ивы, свисающей рядом…
И вижу внезапно родную улыбку твою,
И тоже тебе улыбаюсь растерянным взглядом.

Лишь краешек солнца виднеется там, за рекой,
Я долго стою у калитки, средь жёлтых акаций,
А ты, уходя, на прощание машешь рукой,
И таешь во тьме, и не хочешь ко мне возвращаться…
* * *
Вросла в родную землю, как ракита.
Хоть корни размываются водой,
Зато листва свежа, чиста, умыта –
И треплет крону ветер молодой.

Мне хочется туда, где воздух пряный,
Где пальма над лагуной шелестит,
Закат нездешний, иссиня-багряный –
На Бали, на Багамы или Крит…

Мне хочется на море, что синее
Других, хоть по названию – черно…
Которое и ближе, и роднее
Всех остальных, и всё-таки оно

Так далеко, что не достать ветвями,
А вырвать корни – значит, умереть…
И вот в таких сомненьях, между нами,
Я пребываю и пребуду впредь.
* * *
Опрокинулось небо в глухую теснину меж скал.
Даже сердце на миг перестало пронзительно биться,
До того синева холодна и предельно резка
Неподвижной поверхности горного озера Рица.

Влажный ком духоты не угнался автобусу вслед,
Он остался внизу – субтропическим буйством растений.
И фиксирует взгляд то пространство, где солнечный свет
Превращается в тень и в резную игру светотени.

В этом яростном мире природных красот и чудес
Наполняется сердце щемящей тоской и любовью:
Ибо в горных краях и трава, и подлесок, и лес –
Мне напомнили наши родные леса Подмосковья.

Мне знакомый давно и логичный, природный, закон
Так глубинно потряс единением севера с югом.
Это наша земля, наш единственный дом – испокон,
И единый для всех… Что же мы истребляем друг друга?…
* * *
Бытие гнетёт сознанье:
Как живётся – так поётся.
Что за время, что за песни –
Содрогание души!
Раньше было созиданье:
Ввысь, вперёд – накал эмоций,
А сегодня – лучше тресни,
Только песен не пиши!

Возникало вдохновенье:
Гимн создать для поколенья –
Нынче наши поколенья –
Изнутри разобщены.
Горе, боль, недоуменье…
Ясный свет закрыло тенью.
Даже тезис под сомненьем:
«Лишь бы не было войны!»
* * *
Простой непритязательный фонтан,
Десятки струй, упрямо бьющих в небо…
Одним движеньем повернули кран,
И быль мгновенно превратилась в небыль.

И засверкали в капельках воды
Рубины, изумруды, бриллианты,
Как будто пальцы чутко на лады
Легли у озорного музыканта.

В журчаньи струй мелодию ловлю,
Уже уйду – и возвращаюсь снова!
И, кажется, опять тебя люблю,
Гореть и жить, и чувствовать готова!
* * *
Норовит отказать непослушное тело,
Острой болью напомнит, что годы идут,
А казалось, что силам не будет предела,
И не стоит считать ни часов, ни минут.

А они незаметно сливаются в годы,
И в десятки мгновенно промчавшихся лет.
И уже ощущения старой колоды
Подступившая старость подарит нет-нет…

Наступает пора подведенья итогов,
Чётче в зеркале заднего вида обзор.
И, листвою шурша по осенним дорогам,
Выстилаю словес прихотливый узор.

И хочу одного: тишины и покоя,
Погрузиться без страха в седую метель,
И по клавишам щёлкать усталой рукою,
Полагая, что в том – назначенье и цель.
* * *
Монастырь: смиренье, благолепье,
Тишина и стаи голубей…
И калеки в нищенском отрепье –
Для чего, не знаю, хоть убей.

Им бы на казённую кроватку –
Чай, державе тоже был бы прок:

Выдать им микстурку да облатку,
Хлебца – не презренного – кусок…

Чем служить сомнительные мессы,
С примененьем разных громких слов,
А на самом деле – тешить беса
И кормить крышующих жлобов…
* * *
И, вроде, говорю всегда по-русски,
От всей души, и текст не обезличенный.
Но тех, кто понял, круг, не то, чтоб узкий,
Но кое-где, местами, ограниченный…

То ль у меня не достаёт терпенья
Всё объяснить и разложить по полочкам –
То ль не у всех достаточно уменья,
Понять, кого назвать решила сволочью…
* * *
Есть страны, где религии гоненьям
Не подвергались, правя бал во всём –
Но и у них, однако, к сожаленью –
Вовсю царят Гоморра и Содом.

Глубинной сути всех земных конфессий
Я никогда не стану отвергать.
Но с помощью молений и процессий
Душа не обретает благодать.

Простоволосым (можно делать ставки)
Нет места в храме – ну, не хороши!…
А в юбке и в платке – любой мерзавке,
С крестом на шее – рады от души…

А мне, признаться, дела очень мало,
И для меня такие не в чести,
Кто без обрядов, схем и ритуалов –
Закон не в состояньи соблюсти.

Во всех делах и помыслах сердечных
Сойдусь: с муллой, и с ребе, и с попом,
В идеях – объективных, светлых, вечных –
Найдём контакт – не сразу, так потом.

Согласна с каждым сущностным законом:
И не убий, и чти отца и мать…
Но ритуалов с варварским уклоном,
Прощения грехов путём поклонов,
Догматов, и обрядов, и канонов –
Душа никак не хочет принимать!
* * *
В нашей невской холодной воде был особенный смак,
И когда-то она своим вкусом гремела по свету…
А теперь, к сожаленью, пожалуй, последний дурак
Будет пить из-под крана водичку – желания нету…

Отдаёт, чем угодно, в кастрюле на стенках налёт,
Хорошо, если ржавчина, вовсе не это пугает…
Очищают, как могут, конечно, убить – не убьёт –
Но и радости нет – ибо чем-то всё время воняет.

И осадок даёт, остывая, крутой кипяток –
Перебьёшь кофейком, или чаем, каким, ароматным,
Бросишь мяты щепотку, опустишь лимона кусок,
А ведь раньше пилась без добавок легко и приятно.

А купаться – не смей, хоть не северным лето грядёт,
Так и тянет к воде одичавших от пыли и пуха.
И у стен Петропавловки снова толпится народ,
Не пытаясь унять боевое стремление духа.

Разъярённому лету, наверно, ещё не конец,
Можешь сколько угодно лежать, от жары обессилив.
Только в воду полезет отчаянный или глупец,
Ведь купаться в Неве этим летом, увы, запретили…
* * *
Не будем повторять избитых слов,
А неизбитых нет на эту тему…
Колец – не надо – символа оков.
И вот стоим, загадочны и… немы!

Но мы, без слов – не люди, а зверьё,
Я не хочу уподобляться зверю!
И слово вырывается моё –
Но я сама – ему уже не верю!
* * *
Сама себе назначила оброк,
Не в виде натурального налога,
А в виде зарифмованного слога
В конце на свет рождающихся строк.

Забрит мой лоб, и я уже – не та,
Не так сладка невнятная особость.
Но отметаю скованность и робость
И начинаю с чистого листа.

И проживаю каждый новый стих,
Как новое большое приключенье.
И здесь имеет важное значенье
Лишь направленье помыслов моих.
* * *
Ну, как внушить горячим, молодым,
Что к выводам спешить скоропалительным
Нельзя никак, а то итог мучительный
Расхлёбывать придётся им самим.

Наивно верить в достоверность строк,
И в подлинность представленной мистерии –
Никак нельзя, поскольку от доверия
До пропасти – единственный шажок.

И петь с чужих красивых громких слов –
Весьма неблагодарное занятие.
Ведь подпевалы – сгинут без изъятия,
Диктующий – использует улов.

Что прожито от первого лица –
Есть база для суждения и выводов.
А слушать тех, кто где-то в чём-то выгадал –
Готовить приближение конца!
* * *
Надо жить, о прошлом не жалея,
Не сдаваясь грусти и усталости…
Но никак не напастись елея,
Чтоб на раны – щедро и без жалости.

С опытом – короче стала шея,
Но порою – дёргает на шалости,
А потом, страдая и болея,
Просишь о покое, как о малости.

Подари же сил, Праматерь-Гея,
Выйти из предместий одичалости,
Может, что-нибудь ещё успею,
Говорят, не срок ещё – для старости?…
* * *
Слёзы – пресными не бывают.
И чем горше – тем солонее.
Я сама себя утешаю:
Утро – вечера мудренее…

Рассветёт – и увидишь сразу
Все последствия слёз вечерних:
Покраснели два карих глаза,
А под ними – густые тени.

А над ними – набухли веки –
Непролитые слёзы пряча…
Наших слёз неизбывных реки
Ничего на земле не значат.

Никого они не напоят,
Едкой горечью обжигая.
И горючей моей тропою
За меня не пройдёт другая.
* * *
Я тебя не зову искупаться, когда ураган,
Но в умеренный шторм это здорово, честное слово.
Если гонит волну неуёмный седой океан –
Заходи, не спеша, не мечись у воды бестолково.

Надо чувствовать сердцем приход подоспевшей волны,
И в последний момент прямо грудью кидаться навстречу –
И тогда эти пенные гребни тебе не страшны,
И вода не накроет, а будет всё время по плечи.

На бескрайний простор надо, глаз не спуская, смотреть,
Чтобы гребень тугой не накрыл неожиданно сзади.
Это – просто – восторг, заставляющий плакать и петь,
Это вовсе не то, что резвиться на штилевой глади.

Не бояться воды – это светлый и радостный дар,
Ведь когда-то давно все мы вышли из бездн океана.
И когда не смогу выносить свой душевный пожар,
Я, на берег придя, погружусь в океан, как в нирвану.
* * *
Если ветер порывистый в спину
Толканёт, помогая идти,
На ходу машинально прикину,
Не сошла ли с прямого пути?

Не привыкла к попутному – вечно,
Разместив поудобнее кладь,
Приходилось ложиться на встречный
И, его побеждая, шагать.

И теперь измениться не просто,
Разве что, в окончательный путь,
По дороге от дома к погосту,
Пусть по ветру меня понесут.

А пока ещё, вроде бы, живы,
И, всплакнув, не захлопнули гроб –
Я хочу, чтобы ветра порывы
На ходу освежали мне лоб!
* * *
Стоит берёзка сиротливо
На фоне радостной листвы,
А небо чисто и красиво –
Необычайной синевы.

За нею клён шумит листвою,
И зреет пух на тополях…
Скажи, берёзка, что с тобою –
Ты явно не в таких летах,

Когда – пора, устали корни
Тянуть из почвы в вышину
Живые соки, что упорно
Вскипают каждую весну…

Ты так суха и безразлична,

Не шелохнёшься на ветру.
Зима была вполне прилична,
Но в наступившую жару

Вошла ты голой, неприкрытой,
Иссохшей и лишённой сил.
И даже дождик, как их сита,
Тебя уже не воскресил.

Одна, при прочих равных данных,
Ты – не сносила головы,
Что может показаться странным,
Но очень жизненно, увы!…
* * *
Сколько всяческих слов на веку претерпела бумага:
Индульгенции пап, иероглифов странный узор,
Раздраженье, любовь, подлость, трусость, геройство, отвага,
Честь, предательство, слава, бессмертие, ложь и позор.

Те немые листки вопияли к тому, кто услышит,
И несли на себе то минуты, то вечности след.
То кого-то в момент возносили всё выше, и выше…
То молили о том, о единственном, слове в ответ.

Целовали листок чуть дрожащие губы красоток,
Испещрял их стихом доморощенным юный поэт.
И листовочный дождь проливался на тысячи глоток,
Что в едином порыве пытались пробиться на свет.

Примененья в быту не хотелось бы вовсе касаться,
Тут не низость, не взлёт – а всего лишь одна суета…
То ли дело певец, что срывает букеты оваций,
Гениальное что-то пропев перед залом с листа.

В виртуальном миру нам сегодня бумаги не надо,
Публикуем в сети и стишок, и пространный роман.
Но бумага газет, во главе человечьего стада,
За собою ведёт, заставляя поверить в обман.
* * *
Даже если и места похожего нет,
И развеялся дым,
И запутался след,
Заколочены окна, и выключен свет…
Стало пеплом седым
По прошествии лет,
То пространство, что было закрыто от бед,
Где ты был молодым –
Сохрани тот секрет:
Эта чистая память – не сумрачный бред,
В единеньи с былым –
Проблеск новых побед.
* * *
Осень-чаровница в жёлтом сарафане
Вслед за летом красным к нам пришла опять.
Бусы из рябины, карих глаз сиянье,
Ну, и мастерица петь и танцевать.

Вихрем закружила, заманила в поле,
К голубым озёрам средь густых лесов.
Так приворожила к этому раздолью,
Что забылся запах пыльных городов.

Пусть уже не жарко, солнце реже светит,
И прохладу дарит свежий ветерок,
Принимаю осень, позабыв о лете,
И бреду, помимо тропок и дорог…
* * *
Помнишь улицу Вишнёвую,
Просто, в точности, из песни?
Белый мазанковый домик,

На четыре ската крыша…
Эта песенка не новая,
Тех годов далёких вестник.
Пробивает, всю в истоме,
На слезу, едва услышу…

Поглядеть – так всё по-прежнему:
Небо – сине, лето – жарко,
Море Чёрное – безбрежно,
И планета на орбите…
И душа, такая нежная,
Но лениться стала Парка…
И, того гляди, небрежно
Острижёт тугие нити.

И заботы – канительные,
И утрат невосполнимость,
Много бед и много горя.
И проблемы со здоровьем.
Хоть бы отпуска недельного
Испросить – как божью милость.
И остаться рядом с морем,
Вместе с песней и с любовью!…
* * *
Как металл на наковальне,
Иль под прессом паровым:
Не в фаворе, не опальна –
Только выбраться живым

Ухитрился бы не всякий,
Ну, а я – пока цела,
При живучести собаки
И упрямости осла.

То по центру, то по краю
Лупит раз, и два, и три…
Я прессуюсь, я сгибаюсь,
Но крепчаю изнутри.
* * *
И кто теперь определит,
Когда убитые – убиты,
И не имеют бледный вид
Лишь финансисты и бандиты,

Кто в этой жизни – за кого?…
Вот, чья взяла – предельно ясно!
И зло справляет торжество
И нарастает ежечасно.

От присосавшихся клещей
Спасает русское терпенье,
Когда забыта суть вещей
В пределах жизни поколенья…
* * *
В бесконечном вращении звёзд и планет,
Смене мрака ночного и света,
Мы всегда ожидаем, придёт или нет
Это новое, яркое лето.

Мы его ожидаем, борясь и скорбя,
Замерзая душою и телом,
И надеясь: оно обогреет тебя,
Ненавязчиво так, между делом.

А ему-то, и, правда, не очень нужны
Эти наши, людские заботы:
Наслаждение плеском ритмичной волны,
И проблемы по поводу пота…

Что за дело ему – это время пришло,

Долетела до места планета:
И на нашем клочке появилось тепло,
Значит, дожили снова до лета.

А когда по параболе прочь улетим,
Или как там, по эллипсу, что ли –
Задрожим организмом, что так уязвим,
И подвержен морозу и боли…

* * *

Давай-ка с тобой сочиним
Такое, что прежде не пето,
Красивый мотив, что сравним
С волшебной мелодией лета.

Придумаем солнечный луг,
Где марево травы колышет,
Поймаем потоки и вдруг
Начнём подниматься всё выше.

В горячем дыхании трав
Пьянея без всех ухищрений,
И головы в небо задрав,
Зависнем на пару мгновений.

К полёту почувствуем вкус,
Нарушим закон непреложный.
Смотри: я ничуть не боюсь –
Та за руку держишь надёжно!

Не надо мне всяческих благ –
Лишь этого мне не хватало:
Пространство почувствовать, как
В нелепой картине Шагала…

* * *

Отбился бык от стада, в древности,
И оказался в лабиринте.
И замычал, сперва, с напевностью:
«Спасите, выведите, выньте!»

А пастушок, весь в угрызениях,
Пошёл искать его под вечер.
И заявляю с сожалением,
Что состоялась эта встреча.

На зов надрывного мычания
Его в момент примчали ноги.
А вот потом пришло отчаянье:
Не отыскать назад дороги…

Он поделился со скотиною
Горбушкой хлеба из котомки…
Рыдаю пред такой картиною:
Спустя лет сто нашли потомки

Лишь часть останков – вот оказия!
А остальное – съели волки…
Но склонен человек к фантазиям –
И нынче – том стоит на полке.

В котором – плод воображения –
А не ребёнок Пасифаи –
Сюжет достоин уважения,
Но истину – теперь мы знаем!

* * *

Разрыхлили лужайку меж трёх павильонов,
Загородка вокруг: опирайся и стой…
И теперь я любуюсь красивым газоном
И нетоптаной снежной сплошной целиной.

Люди разны, как разны привычки и вкусы:

Этот – парится летом, тот – мёрзнет зимой.
А природа – прикроет накиданный мусор –
Свежевыпавшим снегом, зелёной травой…

Отдыхая, стою – чай, не юные годы,
С непонятной тоской озираюсь окрест
И гадаю, что будет, коль силам природы
За людские грехи отвечать надоест…
* * *
– Ну, что ты тукаешь, как дятел,
И что-то силишься сказать?
Дружок, ты, вероятно, спятил:
Не в состоянии понять,
Что темы творчества – не новы,
И что об этом, обо всём
Уже написано – толково,
Да и талантливо притом!

– Ну, что ж, пока не понимают
Надежд и поисков моих,
Но день придёт – и прочитают,
Один, но гениальный стих,
Где всё – свежо и вдохновенно.
И смогут все тогда понять:
Я вправе был самозабвенно
Себя поэзии отдать!
* * *
Характер сдержанный, но дерзкий
Сложился, в сущности, давно:
Я помню лагерь пионерский
От фабрики «Веретено».

Как праздник лагерного быта,
Как суматошная игра,
Мной до сих пор не позабыты
Те посиделки у костра.

А сумасшедшую идею:
Скакать в ночи через костёр –
Мы приняли слегка робея,
Но оглашая криком бор.

Не помню, кто решился первым,
И не совру сейчас в строке,
Но мы свои держали нервы
В надёжно сжатом кулаке.

Вначале страх казался диким,
Но был прекрасен результат,
И разносилась наши крики,
И эхом множились сто крат…

Одно мгновенье – не ожога,
А всеохватного тепла!…
И мне для жизни очень много
Та ночь – хорошего дала.

Как вспомнишь, сколько после было
Таких «прыжков через костёр»!
А всплески яростного пыла
Я сохранила до сих пор.
* * *

Я пришла окунуться в безлюдие улиц глухих,
Городской ностальгией хочу от души насладиться,
Потому, что сама я, и мой новорожденный стих,
Далеки, и весьма, от претензий любых и амбиций.

В этих улочках бывших окраин тридцатых годов
Наименее ярко сегодняшних дней проявленье,

Так приятно вкрапленье уютных зелёных садов,
Что реалии дня для меня не имеют значенья.

И, наверное, прав был Уэллс, сочиняя свою
Для скачков временных необычную чудо-машину:
Словно сбросив года, я на улочке старой стою,
И с Невы ветерок ненавязчиво трогает спину.

Ненадёжна машина – не слишком отлажен мотор –
Нестабильны мои прошловечные странные грёзы...
А платочек бумажный – сквозняк отобрал, словно вор,
Я глотаю такие горячие горькие слёзы...
* * *
Не решаюсь писать почему-то,
Слишком горькая, видимо, тема.
Но для многих-то нынче, как будто,
Наша память – совсем не проблема.

По соседям карабкаясь выше,
По-акульи хрустя челюстями,
Криков здравого смысла не слыша,
А историю зная – частями,
Нахватались словечек: «совдепы»,
«Коммуняки», «совки» – и забыли,
Как горели приволжские степи,
И решалась судьба: или – или...

То ли жить нашей Родине вечно,
То ли сгинуть в позоре бесславном...
Ах, как время, увы, быстротечно,
Ах, как память порой неисправна...

Вот и стали мешать обелиски
На порушенной братской могиле...
Наплевать присосавшимся к миске,
Как «совдеповцы» Гитлера били,

Как вставали тогда «коммуняки»
В полный рост из окопов под пули,
Шли «совки» в лобовые атаки...
И ни тех, ни других – не согнули!

Потому и пишу, чтобы дети,
В чьих сердцах ещё что-то святое
Остаётся, не жили на свете,
Мёртвой хваткой вгрызаясь – в пустое!
* * *
Послевоенное рожденье,
Но – искалеченный отец,
Что обостряло ощущенье:
Кровавой битве – не конец.

И пролегает через сердце
Любая кровь, чужая боль,
Дух конкуренций, дух коммерций,
Здесь вовсе не играют роль.

Живою кожей ощущаю,
Как надвигается беда,
Причём, не менее большая,
Чем та, далёкая, когда

Затихли голуби под крышей,
На грани мира и войны...
И не дай, Бог, кому услышать
Той, предвоенной тишины!...
* * *
Юбилей чудесного поэта,
Песни на прекрасные стихи,
Летний вечер, люди, много света,

Много лишней светской чепухи.

Песни, искажённые до дрожи,
Мерзко-пропитые голоса…
Быть бы рядом – врезала б по роже,
Или просто – плюнула б в глаза.

И апофеозом отвращенья –
Тут недалеко и до греха,
Где-то за пределами терпенья:
Искаженье слова и стиха!

Как вдова внимала этим «соло»?…
Для меня ж – вытягиванье жил!
С уст моих срывается крамола:
Хорошо, что автор не дожил!
* * *
Выгнув длинные усы,
По-научному, троллеи,
Не съезжая с полосы,
Он летит, подобно змею.

Как на привязи щенок,
Как поэт в пределах темы…
Но зато не одинок,
Кровеносною системой

Связан с городом родным
И на выверты не падок,
Городских проспектов дым
Для него – с рожденья сладок.

И зигзаги – ни к чему,
Всё ж не змей с хвостом тряпичным,
Направление ему
Задаёт маршрут привычный.

Разукрашен, словно змей:
Нынче мода на рекламу.
Но зато везёт людей:
Чьих-то сына, папу, маму…

Видно, оба родились
С ощущением проблемы:
Не умчать ни в бок, ни ввысь,
Оторвавшись от системы…
* * *
Мы – недюжинные, мы – иные,
Есть военная тайна – простая:
Мы, как мощные бурные реки
С укрощённой гранитом стихией.
Мы, как птичья крылатая стая,
Окольцованы кем-то навеки.

Мы – земные, подобные Вию.
Русь – языческим духом святая.
Полумученики – полузеки,
С хомутом на натруженной вые –
Сила есть, пустяка не хватает…
Я прошу: поднимите мне веки!
* * *
Полагают, что всё оплатили с лихвой,
Остаётся расслабить уставшее тело,
Но стихиям-то нет до курортников дела,
И вдоль пляжей несётся прибой штормовой.

И смывает бушующей пенной волной
Всё, что к берегу, будто навек, прикипело,
И в людском самомненьи, без дна и предела.
Возникает внезапно пробел небольшой…

И беспечный купальщик, на линии пляжа
Ничего не узнает, смутится и даже
Удивится, что смыло песок без следа.

Я, конечно, сказав, не открою Америк,
Что всю грязь после шторма выносит на берег.
А чуть дальше – чиста и прозрачна вода.
* * *
Хоть воротит душу,
Надо прибегать
К ухищрениям рабским,
Вспомнив об Эзопе.

Ибо всё же лучше
Чуть наметить гать,
Чем шагать, по-бабски,
По болотной топи.
* * *
Откипели сирени,
Позаветрился лист,
И глубокие тени
Меж кустов улеглись.

А провал настроенья,
Истомлённого днём,
Выпал сумрачной тенью
За оконный проём.

Схолодало немножко,
Опустилась роса,
Дребезжит об окошко
Чуть живая оса.

Что ей отблески света,
Керосиновый дух,
Ей бы в запахи лета,
Из потока непрух…

Тихо скрипнула рамой –
Я могу ей помочь,
Ей, сорвавшейся прямо
В подступившую ночь.

Прикручу фитилёчек,
Начадивший слегка,
Наскребёт пару строчек
На бумаге рука…

Уповая на чудо,
Не любя, не скорбя,
И себя позабуду,
И не вспомню тебя.
* * *
За клодтовских коней четвёртой ипостасью –
Есть пятая – моя: заезженная кляча.
Я не возьму ничем, ни выездкой, ни статью,
И в скоростном рывке я ничего не значу.

Давно уже меня не ставили примером,
Зато мои глаза расшорены, и сбруя
Не давит на хребет. С толстовским Холстомером
Мы давние друзья, о том о сём воркуем.

Не в силах я везти тяжёлую поклажу,
Но без толку не ржу, не требую подкормки,
И я на колбасу могу сгодиться даже,
Но, может, погодя, ведь я не рву постромки!…
* * *
Мы не гнулись под тяжкой ношей,
И не лезли со страху в норы,

Но достали людей хороших
Бесконечные форс-мажоры.

Самый смелый – рванул под пули,
А они берут и такого.
Это гибких – ветра согнули,
Тех, кто стойкий – сломали снова.

Нынче служат богине Кали,
Той, от жертвенной крови пьяной:
Динозавры повымирали,
А повыжили – тараканы.
* * *
Я пишу о себе – любимой:
Мы ж себя так сердечно любим.
На земле, от Мекки до Рима –
Эгоизм характерен людям.

Я пишу о себе – любимой:
А не я – ну, так кто ж опишет
Мои осени, лета, зимы
И капель под весенней крышей?

Я пишу о себе – любимой:
Ибо тема давно известна,
Не пройдёшь, не объедешь мимо,
И по-своему интересна.

Я пишу о себе – любимой:
И о боли той, самой сильной,
Да, почти что, невыносимой…
А болит у меня – Россия…
* * *

Был торжественный бал,
И прогулка компашкой весёлой…
И возник ритуал
В год, когда мы закончили школу.

Дали повод молве
Тем, чего и не видано прежде:
Проплывал по Неве
Алый парус любви и надежды.

Ну, а в этом году
Оценили размах представленья?
Кто с собою в ладу –
От восторга впадал в исступленье.

Говорю не в укор:
Превзошедший былые по силе,
Спецэффектов набор
Проспонсирован Банком «Россия».

Восхищение масс
Вызывает букет эклектичный,
Ну, а я и сейчас
Не приемлю душой романтичной.

И в летах молодых
Я противилась общему зуду.
Что восторг для других,
Для меня – профанация чуда.

Светлый праздник Ассоль…
Только многие ль вспомнили Грина?
У меня – только боль
Вызывается этой картиной.

Вроде, полный успех,
А – по сути, смотреть нестерпимо:

Алый парус – для всех,
Не спеша проплывающий… мимо…
* * *
Я навожу порядок в мыслях,
Ровняю слог, фильтрую речь.
В календаре закрашу числа
Таких нечастых наших встреч.

Примусь варить, солить и печь!
Начну с лапши, чтоб впредь не висла.
Я, чтоб душа моя не кисла –
Теперь костьми готова лечь!

А безнадёжную мечту –
Метлой под коврик замету.
Никто, поверьте, не заметит.

И не поймёт случайный гость,
Что ты застрял, как в горле кость,
Что ты – один на белом свете!
* * *
Что бытие влияет на сознанье,
Пусть спорит кто угодно, но не я.
Но знаю и обратное влиянье:
Сознания – на сущность бытия.

В одних и тех же жизненных условьях
Растут хирург, торговец и бандит…
Один – за ваше борется здоровье,
Другим – быть можешь запросто убит.

Сугубо в одинаковых квартирах
Живут себе: хапуга – и поэт…
Поэт – ломает лоб о судьбах мира,
Сосед – как объегорить белый свет.

Да, бытием сознанье формируя,
Согласно цензу, чувствуем уют.
И никогда в сознании буржуя
Не значится владыкой мира – труд.

По факту возникает пониманье
Того, что значат дети и семья.
Но знаю достоверно, что сознанье –
Определяет сущность бытия!
* * *
Не верится, что так оно бывает,
Сейчас звучит – и то довольно странно:
Мы едем в переполненном трамвае,
Ничуть не опасаясь за карманы.

Десятки пассажиров с нами рядом,
Спина к спине спрессованных в вагоне.
Здесь так легко скреститься нашим взглядам
На долгом иль коротком перегоне.

Немного суеты на остановке,
И снова тесной массы колыханье,
Волнующе и чуточку неловко:
Сердца не в такт, прерывисто дыханье.

Район, лишённый метрополитена,
Далёкие от центра новостройки.
И у меня – опять дрожит колено,
И ты – в такой толпе – не очень бойкий.

На стыках рельсов дергает немного,
Но мы толчки выдерживаем кротко,
И длинная-предлинная дорога
Нам кажется стремительно-короткой…
* * *

Вышла из строя критериев наших шкала,
Ночи утратили столь характерный покой.
Нынче зияет провал, где стояла скала,
Там, где боролись – сегодня махнули рукой.

Нас развратить, как грозились, сумели-таки.
Сколько ещё поколений – собаке под хвост?
Мы поделились: налево пошли простаки,
Ну, а направо идут – за прохвостом прохвост.

Прежде кому-то не нравились вести с полей?
Знаем сегодня, кто, с кем и когда переспал,
И у кого в состоянии сколько нулей,
И у кого с голодухи костлявый оскал.

Нам подменили систему оценки. И мы
Самого главного: веры лишились в людей.
В шаге стоим от дурдома, сумы и тюрьмы.
Уберегутся, пожалуй, дурак и злодей.
* * *
Где у нас «Палата №6»?
Как и прежде, это «вся Россия».
С биркою на шее – мы живые,
И у мёртвых – тоже бирка есть.

Сдвинуты реалиями дня,
От ночной тоски и водки пухнем.
Песни сердца, нервами звеня,
Лучше петь по-прежнему, на кухне...

Поправляю тазик на ходу,
Позабыв, что мне давно не двадцать,
С фанатизмом прежним я иду
С ветряною мельницей сражаться.
* * *
Делят землю, как пыльный мешок
С барахлом – меж людьми и меж странами...
Да земля – нас сотрёт в порошок,
Разберётся, как мы с тараканами!

Не укрывшихся – скинет с себя,
Затаятся в щелях уцелевшие.
Даже люди, друг друга губя,
И значительно в том преуспевшие,

Не сравнятся с планетой родной,
Что, возможно, на том успокоится,
Что сотрёт человеческий гной
И водой океанской умоется.

Что-то нервной выходит строка –
Я и прежде чуждалась беспечности.
В землю – пятками, лбом – в облака –
Ощущаю предел бесконечности!...
* * *

Автор: Марина Чекина

Чекина Марина Владимировна Родилась 26 марта 1955 года в Ленинграде В настоящее время проживаю в Санкт-Петербурге. Закончила среднюю школу № 508 в Ленинграде в 1972 году и факультет журналистики ЛГУ в 1979 году. Публиковалась: газета «Ленинские Искры», сборник «День Поэзии» (Ленинград) 1986 год, многотиражные газеты «Русский Дизель», «Трибуна Кировцев», «Веретено», «Электросила», альманах «Интернетто» 7 и 8, Антология современной поэзии "Многоточие..." /выпуск 9/. Моя скромная победа: 1 мес

Просмотреть все записиМарина Чекина →

‹ Четверостишия (Маришки)

Стихотворения ›

Добавить комментарий

Для отправки комментария вам необходимо авторизоваться.

Искать

КАБИНЕТ АВТОРА

- Опубликовать произведение
- Мои произведения
- Полученные рецензии
- Написанные рецензии
- Восстановление доступа
- Изменить профиль
- Забыли пароль?
- Регистрация
- Войти

Name *

Email *

Message *

Captcha *

SEND

СВЕЖИЕ КОММЕНТАРИИ

loktev1954 к записи НОВАЯ СТУПЕНЬ ЭВОЛЮЦИИ
loktev1954 к записи НОВАЯ СТУПЕНЬ ЭВОЛЮЦИИ
Polyarnij Strannik к записи Утренняя зарисовка
Polyarnij Strannik к записи Смешная влюблённость
Polyarnij Strannik к записи Белая ночь

АРХИВЫ

Выберите месяц

В ПОЛЕ ЗРЕНИЯ: ИНФОРМАЦИОННЫЕ И ИНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ОТ НАШИХ АВТОРОВ И ПОДПИСЧИКОВ |
ВЕДУ СОБСТВЕННЫЙ ПОИСК. | ВЕНКИ, ПОЭМЫ, ЦИКЛЫ. | ВЕРЛИБР | ВЕСЕЛЫЙ ПРАВДИВЫЙ РАССКАЗ |
ВЗРОСЛЫЕ СКАЗКИ | ВЗРОСЛЫМ О ДЕТЯХ (СТИХИ) | ВНЕ КОНКУРСА. ПОЭЗИЯ. | ВНЕ КОНКУРСА. ПРОЗА. |
ВОСТОЧНЫЕ ФОРМЫ | ВРЕМЯ ПОЛНОЙ ЛУНЫ | ГАРИКИ (ЧЕТВЕРОСТИШЬЯ) | ГРАЖДАНСКАЯ ЛИРИКА | ДЕТЕКТИВЫ |
ДЕТЕКТИВЫ И МИСТИКА | ДЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ ДО 6 ЛЕТ | ДЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ ОТ 6 ЛЕТ | ДЕТСКИЕ ПЕСНИ |
ДЕТСКИЕ СКАЗКИ | ДО ЧЕГО ДОШЕЛ ПРОГРЕСС… | ДОМ С ПРИВИДЕНИЯМИ |
ДРАМАТУРГИЯ ДЛЯ КАМЕРНОГО ТЕАТРА (ДЛЯ 2-7 АКТЕРОВ) | ДРАМАТУРГИЯ ДЛЯ МОНОСПЕКТАКЛЯ (НА 1 АКТЕРА) |
ЗАГАДКИ, ШАРАДЫ | ЗАПАДНЫЕ ФОРМЫ | ИНФОРМАЦИЯ ИЗ ПРЕССЫ | ИРОНИЧЕСКИЕ И ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХИ |
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА | КОММЕНТАРИИ И РЕЦЕНЗИИ | КРИМИНАЛЬНОЕ ЧТИВО | КРИТИКА |
КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И РЕЦЕНЗИИ С ЭЛЕМЕНТАМИ ЮМОРА | КРУГЛЫЙ СТОЛ: ЗАЯВЛЯЮ ДИСКУССИЮ. |
КРУПНАЯ ПРОЗА | КРУПНАЯ ПРОЗА: | ЛИРИКА | ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ПОДРОСТКОВ |
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА В ПОЭЗИИ | ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА | ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ |
ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ | ЛИТЕРАТУРНЫЕ КОНКУРСЫ: УСЛОВИЯ, ЛАУРЕАТЫ, ПРИЗЕРЫ |
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ: ПОРТАЛЫ, САЙТЫ, ДОМАШНИЕ СТРАНИЦЫ |
ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС «ЭТА УПРЯМАЯ ДАМА — СУДЬБА» | ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. | ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА |
ЛЮБОВНО-СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ЛИРИКА | ЛЮБОВНО-СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА | МАГАЗИН | МАЛАЯ ПОЭЗИЯ |
МАЛАЯ ПРОЗА | МАНЕКЕН | МИНИАТЮРЫ | МИНИАТЮРЫ И ПОДБОРКИ АФОРИЗМОВ |
МИНИАТЮРЫ, ЭССЕ, НОВЕЛЛЫ | МНЕ ХОРОШО | МОЙ СОСЕД — ВОЛШЕБНИК | МУДРЫЕ СКАЗКИ | МЫ МОЛОДЫЕ |
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ПРОЗА | НАШ ВЗГЛЯД | НОВЕЛЛЫ | НОВЕЛЛЫ И ЭССЕ | НОВОГОДНЯЯ ЛИРИКА |
НОВОГОДНЯЯ ПОЭЗИЯ | НОВОГОДНЯЯ ПРОЗА | НОВОСТИ | О БОЛЬШОЙ ПРОЗЕ. | ОБЗОРЫ |
ОБУСТРАИВАЕМ НАШУ ПЛАНЕТУ. | ОДНОСТИШИЯ | ОТКРЫТЫЙ ЖАНР | ОЧЕРКИ | ОЧЕРКИ И ЭССЕ. |
ОЧЕРКИ, ЭССЕ | ОЧЕРКИ, ЭССЕ И МИНИАТЮРЫ | ОЧЕРКИ, ЭССЕ, СТАТЬИ | ПЕЙЗАЖНАЯ ЛИРИКА | ПЕРЕВОДЫ. |
ПЕРЦОВКА. ПАРОДИИ И ЭПИГРАММЫ. | ПЕСНИ | ПЕСНЯ | ПОВЕСТИ | ПОДАРКИ | ПОДБОРКИ СТИХОТВОРЕНИЙ |
ПОЭЗИЯ | ПОЭЗИЯ (ВЕТХИЙ ЗАВЕТ) | ПОЭЗИЯ (НОВЫЙ ЗАВЕТ) | ПОЭЗИЯ ДЛЯ АНДРЕЯ |
ПОЭЗИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ (ВЕТХИЙ ЗАВЕТ) | ПОЭЗИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ (НОВЫЙ ЗАВЕТ) | ПОЭЗИЯ ОТ ШЕСТИ И СТАРШЕ |
ПОЭЗИЯ. ДЕТСКОЕ. | ПОЭЗИЯ. ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, СУДЬБА. | ПОЭЗИЯ. О ГОРОДАХ | ПОЭЗИЯ. О ДЕЯТЕЛЯХ КУЛЬТУРЫ. |
ПОЭЗИЯ. ЭМИГРАЦИЯ И НОСТАЛЬГИЯ. | ПОЭМЫ, ЦИКЛЫ СТИХОТВОРЕНИЙ | ПОЭТИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ |
ПРИВЕТСТВИЯ В ПРОЗЕ | ПРИВЕТСТВИЯ В СТИХАХ | ПРИКЛЮЧЕНИЯ И НПЛ |
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЕ ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ | ПРИМЕРЫ, МНЕНИЯ, СУЖДЕНИЯ | ПРИТЧИ | ПРОЗА |
ПРОЗА (ХУДОЖЕСТВЕННАЯ, ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ) | ПРОЗА ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ СРЕДНИХ КЛАССОВ | ПРОЗА ДЛЯ АНДРЕЯ |
ПРОЗА ДЛЯ ДЕТЕЙ | ПРОЗА ДЛЯ ДОШКОЛЬНИКОВ | ПРОЗА ДЛЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ |
ПРОЗА ДЛЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ | ПРОЗА. ПУТЕШЕСТВИЯ. | ПРОСТО О ЖИЗНИ | ПУБЛИЦИСТИКА |
ПУБЛИЦИСТИКА И КРИТИКА | ПУБЛИЦИСТИКА И МЕМУАРЫ | ПЬЕСЫ | РАЗВИТИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО МАСТЕРСТВА |
РАЗНЫЕ СТИХИ (НЕ ВОШЕДШИЕ В РУБРИКИ) | РАССКАЗЫ | РАССКАЗЫ И МИНИАТЮРЫ | РЕЦЕНЗИИ |
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯ | СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ |
СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ И ЭРОТИЧЕСКАЯ ПРОЗА | СКАЗКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ | СКАЗКИ | СКАЗКИ ДЕТЯМ И ВЗРОСЛЫМ |
СКАЗКИ, РАССКАЗЫ, ПОВЕСТИ | СЛУЧИЛОСЬ КАК-ТО | СОВРЕМЕННЫЙ ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ | СТИХИ |
СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ | СТИХИ ДЛЯ ДОШКОЛЬНИКОВ | СТИХИ ДЛЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ |
СТИХИ ДЛЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ | СТИХИ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ СРЕДНИХ КЛАССОВ | СТИХИ И ИХ ЦИКЛЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ |
СТИХОТВОРЕНИЕ | СТИХОТВОРЕНИЯ | СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ | СТИХОТВОРЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ |
СЦЕНАРИИ И ДИАЛОГОВАЯ ФОРМА ПРОИЗВЕДЕНИЙ | ТАМ, НА НЕВЕДОМЫХ ДОРОЖКАХ | ТЕКСТЫ ДЛЯ ПЕСЕН |
ТЕКСТЫ РОМАНСОВ | ТЕСТ1 | ТРЕТИЙ ГЛАЗ | ФАНТАСТИКА | ФАНТАСТИКА И ПРИКЛЮЧЕНИЯ |
ФИЛОСОФСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ЛИРИКА | ФЭНТЕЗИ И МИСТИКА | ФЭНТЕЗИ, МИСТИКА, СКАЗКИ |
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА | ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РАССКАЗ | ЦИКЛЫ СТИХОВ И ПОЭМЫ | ЧЕЛОВЕК И ВСЕЛЕННАЯ |
ШКОЛА ЛИТЕРАТУРНОГО МАСТЕРСТВА | ШУТОЧНЫЕ ПЕСНИ, ЧАСТУШКИ | ЭПИГРАММЫ, ПАРОДИИ, БАСНИ |
ЭПИГРАММЫ, ПАРОДИИ, БАСНИ, ЭПИТАФИИ, АФОРИЗМЫ, ОДНОСТИШЬЯ | ЭРОТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ |
ЭРОТИЧЕСКАЯ ПРОЗА | ЭССЕ | ЭССЕ И НОВЕЛЛЫ | ЭССЕ, НОВЕЛЛА, РАССКАЗ | ЭССЕ, НОВЕЛЛЫ, СТАТЬИ |
ЮМОР И ИРОНИЯ | ЮМОР И САТИРА | ЮМОР И САТИРА В ПРОЗЕ |
ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ И САТИРИЧЕСКИЕ СТИХИ, БАСНИ, ПАРОДИИ, ШУТКИ, ЭПИГРАММЫ | РУБРИКИ |

Искать

© CopyRight 2004-2019. Все права защищены http://www.litkonkurs.ru/

Работает на Fluida & WordPress.